



Майкл Стакпол



ПРИЗРАК ВОЙНЫ

#01

Battletech Dark Age book series

Michael A.Stackpole

Copyright © 2002

Перевод с издания «Ghost War» Владимир Таранец aka Вольдемар. 2007 г.

Библиотека Battletech © 2008 www.cbtbooks.net

Форум: <http://www.cbtbooks.net/phpBB2/index.html>

Форматирование текста, корректура, вёрстка, редактирование:

Леонид Шагидуллин aka Leonid

Проект «Библиотека Battletech» является некоммерческим, создан с целью исправления русских текстов и переводов. При размещении данной книги на каком-либо ресурсе, просим указывать ссылку на страницу «Библиотеки Battletech».

Сэм Донелли - лучший пилот лесоповальных мехов на планете, владеющий пятнадцатифутовой пилой как хирург - скальпелем. Но если истинная личность Сэма будет раскрыта, он окажется не просто рядовым бунтовщиком, а возмутителем спокойствия республиканского масштаба.

Майкл Стэкпол. Призрак войны

Глава 1.....	5	Глава 21.....	98
Глава 2.....	10	Глава 22.....	103
Глава 3.....	15	Глава 23.....	108
Глава 4.....	20	Глава 24.....	111
Глава 5.....	24	Глава 25.....	116
Глава 6.....	29	Глава 26.....	121
Глава 7.....	33	Глава 27.....	125
Глава 8.....	37	Глава 28.....	130
Глава 9.....	43	Глава 29.....	135
Глава 10.....	47	Глава 30.....	139
Глава 11.....	52	Глава 31.....	143
Глава 12.....	56	Глава 32.....	148
Глава 13.....	61	Глава 33.....	151
Глава 14.....	66	Глава 34.....	156
Глава 15.....	70	Глава 35.....	162
Глава 16.....	75	Глава 36.....	166
Глава 17.....	80	Глава 37.....	170
Глава 18.....	84	Глава 38.....	174
Глава 19.....	90	Глава 39.....	179
Глава 20.....	94		

Глоссарий

Карта	183
Техника из романа	184

Семь раз отмерь – один раз отрежь
– древнетерранская поговорка

Бар «Гнездо Лири»

Яфа, Хелен

Префектура III, Республика Сферы

13 ноября 3132 года

Как-то одна особа мне пожаловалась – мол, если чего во Вселенной и предостаточно, так это водорода и глупости – хотя и отказалась пояснить, что все-таки преобладает. Я так думаю, из-за случайного распределения вещей во Вселенной, водород, наверное, лидирует, но из «Гнезда Лири» глупость выпирала. Нельзя назвать это необычным или хотя бы редким, но давление на мозги, которое она оказывала, отупляло даже неглупых людей и трепало нервы.

Я зашёл в «Гнездо» в надежде подцепить девчонку, вроде рекламирующих пиво по головизору. Не ради самих девичьих прелестей, уверяю вас, только ради атмосферы, которую они создают – тёплый вечер, горячая женщина, запотевшая бутылка холодного пивка и все такое прочее. Я жаждал настроения, вдохновлявшего многие поколения мужиков лакать пойло, отрачивающее пузо, которое приходится втягивать, когда женщина-мечта появляется поблизости. Я, конечно, понимал, что это все фантазии, но больше здесь, в хеленской глуши, заняться нечем.

Само собой, лично я совсем не смахивал на мечту или фантазию. Или на героя рекламных роликов, если, конечно, не считать рекламу тех хитрых препаратов, обязанных гарантированно заставить вас чувствовать себя моложе, выглядеть моложе и завести те части организма, которым полагается срабатывать при появлении в поле зрения фантазии из рекламы пива. Моя бригада и я сам только что сменились, закончив вкалывать восемнадцать часов кряду, а мне не удавалось поспать и вполглаза на протяжении вдвое большего времени. А бритву я не видел втрое дольше. Да, я надел чистую рубашку, но мои джинсы и рабочие ботинки сами были погружены в фантазии, мечтая встретить какое-нибудь чудесное чистящее средство.

Или место, куда сбрасывают ядовитые отходы.

Мы валили девственный лес, напрягая дизели, стараясь зачистить просеку до полудня. Местный суд выписал запрет на продолжение работ в связи с иском по защите каких-то вымирающих животных, поданным «Союзом Людей и Исчезающих Видов». СЛИВ являлся политическим крылом военизированного Партизанского Экологического Фронта, считавшего применение любых инструментов против планеты или всего природного на её поверхности вооружённым нападением, требующим отмщения. Несмотря на все их причитания в луддитском стиле, типа «вернемся к истокам и обретем покой», они здорово умели обращаться со взрывчаткой и вооружением, активно используя их в борьбе с лесозаготовительной и горнодобывающей промышленностью Хелен.

Ржавый потягивал пиво из бутылки, стоя у бильярдного стола.

– Как это ты не веришь, что именно СЛИВ и ПЭФ стоят за обвалом связи? Боже ж мой, Бодрячка, это же очевидно. Они ненавидят всю технологию – а это был здоровенный кусок технологии. Сеть летит к черту, они выползают из леса и берутся за нас всерьёз. Это как дважды два – четыре.

Бодрячка, заработавшая свое прозвище миниатюрностью и проворством, ткнула в его направление острием кия, как рапирой.

– Проблема в том, что ты не сложили два и два. Сеть летит к черту, Республика разделяется на разрозненные миры. Нет обмена новостями, поэтому Республика не может реагировать.

Народ напуган, всякие оппортунисты получают возможность проворачивать свои делишки и всплывают группы типа ПЭФ. СЛИВ был тут всегда, протестовал конечно, и все такое, но мирно. А теперь, когда рыцари Республики не могут понять, куда топтать здоровенными лапами их мехов, ПЭФ сориентируется и станет ещё невыносимей.

– Не так, как в старые времена. В старое время они бы никогда не выкинули ничего подобного. – Кейра-сан глянул на неё поверх стола, сидя за которым он смотрел головизионную программу – повтор какой-то битвы мехов на Солярисе. На мой взгляд – всё это вековой хлам, включая парня, якобы будущего нового Кая Алларда-Ляо – мечта, конечно, каждого бойца и поэтому каждый боец из кожи вон лез, чтобы задница будущего нового Кая основательно поджарилась. И за прошедшие девять лет со времени смерти Кая Алларда-Ляо в войне Республики против Капелланской Конфедерации, каждый обладатель титула посвящал свои титульные победы памяти Кая – и ни один из них не высунулся в реальный мир и не уселся своими ягодицами на линии фронта, чтобы подраться за что-нибудь большее, чем часть зрительской аудитории.

Бодрячка махнула кием вокруг себя, на сантиметр не зацепив лысеющий скальп Кейры-сана.

– Да что ты знаешь о старых временах? Разве все мы тут не родились в республиканские времена? Девлин Стоун помог остановить наступление «Слова Блейка», потом разоружил всех и установил мир. В старые времена, как ты это назвал, местные землевладельцы рассекали бы здесь на своих персональных боевых мехах, постреливая в крестьян и объявляя о подавлении очередного восстания. Разузнай что-нибудь о временах до и после Стоуна, и ты поймешь, насколько мир, установленный Республикой был для всех хорош. И он снова будет хорош, как только КомСтар сделает так, чтобы планеты опять смогли говорить между собой.

Кейра-сан резко сполз в низ кресла и сосредоточил свое внимание на десятки раз виденном бое. Величайшей трагедией в его жизни было прекращение трансляции новых боев с Соляриса с момента падения сети. Аспекты интереснейшего вопроса – как отсутствие связи между планетами порождает давление, делающее возможным самораспад общества – его не интересовали.

Вообще-то в этом не было его вины, хотя Кейра-сан родился на Хелен и вырос здесь, в диаспоре выходцев из Синдиката. Он никогда не уживался хорошо с другими людьми, тогда как вся остальная планета, как старые, так и новые сообщества, по-настоящему объединились под руководством Республики. Все старые трения, подогревавшие наследные государства, исчезли. Словом, с той поры все жили счастливо.

Чтобы заставить такой союз заработать, Республика использовала политику кнута и пряника. Люди, содействовавшие объединению разнородных групп, вознаграждались земельными участками и инвестициями на нужды их общин. Люди, действовавшие во вред данному порядку вещей, наказывались либо лишением государственной поддержки, либо высылкой на другие миры в составе Республики, что совсем не вызывало в окружающих энтузиазма следовать их примеру. Те, кого устраивал применявшийся Республикой метод решения проблем, считали его «прогрессивным» и «вдохновляющим», тогда как жертвы подобной политики находили его «репрессивным» и «порожденным преступным сговором». Но, как бы то ни было, метод работал.

Затем произошли две вещи. Примерно три года назад, Девлин Стоун оставил пост экзарха Республики. Это сотрясло уверенность людей, привыкших отождествлять мир и процветание с его фигурой у власти. По мере того, как Дамьен Редбёрн, выбранный Стоуном преемник на посту экзарха, демонстрировал способность делать свою работу хорошо, уверенность людей восстанавливалась, но тут падение сети гиперимпульсных генераторов натурально всадило Республике нож под самые ребра.

– Я говорю тебе – это работа СЛИВа! – Ржавый подчеркнул свое высказывание, грохнув пустой бутылкой по барной стойке. – Они не хотят, чтобы кто-нибудь догадался, что здесь происходит и не смог отреагировать. Это логично.

Гектор послал девятый шар в угловую лузу.

– Партия, Бодрячка, и ты должна мне двадцать республиканских кредиток.

– Вдвое больше или ничего.

Гектор одарил её широкой улыбкой.

– Влетаешь на сорок стоунов? Идет. Храбрая девочка.

Борис, добравший физической массой нехватку мозгов, поднял ручищу, достаточно большую, чтобы полностью накрыть пирамиду шаров.

– Следующая игра была моя.

– Следующая и будет твоя. Ставь шары, Бодрячка. – Гектор глянул на Ржавого. – В смазке твоей логики есть опилки, Ржавый, а именно то, что СЛИВ – местная контора. Ты же знаешь слухи, которые привозят космонавты с прыгунов. Сеть накрылась везде.

Ржавый зашмыгал носом.

– Не везде.

– Ладно, хорошо, твоей мамочке таки удалось переслать тебе поздравления ко дню рождения, но последнюю часть пути до тебя эти поздравления проделали на прыжковом корабле, пришедшем с Тауна. – Гектор потряс головой, посмотрел на меня темно-кариими глазами. – Сэм, ты не объяснишь все ему?

– Угу, ну так, как я это понимаю. – Я глотнул ещё пива и вдруг решил, что болтать лучше, чем лакать. – Ладно, вот как я все слышал. Кто-то координирует большое количество ударов на множестве разных миров, выводя из строя станции гиперимпульсной связи. Никто не может ни с кем связаться. Никто не знает кто что и с кем делает или кто на самом деле совершил эти налеты. Это работа не СЛИВа, но Ржавый может быть наполовину прав.

– Могу? – он сел прямее. – Вот видите. Скажи им, Сэм.

Бодрячка сосредоточилась на установке шаров, поэтому не расхохоталась. Я пожёвывал щёку, поэтому я бы не стал смеяться вместе с ней, даже если бы она решила это делать.

– Ну, Ржавый, может так оказаться, что ПЭФ – это часть силы, выведшей сеть из строя. До того, как сеть накрылась, о них здесь никто ничего не слышал. Они могли появиться, заключить сделку со СЛИВом, оказать им помощь, сея здесь раздоры и готовя почву для чего-то ещё.

– Однако теперь ничего не выйдет, Донелли. – Бармен, Макс Лири, заменил бутылку Ржавого другим запотевшим пузырем. – Пришли новости из Овертона. Прошлой ночью приземлился посадочник с рыцарем Республики на борту. Кажется, эта штучка будет удерживать тут всех от выделывания всяких штук.

– Штучка? – я незаметно глянул на лысого. Я знал, что он воспользовался термином «штучка», чтоб позлить Бодрячку, поскольку она уже отклоняла его приставания больше раз, чем у меня пальцев на руках и ногах – и это только за сегодняшний день. Это понятно – у неё, такой маленькой и него, такого, ну, круглого, никогда бы ничего не вышло. Не считая отсутствия турелей и поношенную робу пиляги, Лири можно было спутать с посадочным кораблем класса «Юнион».

Бодрячка проигнорировала Лири, так что он загрохотал, обращаясь ко мне.

– Ну да, грузом в главном трюме была какая-то рыцарственная королева красоты.

– Ты имя слышал?

– А ты, что, хочешь свиданье ей назначить или как?

Я торжественно кивнул.

– Точно. Я отчаянно нуждаюсь в женском обществе.

Я произнес это с улыбкой и приготовился ко всяким шпилькам, которые должны быть полететь в мою сторону, но тут случилась забавная штука. Вообще-то это была случайность, но приведшая к извержению глупости.

В дверь вошли две женщины. Шикарные женщины, шикарные, словно сошедшие с пивной рекламы, причем одна из них была одета в футболку и короткие шортики, точь в точь как носят девчонки в рекламе. Достаточно юная, чтобы выглядеть невинно, достаточно взрослая, чтобы уметь пользоваться таким невинным видом, блондинка с ослепительной улыбкой, она приостановилась в дверях и оглядела нас всех.

У неё были соблазнительные лазурные глаза.

Кстати, именно употребление мной слова «лазурные» говорит о принадлежности данного произведения к литературе. Иначе я бы просто сказал – «голубые». «Сапфировые» бы тоже подошло, или «лазуриновые», но взгляд был такой мягкий, что никак не хотелось думать о минералах.

Однако я отклонился от темы, и это тоже очень по-литературному – на случай, если вы подсчитываете мои литературные приемы.

Её спутница казалась постарше и пожестче, поэтому названия минералов в её описании были бы уместны, за исключением того, что в её внешности не было ничего твердого и не чувственного. Я бы мог назвать её волосы ржаво-рыжими, но это было бы неточно, а её глаза не были достаточно темными для изумрудов и у нефрита столько разных оттенков, что назвать её глаза нефритовыми было бы на самом деле все равно, что не сказать какого цвета они были. Это были, тем не менее, красивые зелёные глаза, очень живые и настороженные, намного лучше разобравшиеся в нас, чем её подруга. Плавнo двигаясь, она быстро выступила из-за спины спутницы, приобретя простор для действий, на случай, если будет такая нужда. Её рыжие волосы были заплетены сзади в косу и – как я заметил – заткнуты за воротник её рубашки.

Вот здесь глупость и начала выкипать через край. Они обе были из СЛИВа, и если это было неясно по манере одеваться – «студентки в походе за город» – то было очевидно по маленьким дискам с данными, которые держала в левой руке блондинка. И хотя блондинка, возможно, заявила сюда дабы просвещать нас, Рыжая совершенно явно изготовилась к бою, а затевать драку с пилягами просто глупо. Побить пиляг можно, но, по крайней мере, один из них найдет тебя и распилит своим лесоповальным мехом твой дом надвое.

Лири понял, что происходит. Он начал убирать хорошую выпивку под барную стойку. Обе бутылки.

Я развернулся на табуретке и соскользнул с неё.

– Извините, мисс.

Блондинка, бывшая на полпути к Ржавому, правильно полагая его наиболее податливым пропаганде СЛИВа, остановилась и наградила меня такой улыбкой, которая заставила бы меня прикупить целый бочонок пива за раз, если бы на её груди была написана его марка.

– Вы хотите помочь нам спасти крапчатых лемуров?

– Ну, не совсем.

– О, вам следует это сделать. – Она так произнесла это голосом маленькой девочки надув губки, что на мгновение я ощутил, как моя решимость слабеет. – На Хелен осталось всего пятнадцать тысяч пар. Их естественная среда обитания значительно сократилась в связи с вырубом леса и разработкой полезных ископаемых, уничтожающих гектар за гектаром девственной природы. Гибнут представители сотен тысяч исчезающих видов растений и животных.

Я поднял руку.

– И жуков. Люди всегда забывают про жуков.

Блондинка моргнула и на мгновение заколебалась.

– Да, и насекомых тоже.

– Пауков. – Бодрячка улыбнулась и натерла кончик кия мелом. – И микробов. О них вообще никто никогда не вспоминает.

Я кивнул.

– Я всерьез оплакиваю гибель разной там слизеообразной плесени. Никто уже не помнит растение она или животное, так что, думаю, следует оплакать её дважды.

Блондинка уставилась на меня, её лицо стало вытягиваться. Верхняя губа начала незаметно чуть-чуть оттопыриваться, а плечи прогнулись. Совсем чуть-чуть. Прошла лишь секунда, а я уже знал, что её нижняя губка сейчас задрожит и в этих лазурных глазах начнут собираться слезы.

– Всё это очень серьезно. Мы пытаемся спасти жизни.

– Я знаю, дорогая, я тоже. Я пытаюсь спасти ваши. – Я протянул руку и взял её левую ладонь в свою правую. – Мы не та аудитория, какая вам нужна.

– Убери от неё свою лапу!

Я глянул на Рыжую мимо блондинки.

– Вам не следует разбрасываться здесь пустыми угрозами.

У Рыжей было на выбор три варианта. Она могла начать препираться и оттянуть выбор между другими двумя. Она могла сдать назад и они бы ушли. Или, как все остальные тетki, что красят волосы под Наташу Керенскую и уверены в своей крутости, она могла начать действовать.

Она выбрала номер три, что действительно заставило меня убрать лапу с руки блондинки. Рыжая шагнула вперед, перенесла вес на левую ногу и выбросив круговым движением правую – довольно быстро, я признаю – но в это время я тоже шагнул вперед. Я принял её бедро на ребра и обхватил его левой рукой. После чего жёстко зафиксировал пальцы на подколенном сухожилии, добавив в её возглас досады немного неровности.

Затем я обрушил свой правый кулак на её лицо. Дважды. Я думаю, что это вторым ударом я сломал ей нос. Потому как точно знаю, что первым я сломал ей челюсть. Затем я швырнул её на стол, от которого она тяжело отскочила и рухнула на пол тяжелым вялым грузом.

Я повернулся к блондинке. Её лицо потеряло всякий цвет, хотя может быть он был смыт потоком слез.

– О, Боже мой.

– Ржавый, помоги этой юной леди погрузить её подругу в ховер и отвези их в травматологический центр в Кокусиме.

Ржавый осушил своё пиво, затем встал, расправил свою клетчатую фланелевую рубашку и улыбнулся. Его улыбка не была такой ослепительной как у блондинки, но у неё было больше зубов и зубы были белее. Тем не менее, она улыбнулась ему в ответ и он помог вытащить стонущую Рыжую из бара.

Можно было бы подумать, что «Гнездо Лири» увидало уже достаточно глупости на один вечер, но только если не брать в расчет Бориса. Борис был раздражен, поскольку он просто сидел и ждал, что противоречило его видению себя как человека действия. Его работа – а он вошел строительный мех, переоборудованный для снятия подлеска – тоже этому противоречила, но Борис жил в своём маленьком мирке, который, к несчастью, предусматривал возможность вторжения в мой.

– Тебе не следовало этого сделать, Сэм.

– Мне не следовало сделать, э, делать что, Борис?

Борис тщательно положил свой кий и пробрался через бар по направлению ко мне. Его тень пала на меня и я ощутил озноб. Может быть, Лири был подобен посадочному кораблю, но Борис – это была планета.

– Ты ударил женщину.

– И?

– Это было не очень любезно.

– М-м-м, ага. Ты пропустил момент, когда она пыталась пнуть меня, так ведь?

Борис потряс своей головой, в определенном смысле поразив меня. Благодаря резким чертам лица и черным волосам, которые, казалось, никогда не смещались из своего положения, он выглядел так похоже на гранитную статую, что некоторое время я вообще не считал его способным пошевелиться. Просто это была не его естественная прическа, волосы приобрели такую форму под нейрошлемом.

– Я видел, но это не оправдание. Ты ударил её дважды.

Я кивнул и вздохнул.

– И что ты собираешься предпринять по этому поводу?

Борис рванулся значительно быстрее, чем я мог от него ожидать, и это значило, что он разъярился по-настоящему. Он схватил меня за плечи и развернул, затем обхватил медвежьей хваткой. Он плотно стиснул меня и оторвал от пола.

Я посопровтивлялся секунду, потом громко вскрикнул и безвольно обвис. Борис вздрогнул, потом его хватка на мгновение ослабла. Он наклонился, пытаясь снова поставить меня на ноги,

но мои колени подгибались, поэтому он схватил меня за плечи, удерживая в вертикальном положении.

Я оттолкнулся ногами от земли и вломил свой затылок в его лицо. Что-то треснуло и на мой скальп пролился стремительный поток теплой жидкости. Руки Бориса покинули моё тело, чтобы схватить его лицо, поэтому когда я засадил правую пятку между его ног во что-то мягкое, там не оказалось ничего, способного защитить его настоящие мозги. Его предыдущий вой боли повысился до неслышных для уха высот, после чего он повалился назад с грацией высокоченного дерева, вроде тех, что мы пилим, и практически так же сильно сотряс землю, когда в неё врезался.

Гектор, наш бригадир, внимательно посмотрел на меня и покачал головой.

– Жаль, что тебе пришлось это сделать, Сэм.

– К утру он будет в порядке, Гектор. Работника ты не лишишься.

– Плевать на это. – Гектор качнул головой в сторону Бодрячки. – Следующая игра была его. Я собирался заполучить его зарплату.

– Приятно знать, что ты так печешься о наших интересах, Гектор.

– Он действительно заботится о нас, Сэм, в отличие от тебя. – Кейра-сан обернулся в своем кресле, пронзив меня ядовитым взглядом. – Ты сцепился с людьми из СЛИВа. В этом районе действует ПЭФ. Ты только что взял и попросил их устроить нам кучу неприятностей.

– Я об этом не подумал, Кейра-сан, – улыбнулся я – А, ладно, в любом случае все лучше, чем потерять работу. Лири, ещё пива, ибо завтра я могу умереть.

2

Если не можешь облачиться в шкуру льва, натяни шкурку лисы
– испанская поговорка

Участок 47-6 компании АРА

Яфа, Хелен

Префектура III, Республика Сферы

14 ноября 3132 года

Когда я проснулся, я не был мертв, что было только к лучшему, да я и не чувствовал себя так уж погано. На правой руке была сбита пара костяшек, а на затылке имелась шишка, но я не был в тюрьме и швы накладывать необходимости не было, поэтому, как я решил, меня ждало ещё немало утренних пробуждений. Я сполз с койки и натянул на себя заскорузлые джинсы и рабочие ботинки, после чего, спотыкаясь, побрел в отхожее место, чтобы освободиться от пивной нагрузки и, литературно выражаясь, совершил омовения.

Я отыскал кружку, выколотил из неё мусор и наварил себе чего-то горячего, черного и крепкого. Поскольку в вареве не было металлических частей, я решил, что на этот раз я получу кофе, а не растворитель, хотя перепутать было бы чертовски легко. Тем не менее, это пошло

прожгло себе путь вниз в желудок и заставило глаза открыться. Ввиду того, что рассвет ещё не наступил, толку от этого было мало.

Когда мы вернулись от Лири, Гектор получил уведомление о двадцатичетырехчасовой отсрочке на вступление в силу судебного запрета, данной нам судьёй. Я уверен, СЛИВ будет утверждать, что, дескать, судья был подкуплен, но лично я в этом сильно сомневаюсь. Наша лесозаготовительная компания сэкономила на всем, и если судья не был согласен купиться на метрическую тонну древесных опилок, они бы не заплатили. Гораздо ближе к теме был тот факт, что крапчатый лемур вообще-то не местный вид для Хелен и на протяжении столетий эти зверушки были главными героями летних фестивалей, посвященных отчаянному истреблению маленьких тварей до того, как они успевали наброситься на поля фермеров как саранча. И, кроме того, они были тупыми – как меня заверили, вычищать их бранные останки из агромехов после сбора урожая было ужасающе депрессивным занятием. Так что мы считали лемуров паразитами, а девчонки из СЛИВа – «миленькими». Миленькая внешность может иногда стать козырной картой, но я так думаю, судью этим козырем побить не удалось, дав нам ещё один день на украшение леса опилками. Не самая грандиозная работа, но все-таки дает возможность поводить мех, так что я не жалею.

Я добрел до ангара и прицепил трап к кабине лесоповального меха, к которому я был приписан. Он по-прежнему имел мерзкий оттенок фабричной желтой окраски, но местами она была уже ободрана до металла. Кроме логотипа компании «Альпайн Ресорсез Анлимитед», единственным украшением меха было имя «Мария», написанное от руки мелким почерком над кабиной. Как гласит легенда, один из пилотов этого меха назвал его в честь своей жены. Звучит романтично. По крайней мере, до тех пор, пока вы не узнаете, что больше всего тому пилоту жену напоминал визг пилы.

Я закрыл за собой люк и уселся в пилотское кресло. Моя кружка с кофе переместилась в держатель рядом с правым джойстиком, освободив мои руки и дав им возможность натянуть на меня хладожилет и с треском его застегнуть. Хладожилет был более громоздким, чем те, что я носил раньше – одним из наиболее трогательных девизов АРА было: «Экономия начинается с ТЕБЯ» – но он заработал, когда я подключился. Сверху жилет был покрыт прочной тканью, которая пулю, конечно, не остановит, но может защитить от нескольких щепок.

Потянувшись назад и вверх, я стянул нейрошлем и водрузил его себе на голову. Он тоже был громоздкий и тяжелый, но это частично компенсировалось усиленными наплечниками хладожилета. Я убедился, что нейродатчики на месте и сидят удобно, поскольку последнее, чего я хотел – это позволить машине потерять контакт с моим вестибулярным аппаратом, если дела пойдут туго.

Понажимав кнопки, я запустил вспомогательные системы, затем подождал, пока не начнется запуск двигателя. Компьютер запросил контрольный код, который я и ввел, после чего механический голос потребовал мой персональный код активации. Я всегда предпочитал голосовую проверку вместо того, чтобы барабанить по клавиатуре, поэтому я произнес «Однажды прекрасная леди-рыцарь жила, чья улыбка очень холодной была...»

Ну, вы, наверное, знаете, что там было дальше, поэтому я продолжать не буду. Компьютер тоже был в курсе, поэтому здоровенные двигатели начали своё пробуждение к жизни, чихая, кашляя и плюясь дымом. «Мария» зашаталась как дом при землетрясении, но кофе из моей кружки не пролилось. Судя по показаниям индикаторов панели управления, все системы ожили и были в норме.

По сравнению с настоящим боевым мехом лесоповальный мех вроде «Марии» не казался таким уж угрожающим. Левый манипулятор оканчивался захватом в виде когтей, которые могли сокрушить легкую броню или оторвать какое-нибудь малоразмерное вооружение. Пила, заменявшая правый манипулятор, могла что-нибудь серьёзно поцарапать, а лазер, предназначенный для подрезки ветвей, мог расплавить даже что-нибудь феррокерамическое, хотя фактически он представлял собой закрепленное на скорую руку лазерное ружьё, поэтому все ограничилось бы, вероятно, пузырями на краске. Я не утверждаю, что «Мария» может завалить

боевой мех, но любой, кто решит с ней сцепиться, получит шрамы, доказывающие, что он побывал в переделке.

А если вы мне не верите, то в лесу полно пней деревьев, которые могут засвидетельствовать мою точку зрения.

Я двинулся вперед из ангара, проходя мимо «Черной Бетти» – строительного меха, который водил Борис. Я включил радио и поприветствовал его, но он, судя по всему, со мной не разговаривал. Или, может быть, его сломанный нос вносил в речь настолько оригинальный акцент, что он не мог запустить свой мех. Я посмеялся при этой мысли и потащился в рабочую зону.

Бодрячка пронеслась мимо в своем ховере, тянувшем прицеп, полный подрезчиков. Эти ребята набрасываются на деревья, которые мы валим, обрезают ветви и крепят к ним цепи, а на них мы поднимаем бревна и укладываем на другой прицеп, который Бодрячка потом тянет назад на станцию отгрузки. Вообще говоря, именно они будут подвергаться наибольшей опасности во время возможного нападения ПЭФ. Если пила «Марии» заденет стальной гвоздь, загнанный кем-то в ствол дерева, то она даже не поцарапается, а вот если это будет одна из ручных пил, которые используют эти парни, то она разлетится вдребезги, в результате чего образуется много стальных осколков, которые, как предупреждают все мамы в мире, могут выбить глаз.

Лагерь нашей рабочей зоны был примерно в трех километрах по направлению в горы, хотя по дороге, которую мы проложили, получалось немного дольше, учитывая все подъёмы, спуски и прочее. Дорога выглядела уже прилично разбитой и на ней остались замерзшие следы мехов, похожие на окаменелые отпечатки лап динозавров. Грязь довольно легко сминалась под тяжелой поступью «Марии», но для неё продвигаться вперед было так же тяжело, как для меня было бы месить грязь на болоте. Контролируя гироскопы и поддерживая вертикальное положение «Мария» полагалась на мой вестибулярный аппарат и я на каждом шагу боролся с управлением, расплескивая кофе всю дорогу. Наконец я добрался до расчищенного участка и увидел Гектора на трейлере, который тот использовал в качестве командного поста. Я включил радио.

– Дорога – дерьмо, Гектор. Если Ржавый сказал, что он её уже разровнял, то он серьёзно заврался.

– И тебе тоже доброе утро, Сэм. – Тон Гектора был немного раздражённым, но я видел усмешку на его лице, так что я продолжил слушать.

– Сегодня Ржавый ведет «Черную Бетти». Борису вправляют нос в Кокусиме.

– Ему нужно потребовать, чтобы нос сделали меньше. Тогда в следующий раз, когда он чихнет, его мозги не выпадут.

– Какие мозги?

– И верно. Итак, на какие деревья мне пойти войной сегодняшним прекрасным утром?

Он нажал пару кнопок на информационной панели и перебросил мне координаты.

– Ты пойдешь вглубь, вырежешь просеку на запад, затем на юг и отделишь для нас участок, который мы зачистим позже.

– Здорово. Пробивать дорогу. Благодарю.

Он пожал плечами.

– Приказы идут от тех, кто получает зарплату повыше моей.

– Что наши хозяева говорят о возможности вынесения ПЭФ своего собственного судебного запрета?

– Всё как всегда: никакого вреда персоналу или ущерба оборудованию. – Гектор почесал щеку. – Ты думаешь о словах Кейры-сана вчера вечером насчет мести ПЭФ за то, что ты вырубил ту девуку?

– Может быть. Кейра-сан нечасто оказывается прав, но когда он прав... – Я пожал плечами. «Мария» – нет. Я поднял пилу и снова опустил. – Идущие на смерть приветствуют тебя.

– Иди и умри, если хочешь, Сэм, только не попорти железо.

– У тебя доброе сердце, Гектор.

– Даже лучше – у меня сердце начальника.

Я рассмеялся и заставил «Марию» продираться к месту, где, как предполагалось, должна была начаться работа. Когда взошло солнце, я предположил, что день будет небогат событиями. Несмотря на все разглагольствования СЛИВа, лес, который мы сейчас валили, был уже однажды свален пятьдесят лет назад, так что это не был девственный лес в строгом смысле этого слова. Может быть АРА и сэкономила на оборудовании, но Бодрячка, оттащив бревна вниз, всякий раз возвращалась в гору с кузовом полным саженцев и семян для перезасева, и, к тому же, ни одной щепки у нас не пропадало зря. В отличие от большинства корпораций, АРА предпочитало соблюдать довольно строгие положения республиканских законов по землепользованию.

Я добрался туда, куда должен был и оценил фронт работ. Предстояло много надрезать и пилить. Посмотрев на лесоповальный мех, многие думают, что мы удерживаем дерево захватом и срезаем его, вроде как срезают подсолнух. Проблема в том, что деревья могут весить намного больше моего меха и даже если это не так, падающее дерево может запросто оторвать захват. Захват полезен для того, чтобы поднимать или сдвигать, или пользоваться им как рычагом, но не более того.

Однако пила позволяет валить деревья довольно быстро. Я надрезал их на восточной стороне, затем пилил с западной, роняя деревья на восток. Довольно тупая работа, но, если поймать нужный ритм, скоро будешь иметь просеку двадцать пять метров шириной и сто метров глубиной и реку деревьев верхушками в том направлении, откуда ты пришёл.

«Скоро» в данном случае означало к девяти утра. Мой желудок, которому, к тому же, пришлось утром пережить фирменное кофе компании, урчал. Я развернул мех назад по направлению к лагерю и вышел на связь.

– Гектор, ты пришлешь мне подрезчиков, или придется вернуться и позавтракать?

– Сэм, оставайся пока там. Грязь всё замедляет. Ржавый не смог завести «Бетти», так что он сейчас ровняет дорогу. Бодрячка застряла за ним. Будут через час.

Я нахмурился от имени своего желудка, который этого сделать не мог.

– Вот тебе раз, Гектор, я-то думал ты серьезно подходишь к нашим утренним перекусам.

– Ты любишь меня только ради моих рулетов. Я скажу Бодрячке, чтобы она привезла тебе один дополнительно.

– Договорились. Если так, то я согласен. – Я повернул «Марию» назад, чтобы продолжить валить лес и вот именно тогда я мельком заметил того парня. Он подбирался ко мне сзади и быстро скрылся за деревом. Видно, кто-то начитался историй о приключениях «Легиона Серой Смерти», поскольку он тащил на себе здоровущий старинный ранцевый заряд взрывчатки и – я был в этом совершенно уверен – планировал подкрасться к моему меху и прилепить его к задней части стопы «Марии», пока я топал бы на завтрак.

Я направил пилу на дерево, которое он выбрал в качестве укрытия, затем щелкнул кнопкой включения внешнего громкоговорителя. Но до того, как я успел что-нибудь ему сказать, загремели голоса, на этот раз с севера. Люди в черных боевых комбинезонах, вооруженные автоматами и выглядевшие очень смертоносно, продвигались по направлению к моей вырубке.

– Стоять! Говорит командующий Рейс из сил быстрого реагирования управления гражданской обороны полиции Овертона! Не заставляйте нас делать то, чего мы делать не хотим!

Здесь очень нужно ещё раз отвлечься от темы. Командующий Рейс считает себя вторым пришествием Моргана Хасека-Дэвиона и может так оно и есть, за исключением того, что он слишком маленький, слишком толстый, слишком самоуверенный, слишком невежественный и, несмотря на свои впечатляющие поперечные габариты, абсолютно бесхарактерный. Люди из сил быстрого реагирования преданы своему делу, но их обучение планировалось исходя из предельно урезанного бюджета и, имея всевозможное оборудование и остальное барахло, они так никогда не смогли по-настоящему научиться им пользоваться. Полицейские были мужественные и храбрые люди, но в бою это означает непонимание момента, когда противник превосходит в силе и нужно отступить.

Ситуация была очень простой. ПЭФ пришёл, чтобы взорвать мех. Они знали, что мех может не быть выведен из строя взрывом и пилот – то есть я – может принять факт нападения близко к сердцу. На этот случай они привезли своих боевиков на паре хOVERов, вооруженных крупнокалиберными пулеметами. Крики Рейса предупредили стрелков. Если бы он не орал, то очень может быть, его людям удалось бы повязать бомбиста по-тихому.

Стрелки ПЭФ открыли огонь. Сначала я видел только маленькие огоньки в глубине леса, а затем наблюдал, как пули нашли и прошли насквозь одну из бойцов полиции. Её крутануло и бросило на ржавого цвета сосновые иголки, налипшие на окровавленную униформу. Остальные полицейские поплюхались в грязь, но до того, как весь взвод успел укрыться в воронкообразном углублении, подстрелили ещё одного.

Пулеметный огонь прекратился и полицейские решили, что это их шанс для контратаки. Они не понимали, почему пулеметчики перестали стрелять, но я понимал прекрасно. Как только бомбист вышел из-за дерева, чтобы метнуть свой ранцевый заряд в укрытие полицейских, я поджарил его лазером. Заряд все равно полетел, но не очень далеко. Упав на землю, он взорвался, убив первого поднявшегося над песчаной насыпью полицейского и контузив остальных.

Я бросил «Марию» вперед и стрелки стали палить в меня. Я не видел реальной для них возможности меня остановить, за исключением варианта с непрерывным обстрелом стекол кабины. Я понимал, что через секунду-другую они это сообразят, как поймут и невозможность для меня добраться до них не спилив немалую часть леса, что потребовало бы много времени.

Они не ошибались, но и не оказались полностью правы. Я добрался до дерева, за которым ранее скрывался их ныне дымящийся друг, подрезал его и уронил, но на этот раз на запад.

Вот именно поэтому рубка леса – опасное занятие. Деревья велики и тяжелы и, даже если ветви дерева кажутся легкими, то при падении с большой высоты и в виду того, что они прикреплены к стволу дерева, удар получается такой, как будто этим грандиозным веником размахивает ураган. Вдобавок, когда деревья роняют небрежно, они сталкиваются с другими деревьями, образуется цепная реакция, которая может устроить страшный бардак. Расколовшиеся деревья, всюду летают щепки, иголки, пыль, грязь, да, это может быть настоящий хаос.

В который вам не стоит попадать, особенно если единственное имеющееся у вас укрытие – грузовой хOVER. Дерево, которое я свалил, ударилось о другое, другое о третье, заваливая даже более тяжелые деревья, чем они сами. Одно дерево рухнуло на кузов хOVERа. Водитель второго грузовика дал задний ход от кучи ветвей и, сотрясаясь, понесся прочь, даже не попытавшись поинтересоваться насчет выживших.

Всё это заняло минуту, может две, и можно было бы считать эту историю закончившейся, если бы не одна маленькая деталь. После того, как людей Рейса прижали к земле, он отдал приказ своей штабной машине вступить в бой. Водитель мчался на полной скорости, поэтому, когда поперек его пути рухнуло дерево, он напряг жалюзи управления воздушной подушкой хOVERа на максимальную высоту подъёма. Как оказалось, эта высота где-то на два сантиметра ниже, чем нужно, поэтому хOVER отскочил от бревна, как гладкий камень от поверхности воды, а затем воткнулся в землю, окружавшую корни другого рухнувшего гиганта. Рейса катапультировало с заднего сиденья и бесцеремонным кувырком опустило в куст тигровых ягод, которые, вопреки распространенному мнению, получили своё название не из-за своей полосатости, а из-за двухдюймовых шипов на ветках.

В моих ушах прогремел голос Гектора.

– Сэм, ты в порядке? Я слышал взрыв. Что происходит?

Я ущипнул себя за правое бедро. Больно.

– Я думал, это был ночной кошмар, Гектор, но кажется просыпаться мне не придется. Скажи Ржавому поторопиться с выравниванием дороги и пусть Бодрячка дует назад за скорой. И забудь о рулетах. Я больше не хочу есть.

Не изображай из себя мышь, не то придет кот и съест тебя
– поговорка в Федеративных Солнцах

Участок 47-6 компании АРА
Яфа, Хелен
Префектура III, Республика Сферы
14 ноября 3132 года

Я как можно быстрее начал снимать подлесок и убирать древесину, чтобы спасатели могли добраться до полицейских и террористов из ПЭФ. В последнем случае, они, скорее всего, получат только образцы ДНК, поскольку дерево раздавило грузовой ховер в лепешку и придало всем бывшим в нем желеобразность. От парня, таскавшего ранцевый заряд, остались только пар и разбросанные конечности.

Рейс выбрался из кустов и выглядел так, как будто его пропустили через измельчитель древесины. Он был в ярости, конечно, и начал орать на меня насчет уничтожения вещественных доказательств. Я просто отключил внешние приемники и продолжил уборку местности, поэтому, когда Бодрячка прибыла с медиками, они смогли добраться до раненых и увезти их.

Увы, Рейса они с собой не увезли. Когда на место событий прибыл Гектор, Рейс прожужжал ему все уши и явно не собирался этим ограничиваться. Гектор слушал и успокаивал его – или мне так показалось по его жестам – но при этом бросал в мою сторону взгляды, способные прожечь бронеплиту. У меня начало складываться впечатление, что пройдет еще немало времени, прежде чем мне удастся выцыганить у него хоть один рулет.

В середине дня меня вызвали на ковер. Гектор приказал мне оставить «Марию» в лагере и Бодрячка подбросила меня до нашего барака. Она скосила на меня свои голубые глаза.

– У тебя серьезные проблемы, Сэм. Рейс утверждает, что ты один из них и деревья ты повалил затем, чтобы предотвратить погоню.

– Ты в это веришь, Бодрячка? – Я позволил злости прорваться в моём голосе в полную силу.

– Эй, Сэм, мы же друзья, ты не забыл?

– Тогда, черт возьми, не суй свой нос не в своё дело.

Она поглядела на меня уже жестче.

– Ты хочешь сказать, что это правда?

– Забудь.

Бодрячка остановила ховер и ткнула меня кулаком в плечо.

– Слушай, я всегда думала, что ты не такой как другие. Я подумала, что всё это сегодняшнее геройство под крутого парня было действительно чем-то необычным и героическим. Да я знаю, что так и есть. Ты там не обязан был ничего делать, но ты сделал. А теперь ты не хочешь об этом говорить? Что случилось?

Мои ноздри раздувались.

– Случилось так, что ты меня совсем не знаешь, Бодрячка. Сколько я здесь был, десять недель? Конечно, мы сдружились, вместе проводили время, но то, что тебе кажется героизмом – совсем не то. Всё, что я хотел – чтобы меня оставили в покое, и я думал, у меня получилось. А теперь – это. Просто катастрофа.

Она заколебалась.

– В чем дело, Сэм? Ты можешь мне доверять. У тебя проблемы с законом и ты боишься, что Рейс их раскопает или как?

– Давай остановимся на «или как», хорошо? – Я позволил моему голосу немного смягчиться. – Все это произошло из-за моих глупостей прошлым вечером. И пострадали люди. Просто не встречай.

Явно уязвленная Бодрячка кивнула и снова завела хOVER. Оставшуюся часть пути с горы мы проделали в полном молчании. Она ссадила меня и повернула назад. Когда я добрался до своей конуры, мне сообщили о требовании прибыть в полицейское управление в Овертоне сразу после того, как я приму душ и переоденусь.

Я задержался в душе. Я смывал глубоко въевшуюся грязь и от души жалел, что вода не может вымыть из мозгов образ полицейской, катящейся сквозь облако сосновых иголок. Я знал, что она была уже мертва, когда её отбросило. Санитары это подтвердили, но когда люди падают под удар тяжелого вооружения, им не всегда так везет.

Горячая вода в итоге закончилась, поэтому я вытерся, нашёл чистые джинсы и надел бы рубашку, в которой я был прошлым вечером, но Борис взял да и залил её своей кровью. У меня была другая чистая рубашка, которую я берег для особых случаев, и мне не хотелось её одевать, но выбора на самом деле не было. Выглядел я недурно, но решил не бриться, специально, чтобы Рейс не возомнил, будто мне вздумалось продемонстрировать ему свое уважение.

Позже я пришел к выводу, что совершил ошибку, не выглядев на все сто. К тому времени, как я закончил с душем, Рейс уже прислал за мной полицейскую машину. Сидя на заднем сидении, я выглядел как уголовник, которого забирали за какое-то совершенно кошмарное преступление. Я читал это в глазах окружающих, даже в глазах Бодрячки. Это ранило, но что ж я мог поделать.

Водитель был неразговорчив, это меня устраивало. Чуть больше чем через час мы прибыли в Овертон, самый крупный город в округе – прославлявшийся как «Жемчужина Юга» в рекламе, стремившейся заманить людей смотреть девственные леса, вроде того, что я валил. Овертон не был очень уж высотным городом – я, правда не знаю, как он назывался, когда ещё принадлежал Синдикату – за исключением центральной улицы, дома которой сооружены из бетона и стали, большая часть города была довольно низкой и гармонировала с холмами и долинами, на которых он раскинулся.

Главное управление полиции представляло собой большое массивное здание поблизости от космопорта. Меня провели по лестнице и сразу же отправили лифтом на четвертый этаж. Водитель сдал меня какой-то женщине, по всей видимости, глухой. Она так и не расслышала мою просьбу принести воды. Она отвела меня в комнату для допросов и усадила на стул. Секунду она раздумывала, не приковать ли меня, но решила обойтись.

Как и полагается приличным комнатам для допросов, эта была оборудована очень хорошо. Освещена она была одним очень сильным источником света, который скрывал стены в тени. Дальняя стена представляла собой зеркало, прозрачное с обратной стороны, но я не видел своего отражения, поскольку сидел на твердом металлическом стуле в центре комнаты. Я мог бы подойти к зеркалу и оглядеть себя, но они бы подумали, что я туп до мозга костей. Такое предположение с их стороны можно было бы посчитать забавным, но это только сделало бы все неприятное испытание еще более неприятным.

Позади меня открылась дверь и в комнату большими шагами ворвался Рейс, с видом, как будто он сам Девлин Стоун. Он был весьма тучен, что делало его в нелепых бриджах и двухцветной рубашке ещё более смешным, чем в изорванном колготками, клочьями свисавшем с него комбинезоне, в котором я видел его в последний раз. Я заметил под его одеждой выпуклости бесчисленных повязок, но он мужественно оставил на лице открытыми две царапины. Я абсолютно уверен, что на какой-нибудь пресс-конференции командующий будет отмахиваться от них, как от совершенно незначительных вещей, а средства массовой информации будут воспевать его отвагу.

Он одарил меня настолько жестким взглядом, насколько смог изобразить своими пороссячими глазами.

– Ты явно думал, что сможешь меня одурачить, не так ли? Сможешь сделать все так, будто ты пытался помочь, а на самом деле дашь им сбежать. Ты помешал моим людям схватить твоих сообщников!

Я нахмурил брови.

– Так все будет выглядеть в ваших мемуарах?

– Да, Сэм Донелли, если, конечно, это твоё настоящее имя. – Он нагрузил последнюю сен-тенцию немалым весом, намекая, что, дескать, единственным моим путем к спасению было полное раскаяние, ибо ясно – ему известно совершенно всё. – Тебе это так с рук не сойдет.

– Не сойдет с рук что? – спросил я, довольно резко выпрямившись на стуле. – Я был там, кто-то пытался взорвать мой мех, а вы завели своих людей в засаду и выдали их своими разговорами. Я сделал все, чтобы ваши люди не пострадали и укокошил больше террористов, чем все вы на протяжении всей операции.

Рейс фыркнул и начал вышагивать взад-вперед перед зеркалом, судя по всему, выделяваясь перед какими-то зрителями.

– Мы все проверяем, Донелли, все. Мы уже знаем, что прошлым вечером ты имел встречу в людьюми из СЛИВа.

– Ну да, я вырубил одну.

– Не думай, что твои хулиганские выходки остались незамеченными! Ты также напал тем вечером на своего сотрудника и ему потребовалась госпитализация. – Он заложил руки за спину – это потребовало немного усилий, но ему удалось. – У тебя дурная репутация, Донелли, и мы не будем терпеть в нашем округе людей вроде тебя.

– Да, и именно поэтому людям вроде меня это место по вкусу. Нет конкуренции. – Я со своей стороны тоже пробуравил его пронизывающим взглядом. – Знаете, что мне не нравится в вас? Вы некомпетентны, и вы не хотите это понять, но достаточно харизматичны, чтобы порядочные люди вокруг вас верили в то, что вы говорите сами о себе. Вы угрожали своим собственным людям и теперь пытаетесь свалить все на меня.

– О, так вот в чем, оказывается, дело! – Рейс начал хихикать, сотрясаясь от пупка до челюсти и обратно. – Все это было заговором ПЭФ с целью дискредитировать и снять меня с моего поста. Не выйдет, мистер, совсем не выйдет!

Его лицо становилось багровым и в уголках рта начали собираться белые пятнышки слюны. В поле моего зрения появилась его рука, пальцем которой он намеревался в меня ткнуть. Я был убежден, что следующий тычок будет исполнен целым кулаком пальцев и, хотя я славно забавлялся, сомневаться в том, что такой удар заставит мои зубы издать энергичный треск, не приходилось.

Вот в этот момент она и появилась.

Я услышал, как открылась дверь и выражение лица Рейса в наносекунду переменялось от ярости к благожелательности. Он выпрямился и расплылся в улыбке.

– Миледи, я думал...

Она заговорила прежде, чем я смог её увидеть, поскольку командующий Пухлый блокировал мне отражение в зеркале, но голос, по сравнению с его скрежещущей яростью, казался холодным и успокаивающим.

– Ваша методика допроса очень поучительна, командующий, и я всего лишь хотела сделать ответный жест, показав несколько приемов, которые мы используем на Терре.

Слово «Терра» заледенило кровь в моих жилах. Единственные люди, которые прибывают в такую дыру как Хелен – это люди Республики, следовательно, за мной находилась республиканский рыцарь, о которой толковал Лири. Её вмешательство означало, что дело было очень серьезно, и куда выше уровня Рейса.

Она прошла мимо меня и как бы мимоходом бросила мне на колени бутылку с холодной водой. Этого я не ожидал и был вынужден дёрнуться, чтоб поймать бутылку до того, как она упала на пол. Бутылку я поймал и прижал её сзади к шее, посмотрев на вошедшую. Для того, чтобы это сделать нужно было сильно задрать голову, но оно того стоило.

Вы уже поняли, что она была высокой, и можете добавить к тому тот факт, что она была стройной. Вдобавок к тому красивые плечи, сходящиеся к узкой талии и по-настоящему длинные ноги, которые не скрывали её высокие, до колен, сапоги. Ей такие сапоги шли куда больше, чем Рейсу. Остальная её одежда, начиная от черной кожаной юбки и заканчивая голу-

бой блузкой и черным жакетом, выглядели достаточно элегантно, чтобы отстоять на световые годы от суровой реальности, называвшейся Хелен.

Её изящное телосложение, в сочетании с прямыми черными волосами и изумрудного цвета глазами, заставляли верить в сверхъестественное. Она двигалась легко, почти небрежно, но я мог прочитать в её шагах целеустремленность. Она бросила мне бутылку на колени очень небрежным движением, но я знал, что это была проверка.

Я улыбнулся:

– Я просил воды. Откуда вы узнали?

Она улыбнулась в ответ и я почувствовал, как начал подтаивать лёд моей души.

– Я знаю таких как вы, мистер Донелли.

– Вы можете называть меня Сэм.

– Итак, мистер Донелли, моё имя – Джанелла Лейквуд.

Рейс перебил её.

– Это леди Джанелла Лейквуд. Рыцарь Республики.

– Неужели? – я криво усмехнулся ему. – Однажды прекрасная леди-рыцарь жила...

Оплеуха, которую мне отвесил командующий полицией, развернула мою голову.

– Да как ты смеешь разговаривать с ней подобным образом?

Лейквуд подняла руку.

– Командующий, прошу вас. Мистер Донелли никогда бы не закончил этот похабный лимерик, правда ведь, мистер Донелли?

– Чья улыбка очень холодной была...

Вторая зуботычина приложила к моей щеке достаточно силы, чтобы я поранился во внутренней поверхности рта и почувствовал привкус крови. Я сплунул на пол.

– Хотите послушать дальше? Я сочинил разные окончания.

Лейквуд вскинула подбородок и начала сверлить меня зелеными глазами.

– Возможно, я в вас ошиблась, мистер Донелли.

– Так выходит, вы все-таки не знаете таких как я?

– О, знаю и знаю очень хорошо. Такие как вы очень плохо заканчивают, очень плохо. – Её голос стал хрипловатым и, если бы не тон, я был бы согласен слушать её часами. – Вы должны принять решение, мистер Донелли. Один вариант – вы можете помочь нам, а мы можем помочь вам. Другой вариант – мы станем врагами и будем вынуждены уничтожить вас.

Рейс ударил кулаком в свою пухлую ладошку, подчеркнув этот момент.

Я потрогал щеку изнутри языком.

– Рейс все неправильно понял. Я не имею ничего общего ни с ПЭФ, ни со СЛИВом.

Она покачала головой.

– Прошлой ночью ваши сообщники из СЛИВ вошли в бар, где были намерены передать вам данные в виде информационных дисков, но вы затеяли драку, дав им возможность уйти.

– Это его версия, но это неправда.

– Почему бы вам тогда не сказать мне правду, правду, в которой есть смысл?

Я моргнул, глядя на неё.

– Есть смысл? Вы что, хотите сказать, что верите в историю Рейса – в то, что я помогал ПЭФ там, на горе?

– Эта версия логична, мистер Донелли. Вы с ними заодно. Вы выводите из строя одного из своих коллег, тем самым смешав график рабочих смен и гарантировав, что вы будете один. ПЭФ появляется и взрывает ваш мех и препятствует работам АРА по лесозаготовке. Вы продолжаете передавать ПЭФ информацию и никто не поверит, что вы – их человек, поскольку вы атаковали одного из их бойцов. Сколько они вам платят?

– А вы разве не знаете? ПЭФ борется за права крапчатых лемунов. Свободу нашим маленьким мохнатым братьям! – я отсалютовал им бутылкой и успел вовремя отдернуть руку, не дав Рейсу выбить её у меня. Я презрительно фыркнул и вдруг меня внезапно осенило насчет некоторых вещей. – О, это что-то! Вы просто невероятные кадры. Оба.

Она покачала головой:

– Пожалуйста, мистер Донелли, просветите меня.

Мои глаза сузились.

– Ваши шпионы копают не в том направлении, миледи. Если бы у вас не было человека среди нападавших, командующий Доверчивость никак не мог успеть выдвинуть своих людей для захвата террористов ПЭФ. И, более того, поскольку я только этим утром получил новое назначение, и вступление в силу судебного запрета было отложено тоже только утром... ну, да, это просто грандиозно! Информатор полиции слил Рейсу информацию о моей драке с одной из теток СЛИВа и о том, что ПЭФ поклялась отомстить. Рейс звонит судье, добивается продления, затем кто-то, возможно вы, миледи, потому что у Рейса не хватит для этого влияния, звонит в АРА и делает так, чтобы я получил это назначение. Вы меня использовали как наживку!

Рейс начал смеяться с показным превосходством, говорившим в пользу моей теории, но Лейквуд оборвала его прежде, чем он смог, раздувшись от важности, выболтать мне все детали.

– Интересная теория, мистер Донелли. Вы умеете быстро соображать. Достаточно быстро, чтобы придумать ещё десяток историй о том, как все могло быть. Тем не менее, факт гибели людей и то, что именно ваши действия воспрепятствовали командующему Рейсу задержать подозреваемых, остается неизменным. Более того, вы вторглись на место преступления и уничтожили улики.

Я прижал бутылку к щеке.

– Достаточно улики, чтобы вы не могли меня ни в чем обвинить, верно?

Она колебалась достаточно долго, чтобы мне стало ясно, что я разгадал её блеф.

Рейс, не обескураженный очевидным, фыркнул.

– О, у нас более чем достаточно, чтобы засадить тебя надолго, Донелли, и причем в такую дыру, что солнце ты будешь видеть только в полдень. – Он бы и дальше продолжал, но кто-то постучал в дверь и он отправился открывать.

Я посмотрел на неё.

– Вы и дальше хотите упираться или вы сейчас отступите, чтобы не выглядеть глупо?

– Верите вы мне или нет, мистер Донелли, но я хочу помочь вам.

– Вот так-так, это первый раз, когда подобное говорят наживке на крючке.

В её голосе послышался намёк на сочувствие.

– Мистер Донелли, если вы будете сотрудничать, все может обернуться для вас неплохо...

– Да? Подберете другую ударную группу, под которую меня бросите? К дьяволу и вас и этого вашего кашалота. Предъявите мне обвинения или отпустите домой.

Рейс снова захихикал. Он полагал это хихиканье смехом очевидного превосходства с контрапунктом злорадства. Звучало как страдающая астмой жаба во время течки.

– О, ты свободен, Донелли, но не убегай далеко.

– Я просто вернусь на работу.

– Нет, не возвращайся. – Рейс появился в моём поле зрения, держа в руке небольшой наладонный компьютер. – Пришло сообщение для тебя от руководства АРА. То, что ты подверг мех опасности в том инциденте, противоречит политике компании. Все бумаги уже оформлены и подписаны. Ты уволен.

Холодок пробежал по моей коже.

– Твоя работа, так ведь, ублюдок! Сделал из меня наживку. Все пошло плохо и ты пытаешься сделать из меня козла отпущения, а теперь ты сделал так, чтоб меня уволили. Ты больной человек, Рейс.

– Может и так, но, по крайней мере, у меня есть работа.

Я встал на ноги, отодвинув стул назад. Я сжал левый кулак, намереваясь выбить его плоскую морду из затылка, но Лейквуд схватила моё запястье.

– Вы уверены, что вы действительно хотите это сделать?

– Да, уверен, да я хочу это сделать. – Я действительно хотел, но после того, как она освободила мою руку, я опустил кулак. – Но я не буду. Я не доставлю ему такого удовольствия.

Она кинула пристальный взгляд на Рейса и обратно. Понижила голос.

– Мне жаль, что он так поступил.

– Да неужели? – фыркнул я. – Коль скоро вы играете в его игры – вы лжете. Говорят, миледи, что шакалы держатся шакалов. Если бы я был на вашем месте, я бы не стал находиться в его обществе.

– Этого принципа вам следует придерживаться, мистер Донелли. Не наделайте глупостей.

– Как будто вы считаете, что я способен на что-то кроме глупостей. – Я бросил воду ей обратно. – Спасибо, но не надо, благодарю. Я не хочу, чтобы вам казалось, будто вы сделали мне какое-то одолжение.

4

Осел, побывавший за границей, не вернется домой конем
– еврейская пословица

Овертон

Яфа, Хелен

Префектура III, Республика Сферы

14 ноября 3132 года

Для перемещения между звездами нужно, чтобы посадочный корабль подкинул вас до прыгуна, а прыгун прорезал дыру в пространстве и времени и скользнул на тридцать световых лет за время, достаточное, чтобы моргнуть. Поскольку прыжковые двигатели Керни-Футиды работают на всяких разных квантомеханических эффектах, человеческое восприятие в этот момент может вдруг стать совершенно диким. Когда прыгал я, то на протяжении наносекунды прыжка я почувствовал, как вся вселенная разворачивается передо мной, открывая мне все свои секреты и все свои неизмеримые возможности.

Когда меня грубо вернули назад к реальности, снова заключили в моём теле, я почувствовал потерю. Я почувствовал, как все открытые двери, в которые мне удалось заглянуть, захлопнулись. Мгновенный переход от всезнания к невежеству почти удушает.

Так вот, выходя из главного управления полиции я чувствовал себя также, только хуже. Рейс добился моего увольнения, этого я не ожидал. Я понимал, что он пытается давить на меня, чтобы заставить меня сознаться в связях с ПЭФ. С его точки зрения, он в принципе не мог ошибаться, значит в его ошибках был виновен я. И у него было как раз достаточно хитрости, чтобы нарисовать картину, в которую Лейквуд была готова поверить, поэтому я влип и влип по уши.

Я побрел вниз по улице и прошёл мимо отделения КомСтара. В АРА знали мой универсальный идентификационный номер. Они переслали на него моё выходное пособие, если конечно оно мне полагалось, а в будущем будут пересылать все сообщения для меня. Иметь УИН было очень удобно, пока сеть связи была действительно универсальной. После того, как гиперим-

пульсные генераторы полетели, его по-прежнему можно было использовать в пределах планеты и, как в случае с поздравлениями, которые Ржавый получил по случаю дня рождения, инопланетные сообщения порой проходили, но медленно и ненадежно.

Я решил не заходить и не проверять, переслала ли уже АРА деньги или нет. Если эти деньги у меня были, я бы их растратил, а поскольку меня по-настоящему мучила жажда, я не хотел сразу всё пропить. Я не рассчитывал на мало-мальски крупную сумму, но приходилось обходиться тем, что было. Если мне это не удастся и я не смогу найти постоянную работу, меня найдет Рейс, обвинит в бродяжничестве и вышлет из Республики. И где я тогда окажусь?

Пару поколений назад я бы отправился на Аутрич и постарался наняться в какое-нибудь подразделение наёмников. Я неплохо управляюсь с мехом и в дни моего прадедушки всегда было достаточно работы для пилота, обладающего определенными навыками, кое-какой удачей и достаточным количеством нейронов для формирования синапсов. Я бы получил работу, может не у «Волчьих Драгун» или «Гончих Келла», но какой-нибудь отряд поменьше или не слишком знатный аристократ, желавший занять персональную охрану, схватили бы меня не раздумывая в момент.

Девлин Стоун и его реформы изменили все. Давным-давно, когда «Слово Блейка» начало свой джихад против цивилизации, они устроили немалые разрушения и захватили некоторые миры. Девлина Стоуна засунули в лагерь для перевоспитания и он действительно перевоспитался. Сначала он сбежал из лагеря, потом с помощью своих сторонников освободил лагерь, потом планету, на которой лагерь находился, потому миры вокруг неё, и создал префектуру Киттери, ставшую прототипом Республики.

Стоун быстро понял, что если пилотами боевых мехов являются аморальные люди – того и гляди жди взрыва насилия. В конце концов, если всё, что у человека есть – это молоток, то все проблемы выглядят для него как гвозди, а если в качестве молотка выступает боевой мех, то таким молотком можно довольно сильно колотить по гвоздю – будет ли это другой боевой мех или какая-нибудь крохотная деревушка.

Он затеял двухэтапный процесс изменения общества. Во-первых он ограничил круг тех, кто мог обладать молотками. В одних случаях молотки сдавались добровольно, а в других их владельцев пришлось убеждать, что это хорошая идея. Пролилось немало крови, но с тех пор её лилось намного меньше чем раньше, и это было хорошо.

В качестве второго шага нужно было помочь людям понять, что не все проблемы следует рассматривать как гвозди и, более того, что существуют другие инструменты, способные эти проблемы решать. Поскольку все молотки находились в распоряжении Стоуна и никто не хотел становиться гвоздём, люди стали пользоваться другими инструментами и мы вплыли в Золотой Век мира, подходившего для всех.

По крайней мере, так пишут в школьных учебниках. Как и в случае со всеми обобщениями, не все было так гладко. Я забрел в обветшалую и грязную часть Овертона. Если она и видела какой-то золотой век, то это было в те старые дни, когда на троне Федеративных Солнц сидел Хэнс Дэвион. Весь район просто смердел гниющим мусором и перегретыми двигателями.

Я уже понял, что нашёл место, где я могу затеряться. Я прогуливался по улицам, рассматривая аллеи и разыскивая вонючую дыру, которая может поглотить меня целиком, и я нашёл её за мусорным баком. Я обошёл проржавевшую металлическую коробку и спустился вниз на несколько ступеней. Неоновая вывеска над дверьми должна была читаться как «Банзай», но причудливо перегоревшие лампочки открывали моему взору только «Банал».

Идеально.

Я толкнул дверь ногой и шагнул в темное помещение бара. Миазмы, исходившие от гниющих овощей, органично вписывались в атмосферу заведения, но вонь человеческой рвоты перебивала их практически полностью. В двух шагах от двери я уловил сильный аромат застоявшегося пива и более резкий запах непонятных трав, которые два кадра в углу раскуривали в кальяне.

Эти двое явно были сливками общества среди клиентуры бара. Большинство прочих сгрудились вокруг выпивки за своими столами. Они походили на клещей, присосавшихся к собаке

ради ужина, обрюзгших и отвратительных. Не считая парней в углу и крашеной блондинки, убиравшей столы, я был здесь самым молодым человеком за последние двадцать лет.

Я скользнул на табуретку у барной стойки. Выбор был предостаточный и я решил усесться через две пустые табуретки от старого алкаша, баюкавшего кружку пива. Он глянул на меня, когда я сажился, натрусил немного соли в своё пиво, чтоб поднять пену, после чего кивнул мне.

Я автоматически кивнул в ответ, что было, и я это знал, ошибкой. Бармен держался от старика на порядочном расстоянии, хотя вроде должен был подливать ему пиво, и значит, не желал иметь никаких дел с этим типом. Мой кивок был маленьким, но любезным подтверждением самого факта его существования, поэтому стало ясно, что рано или поздно мне предстоит услышать историю его жизни.

Я взглянул на бармена.

– Я возьму то же, что у него.

– Не получится. С тех пор у нас был новый завоз.

– Ладно, пусть будет что-нибудь мокрое, хорошо? – я выудил в кармане пару пятистоуновых монет, получил на сдачу рыцаря и экзарха. Оставив экзарха на стойке как чаевые бармену я выпил. Пиво было удивительно хорошее и это значило, что я обречен.

Закон жизни: чем лучше пиво, тем тупее идиот, сидящий рядом с вами.

– Молодому парню вроде тебя не следовало оказаться в месте вроде этого.

Я кинул на старика косой взгляд.

– Ты здесь что, по части проверки документов, дедуля?

– Было время, когда ты не стал бы говорить со мной таким тоном, молокосос. Деньки были получше чем сейчас. – Он поднял свой стакан и отпил немного. Пока он пил, я увидел татуировку на внутренней стороне его предплечья.

Я положил другую пятистоуновую монету на стойку, затем указал на старика.

– Налей ему из партии, полученной на этой неделе.

– Мне не нужно твоё подаяние. – Он сказал это резко, в надежде горячностью в голосе скрыть желание.

– Это не подаяние, дед, а благодарность. – Я кивком указал на руку. – Эта татуировка – настоящая?

Мужчина фыркнул.

– Ты думаешь, если бы она была ненастоящей, я бы её показывал? Ты же слышал все эти истории. Её бы уже давно не было.

Я кивнул. Несмотря на то, что татуировка была выцветшей, я легко узнал эмблему «Похоронного марша Стоуна», одного из основных полков, сражавшихся под началом Девлина Стоуна за освобождение миров от разных тиранов. Из всех молотков, которыми пользовался Стоун, «Похоронке» он задавал самую тяжелую работенку.

Как это обычно бывает, встречаются шуты, которые утверждают, что были частью того, частью чего они никогда не были. Не раз я слышал о ветеранах, которые разыскивали умников, утверждавших, что они тоже служили в «Похоронке» и даже имели татуировку, это будто бы подтверждавшую. Эти ребята добровольно удаляли татуировки при помощи медицинских лазеров в клинике, поскольку альтернативой была операция в полевых условиях при помощи лазерного пистолета, в ходе которой обычно удалялось немного больше чем просто пигментационный слой кожи.

– Где вы воевали?

Мужчина втянул пену со своего нового пива, затем отодвинул языком ус в сторону.

– Где я только не воевал. Я завербовался в девяносто третьем и прошел через все кампании. Капелланская была самой тяжелой. Эти дома воинов не сдавали и сантиметра, пока не начинали тонуть в собственной крови. Они ведь прикончили Алларда-Ляо и одного из сыновей Виктора. Я был под началом Бертонна. Если бы он не спас мою задницу, я бы здесь не сидел. – Бармен закатил глаза, и я понял, что история будет продолжаться и продолжаться если я что-нибудь срочно не предприму.

– Что же ты делаешь здесь в таком случае? Я думал, что о ветеранах Республики позаботились. Полдюжины рыцарей заквашены на похоронском тесте.

Бармен покачал головой и отошёл к посетителю, который, по всей видимости, помер за барной стойкой. Похоронец посмотрел на меня налитыми кровью голубыми глазами.

– Они меня забыли. После заключения мира я подал в отставку, приехал сюда, домой. У меня были проблемы с адаптацией, ставшие проблемами с законом, отсидел срок. Тюремщики меня невзлюбили, так что они отослали уведомление, что я, дескать, помер в той дыре. Я пробовал жаловаться, но никто не стал слушать. Проще восстать из мертвых, чем оформить все бумаги, доказывающие, что ты и не умирал.

Я нахмурился.

– Но есть же анализ ДНК, верно?

Он рассмеялся.

– Я отослал образец. Получил письмо со свидетельством о моей смерти.

– На мой взгляд ты выглядишь довольно живым. – Я протянул ему руку. – Я – Сэм Донелли.

– Энди Харнесс. Ребята звали меня Ворчуном. Когда я был в «Похоронке». Признателен за пиво. – Он снова отпил. – Моё оправдание тому, что я здесь – то, что я мертв. А у тебя какое?

– Как и ты, я тоже мертв, – буркнул я и хлебнул ещё пива. – Ещё час назад я работал на АРА, валил деревья за Кокусимой. ПЭФ устроило засаду на полицейских, угробили нескольких и по мысли треклятого рыцаря Республики я работал на ПЭФ. Она заставила АРА вышвырнуть мою задницу на улицу, и поскольку я жил в их бараке, я остался ни с чем. АРА не собирается давать мне рекомендации, поэтому на этом куске камня меня никто не наймёт, а у меня нет денег, чтобы убраться отсюда. Они выкопали мне милую маленькую могилку и заваливают её грязью со всей доступной им скоростью.

Мой голос становился громче по мере того, как я говорил, но кажется только бармен обратил на меня внимание. По выражению его лица можно было сказать, что теперь он будет требовать с меня оплату вперед и будет пробовать монеты на зуб, проверяя, настоящие ли они.

Несмотря на то, как с Энди обошлись, он остался республиканцем.

– Ну, если по мнению рыцаря существует проблема, у него должна быть на то причина.

– Это не он, а *она*, и она слушает этого козла Рейса. Этот жирный дармоед... – я схватил солонку Энди. – Я уже наполовину решил вернуться назад, взять его за жабры и посмотреть как он корчится от страха. Даже лучше, я могу поехать в АРА, забраться внутрь, взять мой мех и показать ему, почему дом, распиленный надвое, не может стоять.

Энди позабавила эта идея.

– Когда меня выпустили, он был младшим надзирателем. Именно он меня утопил, так что я тебе помогу.

– Я говорю тебе, Энди, он подставил тебя и он же подставил меня, и хуже всего в этом то, что Республика верит ему. Если бы Стоун был с нами, он бы появился здесь и пнул бы это ничтожество под зад, и здорово бы пнул, но что же теперь будешь делать, верно? Почему Республика не может проснуться? Рыцарь покрывает Рейса, а он стал маленьким диктатором. Ей следовало бы разорвать его на части и знаешь что? Если она его не разделает, то я разделаю. Он испоганил мою жизнь и я не понимаю, почему ему дозволено оставаться таким толстым, тупым и счастливым. Да за один стоун я бы...

Энди поднял руку.

– Спокойней, Сэм. Рейс туп, но валяясь в этой дыре я понял, что у него везде стукачи. Тебе не следует привлекать внимание, особенно его внимание.

Я кивнул и глотнул.

– Может ты и прав.

– О, я знаю, что прав, – нахмурился Энди. – Так у тебя нет места, где остановиться, правильно?

Я раскинул руки.

– Вот все, Энди, все, что у меня есть.

– Ладно, мы найдем тебе, место для ночлега. Здесь, на Акума, есть миссия, там должно быть место. У них должна быть и еда. Немного и не слишком хорошая, но брюхо набить можно. Там ты, к тому же, можешь поспать. Тебе придется слушать проповеди после ужина, но обычно они не так уж плохи.

– С этим я справлюсь. – Я улыбнулся ему. – Ты славный мужик. Для покойника. Но если у Рейса везде уши, разве ты не рискуешь? Он затаил на меня злобу и я уверен, он с удовольствием спишет тебя в случайные жертвы.

Энди с усилием поднялся, опершись на барную стойку и соскользнул с табуретки. Он потряс кулаками, неуклюжим движением пьяницы, а с живой энергией человека, который когда-то мог вздуть всех в этом баре ещё до того, как осела бы пена на его пиве. Несмотря на белесые волосы, багровое с перепоя лицо и бочкообразное брюшко, в нём все ещё просматривался мехвоин.

– Сынок, после тех переделок в которых я побывал, я никогда не испугаюсь Икабода Рейса. Он двуличная скотина и ненавидит мехвоинов особо, ведь его так и не приняли ни в одну из программ подготовки. Когда я состоял в «Похоронке», моё мнение о нём было не выше, чем о навозе. Сейчас его терзает один только факт, что я жив и этого достаточно. – Его глаза на секунду блеснули. – По крайней мере будет достаточно до того момента, когда мы распилим его дом надвое.

5

*Легко делить мертвого слона,
но не находится охотников иметь дело с живым
– поговорка племени йоруба*

Овертон

Яфа, Хелен

Префектура III, Республика Сферы

20 ноября 3132 года

Энди взял меня под своё крыло и за следующую неделю я многому научился. Даже будучи покойником с точки зрения Республики, ему здорово удавалось обходиться безо всякого официального статуса. Если мы не успевали добираться вовремя до миссии, чтобы поесть, он знал, в каких ресторанах бывают разборчивые едоки. Конечно, еда всегда была свалена в кучу, но ведь в желудке она все равно перемешивается.

Всегда был спрос на поденную работу. Может, здания возводят при помощи строительных мехов, но ведь общеизвестно, насколько им трудно залезть в маленькие помещения, и уж тем более они слишком велики для того, чтобы орудовать щёткой или убирать мусор. Когда мы разбирали груды мусора, была возможность подобрать лучшие куски металлолома и выручить за

них пару рыцарей у каких-нибудь торговцев. Немного, но поскольку мы не тратились на еду и крышу над головой, нам много и не было нужно.

«Банал» был одним из нескольких притонов, в которых Энди был завсегдатаем. Большинство из них были расположены поблизости от миссии или там, откуда нас в конце дня могли добросить грузовики, которые мы разгружали. Нам платили наличными, конечно, и мы оставляли часть водителю, чтобы он включил нас в рабочую бригаду на следующий день. Оставшиеся деньги не задерживались в наших карманах, но зато мы не ложились спать, умирая от жажды, и считали, что день удался.

Во время работы я узнал немало такого о Рейсе, что моё изначальное мнение о нём показалось мне слишком уж милосердным. Он всегда был плохим парнем, но по-настоящему его тирания расцвела после того, как Хелен отрезало от сети. Появление странствующего рыцаря должно было напугало его до усрачки, но только до того момента, пока он не ухитрился соблазнить её мыслью, что он – второе пришествие Девлина Стоуна. Пока Лейквуд его прикрывала, никто не смел ему противиться.

За исключением Партизанского Экологического Фронта. После происшествия на горе они надолго залегли на дно. Рейс устроил помпезные похороны полицейских, которых он потерял во время того рейда. На похоронах он произнес панегирик погибшим, способный заставить камни рыдать и добровольно записываться в полицию, дабы отомстить за павших собратьев. Даже завсегдатаи кабаков, смотревшие церемонию, полагали, что Рейс стоит за правое дело, пока им не напоминали тот факт, что Рейс уже успел поиметь их самих.

Вся эта зеленая тоска довела меня до белого каления. Я открыто и громогласно разъяснял, как бы мне хотелось поступить с Рейсом. Мои планы зашли уже намного дальше распиливания его дома. Толкуя о своих идеях, я продемонстрировал немного больше технических знаний в определенных областях, чем следовало, но я надеялся, что молва достигнет уха Рейса и он начнет спать с одним открытым глазом.

Но, как выяснилось, бодрствовать должен был я. На седьмую ночь, проведенную в моём убежище, меня разбудил мешок, наброшенный мне на голову. Я слышал, как Энди вскочил, потребовал объяснить что происходит, и получил тумак за своё усердие. С меня сорвали одеяло, скатили с лежанки и, заковав в наручники, выволокли из миссии.

Практически единственными словами, которые я услышал от своих похитителей, было обращенное к кому-то суровое: «Если ты себе не враг, забудь что здесь произошло».

Меня запихали в багажник хове́ра и машина рванулась с места. Я пытался запомнить дорогу, но мы разгонялись, притормаживали, крутили круги налево и направо, и я потерял всякое представление о том, насколько далеко меня увезли и в каком направлении. После минут десяти бесплодных попыток я сдался и решил, что сразу меня не убьют. Если бы они желали моей смерти, то, учитывая извлечение моей персоны из миссии в трущобах Овертона, они бы просто просветили мой череп пучком когерентного света и оставили бы труп в сточной канаве.

Поскольку я ещё не стал покойником, я заключил, что обладаю информацией, необходимой похитителям. Ведь было очевидно, что никто не станет платить за меня выкуп. Мне приходили на ум только три фигуры, которые могли полагать, будто у меня между ушами есть что-то ценное. Леди Лейквуд не стала бы вламываться посреди ночи. Рейс стал бы, но он сделал бы из этого шоу.

Оставался Партизанский Экологический Фронт. Было бы очень логично, если это они меня забрали. Как говорится, враг моего врага – мой друг, а я сделал широко известной свою оценку Рейса как злодея калибра Стефана Амариса. Кроме того, я довольно эффективно сумел разобратся с их засадой.

Эта мысль меня притормозила. Я мог им потребоваться для какого-нибудь показательного суда, после чего они намеревались меня казнить. Однако, опять же, я был просто никто. Если они хотели привлечь внимание к своей борьбе, устроив надо мной судилище за преступления против природы и их организации, то для них было бы лучше просто пристрелить меня при свидетелях, а потом, через средства массовой информации, разъяснить, почему я превратился в мишень.

Ховер остановился и я услышал, как гроыхнула, опустившись, дверь гаража. Крышка багажника открылась и меня выдернули наружу, обдирая мои голени о края. Я заорал, за что был вознагражден ударом в зубы – не того качества, что мог отвесить Рейс, но достаточно болезненным, чтобы заставить меня замолчать.

Меня усадили на стул, затем стянули мешок. Меня слепил яркий свет. Я попытался отвернуться от света, затем вдохнул как можно больше чистого воздуха. В отношении воздуха дело обстояло неплохо, надо признать, поскольку мы находились в большом ангаре, предназначенном для размещения мехов, но давным-давно неиспользуемом. Ржавые опорные колонны окружали лужицы стоячей воды, протекшей через дырявую крышу.

Как только мои глаза привыкли к свету, я огляделся. Вокруг меня стояли пять человек и я сразу заметил плохой признак. Ни один из них не был в маске, что, в случае похищения, не есть хорошо. Это означает отсутствие у ваших похитителей беспокойства насчет того, сможете ли вы их опознать, а простейший способ гарантировать невозможность опознания – убить вас.

Одну я узнал сразу. Рядом стояла Рыжая и она кипела. У неё до сих пор были синяки под глазами и челюсть была зафиксирована бандажом. Она обхватила себя руками под бюстом и постукивала кончиком ботинка. Определенно, она рассматривала меня, выбирая место, в которое можно впечатать этот ботинок, нанеся максимальные телесные повреждения, а мне такая перспектива совсем не нравилась.

Остальные четверо были непримечательными, не считая их загорелую кожу и хорошую физическую форму. Я решил, что они проводят много времени на природе, и это здорово подходит для фанатиков ПЭФешной любви к земле и ненависти к металлическим уродам, которые эту землю корежат или, скажем, валят выросшие на ней деревья. Пара из них наблюдали за мной довольно пристально, что предполагало наличие некоторого военного опыта, но я не заметил ничего, вроде татуировки, дающей представление, где они этого опыта набрались.

Но что я заметил, так это то, что четверо были в жилетах с эмблемами полиции. Я уже не сомневался в распространении истории моего похищения по трущобам как пожар, с наращиванием страха и негодования по отношению к Рейсу. В официальных средствах массовой информации ничего, конечно же, не упомянут, но порядочные люди Овертона все равно не верят злым сплетням о Рейсе.

Из маленькой конторки на склад вышел ещё один человек. Он в основном держался в тени, хотя свет блеснул, отражаясь от очков. Я не знал, нужны ли ему очки для улучшения зрения или служили в качестве маскировки, но это и не было важно. Я так и так не мог разглядеть его лицо, чтобы потом опознать.

Он заговорил и его слова с жужжащим призывом прорывались через модулятор голоса, прикрепленный к шее.

– Добрый вечер, мистер Донелли. Я так рад, что вы решили к нам присоединиться.

– Обычно я очень стеснительный, но ваши люди умеют убеждать. – Я шмыгнул носом и попробовал вытереть его о плечо. – Так это встреча Общества Ценителей Икабода Рейса?

– Пожалуйста, мистер Донелли, не оскорбляйте мой интеллект. Я же ваш не оскорблял. Вы, разумеется, узнаете Летисию. Она вызвалась убить вас, если потребуется. Вам известно, кто мы такие.

Я согласно кивнул.

– Известно. А вашей девице известно, что мне плевать на крапчатых и всех остальных лему-ров. Я работал на АРА потому, что за это платили. Мне плевать на политику или что-то еще. Я просто стараюсь свести концы с концами.

Главарь был одет в черное, поэтому когда он сжал кончики пальцев рук у груди, его руки с длинными пальцами показались мне белыми пауками.

– Вы опять неправы, мистер Донелли. Вам далеко не плевать на некоторые вещи. Вам ведь не плевать, чтобы Икабод Рейс получил то, что ему причитается, верно?

Я нахмурился.

– Ну ладно, может быть и так.

– Великолепно. И вам не плевать на деньги, это ясно.

– А кому плевать?

– Эту точку зрения можно оспорить, но у меня нет для этого ни времени, ни настроения. – Руки разделились. – Мои товарищи и я сам действуем в силу глубокой приверженности делу сохранения окружающей среды. Мы искренне верим в святость жизни, во всех её проявлениях.

В моей памяти пронеслась картинка полицейской, катящейся по хвойным иголкам.

– И при этом на горе вы устроили просто адскую стрельбу.

– К несчастью да, и это произошло непреднамеренно. Ховеры должны были прикрыть наш отход после того, как ваш мех был бы обездвижен. Это наша неудача, к чему вы приложили свою руку, но я не держу на вас зла за те потери, которые мы понесли. Вы всего лишь действовали в целях самозащиты, как и в случае с Летисией. Если бы ударная группа действовала в соответствии с полученными приказами, они бы отошли задолго до того, как ваша атака могла им повредить.

Я кивнул.

– Это выжившие из той ячейки?

– О, очень хорошо, мистер Донелли. Вы знакомы с системой ячеек, не так ли?

– Я же читал истории о «Слове Блейка». В каждой из них обсасывается то, какой совершенной была их система. Некоторые из этих книжек может служить учебниками для революционеров.

– И в самом деле могут, и таким образом общество, в котором свобода распространения информации объявляется ценностью, сеет семена своего падения.

– Чтобы быть замененной режимом, в котором личные свободы ценностью не объявляются?

– Едва ли, мистер Донелли. Мы бы стремились расширить свободы за пределы их сегодняшних границ человекоцентричности. – Пальцы сплелись. – Вас никогда не удивляло, что за все века, на протяжении которых человечество распространялось среди звезд, мы никогда не встречали другой разумной расы?

– Вселенная стара и огромна. Ну нет чужих, ну и что?

– Видите, даже вы стали жертвой незримого соблазна устоявшихся представлений. Почему же они должны быть «чужими»? Если мы заявили на планету и обнаружили там разумную жизнь, то почему «чужие» – не мы? Мы чужие и есть, но все определяется понятиями, выработанными человечеством. Суть в том, что мы, возможно, уже встретили десятки разумных рас, таких как, например, крапчатый лемур, но из-за того, что они не вписываются в мерки, принятые людьми, стремящимися отгородиться от своих биологических корней, эти существа объявляются сырьем, ожидающим эксплуатации.

Как я видел, беседа может пойти по нескольким направлениям. Летисия и остальные кивали в такт его словам, показывая, что они в них верили. Я почти было начал приводить контраргументы, просто чтобы их запутать, но поскольку Летисия была готова свернуть мне шею, а мои руки по-прежнему были в наручниках, я решил отложить исполнение этого плана.

– Хорошо, я вижу, куда вы клоните, и это все просто замечательно, но я человек деньгоцентричный и мне показалось, что вы готовы поверить моей приверженности к накоплению стоунов на банковском счету.

– Если бы она не сочеталась с вашей патологической ненавистью к Рейсу, я бы не поверил. Важен, однако, простой факт сочетания вашей неприязни к этому фрукту и ваших уникальных способностей, делающий вас достойным вербовки. Если мы сможем прийти к разумному соглашению по вопросу платы...

– Перестаньте, я не настолько глуп. Если я не соглашусь работать на вас, меня уложат там, где я смогу удобрить следующую поросль деревьев. Мои способности, те, о которых вы знаете, я имею в виду, – это пилотирование меха, а это стоит денег. Я согласен продаться за отдельную плату за каждое дело, при условии, что у вас есть для меня мех, который я смогу пилотировать. Мех, который даст возможность это дело выполнить.

– Мы прорабатываем вопрос приобретения меха, это входит в план операции. Я заплачу вам пять тысяч стоунов, в валюте КомСтара или ассигнациями республиканской оккупационной администрации, на ваш выбор. Я положу всю сумму на депозитный счет в отделении КомСтара. Это безопасно.

Я кивнул и продиктовал ему мой универсальный идентификационный код. Он перешлет деньги на мой счет и, после завершения работы, даст мне пароль, который позволит мне эти средства получить. Он может обмануть меня, отказавшись дать мне пароль, но КомСтар не выдаст ему деньги обратно без проведения арбитража, а я был уверен, что он постарается избежать чего-то подобного.

– Должно сработать. Но, прежде чем я буду чувствовать себя комфортно, я должен знать ещё одну деталь.

– И что же это за деталь?

– Кто вас на меня вывел?

Кончики пальцев снова соединились.

– Человек вне этой ячейки, поэтому вы его знать не можете.

Я потряс головой.

– Или вы скажете мне, или пусть она меня просто пристрелит. Я его не вычислил, а если я его не вычислил, я хочу знать почему. Я не делал таких серьезных ошибок уже давно и я не планирую их повторять. Я должен знать, что я пропустил.

На протяжении минуты главарь оставался безмолвным, а его руки – неподвижными, затем он потер руки.

– Очень хорошо. Это был ваш товарищ.

– Энди?

– Он самый.

Я снова потряс головой.

– Это будет последний раз, когда вы мне солгали. Если Энди был вашим человеком, то вам не был бы нужен я. У него есть мои навыки, моя ненависть к Рейсу и он уже побывал на темной стороне закона. Ваш последний шанс.

– Простите, это была проверка.

– Я её прошёл?

– Прошли. Бармен, невысокий такой, в заведении рядом со свалкой, высматривал человека с определенными навыками. Кандидатура Энди рассматривалась, но старые похоронцы не из породы революционеров.

– Однажды они уже устроили революцию.

– Это правда, мистер Донелли. Вашим связным будет Летисия, она же позаботится о ваших нуждах. – Одна рука указала на контору, в которой главарь ожидал нашего приезда. – У нас есть комната для вас. Позднее, уже завтра, вас посвятят в планы подготовительной деятельности, проводимой до начала нашей операции. Вы удовлетворены?

Я сомневался, что забота женщины, которой я сломал челюсть и нос, сделает мою жизнь чем-нибудь лучше преисподней, но кивнул.

– Да здравствует крапчатый лемур!

– Действительно, мистер Донелли. Существует немалая вероятность того, что они будут здравствовать куда дольше нас всех.

Кот и собака могут лизаться, но это ещё не делает их друзьями
– поговорка в Федеративных Солнцах

*Овертон
Яфа, Хелен
Префектура III, Республика Сферы
21 ноября 3132 года*

Контору, куда меня отвела Летисия, можно было назвать уютной. К стене был придвинут стол, на котором были выставлены различные напитки – фруктовые соки, минеральная и родниковая вода, а также закуски – и во всем этом не было и следа мяса, соли, жира и, не считая сухофруктов, вкуса. Способность подобной жратвы сильно продлить жизнь я счел ироничным, хотя и обнадеживающим фактом.

В дальнем углу была установлена ржавая железная кровать, с разложенным на ней убогим старым матрасом. На его бугристой, в серую полоску поверхности были свалены простыни, одеяло и подушки. Я взглянул на все это и повернулся спиной к моей похитительнице, пошевелив пальцами.

– Сними их и я смогу заняться постелью.

Она зарычала и я думаю, заскрипела бы зубами, если бы это не было так больно. Летисия сняла с меня наручники и спрятала их к тому моменту, как я повернулся потирая запястья. Я коротко кивнул ей, когда она отошла назад и взгромодилась на угол стола. Мне было совершенно ясно, что она ничего не желала бы больше, чем предлога надрать мне задницу, поэтому я ничего не стал ей говорить, а развернулся, чтобы разобрать постель.

Простыни были чистыми и даже выглаженными. Я почему-то решил, что их гладила та самая блондинка и решил так даже раньше, чем нашёл на наволочке длинный светлый волос. Эта девушка показалась мне готовой на все ради друга, вне зависимости от того, являлся ли друг человеком или древесным паразитом. Я разгладил простыни, затем поднял сложенное одеяло и повернулся к Летисии.

– Поскольку ты будешь за мной присматривать и, поскольку я думаю, ты все-таки воспользуешься вон тем креслом, может быть тебе пригодится это одеяло, чтобы не замерзнуть?

Она наградила меня злым взглядом, который, если бы он был из микроволн, зажарил бы моё сердце в секунду.

Я пожал плечами и бросил одеяло на сиденье кожаного конторского кресла.

– Если будет нужно – оно там.

Я содрал с себя джинсы – я спал в них в миссии, потому что если бы я в них не спал, их бы сперли – и забрался в кровать. Потянувшись я почувствовал треск позвоночника по всей длине, поэтому я стал дышать медленно, стараясь расслабиться и быстро соскользнул в сон.

Хотя можно посчитать за глупость спать в логове врага, в присутствии человека, который затаил на тебя злобу, на самом деле то, что я легко заснул, объяснялось очень просто. У них было более чем достаточно возможностей меня прикончить ещё раньше, и не было никакого смысла пытаться внушить мне чувство ложной безопасности перед тем как начать действовать. Неясно было, чего хотели от меня эти природозащитники, но я был уверен в наличии у них своей организационной структуры. И до тех пор, пока я не попал в шестеренки этой структуры, я был счастлив.

Я проснулся довольно рано и перед пробуждением издал достаточно охов и вздохов, чтобы Летисия встала раньше меня. Она очень медленно выползла из-под одеяла и запила таблетку, посасывая воду через соломинку. Я посчитал таблетку обезболивающим, и предположил, что

она принимает только часть предписанной дозы, чтобы не выпасть в наркотическую нирвану. Хотя я восхищался её выдержкой, я также был уверен, что лекарство притупляет её рефлексy, поэтому, если будет нужно, я смогу с ней справиться.

Я решил встать с койки медленно. Когда я наконец добрался до своих джинс, я обнаружил, что они исчезли. Вместо них я нашёл новую одежду, включая симпатичные рабочие штаны цвета хаки, рубашку на пуговицах и чистое бельё. Можно было бы подумать, что раз они знали мои размеры, значит за мной давно наблюдали, но на самом деле я имею весьма средние габариты и закупить все это для меня в каком-нибудь круглосуточном универмаге не представляло собой никакой сложности.

К тому же ботинки, которые они для меня достали, были на полразмера больше чем нужно.

Ориентируясь едва раскрывшимися глазами, я прошаркал до стола и ухватил коробку фруктового сока. Потерзав её немного ворча себе под нос, я исхитрился её открыть и высосать содержимое. Когда я поставил коробку обратно, один из моих глаз полностью открылся.

– А кофе есть?

Её взгляд был таким, как будто я попросил лемурской крови.

Я обогнул стол и быстро шагнул к ней, намного быстрее, чем она ожидала от меня, и даже намного быстрее, чем скорость, на которую она могла отреагировать.

– Значит так, Летисия, нам нужно достигнуть взаимопонимания. Я тебе не по вкусу, я это ясно понял. Ты меня не любишь потому, что я раскучорил тебе нос и челюсть, но это личное, между нами двумя. Ты себя контролируешь, я знаю, за исключением одной вещи.

Она отошла на полшага назад. Я не преследовал.

– Этой вещью, сестренка, является следующее: ты зла на себя за людей, которые погибли на той горе. Из-за того, что я тебя избил, тебя там не было. Ты не руководила операцией, поэтому твои люди сгруппировались и погибли. Конечно это я их убил, так что ненавидь меня за это, это нормально. Но нельзя переносить на меня свою злость на себя. Ты знаешь – это неправильно и как раз это сделал бы нытик типа Рейса.

Летисия упёрлась мне в грудь рукой и отодвинула меня назад. Она пробормотала что-то, я не смог точно разобрать что, и это было само по себе неплохо, ибо вряд ли такие слова положено знать настоящей леди. Если бы я дословно передал сказанное ею, то данный отчет был бы низведен с вершин возвышенной литературы, а я был бы обвинен в потворствовании примитивно-пошлым вкусам толпы.

Я мог вытворить с ней множество разных вещей, начиная с возможности схватить и выкрутить её руку, придавив её к полу, и заканчивая тем, чтобы притянуть её к себе и поцеловать. Последнее точно было бы пошло, и даже могло быть сочтено нападением, учитывая состояние её челюсти. Исходя из текущего положения дел, я сделал выбор в пользу простейшего пути и дал ей возможность развернуться и уйти молча злиться.

Мне это прекрасно подходило, потому что мне тоже требовалось время подумать. Моя беседа с Рейсом вскрыла агента полиции в рядах ПЭФ. Об этом Летисия могла знать все или ничего. Если кротом была она, то она знала бы все, и не знала бы ничего, если кротом она не была. Шансы на то, что именно она была агентом, были высоки, поскольку быстрый доклад Рейсу о происшествии в «Гнезде» давал ему возможность вывесить меня в качестве приманки. В то же время, напав на одного из его подчиненных, я сделался превосходной кандидатурой для подставы, и, как бы мне не хотелось думать, что я ненавижу Рейса только в ответ на его ненависть ко мне, я в любом случае, сам нашел на свою голову приключений. Рейс должен был посчитать меня удобным объектом при любых обстоятельствах.

Если Летисия была кротом, то её злость могла объясняться гибелью полицейских. Если бы она не оказалась за кадром из-за сломанной челюсти, она бы присутствовала во время организации засады и смогла предотвратить гибель своих коллег. Хотя она, возможно, радовалась гибели ПЭФешников, потеря товарищей была бы болезненной. Даже если так, она должна была довольно быстро понять, что ничего из сделанного мной, за исключением устроенного ей нокаута, никак не влекло за собой их гибели.

Однако оставались вопросы по поводу того, как прошла вся эта штука с засадой. Рейс подставил меня как наживку после того, как он узнал о драке в баре. ПЭФ выяснил, что я был в поле и решил мной заняться, о чем также стало известно Рейсу. Рейс спланировал свою засаду и взял с собой кучку людей и маленький хOVER. Бригада ПЭФ, с другой стороны, набрала взрывчатки, взяла два грузовых хOVERа и довольно тяжелое вооружение. Как можно с легкостью заключить, ПЭФ ожидал появления Рейса и пришёл именно за ним.

Единственным выводом, который можно было сделать из этого факта, был следующий – у ПЭФ свой человек в полиции. Самым простым вариантом, и опять это могла быть Летисия, было то, что агент Рейса на самом деле был двойным агентом. Предположительно, этот двойной агент отчитывался только перед Главным Партизаном. Никто в ячейке не знал бы, кто она на самом деле. Летисии, если она была агентом Рейса, не было бы известно о контроперации, потому что она никак бы в ней не участвовала и, в результате, все могло обернуться полным истреблением полицейских, если бы в дело не вмешался я.

Была небольшая вероятность гибели агента Рейса в хOVERе, на который я уронил дерево. Это могло, в определенной степени, объяснить его злость на меня. Несмотря на мою нелюбовь к Рейсу, я не питал неприязни к его людям, и мысль, что я мог убить одного из них, оставляла тяжелое чувство. Тем не менее, то, как хOVERы расстреливали полицейских, предполагало либо двойную игру агента Рейса, ничего не предпрывшего, чтобы остановить этот расстрел, или вообще его отсутствие. Меня устраивали оба варианта.

Всё сводилось вот к чему. Во-первых, была ли она полицейской или преступницей, у Летисии было достаточно причин меня ненавидеть. Я был вынужден допустить, что по возможности она постарается организовать мне неприятности. Во-вторых, все, нами планируемое, станет известно Рейсу. В-третьих, все, известное Рейсу, станет известно Главному Партизану.

Я попробовал взглянуть на вещи со стороны Партизана. Он знал, что данная ячейка засвечена агентом полиции, поэтому её можно было принести в жертву, если только агент не был двойным, в случае чего ячейку можно было считать надежной. Поскольку он знал, что ячейка раскрыта, все планы, которые он разрабатывал, должны были иметь две фазы. Первая представляла собой открытую операцию, в отношении которой Рейс, как ожидалось, предпримет ответные шаги. Вторая была реакцией на действия Рейса, и была предназначена для наказания Рейса за попытку сорвать первую фазу. При правильной организации, вторая фаза операции должна была стать настоящей катастрофой для полиции и продемонстрировать Рейсу дьявольское коварство его врага.

Отсюда я был вынужден предположить, что вне зависимости от нашего задания, это будет только первая фаза операции. Если это так, то нас используют как наживку. Следовательно, источник Главного Партизана в полиции не может быть одним из нас, следовательно, нами можно пожертвовать, а это, с точки зрения теории революционной борьбы, просто замечательно: больше мучеников за веру.

Если же, наоборот, мы были частью второй фазы операции, то Партизан мог использовать нас только в том случае, если считал нас абсолютно надежными. Эта идея меня порадовала, потому что означала получение ресурсов, необходимых для проведения операции и резко снижала для меня вероятность закончить в качестве тела на столе судебно-медицинского эксперта.

Эти размышления привели к немного обеспокоившей меня мысли. Партизан предложил мне пять тонн стоунов за одну операцию. Такие деньги не собрать подаянием, брэнча на абазуки на углу улицы. Я был на Хелен только четыре месяца и за все это время ни разу не видел, чтобы СЛИВ в целях сбора средств на своё дело проводил хотя бы благотворительные распродажи домашней выпечки, и ещё реже видел рекламно-пропагандистские вечеринки стоимостью по тысячу стоунов на персону с толпами приглашенных сексапильных знаменитостей. Мой гонорар и обещание Главного Партизана достать мне тачку предполагали чьи-то очень глубокие карманы. Я был уверен, что это не сам Главный Партизан. Так же я был убежден, что все его рассусоливания насчет лемунов – ерунда. Я знал о нем немного, но ногти его рук были недавно отманикюрены, а его часы, сверкавшие в левом рукаве, стоили несколько моих гонораров.

Итак, примерно на такой ноте я осознал, что оказался обеими ногами на минном поле, о существовании которого и не подозревал. Выйти с него, сохранив все части тела при себе будет непросто. Я пожал плечами. Если вся эта история меня убьёт, по крайней мере, я умру в чистом белье.

Я спросил Летисию насчет душа. Она показала мне дорогу за дверь и в угол, где были сооружены водостоки. Шланг имелся, но занавеса или чего-то подобного не было, поэтому я бесстыдно оголился и вымылся. В качестве полотенца я использовал мою старую рубашку, затем натянул свежий наряд и вернулся в тюрьму.

С моего белья и прочей одежды были срезаны все бирки. Это меня немного удивило, поскольку предполагало больший уровень профессионализма, чем ожидавшийся мной от ПЭФ. Отсутствие бирок добавит работы местным ищейкам отслеживающим деятельность ПЭФ. Только по одному этому многое можно было сказать, но я решил, что Партизан просто хочет впечатлить своим опытом людей. Это был неплохой способ повысить их уверенности в себе и он означал, что они знали его не так уж давно.

Я усмехнулся и подумал о вечере в баре перед дракой. ПЭФ, возможно, появился только после того, как рухнула сеть. Главный Партизан явно прибыл для формирования организации, но по чьему приказу? Причина – власть – была очевидна, но менее очевидно было то, у кого её должны отнять и кому передать. По мере подготовки станет ясно, как будут разворачиваться события и у меня все зудело от нетерпения узнать, кто подписывает Главному Партизану чеки.

Один из похитителей с предыдущего вечера появился в проеме двери. Он бросил мне куртку, которую я легко поймал.

– О, кожа! Нам можно носить такое?

Он мгновение колебался.

– Ну да, это же для маскировки, разве нет?

Я кивнул.

– Разумно. – Натянув куртку, я сунул в один из карманов бутылку воды. Я последовал за мужчиной через дверь здания и вышел в переулок. В конце улицы был металлический забор из гофрированных листов, поэтому мы вернулись назад к месту ответвления другого переулка и прошли через ворота во двор многоквартирного жилого дома для бедноты. На парковке он направился к старой модели хопера «Гайдзин» и указал мне на место водителя.

– Ты хочешь, чтобы я вел машину?

– Просто делай то, что я тебе скажу и все будет отлично.

Я уселся за руль и ввел код зажигания, который он мне сообщил. Двигатель заурчал на первой же попытке. Я вывел на вспомогательный монитор технические характеристики машины и стало видно, что хотя машинка выглядела непрезентабельно, её двигатель был отрегулирован просто идеально или даже лучше.

– А этот монстр способен мчать.

– Да, но если мы не будем сильно невезучими, то это не потребуется. Веди, тихо и спокойно.

Я поднял хопер на воздушную подушку и мы отчалили. Он заставил меня накручивать по городу ленивые круги, пока высматривал в зеркало заднего вида нет ли за нами хвоста. Ничего не заметив, он начал указывать мне направление, уводя нас назад в центр Овертона. Когда мы оказались поблизости от главного управления полиции, я начал немного нервничать. Это, казалось, забавляло моего спутника.

– Расслабься, – сказал он. – Мы просто продолжим начатое другой группой.

– И что мы будем делать? – Когда я задал этот вопрос, показался Замок де Рейс.

Он усмехнулся.

– Ждать и наблюдать. Припаркуйся где-нибудь здесь и смотри в оба. Мы у ворот врага и скоро мы собираемся их снести.

Рыба видит наживку, а не крючок
— капелланская поговорка

Овертон
Яфа, Хелен
Префектура III, Республика Сферы
21 ноября 3132 года

Как сказал мой высокий и поджарый спутник, его звали Рэй, был ли это псевдоним или нет, я не знал, да меня это и не интересовало. Его карие глаза казались натуральными, светлые волосы — крашеными. Он двигался довольно свободно и выглядел почти настороженным. Я не мог сказать, вооружён ли он, но если у него и было оружие, то малоразмерное, вроде потайного лазера.

Я припарковался на улице, удачно попав в свободное место между машинами и мы профлакировали вниз до небольшого бистро с открытой боковой площадкой на тротуаре, откуда мы могли легко наблюдать за зданием полиции. Он сидел лицом к управлению, а я под углом, так что здание располагалось слева от меня и я мог видеть наш ховер, оставшийся справа. У Рея был небольшой наладонник, с которого он, как казалось, читал местные новости, но его большой палец нажимал на кнопку всякий раз, когда кто-то входил в здание или выходил из него.

Мы между собой много не разговаривали. Вообще-то, он больше сказал официантке, заказывая свой эспрессо, чем мне. Это оставило меня наедине с моими мыслями и наблюдениями.

Рей упомянул замену другой группы наблюдения, но я не видел, чтобы он сигнализировал кому-нибудь о нашем прибытии на место, и не видел, чтобы кто-то убрался. Я уже заключил, что для осуществления своего плана Главный Партизан должен задействовать ещё, по крайней мере, одну ячейку. Привести меня так близко к главному управлению полиции было не очень-то умно, так как существовала вероятность появления рядом Рейса, который мог меня заметить. В то же время я сильно сомневался, что Рейс будет ожидать встретить меня на его территории. Если он даже и ожидал чего-то подобного, как это могло навредить? Рейс возьмет меня в оборот? Даже если бы я решил ему все рассказать, то рассказать я мог очень мало. То место, в котором меня держали, вероятно уже было покинуто, и после окончания нашей смены Рей укажет дорогу на другую точку.

Я заказал много горячего кофеина и позволил себе расслабиться, пока попивал его маленькими глотками. Остальной народ подобным же образом наслаждался теплыми деньками начала хеленской осени и немало общительных людей толкалось в магазинах, закупааясь к предстоящим праздникам. В их разговорах я смог уловить намеки на тревоги, уже распространявшиеся как пожар в низших слоях общества. Последние события оказали сильное влияние на интеллигенцию и, хотя она, может быть, устойчивей к подобному давлению, со временем оно надломило бы и её.

Коллапс системы связи КомСтар был равносителен крупному землетрясению. Все знают, что земля не должна двигаться, поэтому когда она начинает трястись, это кажется просто неестественным. После такого не остается в конечном счете ничего, чему можно верить. Солнце всегда встает по утрам, но поднимется ли оно завтра? Может и нет.

КомСтар всегда давал людям возможность общаться между планетами. Доступность связи была цементом, скреплявшим общество изнутри, поскольку способствовала формированию спроса на рынке и внушало новые идеи. Как только приходили новости о последнем писке моды на Новом Авалоне или Таркаде, начинало появляться все больше народа, желавшего

того же. Промышленность развивала бешеную деятельность, стремясь удовлетворить образовавшийся спрос, а довольные потребители формировали довольное население. Пока люди считают себя не хуже всех остальных во вселенной, они счастливы.

Средства массовой информации также могли оказывать как побуждающее, так и сдерживающее влияние. Проводя реформы Стоуна, Дэвид Лир ясно осознавал, что информация – ключ ко всему. Когда приходившие сообщения новостей восхваляли, скажем, народное творчество определенного национального меньшинства, или усилия местного движения по борьбе с загрязнениями окружающей среды, это побуждало людей имитировать подобное поведение. Когда приходившие новости порицали какую-нибудь несправедливость, все немедленно сплывались, желая с ней бороться. Республиканские власти использовали этот рычаг воздействия, финансируя общественные программы и деятельность, позволявшие демонстрировать массам вдохновляющие результаты, а успешные действия такого рода порождали, в свою очередь, ещё большее количество стимулирующей информации.

Я знаю, это звучит очень цинично, в основном, потому, что такая система включает в себя манипулирование сознанием населения. Однако такая манипуляция отличается от грубого принуждения, которое практиковал Рейс. Участие в общественных мероприятиях повышает самомнение людей. Те, кто уже имел республиканское гражданство, побуждаются к поддержанию положительного имиджа, а те, кто нет – бросаются во все тяжкие ради приобретения статуса гражданина.

Долгое время проклятием Внутренней Сферы была национальная вражда, и она ярче всего горела на пограничных мирах. Стоун знал, что самые спорные миры представляли собой очаги возникновения всех будущих конфликтов и именно поэтому среди интегрированных в Республику миров были некоторые из наиболее пострадавших и легендарных в истории человечества. Он доказывал, что если станет возможным принести мир на такие планеты, то его можно будет распространить на остальную часть Внутренней Сферы.

На протяжении двух поколений он преуспевал. Его отставка создала некоторые проблемы, но события по-прежнему шли мирно до тех пор, пока под удар не попали гиперимпульсные генераторы. Этот удар был весьма тяжел, поскольку оставил всех в темноте и неведении как насчет происходящего в мире, так и по поводу личностей людей, выведших из строя систему связи.

Ржавый – возлюби его Боже, потому что никто другой его не полюбит – немедленно сделал скоропалительный вывод, что местный генератор вырубил люди из ПЭФ, потому что это были его любимые злодеи. Если бы у ПЭФ были средства, чтобы выводить из строя гиперимпульсные генераторы, им бы не пришлось прятаться по лесам и пытаться взорвать одну из опор «Марии». Тем не менее, его реакция не была полностью алогичной, и даже была более разумной по сравнению с некоторыми другими.

Синдикат Драконов и Федеративные Солнца оспаривали друг у друга Хелен на протяжении многих лет. Планета переходила из рук в руки так часто, что нумизматика стала здесь небольшой отраслью промышленности. В некоторые годы лица на монетах менялись ежемесячно. Однажды смена власти произошла слишком быстро и на банкнотах оказались лицевая сторона куритян и обратная сторона с купюры федералов.

Слушая людей в бистро в районе, населенном, по большей части, выходцами из Федсолнц, я слышал обрывки разговоров из разряда «мы и они». Банальные вещи типа «Ну, я слышал, что они...» и «Одно время я встречался с одной из них...» Тон разговоров повышался от мягкого до яростного, а затем очень драматично обрывался до шёпота, когда мимо проходил кто-то из горожан азиатского происхождения.

Поскольку не было никаких указаний насчет того, кто в действительности вывел из строя гиперимпульсные генераторы, все могли фантазировать в свое удовольствие. Несмотря на то, что сегодняшние взрослые выросли в эру мира, в которой они прекрасно уживались с людьми различного происхождения, у них все равно были родители и родители их родителей, которые побывали в старых войнах или слышали старые истории от своих предков и передали их по наследству в незатейливой упаковке «В моё время...»

Даже безо всяких усилий групп вроде ПЭФ, общество распадалось на части.

– Ну-ка, оживай.

Я глянул на Рея.

– Чего тебе?

Он кивнул в сторону здания полиции.

– Дай ей пройти, затем садись на хвост. Я подгоню хOVER. Держи её в поле зрения, но не дай себя заметить.

– Она – твоя цель? – леди Лейквуд начала спускаться по лестнице.

– За неё полагаются премиальные. Не выпускай её из виду.

Я кивнул и поднялся с сиденья, после чего перемахнул через невысокое ограждение, отделявшее бистро от проходной части тротуара. Я влился в поток пешеходов достаточно легко и умудрился не потерять её. Этому способствовал её высокий рост и даже больше – поклоны, которые отвешивали узнававшие её.

Я следовал за ней по другой стороне улицы, то есть имел очень хорошую позицию для наблюдения. Но я знал, что даже так мои шансы не упустить её и остаться незамеченным минимальны. Хорошо организованная слежка вроде этой потребовала бы дюжину человек, причем снабженных средствами радиосвязи, чтобы можно было менять группы и охватить разные пути, по которым она могла проследовать.

Она заскочила в магазин, затем вышла из заднего выхода и исчезла.

Это предполагало две вещи. Первое – она заметила, что за ней следят. Вторая – она хотела уйти от слежки.

К несчастью для меня, слежку она действительно заметила, но убежать не собиралась.

От внимания Рея ускользнула одна деталь – будучи рыцарем Республики, леди Джанелла Лейквуд имела персональную охрану. Эта охрана состояла из двух довольно крупных личностей, одной особи мужского пола и одной – женского. У них были такие угрюмые физиономии, как будто они подавали заявления на зачисление в «Похоронный марш Стоуна» и получили отказ. Они появились позади меня ещё до того, как я успел их заметить, подхватили под руки и быстро промаршировали со мной в переулок. Там женщина прижала меня к стене и обыскала, в то время как мужчина говорил с кем-то через своё устройство связи.

Шмон был не так плох, как мог бы быть. Руки ощупали все нужные места безо всякой застенчивости, но давление было совершенно чрезмерным. Если бы она исследовала меня чуть-чуть подольше, можно было бы пропустить ближайший медосмотр, что было бы весьма кстати, поскольку в сэкономленное время я бы выбрал кирпичную крошку из левой щеки.

Когда меня наконец развернули, я оказался лицом к лицу с леди Лейквуд.

– Гоняетесь за мной, да?

– Только в ваших мечтах.

– Даже в мечтах себе такого представить не могла, мистер Донелли. – Она скрестила руки и устремила на меня свой взор, горевший чистым малахитовым пламенем. – Слышала о вас кое-какие интересные вещи. Вы угрожаете командующему Рейсу.

– Пьяная болтовня, как вам прекрасно известно. Мне бы следовало написать на него заявление, иск подать и все такое. Он прогнил как труп месячной давности. – Я негодуяше повел плечами, встревожив её сторожевых собак. – Так что, может быть, я появился у управления полиции, чтобы увидеть его и обматерить, ну, вы понимаете, а потом увидел вас. Я подумал, я могу вам кое-что рассказать, но передумал, когда вот эти ваши Джек и Джилл станцевали моей щекой по вот этой стене.

– Что вы собирались поведать мне, мистер Донелли?

– Я тут расспрашивал народ и, говорю вам, Рейс – гнилой товар. То же, что он сделал со мной, он делал и с другими. – Я фыркнул. – В прошлом, когда Республика ещё была на что-то способна, его бы остановили.

Её подбородок вздернулся.

– Вы можете что-либо доказать?

– Файлы, улики и тому подобное? Здешние простые люди не обладают ничем похожим, но это ещё не значит, что они не знают правды. Вы могли бы начать с той поры, когда он работал надзирателем в местной тюрьме и копать оттуда. Он грязный тип, вы это увидите.

– Точно как я и думала. У вас ничего нет. – Она покачала головой. – Давайте-ка я вам подкину тему для размышлений, мистер Донелли. Вы пытаетесь прыгнуть выше головы, если решили навредить командующему Рейсу своими необоснованными инсинуациями. Это особенно актуально потому, что вы заработали себе репутацию лжеца.

– Я – не лжец!

Лейквуд взглянула на Джека.

– Объект был замечен в рыночном бистро два часа семнадцать минут назад. После выхода Вашей Светлости из здания полицейского управления, начал слежку. Был задержан по вашему приказу.

Меня качнуло назад к стене.

– Ну ладно, я хотел встретиться с вами. Рейс отнял у меня работу. Я думал, я смогу попросить вас о помощи. У меня же ничего нет.

В разговор вклинилась Джилл.

– Одежда новая, но на куртке нет никаких ярлыков и бирок.

– Ничего, мистер Донелли? Вы уверены, что сейчас не пытаетесь солгать?

– Знаете что? Идите к дьяволу и вы и ваша Республика. Я невинный человек, который оказался в неправильное время в неправильном месте, где для полицейских, которыми командовал идиот, все кончилось плохо. И за это он меня уничтожает. Вы меня уничтожаете! Как только я смогу выбраться с этого куска камня, я навсегда свалю из Республики. Я уеду... я уеду... Я уеду в Капелланскую Конфедерацию, где у людей еще остались какие-то права!

Лейквуд улыбнулась и при других обстоятельствах мне бы понравилась её улыбка.

– Потрясающий спектакль, мистер Донелли, но за время моей службы в качестве рыцаря Республики я кое-что усвоила. Истинно невинные не протестуют так страстно и так красноречиво. Вы влипли во что-то серьезное и вы напуганы. Так и должно быть. Вам следует явиться ко мне с повинной и рассказать обо всем, пока ещё не поздно.

– О, вы обо мне ещё услышите, можете быть уверены. – Я провел рукой по щеке, смахивая кирпичную крошку. – А сейчас, вы собираетесь шить мне ещё одно дело или я свободен?

Лейквуд шагнула в сторону и повела рукой в сторону тротуара.

– Это же Республика, мистер Донелли. Вы определенно свободны.

Я расправил плечи и, собрав так много достоинства, как только смог, прошествовал из переулка. Этому совсем не помогал один мой, и без того слишком большой, ботинок, болтавшийся на ноге. Я глянул вниз и заметил, что Джилл, должно быть, развязала на нём шнурки, когда меня обыскивала. Я воздержался от того, чтобы повернуться и выдать в её адрес какое-нибудь остроумное замечание и продолжил идти.

Я дошел до следующего перекрестка и перешёл дорогу, затем пошёл вниз по улице. Со временем меня нагнал Рэй в ховере и открыл для меня дверцу. В совершенно мерзком настроении я забрался в салон рядом с ним и пристегнулся.

– Расскажи что случилось.

– Не здесь. Убедись, что за нами нет хвоста, затем остановись где-нибудь, где можно выпить. Мне нужно выпить. – Я опустил солнцезащитный козырек и воспользовался зеркальцем, прикрепленным к его внутренней стороне, чтобы осмотреть повреждения, нанесенные моей щеке. – Чертовы подонки.

Рэй хихикнул, заложил на ховере пару кругов по городу, затем направился к какой-то пивной. Припарковавшись ниже по улице от неё он взглянул на меня.

– Пойдет?

– Да, прекрасно.

Теснота салона ховера делает некоторые действия затруднительными. Кувыркаться с Джилл, например, было бы просто невозможно. Аналогично, довольно сложно приложить кому-то как

следует, но въехать левым локтем в лицо Рэя оказалось очень просто. Его голова запрокинулась назад и отскочила от подголовника. Я опустил на неё свою левую руку, схватил его за волосы и впечатал его лицо в руль. Изогнувшись на сиденье, я расстегнул его ремень безопасности, затем потянулся через салон и распахнул дверь с его стороны. После этого я выпихнул его из двери.

Я выскочил со своей стороны прежде, чем он успел сделать больше, чем просунуть под себя руки. Ударом ноги я захлопнул дверь, ну или попытался это сделать, насколько было возможно, учитывая, что закрыться ей мешала его грудная клетка. Он слабо вскрикнул и стонал, когда я вытащил его из машины и бросил на кучу мусора. Из носа Рэя шла кровь и он обнимал руками свои покалеченные ребра. Я схватил его за светлые волосы и задрал голову.

– У тебя одна возможность дать правильный ответ или ты останешься здесь с раздавленной глоткой. Это была твоя идея – использовать меня как наживку, чтобы засветить телохранителей Лейквуд или у тебя был приказ?

Под его правой ноздрей вздулся кровавый пузырь, затем лопнул.

– Приказ. Мистера Ловкого.

– Ловкого?

– Босса, мы так его зовем.

Я выудил из кармана бутылку воды, немного отпил, после чего вылил оставшуюся на его лицо, чтобы смыть кровь.

– Хорошо, сейчас ты позвонишь мистеру Ловкому. Я жду его на месте нашей встречи к тому времени, как мы доберемся. Рейс уже однажды использовал меня как наживку, а сейчас это сделал Ловкий. Следующий, кто это сделает, станет покойником. Скажи ему, что я не наживка – я крючок, и если он хочет поймать Рейса, то ему нужно прикрепить меня к леске.

8

*Хотя враг может быть не больше муравья,
уважай его не меньше, чем слона
– африканская пословица*

Овертон

Яфа, Хелен

Префектура III, Республика Сферы

21 ноября 3132 года

Рэй сумел прохныкать направление на нашу новую точку встречи и я повел машину туда. Мы добрались довольно быстро и я не удивился, обнаружив там Летисию. Её яростный взгляд меня также не удивил. Я решил, что её ярость объясняется тем, что я не сломал Рэю челюсть, но она успокоилась, когда он стиснул свои ребра и постонал немного насчет того, что они сломаны.

Я глянул на неё.

– Ты позвонишь мистеру Ловкому и сделаешь так, чтобы он сюда приехал или так, чтобы я мог поговорить с ним. Нам нужно поговорить серьёзно. И немедленно!

Летисия заколебалась. Ей не нравилось получать приказы от меня, но Рэй, осторожно опустившись в кресло, махнул ей рукой. Собрав лицо в холодную маску возмущения, она удалилась на кухню звонить.

Мы находились на конспиративной квартире в старых пригородах Овертона. Это были пригороды того рода, где на то, чтобы познакомиться с соседями уходит год и немногие соседи живут рядом так долго. Можно вежливо кивать, обмениваться приветствиями, безо всякого желания узнать их лучше или дать им возможность узнать нас.

Я оставался с Рэем и дом осматривать не стал. На вид этот дом, как и остальные по соседству, принадлежал к первому поколению жилых домов стандартизированной застройки, появившейся сразу после основания Республики. Другие дома были расширены, к ним были добавлены вторые этажи или застекленные веранды с большими газонами перед ними, но наш дом оставался все той же одноэтажной коробкой. Лет тридцать назад район был открытым и дружелюбным, но сейчас, по окончании своего золотого века, здания и их владельцы состарились и вернулись былые подозрения. Лучше всего было думать о нем, как о месте, где люди однажды выросли и откуда они выехали. Если Республика продолжит свое существование, то естественным продолжением процесса станет обветшание с последующим облагораживанием. Если же нет – район обречен.

Летисия вернулась.

– Он приедет. Через пару часов.

Я кивнул. Наличие у неё прямой связи было хорошим знаком, вне зависимости от того, выходила ли она на переносное устройство или на определенную точку. Это позволяло уверенно исключить её из числа потенциальных кротов полиции. Если бы она была кротом, то полиция уже провела бы облаву и не было никакой причины, почему Рейс не хотел бы арестовать Ловкого после гибели нескольких своих офицеров. Быстро разгромив ПЭФ сразу после того фиаско, Рейс поднял бы свою популярность до небес.

Пока мы ждали, Летисия помогла Рею чем могла. Помощь в основном состояла из заткнутых в его нос тампонов, свернутых из марли, обезболивающих таблеток – хотя и не тех быстродействующих средств, которые она принимала сама – и повязок на ребра. Когда она сняла с него рубашку, чтобы нанести повязку, я смог увидеть пестрые багровые линии в местах, где его тело соприкасалось с дверцей и корпусом машины. Я не заметил достаточно выпуклостей, действительно подтверждающих переломы ребер, но синяки были довольно приличные и должны были болеть очень долго.

Забавно, как в подобных ситуациях проходит время. Эти двое по отношению ко мне излучали чистую ненависть. Их бесила не только причиненная мной боль, но и сам факт моего существования. Они не собирались оставить меня в одиночестве, но им также не нравилось моё присутствие рядом с ними и возможность слушать то, что они хотели сказать друг другу. По тому, как они общались, я не мог предположить какую-либо интрижку у них в прошлом, но они, ясное дело, дружили и были объединены потерей своих боевых товарищей – ещё одна душевная травма, вину за которую они могли на меня возложить.

Поэтому время тянулось медленно. На самом деле их неприязнь была мне безразлична. Вообще-то, я наслаждался тем, что они меня боялись. Забавные люди эти интеллигенты – только высокообразованные могут полезть в борьбу за такое дело, как исчезающие виды. Хотя они готовы принять насилие, идущее на пользу их борьбе, это всегда некая воображаемая, мысленно облагороженная форма насилия – чистый нокаут, с одного удара, перед которым ты требуешь от противника просить пощады, а если он сдастся – ожидаешь, что он будет вести себя в соответствии с данным им словом.

Я не играл по этим правилам и это их страшно злило. В случае с Летисией одного удара было бы достаточно, ха, было бы достаточно просто взять её ногу в захват и пихнуть назад на

стол. С Рэем удар локтем ещё имел смысл, но бить его головой о руль – это было чересчур. А вбивать в него дверь, ну, это было просто грязно.

Как же с таким отношением к насилию они могли оправдывать расстрел полицейских? Очень просто. Во-первых, стреляют на расстоянии, на котором результатов стрельбы не видно. Во-вторых, они защищали товарища. Такое себе наложенное на их действия благородство самообороны, не обращая, правда, внимания на то, что если бы они не решили совершать уголовные преступления, то у них вообще не возникло бы никакой необходимости в самообороне.

Наконец Ловкий прибыл. Он не пытался загримироваться. Он по-прежнему носил черное и был тонким как труп, с нездоровой бледностью, делавшей его похожим на долго не питавшегося вампира. Он действительно носил очки, которые затемнялись при ярком солнечном свете, а в помещении становились слегка дымчатыми. Его бритая голова ещё раз утвердила меня во мнении, что нет ничего более уродливого, чем голый скальп белого мужика.

Он осмотрел травмы Рэя, затем поглядел на меня. Выражение его лица болталось между раздраженным негодованием и восхищением.

– Да, мистер Донелли, вы поработали на славу.

– Это точно. – Я ссутулившись сидел в огромном кресле, которое реквизировал под свои нужды. – Пусть они оба выйдут. Разговор будет только между нами.

Летисия приготовилась было приступить к прениям, но Ловкий жестом руки отослал её прочь.

– Рэю будет лучше полежать. Это не займет много времени. Летисии ведь не нужно будет меня защищать, не так ли?

– Неа.

Летисия проводила Рэя из комнаты вниз по коридору в спальню. Ловкий опустился на диван, на котором раньше лежал Рэй, и щелчком сбил окровавленную салфетку в корзину для мусора.

– Это было действительно так уж необходимо?

– Это вы мне скажете. – Я сузил свои карие глаза. – Варианты на выбор: вы размахивали мной, как наживкой, перед лицом рыцаря Республики, или Рэй – крот, посланный полицией в эту ячейку. Может быть и то и другое. Или может быть, что Рэй просто болван. Не хотите прояснить для меня этот вопрос?

– Восхитительно. – Его лицо выдало лишь частичку его подлинной реакции. – Я попросил Рэя взять вас на разведку. Я предполагал, что вас могут заметить, в случае чего он должен был проявить максимальную осторожность и осмотрительность. Рэй – не гигант мысли, но добровольно пожертвовать вас противнику не входило в мои намерения, и не было предложено ему как вариант.

Я медленно кивнул.

– Но вы не возражаете, чтобы полиция рассматривала меня как фигуру в игре. Они меня замечают, говорят со мной, а потом вынуждены тратить время и средства, чтобы выяснить, что я за фрукт. Я – дезинформация.

– Это лишь одно из ваших предназначений, мистер Донелли. Когда вы заляжете на дно, вы вызовете небольшой переполох в рядах полиции. И, пока вы будете находиться вне их поля зрения, вы можете готовиться для нашей новой операции.

Я посмотрел на Ловкого тяжелым взглядом.

– Я знаю, что вы не дурак, поэтому я знаю, что вы знаете, что эта ячейка засвечена. В ней крот и я думаю, что это – Рэй. Блондинка, девушка из СЛИВа, сообщила друзьям Летисии о её травмах или Летисия сообщила вам об этом лично. Вы спланировали быструю операцию, Рэй сообщил об этом Рейсу, и ваши силы оказались достаточно везучи, чтобы поймать в засаду его людей.

Ловкий усмехнулся.

– Лучше быть везучим, чем добрым.

– Если есть выбор, я всегда предпочитаю этот вариант. – Я сдвинулся к креслу и наклонился вперед. – Но вот что я обо всем этом думаю – вне зависимости от ваших планов, вы собираетесь подставить эту ячейку в качестве наживки в ловушке, которую вы готовите на Рейса. Хотя мне нравится идея поймать Рейса в ловушку, мне не нравится то, что именно в меня ему

придется всадить свои зубы, чтобы вы могли пнуть его по заднице. Я не такой инструмент, который вам следует выбрасывать на ветер.

– Я могу вас уверить...

– Нет, я хочу увериться сам. Вы скажете, что мы собираемся предпринять, а я скажу, в деле я или нет. Если я смогу что-то улучшить, то выиграем мы оба.

Ловкий снова собрал свои пальцы острым углом. Он уложил свой подбородок на большие пальцы, затем прижал губы к указательным. Пока он думал, его глаза были почти закрыты. Я тихо ждал, совершенно не выказывая нетерпения. Он должен был решить, стоит мне доверять или нет, и любое проявление нервозности с моей стороны убило бы малейший шанс заработать его доверие.

Наконец он открыл глаза.

– Через пять дней состоится празднование дня основателей Овертона. Будет грандиозное торжество, с массовыми шествиями. На этот год главным церемониймейстером праздника является Икабод Рейс. Он будет находиться на представительской трибуне с прочими сановниками, возможно даже с леди Лейквуд. Значительная часть полиции смешается с толпой во время или будет оцеплять место проведения шествия.

Я кивнул.

– Здоровенная толпа. Если вы хотите атаковать трибуну, погибнет масса невинных людей.

– Поэтому мы и не станем этого делать. Я намеревался использовать вашу ячейку для проведения рейда, который оттянул бы полицию на север, пока мы нанесли бы удар по другим целям. Вы указали, что теперь на вас в это деле можно не рассчитывать, так что вряд ли вы согласитесь участвовать в нападении.

– Вроде того, но... – я лукаво ему улыбнулся. – Может быть мы сумеем ударить по небольшой цели и нанести значительный ущерб, который создаст максимально негативную рекламу для нашего доброго командующего.

Ловкий склонил голову вправо.

– Продолжайте, прошу вас.

– Исходя из предложения, которое вы мне сделали, я полагаю, у нас есть мех. Я знаю, что у нас есть грузовой ховер и крупнокалиберный пулемет. Как только полицейские начнут реагировать на наши действия, мы ударим по полицейскому участку. Мы его разворотим, взорвем несколько их автомобилей, может быть вскроем арсенал и похитим оружие. В зависимости от того, насколько большой ущерб мы сможем нанести, мы вселим страх в сердца тех, кто жил под защитой этого участка и заслужим благодарность тех, кто считал себя угнетенным. Мы перенесем войну на его территорию.

Его бровь изогнулась.

– Я могу перераспределить средства так, чтобы это можно было осуществить. Такой план поставит под основную угрозу другую ячейку, но возможно, у Рейса есть другой агент в организации. Кроме того, если я удалю Рэя из вашей группы и использую его для координации деятельности другой ячейки, это даст Рейсу возможность ударить по ней. Тогда ударим мы.

– Хорошо, так я все и спланирую. Мне нужно знать часть города, в которой я могу нанести удар и остаться вне вашей основной операции. Я думаю, Овертон разбит на дюжину полицейских участков, так что выберите один и я его разработаю – то есть при наличии у меня нужного оборудования.

Он кивнул.

– Оборудование, упомянутое вами ранее, вы получите.

– А Летисия будет моим связным с вами?

– Если вас это устроит.

– Пойдет. – Я быстро усмехнулся. – И я хочу премию, если дело выгорит.

– Конечно вы её получите. – Кончики его пальцев снова оказались напротив друг друга. – Я удвою ваш гонорар и дам вам комиссионные в десять процентов от стоимости захваченного оборудования.

Я подумал над этим с секунду и кивнул.

– Договорились. Кроме того, дайте мне частоту для чрезвычайных сообщений, которую вы будете прослушивать на протяжении операции. Если станет туго, я немедленно дам знать.

Ловкий улыбнулся.

– Приятно работать с профессионалом.

– Я тоже буду отслеживать эту частоту, так что я надеюсь и на ваши предупреждения.

– Конечно. – Ловкий встал и снял невидимый волосок со своего пиджака. – Я пришлю за Рэем, затем вас всех переведут на другую точку. Вас будет пятеро: Летисия, трое остальных ваших похитителей и вы сами. Я поставлю их в известность, что теперь вы руководите данной операцией и этого должно быть достаточно. Пожалуйста, больше не выводите моих людей из строя.

– Теперь они мои люди. – Я поднялся со стула, но не предложил ему руки. – Я о них хорошо позабочусь.

Его слова оказались правдой, он забрал Рэя с собой. Примерно через час Летисия приняла звонок и мы направились в город в район складов. Мы переехали в помещение на верхнем этаже склада, переоборудованное под жилое, просто шикарное, честно говоря. У меня сложилось впечатление, что его предоставил кто-то сочувствующий СЛИВу, без сомнения переполняясь при этом жгучим восторгом от осознания собственной храбрости укрывать людей, бросающих вызов закону. Холодильник был забит всякими деликатесными сырами, напитками из генетически улучшенных продуктов и прочей экзотической жратвой. Я был почти уверен, что за деньги, уходившие на недельную оплату наших счетов из бакалейной лавки, можно было бы большую часть месяца кормить какую-нибудь провинциальную деревушку.

Остальные трое из моей группы прибыли в течении двух часов. Дзиро, самый маленький из них и единственный, в ком была заметна азиатская кровь выходцев из Синдиката, привез файлы, содержавшие карту с координатами и голографическим чертежом внутренних помещений полицейского участка, на который мы должны были совершить нападение.

Стив, блондин с голубыми глазами, слегка напоминавший Рэя, помогал мне изучать эти данные и показался довольно сообразительным. Он был в курсе всех данных по сменам полицейских. Он указал, что все машины были припаркованы под зданием, поэтому, если мы ударим по западной стороне, где расположен выездной пандус, мы могли бы полностью лишить противника возможности реагировать на наши действия. «Как у глупых кроликов – только один вход и выход из дома.»

Псевдоним третьего парня был Сокол. Несмотря на его высокий рост и крупное телосложение, его нельзя было счесть самым привлекательным из мужчин и я подумал, что он влез в эту историю, чтобы клеить женщин. Он продолжал цепляться к Летисии. Если бы мне досталось тем взглядом, какие она метала в него, то это у меня была бы сломана челюсть. Мне он сказал, что «ворочает тяжёлым оружием». Думаю, это была попытка уверить меня в его профессионализме.

Самой лучшей новостью для меня, однако, было то, что мех, который я буду пилотировать – горно-добычной, для работы в шахтах. Это было достаточно близко к «Марии», чтобы я понял, с чем имею дело. Основной разницей было наличие у него вместо пилы манипулятора с долотом, позволявшим выделывать с породой примерно то же, что пилой – с деревьями. Чтобы покопаться в полицейском участке, сооруженном из железобетонных плит с пластиковыми декорациями, он подходил идеально.

Мы потратили два дня, сосредоточенно изучая схемы и модели развития событий, пока не доработали план досконально. За это время я успел неплохо прочувствовать команду и уверился в их способности повернуть все дело без сучка, без задоринки. Я вскрою арсенал, Сокол будет удерживать полицейских, а остальные забросят оружие в ковшовый погрузчик моего меха. Мы войдем и выйдем быстро и победоносно.

Единственная плохая вещь с процессом планирования состояла в том, что здоровая пища меня достала. После сорока восьми часов поедания продуктов, выращенных, теоретически, ор-

ганическими методами, но при этом так и не увидевших ни частички грунта, я был сыт по горло. Мне было нужно что-нибудь, содержащее жир или кофеин, или сахар, ну, или хоть что-то. Я объявил, что мы едем прогуляться и написал на клочке бумаги названия пяти ресторанов.

– Мы не собираемся подвергнуть операцию риску, поэтому место, куда поедем, выберем случайно. Дзиро, назови число от одного до пяти.

– Два.

– Стив, теперь от одного до пяти, не включая два.

– Три.

– Хорошо. – Я вычеркнул номера один, четыре и пять из моего списка и посмотрел на Сокола. – Теперь ты, здоровяк. Три или два?

Он глянул на Летисию, но она не собиралась ему помогать. – Два.

– Значит, два. – Я усмехнулся, уже предчувствуя прокачивание кофеина по моим капиллярам. – Мы едем в «Джавапалс Дженерейторз».

Летисия начала брзжать через стиснутые зубы.

– Владелец этого заведения – Джером Редхок. Он – рыцарь Республики. Нам туда нельзя.

Я насупился.

– Он – промышленник, посвященный в рыцари за кучу денег, которую он принес в казну Республики. Если ты думаешь, что все заведения, которыми в Республике владеет его корпорация, являются центрами тайного наблюдения, тогда у нас серьезные проблемы. Агентство, сдающее два соседних с нашим помещением – также одна из его компаний.

Это её на секунду сбило с толку и я продолжил атаку.

– Кроме того, это так же, как носить кожаную одежду. Кто там будет ждать нашего появления?

Она засопела.

– Я не пойду.

– Одна ты не останешься.

Сокол немедленно вызвался остаться с ней и Стив тоже решил перепроверить какие-то цифры, поэтому Дзиро и я приняли от всех заказы и отправились. Мы решили провести быструю разведку цели до посещения заведения, в котором водилось кофе. Когда мы отъезжали, мы оба ухмылялись.

Нам не нужны были никакие сюрпризы.

Пахать приходится на той лошади, какая есть
– штайнеровская поговорка

*Овертон
Яфа, Хелен
Префектура III, Республика Сферы
23 ноября 3132 года*

Дзиро был неразговорчив и, мне показалось, это было для него нормальным поведением, а не позерством. Я позволил ему вести машину и указывал направление, а сам наблюдал – нет ли хвоста. Слежки не было, так что мы продолжили движение, но не двинулись к цели напрямую. В то же время мы разъезжали не совсем бесцельно и пару раз пересекли путь будущего шествия и смогли увидеть места, где полиция начала расставлять бетонные перегородки и где вдоль дороги были сооружены трибуны для зрителей.

Наша цель, девятый полицейский участок, не предполагала никаких серьезных неожиданностей. Высотой три этажа – высота последнего примерно равна высоте меха, который я буду пилотировать – с узкими окнами и статуями Фемиды у парадной двери, он располагался в реконструированной части города, а вокруг него теснились маленькие магазинчики и ресторанчики. Участок был расположен рядом с началом парада и, ко времени начала шествия, оно уже должно было быть от нас на удалении часа и десяти кварталов.

И толпа людей тоже.

Пока мы осматривались, я вынужденно оценивал шансы того, что Ловкий все равно использует нас как наживку. Я не мог полностью исключить этот вариант, но он казался маловероятным. Мы, в большой мере, представляли собой операцию типа «соль на открытую рану». Успех основной операции поставит Рейса в неудобное положение, а наш удар просто усугубит его трудности. Кроме того, в моём распоряжении было только четверо клоунов, и я внезапно осознал, как замечательно оказаться за пределами главного действия на арене цирка.

Дзиро и я припарковались около магазина «Джавапалс Дженерейторз» – одного из них, я должен добавить, так как они встречаются чаще, чем плесень в общественных душевых. Мы зашли внутрь, отстояли очередь, слушая как народ заказывает свои напитки с таким видом, будто их названия – это магические заклинания, способные сотворить заказы из ничего. Напитки по размеру делились на гигантские, титанические и левиафанские и включали в себя все марки, произведённые в пределах префектуры. Молчаливый Дзиро заказал что-то так быстро, что я не успел заметить что именно, но продавщица понажимала кнопки на своём наладоннике и машина выплонула пенистое, цвета желчи питье, над которым поднималась морозная дымка.

Я сделал заказы для всех остальных, затем начал заказывать для себя.

– Я буду кофе, черное, левиафан, наверное. Да, и с тремя кусочками сахара.

Продавщица смотрела мимо меня, по направлению Дзиро.

– Вон там расположен раздаточный автомат. У нас есть самые разные заменители сахара.

– Все что я хочу – это сахар, обычный, безо всякой экзотики, без специальной обработки и ароматизаторов. – Я улыбнулся ей и выудил из кармана республиканскую банкноту. – Вы не могли бы просто положить его в кофе?

– Сэр, у нас люди делают это сами. – Она взглянула на меня с кислым видом, который кое-что объяснял. – Еще что-нибудь будете?

Обычно именно на этом этапе человек должен решить: если я продолжу препираться, кому будет хуже – мне или ей? Я счел ситуацию за ничью, но заказал ещё немного выпечки. Несмо-

тря на нулевой счет между мной и продавщицей, я знал, что Летисия воспримет выпечку как злодейство вроде мяса, а это уже был один-ноль в мою пользу.

Продавщица упаковала заказ и дала сдачу, включая избитую пятистоуновую монету, которую я попробовал на зуб, убеждаясь в её подлинности. Дзиро заметил и ухмыльнулся. Я пожал плечами. «Это место принадлежит рыцарю, в конце концов».

Машина выплюнула мои напитки и мы отнесли все в ховер. Мы умудрились ничего не пролить и, к счастью, хвоста за нами не было. Это означало отсутствие необходимости выкручивать вензеля на обратном пути, в результате чего все могло расплескаться и уж точно стало бы холодным.

Реакция Летисии была такой, как предполагалось, но Сокол проглотил всю принесенную мной для неё жратву. Я уверен, он рассматривал этот подвиг как эквивалент загоразиванию её собой от разрыва гранаты, но на неё, казалось, это не произвело впечатления. Тем не менее, я заметил, что травяной отвар, который я ей привез, она выпила.

Наш выезд дал возможность прояснить пару моментов в нашем плане, но мы и так были готовы к действию. Летисия доложила об этом нашему хозяину. На протяжении следующих двух дней мы работали в соответствии с нашими планами и, в канун дня Основателей, окончательно перебрались через три квартала в другой склад, располагавшийся намного ближе к цели, где нас ждал восхитительный сюрприз.

Самая большая проблема с мехами любого вида – это то, что они просто огромные. Они не только высокие, но и тяжелые. Обычная дорожная полоса не рассчитана на движение по ней мехов. Даже просто прогуливаясь, мех может оказать достаточное давление на грунт, чтобы раздавить водопроводные магистрали и заставить трескаться ливневую канализацию, поэтому в городах движение мехов ограничивается определенными маршрутами.

Второй, самой большой проблемой является то, что мех не спрячешь. Горные мехи, например, поступают с завода окрашенными в ярко-желтый или кирпично-красный цвет, в зависимости от производителя, и, несмотря на гуманоидные очертания, выглядят достаточно броско, чтобы привлечь много внимания. Хотя некоторым людям привычно видеть их на строительных площадках или в гаражах промышленных предприятий, многие другие днями, а то и неделями не встречают мехов, кроме как по головизору.

На парадах, вроде дня основателей, мехи, однако, изобиловали. Мой горный мех видал деньки и получше. Он долго простаивал на складе, затем недавно был отремонтирован, покрыт яркой краской и увешан флажками и металлическими гирляндами, придававшими ему вид франта, намылившегося провести в городе веселую ночь. Те, кто его украшал, даже развесили вокруг его опор и торса праздничные фонари, запитав их от вспомогательных источников энергии, расположенных на задних частях стоп.

Я улыбнулся.

– Прячемся у всех на виду. Мне это нравится.

Грузовой ховер также был украшен и снабжен нарисованными от руки деревянными плакатами, утверждавшими, что он представляет собой праздничную платформу для членов Ассоциации Фермеров по борьбе за качество продовольствия. Очертания грузовика были сглажены флажками и гирляндами. Золотые цветы, вплетенные в проволочную сетку и большое количество зеленых вымпелов превратили крупнокалиберный пулемет в большущий кукурузный початок, побудивший Сокола гордо заявить: «Завтра будет жареный попкорн».

Если бы я не обещал Ловкому не избивать подчиненных, за эти слова я бы его уделал.

Этой ночью все были немного возбуждены, но мы отправились по своим тьюфякам и попытались заснуть. Летисия в конце концов села писать письмо, от руки, на бумаге. Она доверила его мне, так как я не должен был оставаться в грузовике. Стив снова все проверял, а Сокол весь издергался. Дзиро медитировал и, как следствие, утром оказался самым энергичным из всех.

Я забрался в мех, единогласно нареченный «Копателем» – едва ли оригинально, но несомненно адекватно. На вспомогательный монитор я дал картинку местного канала головидения, крутившего слащавый прямой репортаж с места проведения шествия. Как только мы увидели,

что Рейс в своем открытом ховере достиг перекрестка Главной и Независимости, мы начали движение. К тому времени, как мы вышли на исходные позиции, он уже должен был быть на представительской трибуне, наблюдая за проходящими мимо массами людей.

Грузовой ховер шёл параллельным мне курсом, по дороге, по которой я передвигаться не мог. «Копатель» вышел из склада довольно быстро и Летисия держала грузовик позади, чтобы не выпускать меня из виду на перекрестках. Я направился по разрешенной для мехов трассе, что было очень удобно, поскольку датчики давления под полотном дороги переключали сигналы светофоров, давая мне зеленую улицу через весь город. Иногда во время движения мехов по городу, вроде сегодняшнего, например, какой-нибудь джигит в маленьком спортивном ховере может рвануть вперед, желая воспользоваться преимуществом свободной дороги. Все это кончается, однако, одним неосторожным движением опоры и ховер летит кувырком, весьма неприятно крутится и многих калечит.

Вход в гараж находился с южной стороны здания полицейского участка, а я подходил с севера. Я срезал на боковую улицу, идущую на юг, оставляя в дорожном покрытии следы глубиной в полметра. Управлять «Копателем» было достаточно легко, так что я выполнил оба поворота без особых усилий. Как только я повел большим пальцем руки по правому джойстику, зубья долота начали вращаться с громким подвыванием, превратившимся со временем в великолепный скрежет.

Один удар – и бетонный тротуар разлетелся крупными обломками, поскакавшими по улице. Зубья с легкостью прорезали полотно дороги на метровую глубину, выработав достаточно обломков, чтобы блокировать движение с востока. Уже ничто не могло проехать в этот гараж или из него.

Когда грузовик подтянулся ко мне слева, я поднял долото и всадил его в здание полицейского участка. Я начал бурить юго-восточный угол в западном направлении, стараясь вскрыть комнату для хранения вещественных доказательств и арсенал. Как только бы я открыл здание, я бы впустил Стива и Дзиро, они бы загрузились и мы бы отчалили.

К несчастью, с этого момента дела стали оборачиваться плохо.

Зубья долота заклинило и они замерли, прежде чем я успел нанести железобетону здания повреждения побольше простых царапин. Я переключил приемопередатчик на тактическую частоту связи с грузовиком.

– У меня неполадки, возможно потребуется перезагрузка системы.

Летисия сохраняла спокойствие.

– Зубья снаружи выглядят чистыми.

– Понял, дай мне секунду.

Я поднял манипулятор с долотом и врезал им о тротуар, надеясь заставить долото заработать. Удар сотряс даже меня в кабине, но фокус сработал. Зубья снова закрутились, но я не был к этому готов. Долото вгрызлось глубоко в тротуар и «Копателя» перекосило вперед и вправо. Зубья прошли через водопровод, запустив в воздух гейзер, омывший мой мех и закоротивший вспомогательное устройство питания, которое было открыто, потому что к нему были подключены праздничные фонари.

– Что ты делаешь, Донелли?

– Никаких имен, идиотка! – Я остановил бурение и вырвал долото наружу. Я развернул торс, чтобы посмотреть на грузовой ховер, как раз вовремя, чтобы увидеть, как Сокол наклонил кукурузный початок и окатил окна второго этажа градом пуль. Пули крошили стекло и отбивали куски железобетона. Я не видел, попал ли он в кого-нибудь, но остальные окна просто взорвались и в нас полетели пули из здания.

Намного больше, чем должно было бы.

– Двигайтесь! Вперед, быстро! Операция провалилась. Нас ждали! – я поднял долото и попытался прикрыть им грузовик, но увидел, как Дзиро выбросило из кузова. Он немного прокатился по земле, крови из него текло много. Пули рвали дорогу возле него и его тело сотрясалось от ударов.

Летисия резко развернула хOVER и забросила его на дальний тротуар, объезжая кучу мусора, которую я нагородил. Пока она ускорялась в восточном направлении, две полицейские машины перекрыли ей дорогу, но она ударила прямо между ними и полицейские хOVERы, вращаясь вокруг своих осей, вломились в пару магазинов. Грузовик развернуло на триста шестьдесят градусов, но она сумела справиться с управлением. Где-то в это время она потеряла Сокола. Я не видел тела, но в посудной лавке было разбито стекло, так что может быть он влетел туда.

Полицейские машины начали приближаться ко мне. Офицеры полиции висели на всех подножках и торчали из всех окон, обильно посыпая «Копателя» пулями из своих автоматов, чего мех даже не ощущал. Я опустил долото вниз к гейзеру и перенаправил поток в ближайший хOVER. Вода снесла его в сторону, а я начал двигаться на запад. Быстро срезав дорогу на север, я мог выйти на путь, приспособленный для движения мехов и дававший мне возможность двигаться быстрее, хотя бы потому, что покрытие подо мной не подавалось бы.

Это был единственный возможный путь бегства.

И леди Джанелла Лейквуд тоже до этого додумалась.

Подойдя с запада, она поставила свой «Центурион» на перекрестке. Как и все боевые мехи, это была прекрасная машина. Гуманоидной формы, он имел здоровенную пушку в правой руке и пусковую установку ракет с левой стороны груди. Мех был оснащен также лазером в торсе и двигался довольно быстро. Он был тяжелее моего горного меха и определенно намного лучше вооружен.

Я переключил радио на аварийную частоту.

– Операция «Девять» провалилась, группа распалась. Начинайте.

Я не услышал ничего в ответ от Ловкого, но, на самом деле, я ничего и не ждал. На моём пульте начала мигать лампочка и я её нажал, переключившись на частоту, которую использовала Лейквуд.

– Хотите что-то сказать?

– Даже если бы я не узнала кто вы такой из радиоперехвата, вас выдала бы ваша наглость. Сдавайтесь, мистер Донелли.

Если бы не эта снисходительность в её голосе, я бы может быть просто отключил бы «Копателя», но я не смог. Не отвечая, я срезал на запад. Теперь, если вы читали внимательно, вы, наверное, задаётесь вопросом, зачем мне нужно было двигать на запад, если там не было дороги. Именно потому, что там не было дороги я и решил туда бежать. Хотя дороги не было, был широкий переулок, по которому подвозили товары в магазины и я ломанулся вниз по этому переулку со всей доступной «Копателю» скоростью.

Должно быть это было то ещё зрелище. Плечи меха высекали искры из зданий по обоим сторонам переулочка. Пожарные лестницы визжали, когда «Копатель» их обрывал, а веревки с бельем, вывешенным для просушки, добавили на мой мех немало украшений. В одно странное мгновение я увидел мужчину в исподнем, с пузом, обтянутым футболкой, смотревшего свой головизор, пока я проносился мимо и снес его деревянный балкончик.

Он даже бровью не повел.

Хотя рывок в переулок удивил Лейквуд, меня он приговорил. Голографический дисплей меха способен сжимать триста шестьдесят градусов обзора в сто шестьдесят, что давало мне возможность видеть узкий переулок позади меня, а также то, как «Центурион» направил рыло своей автопушки в мою спину. Окруженный зданиями, я не мог сделать ничего, кроме как наблюдать.

Сверкнуло пламя, отстрелянные гильзы пушечных снарядов отлетели по дуге, затем левая опора «Копателя» оторвалась. Она закувыркалась дальше в переулок, отскочив от здания, врезалась в контейнер для мусора и намертво вклинилась в него. На следующем шаге «Копателя», то есть шаге, что он должен был сделать с той опорой, которой у него уже не было, изувеченное коленное сочленение врезалось в грунт. Оно пробило бетон и мгновенно застряло, бросив мех по дуге вправо, после чего весь бедренный узел с диким скрежетом и грохотом отломился.

Это освободило «Копателя» и дало ему возможность обрушиться – сначала на здание. Зда-

ние смялось, как и тонкая броня на двигателях меха. Столкновение сокрушило двигатели, вызвав небольшой взрыв, подбросивший «Копателя» вверх где-то на метр, а затем ударивший им плашмя спиной об землю. В кабине полетели искры и оборудование закоротило. Моя голова ударилась затылком о подголовник пилотского кресла и вот так, оглушенный, я продолжал сидеть.

Очень скоро на фонаре кабины появились офицеры полиции и посмотрели на меня сверху. У них было оружие.

У меня ничего не было.

А ведь начало дня подавало такие надежды.

10

*От хитрости лисы становится мало проку,
когда тигрица выпускает когти*
– Книга мудрости Ляо.

Овертон

Яфа, Хелен

Префектура III, Республика Сферы

26 ноября 3132 года

До этого момента у меня ещё сохранялась надежда, что мне удастся оставить за кадром одну деталь сего рассказа, но, увы, я не могу так поступить. Чтобы выглядеть празднично и соответствовать случаю торжественного шествия, я вырядился в клоунский костюм, надетый сверху на мой хладожилет. Только подумайте: белый, пышный, большие манжеты, множество больших, ярких пятен. Вы понимаете теперь, почему я не хотел это упоминать, но раз это доставило столько веселья задержавшим меня полицейским, многое осталось бы необъясненным, если эту деталь опустить.

К счастью, из-за бывшего на мне нейрошлема, мне не был нужен кошмарный парик или грим – в отличие от Сокола или Дзиро. Я не видел, как привели Сокола, но по тому, как в комнату для допросов все входили и входили новые люди, я заключил, что его взяли и в данное время он поёт как птица, куда менее хищная, чем его псевдоним.

Меня допрашивали лично Рейс и Лейквуд и контрастность их нарядов почти сделала мой соответствующим случаю. Рейс был полной форме командующего, чуть-чуть меньше изукрашенной чем всё, надетое на Девлине Стоуне во время своего последнего обращения к Рыцарям. Он-таки помешался на этом, говорю вам. У него было больше медалей, чем у среднестатистической рыбы чешуи и они были ярче, чем выводок экзотических аквариумных гуппи.

Ха, его униформа была ещё более клоунской, чем моя.

Лейквуд, с другой стороны, выглядела сногшибательно. Она явилась прямо из кабины «Центуриона» и на ней все ещё были облегающие штаны, заправленные в сапоги высотой

до колен, и доходившие до её обнаженной талии. Она сбросила хладожилет и на ней остался только облегающий её бюст топ. Сверху она накинула черный шелковый халат, доходивший до середины бедер и завязанный красным поясом. Её темные волосы были собраны в косу, стянутую соответствующей по цвету красной лентой.

Она была бы просто эталоном красоты. Если бы не пламя в её глазах.

Они оба, несмотря на их гнев, выглядели лучше меня. Мой клоунский костюм с меня наполовину содрали, стягивая хладожилет. Полицейские всунули мои руки обратно в рукава – во всяком случае, левую. Мою правую руку пропихнули сквозь шов, которым крепился рукав, так что с меня свисала одна лишняя тряпичная рука. Моя неготовность одеваться с их помощью была расценена как признак сопротивления, поэтому я наполучал немного тумачков и мой левый глаз уже начинал заплывать.

В Рейсе вздымалось негодование.

– Ты действительно думал, что твой жалкий план осуществится?

Я глянул на него мельком.

– Я знаю свои права. Я не обязан отвечать на ваши вопросы.

Человечек увесисто треснул меня тыльной стороной руки, так что моя голова развернулась и я теперь смотрел на леди Лейквуд. Гнев в её глазах рос. Однако до того, как она смогла что-либо сказать, Рейс прошипел мне в ухо:

– Какие права? Из-за твоей выходки объявлено военное положение. Ты – вражеский комбатант и подлежишь суду согласно единому кодексу законов гражданской обороны.

Я поборол желание дернуть головой вправо и ударить его в лицо. Вместо этого я глянул на неё.

– О чем это он толкует?

– Местные законы допускают применение силы в случае объявления чрезвычайного положения, связанного с необходимостью осуществления гражданской обороны. Это включает в себя приостановление действия некоторых гражданских прав. – В её голосе появилась резкость.

– Тем не менее, я бы хотела напомнить вам, командующий Рейс о том, что поскольку именно я задержала подозреваемого, то он является заключенным, находящимся в юрисдикции Республики. Этот допрос – простая любезность с моей стороны, перед тем, как я его заберу.

– Юрисдикция Республики? Меня заберут?

По её губам скользнула улыбка.

– Не воображайте, мистер Донелли, что только из-за выхода из строя сети связи мы окажемся неспособны собрать на вас данные с других миров. Когда вы покидали Акамар вам повезло – ваш след уже остыл. Тем не менее, ваше везение закончилось.

Я посмотрел на Рейса.

– Вы не можете позволить ей меня забрать.

Глава полиции упер свои кулаки в бедра и начал надуваться от важности. Он уловил в моём голосе нотку страха и ринулся на неё как стервятник на мертвечину.

– Не могу? О, мистер Донелли, я не в силах остановить её, если только, – он дал фразе повиснуть в воздухе на мгновение дольше, чем было на самом деле нужно, – если только ты не дашь мне имя своего босса.

Я должен был думать быстро, потому что у меня были серьезные неприятности. У меня не было так уж много, чтобы ему сдать: мистер Ловкий и его описание. Парик, контактные линзы, флакон средства для быстрого загара и поход в магазин одежды и мистер Ловкий станет совершенно другим человеком. Я могу дать некоторые адреса, но эти места уже будут чистыми или в них нельзя будет найти никаких свидетельств пребывания там Ловкого.

Все было, конечно, сложнее с учётом певшего в данный момент Сокола, исповедовавшегося во всем, начиная с похотливых мыслей насчет своей учительницы в третьем классе. Он был в рядах ПЭФ дольше чем я, но я был поставлен во главе операции. С его точки зрения – которой он не замедлит поделиться с Рейсом – моей задачей было очистить ту ячейку от предателя и затем использовать её в нападении на полицейский участок. Хотя я имел положение, к кото-

рому прилагалась вся ответственность, у меня не было информации, которой я должен был обладать.

На самом деле, у меня был не такой уж богатый выбор.

Я посмотрел на него снизу вверх и с готовностью кивнул.

– Его называли мистер Ловкий. Я не знаю, кто он на самом деле. У меня не было возможности связываться с ним. Моей связной с ним была Летисия, она вела грузовой ховер. Классическая система ячеек. Все другие группы, осуществившие остальные нападения были из других ячеек.

Уголки его рта поднялись в хищной усмешке, как занавес в оперном театре.

– Другие нападения?

Мой желудок сжался.

– Да, да, должны были состояться другие нападения, когда вы были бы на трибуне во время парада.

– И где должны были состояться эти другие нападения?

У меня закружилась голова.

– Я не знаю. Система ячеек. Я был отделен и изолирован от остальных.

– И ты ждешь, что я в это поверю? – резко рявкнул Рейс. – Ты – дурак, Донелли. Вот как обстояли дела: ты был человеком ПЭФ в компании «АРА». В конце концов, ты появился на месяц раньше их, поэтому это ты сливал им информацию и они вели войну против компании. Ты намеревался нанести больший ущерб, но я тебя перехитрил, там на горе. Ты ушёл в подполье, организовал все это маленькое представление, не догадываясь, что мы тебя будем ждать.

– Но... но... – я нахмурился, что было очень больно. Если Рэй и Летисия не были агентами, тогда кто? Дзиро? Единственный раз, когда мы были вне поля зрения друг друга был день, когда мы выбирались за кофе. Возможно, он скрытно просигналил кому-то, но если так, я это пропустил. Но Дзиро был убит во время рейда, и Рейс мог избивать меня из-за смерти одного из своих людей.

– Так я был единственным человеком в ПЭФ, который на тебя не работал?

– Возможно. Я не нанимаю идиотов.

Я потряс головой, потому что многие концы не сходились.

– Мистер Ловкий существует. Спросите Сокола. По приказу Ловкого он участвовал в похищении меня из миссии на улице Акума.

– Мы посмотрим, всплывет ли это имя. Пока что наши источники указывают на тебя, как на главаря организации, Донелли.

– Это неправильно. – Я глянул на Лейквуд. – Ваша охрана заметила меня в том бистро. Они должны были видеть человека, с которым я был. У них есть его голографии. Он тоже состоял в группе. Найдите его и он расскажет вам о Ловком.

Лейквуд отрицательно покачала головой.

– Сегодня утром мы обнаружили тело мужчины, соответствующее этому описанию. Он был избит, но это старые травмы. Кроме того, у него сзади прострелена голова.

Мои кости пронзил озноб. Последним, кого я видел с ним, был Ловкий, следовательно, пристрелил его тоже Ловкий. Если не было других операций и не было других ячеек, значит Ловкий собирался предать нас с самого начала. Он забрал Рэя, дал ему возможность донести в полицию о нашем предполагаемом рейде и о том, что он постарается получить больше информации о других операциях, после чего убил его.

Голос Рейса стал очень холоден.

– Установлено, что ты был с ним знаком. Ты вычислил его, как моего человека в ПЭФ, поэтому ты убил его.

– Но если он был вашим человеком, то он должен был докладывать вам о мистере Ловком.

Лейквуд подняла руку, чтобы заставить Рейса замолчать.

– Если вы не возражаете, командующий. – Она взяла рукой меня за волосы, и запрокинула мою голову. – Все получается очень просто. Перед тем, как ты открыто присоединился к своей

группе, все твои приказы проходили через Летисию. Мистер Ловкий – псевдоним, принадлежащий фигуре, которая, как казалось, эти приказы отдавала, но насколько следствие смогло установить, всего лишь распределяла деньги и оборудование. Получается, ты тайно сносился с ПЭФ изнутри компании АРА – у нас есть журналы учета пересланных сообщений, где приводятся коды людей, имевших доступ к системам связи. Ты руководил операцией изнутри, используя своего поставщика или одного из его людей, в качестве подставного лица вместо себя и вступил в игру после того, как командующий ликвидировал базу твоих операций. Ваш план был хорош, пока работал, мистер Донелли, но постепенно он развалился сам собой.

Я открыл на мгновение рот, потом снова закрыл. Меня положили в гроб и я своими руками закрыл за собой крышку. Косвенные доказательства могут превратить меня в главаря группы, тогда как вещественные доказательства представляли собой полосу разрушений, ведущую прямо к моей двери. Ловкий мной пожертвовал, получив возможность исчезнуть. Рейс будет утверждать, что он переломил хребет ПЭФ, его начнут воспевать как героя, а после этого Ловкий использует другие ячейки для совершения чего-то ещё и сокрушит Рейса. Моя ячейка и вправду оказалась наживкой в ловушке, но, вместо того, чтобы дать ей сработать против Рейса прямо на месте, они хотели, чтобы его спесь подготовила почву, а затем собирались уничтожить его так, как Лейквуд уничтожила «Копателя».

Я посмотрел вниз, на свои колени в цветастых штанах.

– Вы не задержали грузовой ховер?

– Брошен, но твои люди далеко не уйдут. – Рейс продолжил чванливо расхаживать, после чего махнул рукой освобождающим жестом. – Он ваш, забирайте его. Уберите его отсюда.

– Что? – Я попытался вскочить со стула, но Лейквуд положила руку на моё плечо и вдавила меня обратно. – Мы же договорились, Рейс!

– Ты не дал мне никакой полезной информации, и никогда не дашь.

– Но я тебе нужен. Тебе нужно устроить показательный процесс, я нужен тебе!

Он фыркнул:

– Чепуха. Я позволю леди Лейквуд забрать тебя и подчеркну, что ты – известный террорист, которого не сумели задержать власти Акамара, но который не смог ускользнуть от меня. Я буду долго и громко рыдать по поводу невозможности самому тебя осудить и я поклянусь заполучить тебя обратно, как только на Акамаре с тобой закончат, а это избавит меня от кучи проблем с бюджетом. Судебные процессы дороги, а пресс-конференции – нет.

– Я не отправлюсь на Акамар! – я выдернул плечо из под её руки. – У меня есть права. Я требую их исполнения. Я хочу слушания об экстрадиции!

Рейс захихикал.

– Ты республиканский заключенный. Не в моей юрисдикции.

– Послушай, ты, напыщенная обезьяна, ты так часто превышал свои полномочия, ты можешь сделать это еще раз. Задержи меня здесь.

Его глаза выпучились, а лицо побагровело.

– О, я подвергаюсь такому искушению, но единый кодекс делает меня последней инстанцией в подобных вопросах. И я решаю отклонить все ходатайства о проведении слушаний о возможности запрета экстрадиции. Он ваш миледи, делайте с ним все, что хотите.

– Вы очень любезны, командующий. Я этого не забуду.

Рейс широко улыбнулся.

– Не забудьте напомнить обо мне вашему начальству.

Рейс вымелся из комнаты и через открытую дверь появились охранники Лейквуд, Джек и Джилл. Джек поставил меня на ноги и проверил наручники на моих запястьях. Джилл сковала мои лодыжки прочной метровой цепью. Пила «Марии» с ней бы справилась, но на это потребовалось бы больше времени, чем можно себе представить.

Правда, Лейквуд сделала мне одно одолжение и перед тем как меня спешно потащили в гараж на подземном уровне и затолкали в ховер, подождала, пока Рейс не созовет журналистов на краткую пресс-конференцию. Вела ховер Джилл. Джек сидел рядом со мной, положив свою

мясистую правую руку мне на шею. Я восседал посредине сиденья, а леди Лейквуд вжалась в угол. Я чувствовал, что она за мной наблюдает и замечал легкие вздрагивания её головы.

Принадлежность к Республике позволила нам проехать на территорию космопорта и, минуя проверку, на борт посадочного корабля «Вэлиент» класса «Леопард». Будучи одним из самых маленьких типов посадочников, он имел аэродинамическую форму и мог нести четыре боевых меха. Сквозь люки грузового трюма я видел два, которые, как я решил, были «Центурион» и «Блэк Хок».

Джек помог мне выйти из машины, затем оторвал меня от земли и промаршировал со мной по погрузочной аппарели. Джилл загнала машину в грузовой трюм по другой аппарели. Я ожидал, что Джек протолкает меня по узким коридорам в крошечную камеру и прикует там к стене, но вместо этого от отвел меня в довольно большую кают-компанию и усадил в относительно удобное кресло.

Сам он стал рядом с люком, спиной к переборке. Он стоял там, где я едва мог его видеть не поворачивая голову вправо, что я делать не собирался. Он хотел, чтобы я на него поглядел, и я отказывался. Из-за моего заплывшего левого глаза я, однако, не замечал Лейквуд до того момента, пока она не прошла слева от меня и я вздрогнул, загремев цепями.

Джек рассмеялся.

Лейквуд села на краю прямоугольного стола, спиной к переборке, противоположной двери. Она посмотрела мимо меня.

– Благодарю вас, сержант Гаскин, вы можете идти.

– Как пожелаете, миледи. Хотя он и скован, но он все ещё опасен.

Она медленно кивнула.

– Я буду осторожна.

Я фыркнул.

– Я тоже. Я не скажу ни слова об Акамаре, делайте со мной, что хотите.

– Это я уже слышала. – Дверь за Джеком закрылась и она, оттолкнувшись рукой, встала со стола. – Тем не менее, я думаю, что обладаю ключом, который поможет развязать ваш язык.

И с этими словами она взяла моё лицо в свои руки и запечатлела на моих губах третий по качеству поцелуй, из всех, что я когда либо пробовал.

*Чувство долга скрепляет мораль,
но постоянно подвергается давлению*
– Уильям Сафайр

Борт посадочного корабля Республики «Вэлиент», отбытие

Хелен

Префектура III, Республика Сферы

26 ноября 3132 года

Этот поцелуй можно было бы уверенно считать занявшим второе место и даже претендентом на первое, если бы моё лицо не реагировало на всё так болезненно после избиений, которым я подвергался. Более того, мои оковы не дали мне возможности обхватить её руками и крепко обнять. Несмотря на все препятствия, поцелуй все равно получился великолепный, и, поскольку она уже награждала меня золотыми и серебряными поцелуями, получить ещё один бронзовый было вовсе не так уж плохо.

Когда она отстранилась, я облизал губы, наслаждаясь её вкусом и улыбнулся.

– Прошло так много времени, что ты уже стала казаться мне фантазией, навешанной головишкой и снами.

Стоя надо мной, она провела пальцем по моей левой щеке.

– Я по тебе ужасно скучала, Мэйсон. Ни слова за четыре месяца.

Я уставился вверх.

– Ты не получала мои сообщения?

Она покачала головой и отступила назад.

– Ни единого. Я получала отчеты о перемещениях денег на твой счет и о снятии их с него, так что мы знали о твоём присутствии, но не более.

Мне осталось только вздохнуть. Поскольку я появился на Хелен под видом бродяги, я не мог отсылать рыцарю Республики дорогостоящие сообщения с высоким приоритетом, не привлекая этим к себе внимания. Я отсылал сообщения с низким приоритетом через связных, которые отправляли их дальше, а со временем мои послания добирались до Джанеллы – ну, или так было задумано. Я отсылал отчет раз в неделю, но, после падения сети, пересылались только сообщения, стоившие очень дорого.

– Если ни одно из моих сообщений тебе не покинуло планету, значит, ни один из моих отчетов также до тебя не дошёл. Почему ты здесь, в таком случае?

Её бровь изогнулась.

– Я полагаю, под этим ты подразумевал следующее: «слава Богу, что ты восприняла мое молчание как призыв о помощи и появилась, чтобы меня спасти».

– А, ну да, извини. Был здесь... Я долго был здесь, на Хелен, и слишком долго трепался с пилягами и зелеными. – Я насупился. – Ты собираешься так и держать меня скованным? У этого твоего парня, Джека, рука садиста, в том, что касается затягивания наручников.

– Джека?

– Гаскина, как ты его назвала.

– А, – Джанелла игриво улыбнулась, зашла мне за спину и сняла наручники.

Я начал растирать запястья.

– А кандалы?

– А может быть я не хочу, чтобы ты сбежал.

– Я не сбегу. На этом корабле бежать некуда, да и желания такого нет.

– Правильный ответ. – Она встала на колени передо мной и освободила мои ноги, затем оперлась руками на мои колени и встала. – У нас много работы.

Я усмехнулся. Джанелла всегда ставила работу прежде удовольствия, хотя это могло бы показаться не совсем желательным после четырех месяцев, проведенных вдали друг от друга. Однако простым объяснением этому было то, что поскольку мы снова были вместе, то, с её точки зрения, дела снова вернулись в норму. Мы хорошо поработаем, затем, славно отпразднуем, а до того будем жить ожиданием праздника.

Я встал, потянулся и заключил её в объятия, чего мне хотелось с того самого момента, как я увидел её в Овертоне. Чувствовать её в моих объятиях было невыразимо хорошо. Просто ощущение её приятной тяжести и рук, скользивших по моим плечам уносили прочь время разлуки. Я ткнулся носом в её шею и улыбнулся.

– Кстати, – прошептал я, – спасибо, что спасла меня.

– Это было настоящее удовольствие. – Она нежно поцеловала мою левую щеку и выскользнула из моих рук. – Мы вместе поработаем над сводным докладом, а потом составим свои собственные отчёты, чтобы дополнить его?

– В точности моя мысль. – Я зацепил большим пальцем край люка. – Каков статус твоих телохранителей, Джека и Джилл?

– Сержанты Уильям Гаскин и Аманда Пул. Оба временно откомандированы из «Похоронки». У них есть доступ к этим сведениям, но необходимости посвящать их не было. – Джанелла пожала плечами. – Тебе решать.

– Они знают, что ты прибыла за мной. Уже присутствие моего меха в трюме вероятно им это подсказало.

– Оба могут его пилотировать, так что считалось, что они – моё прикрытие. Они знают об интересе, проявляемом к тебе республиканскими властями и мы дадим им понять, что ты работаешь на нас. Насколько больше ты хочешь им сказать, зависит от тебя.

Я кивнул. Леди Джанелла Лейквуд – рыцарь Республики и служит в качестве странствующего рыцаря, путешествуя между мирами, разруливая проблемы и действуя как некая промежуточная инстанция между дипломатом и оперативной группой. Она выросла в аристократической семье и поступила в Мерчисонскую Академию, где получила военное образование и прошла обучение на пилота меха. После, вместо того, чтобы поступить на службу в «Гордость Стоуна» – ещё одно соединение вроде «Похоронки» – она поступила на юридический факультет и стала сведущей в вопросах права.

Странствующие Рыцари являются одной из категорий рыцарей Республики. Рыцари появились, когда Стоун основал Республику и, первоначально, состояли из его ближайших советников и лучших военачальников. Позднее многие из них возвысились до ранга паладинов, став его официальными советниками, а сейчас – советниками экзарха. Того ранга достигли только восемнадцать рыцарей и судьба Республики находится в их руках.

Рыцари не обязательно происходили из военной среды – отец Джанеллы, например, был посвящен в награду за свою научную работу. Хотя Стоун осознавал, что люди Внутренней Сферы склонны принимать в качестве лидеров людей, изощренных в искусстве войны, он хотел, чтобы по завершении реформирования им общества рыцари были способны на большее. Дэвид Лир, его ближайший советник и главный специалист по оперативному планированию, посодействовал в приобретении статуса рыцарей группе людей, которые вдохновляли бы своим примером тех, кто не обладал военными талантами или склонностями. Поскольку реформы Стоуна включали в себя почти полное снятие с вооружения боевых мехов, находившихся в частной собственности, шансы на карьеру в вооруженных силах стали очень низки. После того, как посвящение в рыцари за достижения в экономической, научной областях, в сфере искусств или гуманитарных наук открыло другие пути к славе, лучшие и умнейшие получили новые возможности достигнуть успеха.

К другой категории рыцарей относятся рыцари-призраки. Ни в каких документах или организационных схемах нас нет, но о нас и о наших делах ходят упорные слухи. Из этих историй можно

подумать, что нас просто легионы, в чем я сильно сомневаюсь – хотя может так случиться, это и правда, ведь я, на самом деле, не имею представления, сколько моих братьев существует в природе. Как и странствующие рыцари, но скрытно, мы внедряемся в проблемную среду с целью найти решения проблем и реализуем эти решения, если это позволяют рамки наших легенд. Поэтому, хотя люди и догадываются о существовании рыцарей-призраков, наши личности и то, каким путем нас отбирают, держится в строгом секрете. Охране Джанеллы не обязательно было знать, что я – рыцарь-призрак, так что сойдет и правдоподобная история, которая оставит их в неведении.

Не то, чтобы я совсем не существовал. Мэйсон Данн имеет свое небольшое место в иерархии Республики. Я – исследователь, заседавший в тускло освещенной конторе управления лесного хозяйства Министерства Внутренних Дел. Меня редко видят и обо мне часто забывают, но если паладин или рыцарь вызывают меня для консультации, то persona исследователя, вроде меня, не привлекает внимания.

Я подошёл к шкафу, висевшему на переборке, открыл его и достал бутылку воды.

– Не нужно сообщать им прямо сейчас. – Ответил я ей. – Из-за отсутствия всех остальных нападения, я, кажется, становлюсь немного параноиком и это меня раздражает. Ты меня вычислила во время моей поездки в «Джавапалс», верно?

Она подтверждающе кивнула.

– Тебе в заказ вложили маячок, так что мы тебя отслеживали. Мы просмотрели запись голокамеры наблюдения и идентифицировали твоего спутника. Интересно, хотя я выяснила место и время твоего предстоящего нападения, я даже не успела сообщить это Рейсу. Он сам мне сказал, что ты собираешься делать.

– Но единственный способ, как он мог это узнать – это если Ловкий продал меня.

– Не обязательно. Продать тебя могла твоя связная. В один из моментов, когда ты полагал, что она разговаривает с Ловким, она могла сдать весь план Рейсу. Ты ведь оставил её без наблюдения, когда уехал в «Джавапалс».

– Твоя правда. – То конкретное заведение из сети «Джавапалс» на самом деле было точкой контакта агентов Республики. Хотя я сделал довольно распространенный заказ, микрофон в кассовом аппарате записал его и мой голос был идентифицирован. Эта данные попали в регистрационные журналы и Джанелла смогла воспользоваться содержащимися в них простыми сообщениями – три кусочка сахара, например, означали, что всё произойдёт через три дня. Кассовый аппарат также выдал особую пятистоуную монету, в которой находился маячок. После того, как мы вышли из магазина, Джанелле был известен каждый мой шаг.

Она коснулась губ пальцем.

– Кроме того, возможно, офицер Риверс – твой покойный друг, с которым ты был в бистро – накопил больше информации, чем Ловкому бы хотелось. Он передал часть данных или все Рейсу и получил в награду за труды пулю. После этого Ловкий мог свернуть все остальные операции и подставить тебя под расход.

– Возможно. Возможно он сумел выяснить, кто финансирует Ловкого, почему и был ликвидирован. И, возможно, босс Ловкого приказал свернуть дела, чтобы дать Рейсу возможность повыпендриваться, и накрыть его позже.

– При условии, что другие ячейки в ПЭФ действительно существовали.

– Мда. – Я открыл воду и осушил полбутылки. – Четыре месяца на Хелен и всё, что я могу показать – горстка мертвых террористов и полицейских, и огромный ущерб, нанесенный полицейскому участку. Я полагаю, восстановление оплатят республиканские власти.

– Да, но деньги пойдут не из твоей зарплаты. – Джанелла непринужденно улыбнулась. – Девятый полицейский участок был назначен под снос. Рейс показывал мне чертежи Дворца Правосудия, который он собирается воздвигнуть на том месте. Если бы ты разрушил здание, то сэкономил бы налогоплательщикам кучу денег.

Я прижал холодную бутылку к задней стороне шеи.

– Когда-нибудь все выяснится. Боюсь только, это произойдет, когда я буду читать мемуары мистера Ловкого.

– Раньше, мой дорогой, я уверена.

По кораблю прозвучал предупреждающий сигнал, говоривший о полученном разрешении покинуть Хелен. Джанелла и я подошли к внешней переборке и пристегнулись к креслам. Я предложил ей воды, пока «Вэлиент» начал накручивать свою дистанцию. Она отпила и вернула бутылку, взяла мою руку в свою и держала, пока мы удалялись.

Мы оба наблюдали, как планета съеживалась за нами, и я слегка сдавил её ладонь.

– Тебе пришлось убеждать кого-то, чтобы прилететь за мной или у тебя был приказ?

Она повернулась ко мне с широченной усмешкой на лице.

– Мэйсон Данн, это мелькнуло твоё эго? Ты хочешь услышать, что Республика не может обойтись без тебя в такие темные времена?

– Ну, хм, – я сильно нахмурился, надеясь, что это поможет не краснеть. – Было бы приятно думать, что некоторые люди считают, будто я могу оказаться полезным.

– Вообще-то, любовь моя, предполагалось, что ты сможешь о себе позаботиться. Те немногие новости, которые приходили с Хелен, были сильно искажены пропагандой командующего Рейса. Выглядело все так, как будто ПЭФ достаточно силён для свержения целого правительства. Были проведены некоторые проверки и стало ясно, что не только от тебя мы ничего не слышали, но и данные по отдельным местным событиям, которые ты должен был собрать, также не прошли.

– Так ты бросилась на помощь?

– Мне хотелось это сделать уже через три минуты после того, как ты покинул Терру. – Она наклонилась и мягко меня поцеловала. – И после того, как сеть вышла из строя, я хотела прибить на Хелен немедленно. Обстоятельства, тем не менее, этого не позволили, так что я осталась на Терре, и делала, что могла для предотвращения кризиса.

– Насколько все плохо? Слухи, которые до меня дошли, варьировались от конца света до незначительного падения курса акций на фондовой бирже. Послушать людей, так все Дома развалились, кланы исчезли и, если бы Хэнс Дэвион был жив сегодня, он не узнал бы ничего от Внутренней Сферы, существовавшей век назад.

Она тяжело вздохнула, и я уловил в её голосе, как сильно она расстроена. Джанелла не очень-то часто расстраивалась. При её уме она могла, при наличии всех нужных фактов, додуматься до многого. Этот конкретный вздох означал, что у неё нет практически ничего из данных, которые ей требовались, и это сказало мне больше, чем четыре месяца просмотра новостей на Хелен.

– Так погано, да?

Она кивнула.

– Удары, которые вывели из строя гиперимпульсные генераторы, были очень хорошо скординированы. Они не только были систематичными и своевременными, но и наносились силами достаточными, чтобы преодолеть местное сопротивление – если оно было. Более того, целью были важнейшие узлы оборудования, что выводило из строя его полностью или использовались компьютерные вирусы, которые не позволяют антеннам передавать сообщения с наземных станций. Теоретически такая тактика позволяет восстановить связь достаточно быстро, поскольку генераторы не подвергались полному уничтожению. Их не нужно будет заменять, но будет нужно ремонтировать, и это – большая проблема.

– Не понял. Если все было сделано так точно, то почему не ведутся ремонтные работы?

– Вопрос материально-технического обеспечения. ГИГ – настоящее чудо техники и они были построены на века. Когда их создавали, в основу их проекта были положены базовые, очень надежные компоненты, которые безотказно проработали столетия. Устройства поменьше, вроде схем и элементов памяти были выполнены в модульном виде, исходя из предположения, что технология будет развиваться и их заменят новыми, более совершенными, более быстрыми элементами. Проблема, конечно, в том, что наследные войны остановили прогресс и быстро снизили производственные мощности промышленности, требующиеся для строительства генераторов и изготовления запасных частей. При объеме повреждений, достигающем восьмидесяти процентов первичной сети, потребуется очень много запчастей.

Я кивнул. Столетия назад Внутренняя Сфера едва не сгорела в войне, угрожавшей забросить человечество обратно в транзисторный век. Высокотехнологичные производства были уничтожены или переоборудованы для производства мехов. Мощности, способные производить прыжковые корабли и, судя по всему, комплектующие гиперимпульсных генераторов, сильно снизились – и именно тогда, когда мы нуждались и в том, и в другом.

– Так если у нас будут запасные части, мы сможем заставить все заработать?

– Да, сразу после завершения отладки программного обеспечения, но запасных частей нет. Специалисты даже не уверены, можно ли будет изготовить некоторые силовые муфты и преобразователи излучения. Теоретически мы обладаем всей необходимой для производства информации, но предприятия, которые могут осуществлять это производство, нуждаются в масштабной модернизации.

Я поёжился.

– Мы не можем и не сможем обмениваться информацией, не считая сообщений, переносимых на борту прыгунов и ретранслируемых с кораблей. А как с передачей новостей?

Джанелла покачала головой и её улыбка угасла.

– Плохо, Мэйсон, совсем плохо. Республиканские программы поощряли сотрудничество. Они вознаграждали его и наказывали проявления старой вражды. При отсутствии связи, принцип кнута и пряника уже не работает. Люди начинают сосредотачивать власть в своих руках. То, что ты обнаружил на Хелен – едва ли исключение.

– Республика разваливается?

Она откровенно посмотрела на меня зелеными глазами.

– Любовничек, я не была на Терре три недели. Сейчас мы направляемся прямо туда. До момента, пока мы доберемся, мы не будем знать, существует ли ещё Республика или нет.

12

*Новая аристократия правит лишь на основе силы,
а старая аристократия правила на основе традиции*
– Фрэнсис Бэкон

***Борт посадочного корабля Республики «Вэлиент», прибытие
Терра
Префектура X, Республика Сферы
8 декабря 3132 года***

Немного иронично было бы считать медленным средство передвижения, способное за мгновение перебросить тебя на тридцать световых лет, но когда ты не там, где тебе хочется быть, любое промедление кажется чудовищным. Нам потребовалось три дня, чтобы добраться до надирной прыжковой точки и найти корабль. Оттуда мы прыгнули на Нортвинд и оказались достаточно везучими, чтобы сразу перебраться на прыгун, шедший на Каф. После небольшой

задержки мы направились к Терре, и потратили ещё неделю, добираясь от прыжковой точки на планету.

Мы сумели с толком использовать это время и даже успели переделать немало работы. Данные с Хелен продолжали поступать до самого момента, когда мы выпрыгнули из системы. Ловкий и Летисия избежали ареста. Последний из моих товарищей, Стив, был схвачен через два дня после того как мы отбыли, но оказался бесполезен для поимки своих сообщников. Рейс ясно дал понять, что хотя он продолжит разыскивать Ловкого, он считает его мелкой сошкой и уж точно не стоящим хлопот по его поимке. Главным был я, Рейс был в этом уверен, и он был счастлив от меня избавиться.

Этому были две причины. Первой была возможность для меня изложить на процессе свою историю и какие-нибудь журналисты могли начать её разнюхивать. Я был уверен в наличии информации, которую люди Рейса предпочли бы не придавать огласке, поскольку она могла его скомпрометировать, а меня, возможно, оправдать. Это могло стать для него серьезной проблемой, так что избавиться от меня – сделав виновным в глазах общественности – было прекрасным решением.

Вторая, и более важная причина, состояла в значительном расширении полномочий Рейса. Южная часть материка Яфа еще не была на военном положении, но все сводки свидетельствовали о введении положения «чрезвычайного». Большинство гражданских прав было возвращено гражданам и, что неудивительно, общественное мнение было согласно поступиться некоторой их частью, дабы чувствовать себя в безопасности. Был отменен ряд мероприятий, которые казались мне позитивными. Это меня беспокоило, потому что Рейс был из породы людей, которые хватают столько власти, сколько могут, а возвращают её очень медленно.

Единственными ободряющими новостями с Хелен было то, что нападения больше не повторялись. Это было уже кое-что. В то время, как Республика медленно трещала по швам, нельзя было недооценивать пользу мира, но неразрешенность ситуации оставила во мне тяжелое чувство.

Проблему с охраной мы решили, сообщив им, что я – некто Мэйсон Данн, работающий на республиканское правительство, и леди Лейквуд знает меня лично. Когда меня впервые привезли в Овертон, она меня узнала и быстро перевербовала в целях проведения расследования по делу о ПЭФ. Поскольку, как гласила наша легенда, в то время я уже проводил расследование в лесозаготовительной промышленности и, следовательно, был подготовленным следователем, такое перенацеливание не было совершенно невозможным. Они приняли легенду, хотя, впрочем, это не значило, что они в неё поверили, но задавать вопросы не стали, так что белые нитки остались не очень заметными.

К тому времени, как мы прибыли на Терру, наши отчеты уже были готовы и мы отослали их перед нашим прибытием. Джанелла с нетерпением ждала новой информации по следующему заданию, но мы ничего не получили, кроме благодарностей и заверений в том, что как только мы приземлимся, работы будет полно. Мы были вынуждены расслабиться, хотя это непросто сделать на крошечном посадочном корабле, на котором нет ничего, кроме неприкосновенных запасов из аварийных пайков, повторно используемой воды и коек, по сравнению с которыми бетонные бордюры кажутся мягкими и широкими.

Кроме того, тяжело расслабляться возвращаясь на Терру. Это странно, потому что я родился на другой планете и впервые попал сюда уже будучи практически взрослым. Терра – колыбель человечества, все это знают, вне зависимости от того, насколько далек их собственный мир. Люди жили, преуспевали и процветали на невероятно различных планетах, но предназначены мы были для жизни только на одной: Терре. Пока не окажешься здесь, не понимаешь, насколько этот мир особенный.

Я наблюдал, как испещренный белыми полосами голубой шар рос в иллюминаторах и не мог сдерживать улыбку, когда мы вышли на траекторию торможения, а затем начали наш спуск. У меня было чувство, будто я возвращаюсь домой – что соответствовало действительности, ибо эта планета была для меня большим, чем просто постоянное место жительства. Воздух

здесь был приятней, деревья казались глазу естественней, вода была вкуснее, а животные сохраняли неуловимые черты нашей совместной эволюции, делавшие их менее чуждыми, хотя раньше я их не видел.

Пилот снизил «Вэлиент» с мягкостью щёчки Джанеллы и приземлился на основной посадочной площадке республиканского космопорта в Альбукерке. К тому времени, как он открыл люки и выпустил аппарели, прибыла машина, забрала нас всех четверых и отвезла через посадочную площадку к поезду на магнитной подвеске. Джанелла и я заняли заднее купе вагона, а Джек и Джилл прошли в переднее и пристегнулись. Поезд направился на север и через пятнадцать минут мы были в Санта-Фе, в Рыцарском Зале.

Тот факт, что мы сели в Альбукерке меня не удивил, но ещё раз подтвердил, что ситуация хуже, чем я позволял себе думать. У правительства Республики имеются различные объекты по всей планете, и, чаще всего, в качестве моей базы служил Рыцарский Зал в Цюрихе. В Санта-Фе было всё необходимое для удовлетворения рыцарственных запросов, но перемещение военного крыла рыцарей из Цюриха говорило о проведении мероприятий по децентрализации и предполагало попытку Республики снизить уязвимость своего ключевого персонала.

В Санта-Фе нас встретили трое человек. Первый благоговейно продемонстрировал своё почтение к Джанелле и сопровождал её в подготовленные для неё покои. Военный офицер забрал её телохранителей, а какой-то служащий ждал меня. Это был тощий парнишка с бестолковой ухмылкой, навевшей мне мысли о младшем брате, которого у меня никогда не было.

– Меня прислали за вами, мистер Данн. Сюда, пожалуйста.

Ударение, которое он сделал на моём имени, внушило мне подозрения, что что-то происходит, но он не был склонен вводить меня в курс дела. Я пожал плечами и поработал ими круговыми движениями, снимая напряжение. Я пошел за моим провожатым по изгибам и поворотам раскидистого комплекса. Стены его коридоров были отделаны золотистым деревом, а большие окна выглядели на сельскую местность. Сооружение было построено так, чтобы гармонизировать с окружающей местностью и сливаться с ней, поэтому оно разбросало вокруг холмов и внутри долин свои амёбоподобные отростки, соединявшие отдельные здания.

Он вел меня в одну из новых пристроек. Я знал, что мои помещения не будут такими шикарными, как покои Джанеллы, но голубая кровь предполагает свои привилегии. Я с немалым удовольствием припомнил огромную ванну, которая была у неё здесь в прошлый раз и решил установить у себя такую же, в половину меньше размером.

Служащий довел меня до двери и передал мне ключ. Даже не удосужившись сказать что-нибудь вроде: «Я позабочусь о вашем багаже» он повернулся и ушёл. Я вдруг услышал как кто-то мурлычет себе под нос мелодию, что, опять же, показалось мне странным, но принимать необычное как должное – часть моей работы.

Я открыл дверь и помимо воли улыбнулся. Я быстро глянул в коридор, чтобы проверить, нет ли там моего сопровождающего, но заметил лишь, как он растворился за углом. Я думаю, он наблюдал за моей реакцией и, надеюсь, он её заметил, учитывая объём проделанной им работы.

Комнаты, которые мне выделили, полностью соответствовали моим цюрихским апартаментам во всех мелочах, за исключением маленького треугольника пыли на нижней полке рядом с камином. Мебель выглядела идентичной и темно-зеленый цвет стен великолепно гармонировал с темным деревом полок. Я не мог сказать, была ли голограмма в рамке копией или моим оригиналом, и были ли сувениры на полках мебели и камина дубликатами или их перевезли сюда, но все они находились именно там, где я их в последний раз видел.

Даже не смотря направо, в спальню, или налево, в кухню, я знал, что все будет в точности. Кто-то пошёл на все это сложности и это значило немало. У меня появилось искушение найти этого парня и поблагодарить его. Честно говоря, я испытывал искушение побежать вниз по коридору и поймать его, но меня остановила одна аномальная деталь.

Я преклонил колено и склонил голову.

– Милорд, я к вашим услугам.

Мужчина, сидевший в кресле рядом с камином, поднял хрустальный стакан, наполовину заполненный янтарной жидкостью.

— А я — к твоим. Ты всегда имел хороший вкус на виски. Вставай, мой мальчик. Я бы поднялся поприветствовать тебя, но мне больше нравится там, где я сейчас.

Я поднялся, как мне было велено, и не смог удержаться от улыбки. Виктор Штайнер-Дэвион не был крупным человеком, вообще-то он был довольно низкорослым, но мощь его личности заполняла комнату. Когда мой пристальный взгляд коснулся его спокойных серых глаз, я почувствовал яростно бурлящую в нем жизнь. Его белые волосы и борода были подстрижены, а рука удерживала стакан очень твердо. Он выглядел точно, как я его помнил, каким я его видел его всегда.

Потом я заметил рядом с креслом трость. Он пользовался ей с той поры, как ему заменили правое бедро на искусственное. Он интенсивно работал над восстановлением и избавился от необходимости в трости примерно к своему столетию, и возвращение к ней не было хорошим знаком. Я заметил, что его плечи слегка прогнулись, а морщины вокруг глаз углубились.

Он начинал выглядеть на свой возраст.

Виктор Штайнер-Дэвион был человеком, которого люди либо любят, либо ненавидят, и многие любят его ненавидеть. Перед тем, как я отправился на хеленское задание, я читал его биографию, написанную Гасом Майклсом, «Виктор Ян Штайнер-Дэвион: Жизнь.» Книга была написана довольно хорошо и рисовала сильную картину человека, кому был предназначен трон могущественнейшего из наследных государств, и которому пришлось пережить крах своей державы. Атакованный извне кланами, преданный изнутри семьей, он наблюдал, как нация, построенная его отцом посредством войн и дипломатии, рушится. Он пережил убийство его первой и величайшей любви, Оми Куриты, гибель своего сына, Бертон и смерть второй любви, Изиды Марик.

Я встретил его впервые вскоре после её смерти, я тогда ещё был очень юн и не имел ни малейшего понятия, груз какой трагедии свалился на его плечи. Я знал, конечно, кто он такой, то есть, я имею в виду, я знал, как его зовут. Он был, на мой взгляд, просто чудаковатым стариканом, пока он не выудил из кармана старую монету и не дал мне сравнить его профиль и изображение. Он по-прежнему был крепким и, до нашей сегодняшней встречи, я думал, он будет оставаться таким всегда.

Он кивком указал мне на кресло с другой стороны камина. У столика рядом с креслом меня ожидал другой стакан с виски.

— Пожалуйста, чувствуй себя как дома.

Я усмехнулся этой шутке, и он тоже, что улучшило моё самочувствие. Я сел и поднял бокал.

— За ваше здоровье.

— За то, что от него осталось.

Мы выпили, после чего он тяжело облокотился на ручку кресла.

— Вид у меня тот ещё, я знаю. Тебе удастся скрывать это не лучше, чем остальным. Все думают, что я в любой момент хлопнусь замертво. Не выйдет, это я тебе обещаю.

— Хотелось бы, чтобы Вы сдержали свое обещание, милорд.

— Сдержу. — В его глазах мелькнул огонек. — Я почитал твой доклад насчет ситуации на Хелен. Почему ты всегда стараешься превратить свои отчеты в такую халтуру?

Я покраснел:

— Все эти сухие фразы типа «объект совершил то да сё» совершенно скучны. Они не передают пережитого мной. Меня послали внедриться и работать внутри, и в этой работе нет ничего чистого. Это грязная работа. Я уверен, что Гектор и Бодрячка сейчас клянут себя, за то, что мне доверяли.

— Ты, вероятно, прав. — Он вздохнул. — Я исключил последнюю часть твоего доклада перед тем, как отослать его в Цюрих. Теперь твой доклад заканчивается на том моменте, когда ты был передан из-под стражи полиции.

– Да, милорд.

Виктор потянул ещё немного ирландского виски, усмехнулся и снова обратился ко мне.

– Я знаю тебя достаточно хорошо, чтобы понимать, что тебе не понравилось, как разрешилась ситуация на Хелен. Я ответил отказом на первые несколько запросов леди Лейквуд вернуть тебя обратно, но сейчас ты будешь нужен здесь, столько, сколько возможно. На Хелен твоё время расходовалось впустую.

– Я не знаю, что рассказала тебе Джанелла, поскольку с того времени, как она отбыла, произошли вещи, о которых мы тогда не знали и есть много разведанных, которые мы не передаем ни по каким каналам связи. Если бы мы так делали, это привело бы к катастрофе. Ущерб, который может причинить паника, сам по себе невосполним. Вообще говоря, мы полагаем, что это именно то, чего ждет от нас враг.

Я кивнул.

– Никаких зацепок, кто это может быть?

– К несчастью, нет. Одна из наиболее популярных теорий – это новая попытка «Слова Блейка» нанести удар, но Стоун их практически уничтожил. Как нам известно, у них есть несколько анклавов в том, что раньше называлось Лигой Свободных Миров, но истинно верующие в блейкизм ещё долго не смогут создавать проблем. Их общества сейчас опустились до уровня немногим превышающего каменный век. Они посвятили себя поискам технологии, которая обеспечит духовное освобождение и подъём, но большую часть времени они расходуют на борьбу с болезнями и насекомыми, уничтожающими их урожаи.

Я глотнул немного и позволил виски медленно распространять свой огонь по горлу.

– Если не они, то кто? Мирное время было выгодно всем. Я знаю, что лидер Капеллланской Конфедерации непрерывным фонтаном выдает революционную риторику, но он только лает, а укусить не может.

Взгляд Виктора стал тверже.

– Даошен Ляо – человек, которого ни в коем случае нельзя недооценивать. Он несомненно ещё более умен, чем был его отец, его коснулось безумие тетки и он сумел выторговать у Стоуна условия, позволившие ему сохранить достоинство и иллюзию могущества. Проблема в том, что Даошен – слишком заядлый иллюзионист, и за последние двадцать лет он многое сделал, создав ауру собственной несокрушимости. Информация из КапКона приходит очень редко, но выглядит все так, как будто падение сети развязало ему руки, позволив уничтожить своих врагов и ухватить власть ещё тверже.

Старик покачал головой.

– Следует заметить, что ни одно из наследных государств, согласно нашим данным, не обладает достаточным количеством войск и кораблей, на основе которых можно выстроить операцию, вроде выведшей сеть из строя. Хуже того, после удара они отступили. Я думаю, они предполагали выход на сцену новых проявлений старой вражды и готовы дать нам разрушиться изнутри, а затем просто провести зачистку и овладеть ситуацией.

Мой желудок сжался и я поставил стакан.

– Так значит, все что я видел на Хелен – довольно умеренно?

– Все равно, что сравнивать спичку со сверхновой, Мэйсон. – Виктор залпом допил остаток виски. – Внутренняя Сфера тлеет и если мы не сможем погасить все горячие точки прямо сейчас, произойдет взрыв и все рухнет.

*Быть верным и готовым для служенья...
Быть созданным всецело из фантазий.*
– Шекспир

*Рыцарский Зал, Санта-Фе
Северная Америка, Терра
Префектура X, Республика Сферы
8 декабря 3132 года*

Я встал с кресла, нашёл бутылку виски, как раз там, где я обычно её держу, вернулся и наполнил стакан Виктора.

Он улыбнулся мне снизу вверх.

– Мои врачи сказали бы, что это вредно для моего здоровья, но я уже пережил немало врачей. Мой кузен Морган обычно перед отходом ко сну делал глоток виски.

Я глянул на часы.

– Ещё не так поздно, милорд.

– Я все равно не сплю много. – Он тяжело вздохнул и я увидел тяжесть, с которой события давили на него. Я не сомневался, что борьба с последствиями выхода сети из строя утомляла каждого, но Виктор казался изнуренным. За свою жизнь он повидал бесчисленную смену войн и мира и этот цикл был разорван. Реформация Стоуна ввела беспрецедентную эру мира и ему могло казаться, что, в отличие от его ровесников, он сможет умереть спокойно.

Несмотря на свою изнуренность, Виктор Штайнер-Дэвион обладал острым умом и жадой знаний. В его биографии Майклс предположил, что самой сильной стороной Виктора была его способность учиться. До того, как на него возложили бразды правления, его готовили всего лишь к карьере солдата, но он сумел стать политиком и дипломатом. Его враги так и не смогли понять, что, при наличии достаточного времени, он сможет изучить их достаточно, чтобы победить и он повторял это снова и снова.

Он усадил меня и засыпал вопросами о моём пребывании на Хелен. Хотя в основном разговор крутился вокруг того, кто стоял за Ловким и почему, Виктор также обратил внимание на вопрос – как люди справляются с напряжением, разрывающим Республику.

– Как ты думаешь, Мэйсон, если политические игроки вдруг решат не вмешиваться в текущую ситуацию, поступит ли аналогичным образом основная масса людей?

Над этим вопросом мне требовалось подумать немного и я выкроил необходимое на это время, снова наполнив мой стакан. Поставив бутылку, я повернулся спиной к небольшому бару и прислонился к нему, глядя на Виктора.

– Ну, милорд, обычные люди озабочены наличием крыши над головой, еды в желудке и некоторых основных земных благ. До тех пор, пока они не видят, чьих-то попыток лишить их того, чего, как им кажется, они заслуживают, они склонны мириться с положением дел. Когда оказывается, что они теряют то, на что рассчитывали, или то, что им было обещано, вот тогда они начинают роптать и протестовать. Бригада, в которой я работал, была просто счастлива тяжелой работой, хорошим пивом, драками по головизору и простыми забавами. Когда СЛИВ начал угрожать всему этому, они стали реагировать.

– Примерно как с собаками, я полагаю. До того, как собака укусит, она лает, а до того, как она залает, она рычит. До того, как собака зарычит, шерсть на её загривке встает дыбом. Кто-то возбуждает толпу и мы наблюдаем стадию поднятия шерсти. Взвинти людей ещё и получишь рычание и лай.

Виктор согласился с таким анализом и мы поговорили о слышанном мной разделе власти между политическими фракциями в префектуре III, о чем на таком мире как Хелен, было известно куда меньше, чем хотелось. Снятие Катаны Тормарк с поста военного губернатора префектуры подняло немало шума, но большинству людей нравилась её замена – Тара Кэмпбелл с Нортвинда. Я не обнаружил никаких свидетельств того, что люди вроде Тормарк или Джейкоба Бенсона начали политические маневры или стали накапливать силы, но, как к месту заметил Виктор, любой из них мог быть кукловодом Ловкого.

– Если бы я был уверен, что это Бенсон, я бы запросил большой гонорар. Он может это себе позволить.

Виктор усмехнулся в ответ на это замечание, затем попросил меня проводить его до помещений, отведенных ему в Зале. Я предложил ему руку, не потому, что он в этом нуждался, а из дружеских чувств, которую он принял. Мы медленно прогуливались и он опирался и на мою руку и на свою трость, хотя не так сильно, как я ожидал.

Мы довольно быстро достигли его покоев и обнаружили уже ожидавший нас ужин. Старик глянул на меня с искоркой в глазах.

– Я знаю, что ты не выносишь корабельный рацион, а твоя леди Лейквуд, к несчастью, будет ужинать с Консуэлой Дагмар и моей внучкой, Нессой, и они расспрашивают её по поводу ситуации на Хелен. Поэтому я надеюсь, ты не будешь возражать, если я завлеку тебя в засаду.

– Милорд, это честь для меня.

– Но если бы я начал тебя приглашать, ты бы отпросился.

– Только для того, чтобы залезть в свой собственный холодильник.

Виктор засмеялся.

– Там все, что было у тебя в Цюрихе, ещё замороженное.

– Тьфу...

– Ну, я никогда не иду на битву не имея резервов, а полная несъедобность твоих запасов – дополнительный стимул присоединиться ко мне.

– Ещё раз, милорд, это честь.

Как приглашенный гость, я сел по правую руку от него и мы с удовольствием поели. По крайней мере, я точно знал, что испытываю удовольствие. По его смеху я предположил, что он тоже доволен.

Хотя рыцари разных рангов много общаются и между ними может возникать и прекращаться дружба, интерес, который проявлял ко мне Виктор, был немного необычен. Я не совсем уверен, почему он решил взять меня под свое крыло, ибо именно он принял меня на службу, озабочился моим образованием и направлял меня до тех пор, пока я не приобрел свой сегодняшний статус рыцаря-призрака.

Джанелла выдвинула две теории, каждая из которых свидетельствовала в пользу другой. Первой была потеря Виктором, за относительно непродолжительное время, сначала сына, а потом Изида Марик. Над ним довлело чувство собственной смертности, ведь Кай Аллард-Ляо и Хохиро Курита, его великие современники и близкие друзья уже скончались, оставив его довольно одиноким. Джанелла думала, что найдя меня, Виктор решил превратить меня в нечто приличное, сделав ещё одно доброе дело во вселенной. Я стал его хобби.

Неувязка с этой идеей состояла в том, что у Виктора на самом деле не было времени на хобби. Его обязанности как паладина очень его загружали. Авторитет, которым он обладал во Внутренней Сфере, означал его способность влиять на обстоятельства и урегулировать конфликты просто показавшись на виду в нужном месте. За свои годы он узнал так много о том, как мотивировать людей, что умел играть на слабостях и желаниях, разрешая, таким образом, проблемы.

Её второй теорией было то, что я мог напоминать Виктору о ком-то, кого он знал. Мы оба отказались от мысли, что я мог напоминать ему самого себя в молодости, поскольку наше прошлое и характер совершенно не походили друг на друга. Время от времени мы рассматривали разных подходящих кандидатов, но поиски были безрезультатными до той поры, пока

Джанелла не слышала историю о Фелане Келле и его изгнании из Найджерлинга на Таркаде. Причина, по которой его вышибли, была очень похожа на то, чем я обратил на себя внимание Виктора – хотя Фелан боролся со льдом, а я – с огнем.

Фелан упорно добивался положения воина клана и увел клан Волка в изгнание на Арк-Ройял. Между ними бывали трения, которые позднее сгладились, когда они объединили силы в конце войны против кланов. Сама идея, что Виктор может видеть во мне кого-то, совершившего такой блистательный путь как Фелан, и хочет направить меня на более конструктивные свершения, давила немалым грузом.

И мне повезло, что между нами возникла настоящая привязанность.

После трапезы Виктор провел меня из столовой в небольшой кабинет. Там слуги снабдили нас обоих бокалами, щедро наполненными бренди. Он расслабился в своем излюбленном кресле, огромном и кожаном, какими, я считаю, должны быть все кресла, и медленно начал говорить. Его серые глаза сфокусировались ненадолго на чем-то удаленном, затем его взгляд замедлился, избавившись немного от изнуренности.

– Тяжело, Мэйсон, наблюдать нападение на Республику и не знать, кто за этим стоит или почему это происходит. Если бы смогли понять, кто они, мы бы подняли людей на битву, чтобы уничтожить врага. Проблема в том, что каждый стремится обвинить во всех грехах своих злодеев, как например, это сделали твои друзья на Хелен. Мы не можем сражаться с тенью, а кроме теней у нас ничего нет.

– И больно видеть, как труд Стоуна колеблется на грани гибели. – Виктор закрутил темную жидкость в своем бокале и вдохнул пары. – Я тебе рассказывал когда-нибудь, как я впервые встретил Девлина Стоуна?

– Нет, милорд, но я читал об этом в биографиях.

Он усмехнулся, по-прежнему уставившись в свой бокал.

– Ни в одной из них это дело не изложено правильно. Я был на Токкайдо, в качестве регента по военным вопросам. Я делал что мог, чтобы остановить «Слово Блейка», но тогда, как и сейчас, все было неорганизовано и координировать борьбу было сложно. Мы не только не получали достаточное количество информации, но и половина того, что получали, была бесполезным мусором. Дома Джейду было три с половиной года, а близнецам – едва ли год. Вокруг был хаос.

– Сын Кая, Дэвид, исчез во время нападения «Слова Блейка» в 67-ом году, и мы впервые о нём слышали в конце 71-го. Я полагал это блэйкистской дезинформацией, поскольку говорилось, что Дэвид был одним из воинов, освободивших от блэйкистов планету Киттери. Я неохотно передал эту информацию Каю, но из того региона стало приходить всё больше данных и в них все чаще упоминали Дэвида. Информация фокусировалась на человеке по имени Девлин Стоун, но у КомСтара не было тогда на него никаких данных, а если у КомСтара нет на человека данных...

– Значит этот человек не существует.

– Точно. Итак, в начале 73 года у нас появились дополнительные сведения о Стоуне. Выходило, что он освободил группу миров вокруг Киттери и основал некую «префектуру». Ты должен понимать, я немедленно посчитал этого человека своего рода пиратским королем, собиравшимся основать свой собственный Дом, но Кай сообщил мне, что он связался с Дэвидом и тот превозносит достоинства Стоуна. Я собрал некоторую информацию по префектуре Киттери, она выглядела очень прилично, но я думал, это все – пропаганда.

Виктор отпил немного брэнди и, когда он посмотрел на меня, его глаза сверкнули.

– Книжки, которые ты читал, прославляют Стоуна, но тогда мы ничего о нём не знали. Все, что у нас было – сырые данные о человеке, захватившем несколько миров и объединившем их в самостоятельное сообщество. Он делал вещи, на которые было неспособно никакое правительство. Он, конечно, спотыкался, когда их делал, но всё работало.

– Через Дэвида Кай организовал встречу Стоуна со мной. Стоун считал, что отправляться на Токкайдо – даром потерять время, но Дэвид смог его убедить и в октябре 73-го мы встретили

лись. Он был крупным человеком, с темными волосами и темными глазами – ты его встречал, но ты смотрел на него глазами того, кто знает его свершения. Я видел исключительно потенциальные возможности и знал, на что ему пришлось пойти, чтобы добиться своих побед. Я видел очень опасного человека.

Я поёжился.

– Я не смотрел на это под таким углом.

– Немногие смотрели. Благородный профиль на монете скрывает натуру. Стоун вел себя уважительно, должен признать, сел рядом со мной и рассказал мне о своей работе. Он не похвалялся своими успехами и не расписывал то, чего он мог бы добиться. Он был со мной прям и откровенен.

– Мэйсон, на протяжении лет, я всякое повидал и, за несколькими исключениями, люди либо хотели, чтобы я немедленно признал их равными, либо хотели от меня одолжений. И те и другие желали обладать частью принадлежавшей, как они думали, мне власти, некоторые на благие цели, некоторые на дурные, но все относились ко мне как к колодцу, наполненному могуществом и горели желанием получить у меня ведро, которым они будут это могущество черпать.

– Стоун был другим. Он просто рассказал мне о своих действиях. Он не просил меня об одобрении или помощи. Он просто хотел, чтобы я знал. Чтобы я решил – собираюсь ли я его остановить или уйти с его дороги. И я раздумывал над обоими вариантами, так как его реформы были нацелены на слом и переустройство некоторых граней общества, служивших ему веками. Он хотел не окунуться в колодец политической власти, а углубить его, найти под ним источник и развернуть его до ширины реки, смоящей старый порядок.

Взгляд Виктора на мгновение стал тверже.

– Это была жутковатая мысль и я бы попытался его остановить, если бы не было ясно, что он ценил Дэвида Лира как своего советника и изменения, которые он собирался вносить, были необходимы. Более того, после того ущерба, нанесенного «Словом Блэйка», общество бы рухнуло и без реструктуризации. Не было никакого шанса вернуться туда, откуда все начиналось до нападения.

Я усмехнулся и закрутил свой бренди, вдыхая аромат.

– И вы взяли за дело вместе с ним.

– Взялся. В некоторых книжках говорится, будто бы я был первым, кто обнажил меч, положил его к ногам Стоуна и поклялся ему в вассальной верности. Это не так, потому что тогда Республика был лишь мечтой, а мечи, которые мне приходилось носить, не могли быть положены к ногам ни одного человека. Тем не менее, я представил его и его программы некоторым лидерам наследных государств – Хохиро, Питеру и Ивонне. Я познакомил его с Морганом Келлом, а через Фелана и Хохиро – с руководством кланов. Он представил своё дело всем им. Те, кто считал, себя обязанными так или иначе оказать ему поддержку, включая меня, так и поступили, и Реформация началась.

Я кивнул, соглашаясь.

– Я читал одну историю, в которой предполагалось, что вы якобы намеревались использовать его в качестве марионетки и захватить власть над Реформацией. Я знаю, что это не так, но все-таки, когда вы его встретили, верили ли вы, что он может победить?

– Было сложно не видеть будущего успеха в тех темных глазах, Мэйсон. Люди, боровшиеся со «Словом Блейка», боролись за свою свободу, но руководство хотело возвращения к предвоенному состоянию. Стоун доказал, что власть действительно лежит в руках народа. Аристократы, забывшие это или пытавшиеся этому сопротивляться, бежали, ибо чем больше людей видели достижения Стоуна, тем больше их устремлялось к нему. Во многих смыслах это была отбраковка неспособных, сделавшая пробуждающееся общество намного сильнее. Может быть жестоко так легко пользоваться терминами из теории эволюции, ибо лишённые власти или жизни были людьми, но они отреклись от своей ответственности перед народами, которые вели. Если бы они остались на своих местах, общество бы не выжило.

– А ты не выживешь, дедушка, если немного не поспишь. – Несса Дэвион, младшая дочь Бертон и помощница Виктора, вошла в кабинет и улыбнулась мне. – Приятно видеть тебя, Мэйсон. Что-то я не вижу на тебе синяков, заработанных на Хелен.

Я улыбнулся стройной женщине в ответ. Её светлые, почти белые волосы были сплетены в толстую косу, сквозь которую проходила бледно-голубая нить. Этот цвет подходил к оттенку её глаз, усеянных, в отличие от глаз её деда, серыми крапинками. Я знал её много лет и чувствовал себя её двоюродным братом.

– Мне не так уж сильно досталось, Несса.

– Джанелла говорит совсем другое.

– Это потому, что ей не удалось надавать им по шее за меня. – Я допил бренди и поставил бокал. – Милорд, уже поздно. Мне нужно отдохнуть.

Виктор взглянул на свою внучку и кивнул.

– Завтра ты увидишь, что работы немало, Мэйсон, так что, возможно, хороший сон не повредит. Спасибо, что составил мне компанию.

– Одно удовольствие, милорд.

– Я провожу его, дедушка, ты оставайся здесь.

Виктор закатил глаза.

– Она поднимает слишком много шума.

– Ты – это достаточно много, чтобы из-за этого стоило пошуметь, – съязвила Несса. Она взяла мою руку и направила меня к двери.

– Как он тебе показался?

Беспокойство в её голосе требовало искреннего ответа.

– Как будто события его постепенно съедают. Тем не менее, он все ещё хорошо выглядит и его ум так же остр, как и всегда.

Она кивнула.

– Время берет свое, но ему было приятно тебя увидеть. Спасибо.

– Не стоит благодарности. – Я погладил её руку и поцеловал в щеку. – При том, как могут сложиться обстоятельства, я не удивлюсь, если он переживет нас всех.

– Он тоже об этом иногда думает. – Несса невесело улыбнулась. – Я думаю, что именно это тревожит его больше всего.

О боже! Заключите меня в скорлупу ореха и я буду чувствовать себя повелителем бесконечности. Если бы только не мои дурные сны!
– Шекспир («Гамлет»)

***Рыцарский Зал, Санта-Фе
Северная Америка, Терра
Префектура X, Республика Сферы
9 декабря 3132 года***

Ненавижу сны. Мне ещё повезло, что я большинство из них я не помню, но моим снам это прекрасно известно. Вот кажется, они навсегда убрались во мрак и согласны там остаться. Они убаюкивают меня чувством ложной безопасности, а потом вываливаются целым потоком. Я всю ночь мечусь по кровати и просыпаюсь изможденным и разбитым.

Этот конкретный сон был просто мерзким. Я снова в школе, мне ещё нет и десяти, и я смотрю на большую голографическую карту Внутренней Сферы, только это не та карта, к которой я привык. Когда я подрост, Республика Сферы, созданная Стоуном, стала напоминать ступицу колеса межзвездной империи человечества. Все прочие нации были спицами в колесе – некоторые толстыми спицами, другие тонкими, третьи вообще едва заметными – или выглядели как заплатки на крышке. С точки зрения Федеративных Солнц, Республика была союзником, и, поскольку мы были уверены, что Стоун был родом из Солнц, мы могли считать себя причастными ко всему, сделанному им.

Теперь этой карты там не было, вместо неё была другая, вроде виденных моим дедом. Все наследные государства были намного больше и их границы сходились на Терре. Столетия на этих границах шли войны. Мудрость Стоуна проявлялась и в том, что он включил в состав своего государства именно планеты, бывшие горячими точками на протяжении многих поколений. Его реформы не только ликвидировали средства ведения войны, но и, во многих случаях, исключали и причины для войн.

Я по-прежнему видел призрак Республики, наложенный на старую карту, но сквозь его очертания я замечал небольшие огни, горевшие на различных планетах. Граница Федеративных Солнц была сплошной линией огней. Марка Дракона горела, но наибольшей концентрация пламени была среди миров, когда-то входивших в Республику. Силы извне стремились ворваться на них, а силы изнутри хотели выплеснуться наружу.

Я слышал голос, безжалостный и нарастающий. «Такова вечная доля человечества. Война горит в нашей крови и погасить её можно только чужой кровью.»

Дальше происходили какие-то другие вещи, но они проваливались во сне за грань неразличимости. Некоторые из них, возможно, были пророческими – вёщами, если хотите – но я их не рассмотрел. Если моё подсознание хочет поведать мне что-то важное, я бы предпочел ясное сообщение, а не головоломки, требующие разгадок.

Сообщение, передававшееся голосом, было совершенно ясным. Мечта Стоуна гнила. Будет война и многие умрут. То, что боевые мехи оставались в руках немногих избранных, утешало слабо. «Копатель» и «Мария» были более чем способны уничтожить много домов и людей, живущих в них, а ведь на мехи легко посадить ополченцев с пулеметами или сами мехи можно переоборудовать. Человечество становится кошмарно изобретательным, когда дело доходит до создания орудий убийства.

Я проснулся не сразу, а вместо этого медленно выходил из сна и это хуже всего, на мой взгляд, потому что реальность начинает сливаться с сонными фантазиями. Грохочущий снару-

жи гром и сверкающие молнии, пересекавшие мои шторы, совсем не улучшали ситуацию.

Я провел рукой по лицу – я начинал понимать изнуренность Виктора. Отключение сети связи было сродни грандиозной грозе, заживавшей бесчисленные маленькие пожары. До того, как их можно будет начать тушить, их придется обнаружить, проанализировать причины их возникновения и найти способы борьбы. Все это потребует времени, а проблема в том, что пожары разгорались всё сильнее и жарче. Ко всему прочему, мы не знали, вернется ли шторм обратно или где он нанесет удар снова, так, чтобы нанести максимальный ущерб, пока мы заняты маленькими огоньками.

Короче говоря, нам было нужно делать все возможное и готовиться к ещё большим трудностям, причем неизвестно какой природы, которые произойдут неизвестно когда.

Я вытащил свое тело из кровати и секунду раздумывал – не залить ли в себя ещё виски. Выпивка бы меня расслабила, и я бы сумел остановиться на одной дозе. Сложность была в том, что я не хотел останавливаться, а если бы я напился, это только усугубило бы раздражение, которое медленно кипело у меня в груди.

Вместо этого я проголосовал за две пригоршни подслащенной каши, молоко, чтобы смыть её внутрь и горячий душ. Завтрак смог меня разбудить, а душ вправил мне мозги настолько, что я умудрился побриться, не перерезав себе горло. Когда водишь холодной сталью по собственной коже, в этом есть что-то проясняющее рассудок.

К белой рубашке и узкому черному галстуку я надел серые брюки и пиджак, служившие своего рода униформой местных бюрократов. Я покинул мои комнаты, на ходу пристегивая идентификационную карточку и направился к центральному зданию Рыцарского Зала. Интерактивная информационная панель, встроенная в дверцу моего холодильника, сообщила о необходимости встретиться с рыцарем Консуэлой Дагмар в девять, но я прибыл на пять минут раньше.

Мы встретились в небольшой комнате для совещаний, обставленной черными кожаными диванчиками, достаточно толстыми, чтобы самортизировать падение меха из ионосферы. Они были расставлены квадратом, в центре располагался голографический проектор. Он был облицован панелями черного дерева, а проекционную аппаратуру защищал лист черного стекла. За спинкой дивана, на котором я должен был сидеть, располагался буфет, заполненный водой, соками и набором всяких здоровых продуктов, вроде фруктов, орехов и семечек.

Джанелла и Несса, присутствовавшая в качестве глаз и ушей Виктора, уже прибыли и шептались друг с дружкой, сидя по углам двух смежных диванов. Служащий вроде меня – только у него был фиолетовый галстук, скрепленный серебряной шпилькой – глянул на меня, когда я вошёл. Он повозился с едой, и поклонился вошедшей графине.

– Все готово, миледи.

Она улыбнулась ему и кивнула.

– Очень хорошо, Вроксли. Если мне ещё что-нибудь понадобится, я вас позову.

– Ожидаю ваших распоряжений, миледи. – С этими словами пожилой мужчина резко поклонился, отчего у него из прически выбилась прядь волос, и отбыл.

Дверь с шипением закрылась за ним и Консуэла Дагмар снова улыбнулась, уже мне.

– Приятно снова вас видеть, Мэйсон. Вы выглядите намного лучше, чем я ожидала.

Я бросил взгляд на Джанеллу.

– Меня всего лишь дубасили кулаками, а не резали пилами.

– Но то были большие кулаки, любовь моя. – Она наградила меня улыбкой. – Хорошо, что ты быстро поправляешься.

Я ей подмигнул, отчего на её щечках выступил румянец и снова обратил внимание на рыцаря. Несмотря на то, что ей было за семьдесят, она не выглядела и на пятьдесят. Она по-прежнему стригла волосы коротко, на манер многих мехвоинов, а её темные глаза оставались живыми и подвижными. Во многих смыслах она напомнила мне Бодрячку, или Бодрячка напоминала мне её, только моложе и энергичней. В Консуэле ещё осталось немало огня, хотя за годы она научилась укрощать и перенаправлять его.

Она жестом пригласила меня сесть на диван к Джанелле и заняла место напротив нас. На ней были кремового цвета юбка и жакет, ярко-синяя блузка, а также темно-коричневые туфли. Наряд хорошо сочетался с её смуглой, оливкового цвета, кожей, что стало очень заметно, когда она разгладив рукой юбку, наклонилась вперед.

– Во-первых, я прочитала отчеты о произошедшем на Хелен и, хотя я согласна с тем, что разрешение ситуации нельзя назвать удовлетворительным, возможно, это наилучший вариант, который мы могли в данном случае получить. Если бы Ловкий вас не выдал, то, как я подозреваю, со временем вы смогли бы подняться в организации достаточно высоко, чтобы суметь понять, кто стоит за ним. Чтобы вы знали, республиканские власти на Акамаре аннулировали ордер на арест Сэма Донелли, учитывая, что доказательства были собраны незаконными методами. Он был выпущен из-под стражи на Эпсилон Инди. Там он видно залег на дно, поскольку прокуратура Акамара до сих пор ищет его для допроса.

Я кивнул.

– Благодарю вас, миледи. Я не знаю понадобится ли мне Сэм снова, но он был полезен.

– Мы его пока оставим в живых. Все досье на него остались на месте, а при нынешней неразберихе создать новую легенду и распространить её достаточно широко – такая проблема, которая нам просто не нужна.

– Да, миледи.

Консуэла опустила руку под край стола и нажала скрытую кнопку. Маленький голубой куб ожил, воспарив над столом. На его гранях загорелись, словно пропуская свет изнутри, тоже голубые, но более темные буквы, и я смог разглядеть сквозь куб слова, написанные в обратном порядке на противоположной грани куба. К тому времени, как графиня Ламбрехт заговорила, куб начал медленно вращаться по часовой стрелке.

– Существующий кризис создал ряд осложнений на трех уровнях: стратегическом, оперативном и тактическом. Я разделила участников на две группы, назвав их – львы и шакалы. Львы – это сумевшие вывести из строя сеть, а шакалы – пользующиеся возникшим замешательством. И, в качестве ответа на первый очевидный вопрос – да, львы могут маскироваться под шакалов.

– О львах нам известно очень немного. Седьмого августа сего года они ударили по гиперимпульсным генераторам первичной сети связи КомСтар. За последние четыре месяца мы собрали много данных по их методам и они варьируются от атак аэрокосмических истребителей с бреющего полета или нанесения ударов по целям при помощи специально обученных для действий при нулевой гравитации ударных групп, до поражения целей ракетами или иным бортовым вооружением посадочных кораблей. В одном случае, и он подтвержден, корабль-прыгун выбросил посадочник, затем прыгнул, снова выбросил посадочник, снова прыгнул и выпустил третий посадочный корабль, нанеся, таким образом, удары по трем станциям.

Мои глаза сузились и я как-то ухитрился удержать челюсть от удара о пол. Прыгун может легко перемещаться между мирами, но для перезарядки между прыжками требуется время, до недели, в зависимости от природы звезды, используемой для подзарядки. Для заряда можно использовать бортовые генераторы, но это значительно повышает вероятность повреждения двигателей Керни-Футиды. Если их повредить, то корабль никуда не прыгнет или, что ещё хуже, прыгнет куда-то и его больше никогда никто не увидит.

Чтобы проверить описанное, корабль должен был быть оборудован ионно-литиевой батареей. Нельзя назвать это чем-то неслыханным, но такие корабли были редкостью. Наличие подобного корабля означало, что, кем бы львы ни были, они имели в своём распоряжении значительные ресурсы. Помимо прочего, такой корабль намного легче идентифицировать, ввиду его уникальности.

Я глянул поверх проектора.

– Корабль проследить не смогли.

– Нет. Его сумели опознать, вернее, опознать тот корабль, которым он должен был быть. Согласно реестру, это старое судно из Лиги Свободных Миров, обслуживающее простой торговый

маршрут. Опросы капитанов посадочных кораблей, прыгавших с этим кораблем, не показали ничего подозрительного. Расценки на транспортировку посадочных кораблей были стандартными. Не было ничего, что можно было бы счесть необычным, хотя никто, кажется, не помнит, чтобы они особенно часто общались с экипажем корабля. Вообще говоря, единственной странной вещью является то, что описания капитана прыжкового корабля различаются, как будто члены его экипажа принимали командование по очереди.

Я кивнул.

– Торговый корабль – прекрасное место для сбора разведывательной информации. Агенты могут отсылать сообщения или принимать грузы. Местные власти озабочены тем, что попадает в поле тяготения их планеты, а не шляется в открытом пространстве.

Джанелла заерзала на диване.

– И все равно, удар по всей первичной сети за один подход требует невероятной координации. Станций ведь очень много.

Консуэла кивнула.

– По мере поступления отчетов с мест проявляется поразительная глубина планирования. Силы атакующих точно соответствовали охране объектов в каждой системе. Данные, поступающие из Капелланской Конфедерации, по меньшей мере поверхностны, но судя по всему, было использовано большое количество вооружения дальнего действия, а несколько атак были осуществлены агентами в капелланских вооруженных силах. В одном случае люди из КомСтара проводили экскурсию по ГИГ-станции для высокопоставленного лица и у одного из его сопровождающих оказался лазер, которым он вывел из строя генератор. Ясно, что все это потребовало многие годы подготовки. Они уже давно выбрали все цели и теперь мощно ударили по ним.

Я секунду пожевал нижнюю губу.

– Что насчет резервной системы? Удар по ней был нанесен в то же время?

– По нескольким станциям – да, но в основном, они были выведены из строя через неделю или две. Сеть гиперимпульсных генераторов очень протяженна и операторы резервных станций привычны к периодическим выходам оборудования первичной сети из строя. Они, согласно стандартным процедурам, записывают поступающие сообщения, и либо сбрасывают их на прыгуны, следующие в соответствующем направлении, либо просто хранят их, пока станции первичной сети не возобновят связь. Как мы полагаем, несколько станций КомСтара до удара и выхода из строя передавали данные львам. Мы не имеем представления, что это за данные и что они собираются с ними делать, но это проблема уже совершенно другого уровня.

– Некоторые станции получили предупреждения и сумели защититься. На других смогли провести грубый ремонт, но восемьдесят процентов сети не могут быть использованы ни по какому назначению и не могут быть отремонтированы. При помощи прыгунов ретранслируется так много информации, насколько возможно, но потребность ожидать неделями данные, которые раньше приходили за часы или дни, разрывает всю Внутреннюю Сферу на части.

Несса тяжело вздохнула.

– Было уничтожено ключевое оборудование, которое в принципе можно отремонтировать, или было испорчено программное обеспечение, которое можно переписать. Просто на это потребуется время – много времени. Мы надеялись, что те, кто это сделал, просто собираются предложить услуги по ремонту и намереваются вымогать деньги за счет своей монополии, но, за исключением нескольких случаев взвинчивания цен или мошенничества в попытке заставить людей выложить деньги за запасные части, на этом направлении ничего не происходит.

– Значит они просто ударили и исчезли... – я провел рукой по губам. – Это не дает нам на львов ничего. Ни мотива, ни понятной цели, кроме их готовности к продолжительному ожиданию, прежде чем перейти к следующему этапу своего плана. Трудность в том, что, так как они раздумывали об этом всем уже давно, и явно очень терпеливы, у нас нет шанса предугадать их действия.

Консуэла кивнула.

– Коротко говоря, да.
Я поморщился.
– Маленькая ореховая скорлупа и бушующий океан кругом. Это плохо.
– Да, это плохо. – Плечи Консуэлы вдруг просели, всего чуть-чуть, на толщину волоса. – И если попытаться разобраться с шакалами, то ситуация немногим лучше.

15

Власть развращает, а абсолютная власть – это круто
– древнетерранский девиз

*Рыцарский Зал, Санта-Фе
Северная Америка, Терра
Префектура X, Республика Сферы
9 декабря 3132 года*

Сам выбор ею для обозначения группы людей слова «шакал» заставил меня содрогнуться. Пожиратели трупов. Быстрый взгляд на Нессу показал, что она рассержена. Выражение лица Джанеллы говорило, что её мысли шли в параллель моим.

Консуэла нажала ещё одну кнопку и куб расцвел в сферическую карту префектуры III.

– Одной из причин, почему твое пребывание на Хелен в момент начала всего этого кризиса можно считать удачным, является твоя способность в перспективе оценить, где и какие силы разворачиваются. Выявленные нами игроки все ещё собирают вокруг себя силы и маневрируют, с целью выдвинуться на выгодные, с точки зрения достижения их целей, позиции. Движения, такие как то, в которое ты сумел внедриться, могут быть частью более масштабной операции, но, на данный момент, никто не производит никаких значительных шагов. Они все ещё стараются сориентироваться.

На голограмме засветилась планета Прозерпина. Несса наклонилась вперед, держа руки на коленях.

– Прозерпина на сегодняшний день – база Катаны Тормарк. До конца прошлого года она являлась военным губернатором префектуры III и находилась на Озаве.

Я кивнул.

– Я припоминаю её историю. Ей предложили посвящение в странствующие рыцари, но она отказалась.

– Возможно, тебе это неизвестно, но она обладает очень прочными связями с Синдикатом – не с его нынешним руководством, но с его традициями. Она, психологически, своего рода эмигрант.

– Несса взглянула на Консуэлу и увидев одобрителный кивок, продолжила. – Она несомненно соответствует требованиям, предъявляемым к рыцарям, это подтверждается её длительной службой Республике, но некоторые люди сочли, что приобретение ею статуса рыцаря более прочно

привяжет её к Республике. Её отказ от полученного предложения и уход в отставку были произведены в полном соответствии с строгим этическим кодексом, которого она придерживается, но она также и не такой человек, чтобы сидеть сложа руки когда все вокруг рушится.

– Что, как вы опасаетесь, она может предпринять?

Консуэла покачала головой.

– Прямо сейчас она на Прозерпине и формирует вокруг себя соединение, известное как «Ярость Дракона». По всей видимости, она централизует в своих руках власть, сохраняет безопасность структур, обеспечивающих поддержание жизни людей и поддерживает порядок и это – завершающий штрих в портрете человека, стремящегося к власти. Если такие люди могут обеспечить поддержание порядка, окружающие начинают видеть в них спасителей. Они оказывают им поддержку и отдают им все больше власти, пока наконец не теряют всякую способность вернуть её обратно.

Я кивнул. Я уже видел, как на Хелен отмирали личные права людей, по мере того, как они соглашались купить безопасность в обмен на мир.

– И если она может поддерживать порядок, то для Республики крайне сложно сместить её с должности. Её соединение сформировано из мехвоинов, которые были у неё в подчинении раньше?

Несса распрямилась.

– Название «Ярость Дракона» приняли кадеты, которых она в свое время обучала в Нортвиндской Военной Академии. Учитывая количество перебежчиков к ней из числа кадетов, она, вероятно, окружена сейчас воинами, которых сама готовила и отбирала. Тем не менее, Тара Кэмпбелл, кажется, сумела удержать довольно много овец в своём стаде. Многие из бежавших – этнические выходцы из Синдиката и есть свидетельства, что Тормарк не принимает к себе наемников.

Я взглянул на Консуэлу.

– И у нас нет никого среди её людей?

Графиня отрицательно покачала головой.

– Я о них не знаю, и если бы даже они и были, я бы не могла вам об этом сказать.

– Понятно.

Тормарк станет проблемой, решить которую будет трудно. Я с ней не был знаком, но я был на турнире по кендо, где видел её показательное выступление. Она – высокая женщина с африканскими и азиатскими генами – и с мечом она обращалась просто потрясающе. Виктор Штайнер-Дэвион позже отметил её как одного из лучших фехтовальщиков, которых он когда-либо встречал и, кроме того, распространил свою высокую оценку и на её умение пилотировать мех. Сам тон его голоса заставил меня тогда порадоваться, что она – на нашей стороне.

Но сейчас – не «тогда».

Карта свернулась в точку и снова развернулась в карту префектуры IV. Несколько миров сверкали. Я почувствовал удушье.

– На этих планетах, что, уже идут бои?

Джанелла положила руку на моё левое предплечье.

– Это планеты, на которых базируется Джейкоб Бенсон.

– Очень хорошо, Джанелла. – Консуэла широко ей улыбнулась. – Джейкоб Бенсон, самый богатый человек Республики и человек, которого страшно раздражает сам факт того, что за его богатство его не вознаградили аристократическим титулом.

– Бенсон ещё очень недоволен экономической политикой Республики, сильно ограничивающей его возможности к расширению своей собственности. По крайней мере, если не конечный объем, то скорость такого расширения – усмехнулась Джанелла.

Бенсон – имя, известное всем в Республике, как благодаря своему невероятному богатству, так и армии публицистов, которую Бенсон кормил, чтобы мы не забывали о его существовании. Если и был кто-то, кто мог собрать ресурсы, требовавшиеся для того, чтобы стать королем львов, то это был он. В то же время, падение сети, должно быть, нанесло колоссальный ущерб

его коммерческой империи. Для такого доминантного человека, каким был он, идея, что его компании могут обойтись без его всенаправляющей мудрости, являлась ересью. Я сомневался, в наличии у него плана на случай непредвиденных обстоятельств, предусматривавшего переход на децентрализованное управление. Если он – король львов, то у него бы были альтернативные и работоспособные каналы связи.

– Бенсон – это интересный случай. – Несса подняла экран компьютера, встроенного в столешницу и начала набирать на его клавиатуре. Над картой ожило голографическое изображение низкорослого, коренастого человека с яркой рыжей шевелюрой и колючей бородкой. Даже в голографическом изображении, его зеленые глаза горели глубокой ненавистью – другого слова, чтобы описать его взгляд, у меня не было и я был совершенно уверен, что он получился на голографии таким не в результате какой-то программистской шутки.

Джанелла поёжилась.

– Я встречала его однажды.

В её тоне я уловил немало значений. Бенсон был известным бабником, поэтому я предположил, что он подкатывался к Джанелле и получил резкий отказ. У меня сразу появилась вполне достаточная причина, чтобы его возненавидеть.

Несса посмотрела на Джанеллу и кивнула, соглашаясь.

– Да, я тоже встречала, но более одного раза. Повторно он ведет себя ничуть не лучше. Хуже всего, когда он делает вид, что никогда тебя раньше не видел, если, конечно, не хочет поразить твое воображение тем фактом, что ты незабываема.

Консуэла прокашлялась, прочищая горло.

– Его личные отношения находят свое отражение в бизнесе и, далее, в его вмешательстве в политику. Если бы АРА частично не принадлежала ему, я могла бы предположить финансирование ПЭФ Бенсоном. Это был бы не первый случай, когда фирмы ослаблялись при помощи производственных сложностей или иных проблем, давая Бенсону возможность наброситься на них и заполучить по бросовой цене.

– Акции и акты на владение – это, конечно, хорошо, но чего они будут стоить, когда Тормарк решит отобрать все это у него? – я прищурился. – Или мы допускаем, что она собирается захватить власть в префектуре III, а он удовольствуется префектурой IV?

– Прямо сейчас все выглядит так, как будто сферы их интересов не слишком пересекаются, что можно считать настоящим благословением. – Графиня положила ногу на ногу. – В настоящее время Бенсон тратит крупные суммы денег, нанимая мехвоинов. Среди них есть те, кто нанялся совершенно легально, и кто его интриг не замечает, неважно по каким причинам. Он также покупает услуги и куда менее щепетильных. Существует опасение, что пара принадлежавших ему заводов производит больше мехов, чем положено по лицензии, поэтому, возможно, он уже обладает полностью боеготовым соединением – и при этом он будет утверждать, что всего лишь защищает свою собственность в эти неясные времена.

Я кивнул. С того времени, как начали проводиться реформы Стоуна, производство боевых мехов и оборудования к ним регулировалось строгими положениями законодательства. Хотя Бенсон имел возможность произвести большое их количество, за избыточное производство без заключения соответствующих правительственных контрактов или получения официального разрешения, он подвергся бы серьезным санкциям. Тем не менее, в том, чтобы накапливать мехи в неясные времена есть смысл, и если правительство Республики не сможет ограничить его производство, он станет с военной точки зрения очень сильным игроком.

– Это было бы очень в духе Бенсона – появиться, как рыцарь в сияющих доспехах, и уверять, что он всех спас. Проблема, само собой, в том, что многие из тех, кого я встречал на Хелен, считают Бенсона каким-то особенным. По их мнению он обладает определенной харизмой. Они видят в нем кого-то вроде Робина Гуда, презирующего правящие круги, подтверждающего возможность начать с нуля и стать фигурой. Это соблазнительно. Кто-то вроде Сэма купился бы на это с головой, а для небольшой группы людей Бенсон даже может претворить сказку в жизнь.

Я постукал кончиком пальца по подбородку.

– Бенсон – это другая причина, по которой Сэм остался в живых, так ведь? Вы надеетесь, что Бенсон или его агенты наймут Сэма.

Консуэла кивнула, соглашаясь.

– Надеюсь, что вас не расстроит положение наживки в этом деле.

Я усмехнулся и припомнил старую шутку: стратегия – это когда тебе докладывают о начале стрельбы, оперативный уровень – это когда ты стрельбу слышишь, а тактика – это когда стреляют в тебя.

– Я – наживка стратегическая, так что переживу. Вы думаете, может прийти время, когда он посчитает силовой захват станет более выгодным, чем подкуп?

Несса фыркнула.

– Бенсон из породы хладнокровных ублюдков, которые все представляют себе в виде строк бухгалтерской книги. Если ему потребуется сто миллионов стоунов на взятки и финансовое стимулирование против семидесяти миллионов на вторжение и восстановительные работы, он займется вторым, и плевал он на жизни людей.

Джанелла покачала головой.

– Он вообще не рассматривает вопрос о жизнях людей. Он относится к ним, как объектам, связанным со страховыми рисками. Смерти для него не трагедия, а потенциальные расходы на судебные тяжбы. Стоимость уничтожения деревни может быть рассчитана как сумма, требующаяся на последующее урегулирование конфликта, с поправкой на затратность метода уничтожения. Всего лишь побочные расходы.

– Я понимаю, почему ему так и не дали титул, – сказал я. – Графиня, я могу представить себе, что Катану Тормарк можно урезонить обращаясь к её чести или традициям и этим, возможно, удастся ограничить её в выборе действий, но я не представляю, какие тормоза могут быть у типа вроде Бенсона. Если нужно будет его остановить, его придется убить.

Она посмотрела на меня недрогнувшим взглядом темных глаз.

– Никто не давал нам права убить гражданина нашего государства и, тем более, такого гражданина, который после смерти станет мучеником. – Её замечание не оставило у меня и тени сомнения, что этот вариант рассматривался, но был, после здравого обсуждения, отклонен.

Вообще-то, мне это доставило немалое облегчение, так как я боялся, что безумие, казалось, распространявшееся по Республике, начало просачиваться в правительственные круги. Если уж Бенсон или Тормарк, или любые другие люди угрожали структуре власти в государстве, в эти отчаянные времена можно было достаточно легко додуматься до разных крутых мер. Обязательно найдутся такие, кто будет утверждать, что ликвидация лиц, представляющих собой угрозу, определенно замедлит, если вообще не остановит сразу, распад Республики. Они пойдут дальше и предложат подвергнуть быстрому правосудию тех, кто удерживает людей от безоговорочного следования за ними.

Некоторые бы даже ожидали именно таких действий от Стоуна, но я не согласен. Стоун действительно сокрушил немало своих врагов, но они знали о его целях и имели возможность реформироваться сами, до того, как он принес реформу к ним. Выстрел в темноте не был из тех вещей, которым он бы потворствовал.

Мне также казалась сомнительной действенность подобного устрашения, поскольку на одного, решившего, что хочет жить дольше, чем править, найдутся двое с противоположным мнением. Один посчитает себя умнее своего предшественника и способным избежать ошибок, приведших того к гибели. Другой решит обязательно противостоять такому своевольному насилию и станет собирать силы с целью низложить правительство, санкционировавшее убийство гражданина собственного государства.

В том, как я поставил вопрос, Консуэла прочитала именно то, что я имел в виду: Если Бенсон меня наймет, получу ли я приказ устранить его? Будучи рыцарем-призраком, я прошел самую различную подготовку и большая её часть включала освоение разнообразного вооружения. Я изучал его досконально, что давало мне возможность как применять оружие, так и защищаться от него. В фехтовальном поединке я бы Катану Тормарк не одолел никогда, но, как мне было

прекрасно известно, лучшая защита от подобных людей – снайперская винтовка калибра 12,5 мм на удалении в километр.

Вопрос, откажусь ли я выполнить приказ об убийстве, не стоял. Как рыцарь-призрак, я был обучен использовать собственные мозги при решении проблем. Устранение могло быть санкционировано, но это не означало, обязательного лишения его жизни. Если бы нашелся другой путь нейтрализации, я мог бы его использовать. Сложностью в случае с Бенсоном было то, что он был бесстыдным хамом, слишком богатым, чтобы его купить, слишком озлобленным, чтобы умиротворить его титулом и не поддающимся шантажу в разумных пределах.

Вообще-то, если бы Бенсон знал об обсуждении его убийства, он бы возрадовался и начал крутить рекламу об этом, дабы все знали, что его жизнь в опасности.

Пожёвывая нижнюю губу, я сдвинулся на край дивана.

– Я так понимаю, эти двое – показательные случаи среди шакалов. Прямо сейчас они действуют на оперативном и тактическом уровнях, хотя у нас есть слухи о столкновениях на Анкаа и Нью-Родесе III. Как только они упрочат фундамент своей власти, они перейдут на стратегический уровень и официально выделятся в свои маленькие империи.

– Совершенно верно. Но у нас по-прежнему много верных людей. Тара Кэмпбелл на Нортвинде собирает «Горцев». Планеты Хелен, Таун, Мёчисон и Галатия III могут стать ареной, на которой «Горцы» и «Ярость Дракона» будут решать судьбу префектуры III. У Бенсона есть собственные враги, а префект префектуры IV, Арон Сандоваль, по всей видимости, окажет ему сильное сопротивление.

Я кивнул. Изучение ситуации в целом помогало прояснить многие детали, но в результате внушало ещё больший ужас. Раньше я боялся просто так, интуитивно, теперь у меня для этого были веские причины. Люди, обладавшие соответствующими способностями, волей и средствами, уже были готовы начать делить Республику. Были другие люди, готовые оказать им сопротивление, но, вне зависимости от того, кто победит, ущерб, нанесенный, как им самим, так и Республике, будет таков, что ослабит всех и когда львы вернутся, они просто разгонят шакалов и набросятся на добычу.

Я также понимал, почему руководство затруднялось решить, как поступить. Республика поддерживала порядок и направляла прогресс посредством экономического стимулирования и расширения образования. Те, кто Республике противостоял, не могли разделить плоды её процветания, а те, кто содействовал, щедро вознаграждались деньгам и почестями.

Этот метод управления требовал свободного обмена информацией. Нарушив этот обмен, львы уничтожили связи между мирами. Те, кто был наделен местной властью, получили её ещё больше и хотели эту власть сохранить. Несомненно, некоторые из этих людей руководствовались вполне альтруистическими мотивами, но другие, вроде Бенсона, определенно нет. Любой, кто присвоил себе часть власти и не доверял Республике или ненавидел её, не собирался отдавать эту власть без боя.

Но Республика никогда не воевала против своих собственных граждан. Если сделать это сейчас, это объединит местные группы против центрального правительства. Более того, если направить войска, чтобы предотвратить действия Бенсона ещё до их начала, это ослабит республиканские силы. И это, ясное дело, и было то, чего добивались львы. Помня о львах, бродящих где-то там, в темноте, Республика должна была одним глазом наблюдать за ними, а другим – за шакалами. В результате Республику, конечно, обглодают.

Обглодают ли её до смерти, вот в чем вопрос.

Я снова посмотрел на Консуэлу.

– Миледи, чего вы требуете от нас?

– Нам нужны свежие головы. – Она улыбнулась со слабым намеком на облегчение. – Мы оказались в этом водовороте и сделали некоторые допущения, на основании которых мы действуем. Мы не знаем, правильны эти допущения или нет. Вас двоих здесь не было, и вы смотрите на все другими глазами. Ничего не принимайте на веру, все подвергайте сомнению и, если повезет, вы увидите то, чего мы увидеть не смогли.

Джанелла наклонила голову.

– А если нам не повезет?

Графиня вздохнула.

– В таком случае слепцы продолжают вести слепцов и мы все отправимся в ад.

16

*Волшебнейшие в мире чудеса:
Красавица среди зеленых трав!*

– Ли Хант

***Полигон «Белые Пески»
Северная Америка, Терра
Префектура X, Республика Сферы
10 декабря 3132 года***

Я погнал «Призрак» направо, через следы двигателей ракет дальнего действия Джанеллы. На секунду дым меня ослепил – по крайней мере, не дал мне ничего увидеть сквозь фонарь кабины «Мэд Кэта-III». Голографический дисплей был в магниторезисторном режиме, поэтому дым на нем виден не был, и я смог отследить, как ракеты обрушились на цель.

Попали полторы дюжины ракет, некоторые из которых врезались в стальную ферменную конструкцию, ограждавшую имитатор. Имитатор проецировал на наши экраны изображение «Центуриона». Как только ракеты достигли зоны чувствительности имитатора, они сдетонировали, сдирая броню с изображения. Листы старой феррокерамической брони разлетались дождем сверкающих осколков.

Правой рукой я совместил красные прицел на голографическом дисплее с очертаниями «Центуриона». Точка в центре запульсировала золотом и я нажал на спуск. «Призрак» немного качнулся назад, когда сорок ракет дальнего действия вышли из наплечных пусковых. Я дал машине осесть на птичьих опорах, расставив в стороны манипуляторы для большей устойчивости.

Когда мех вновь обрел равновесие и продолжил движение вправо, множество новых взрывов раскурочили имитацию «Центуриона». Правый манипулятор завертелся в воздухе и растворился в тумане стертых данных. Левая опора прогнулась в колене, а несколько крышек ракетной пусковой установки отлетели как карты из колоды, подброшенной в сильный ветер.

Джанелла подогнала свою «Андреа», мех типа «Тундравульф». В отличие от моей машины, «Тундравульф» имел гуманоидные очертания, хотя кистевых захватов у него не было. Она выбросила правый манипулятор вперед, и из него выскочили четыре рубиновых луча. Они прогрызлись сквозь колено цели, отрезав его полностью. Подколенная часть опоры упала влево, колено врезалось в землю и «Центурион» лицевой стороной вспахал дерн.

– Отличный выстрел!

Её голос был немного напряженным, но довольным.

– Спасибо. Справа на подходе «Катапульта».

– Принято. – Я перенес вес на правую опору меха, зацепившись когтями за грунт и развернулся. При повороте на моём голодисплее появилась «Катапульта». Она выглядела очень похоже на мой «Мэд Кэт-III», за исключением отсутствия манипуляторов. Под вынесенной вперед кабиной располагались две автопушки, и они плевались огнем. Секундой позже наплечные пусковые установки ракет дальнего действия расцвели огнем и дымом.

Хотя «Катапульта» была всего лишь имитацией, созданной компьютером, управлявшим полигоном, она могла передавать данные на мой мех, и делала она это со злобной мстительностью. Мой вспомогательный монитор сообщил, что часть брони на груди и правой опоре «Призрака» испарилась, расширив дыру, пробитую ранее в танцах с «Пантерой». Снаряды автопушек ударили в мой правый манипулятор и один из малых лазеров перестал существовать.

Хуже всех повреждений было нарушение компьютером синхронности гироскопов. В результате я внезапно очутился в совершенной неуправляемой металлической коробке размером с небольшой дом, двигающейся со скоростью в тридцать километров в час. Это было похоже не на ощущения человека, оказавшегося на льду, а на удар двадцатипятикилограммовой кувалдой. «Призрак» шатнулся вправо и просел вниз, после чего левой опорой удалось зацепиться когтями за грунт, удержав меня от кувырка через спину.

Мех Джанеллы проплыл прямо там, где должен был бы находиться я, если бы не затормозил, и выбросил очередной залп РДД. Они прочертили дымные следы, некоторые вкручивались в воздух штопором, и испарили кабину «Катапульты». Ферротитановые стойки разорвались, крыша кабины разлетелась вдребезги, за исключением одного скругленного листа, отлетевшего целиком, и внутренности начали пожирать пламя. Изуродованный нос меха вскинулся, затем мех завалился на спину с полыхающей, как жерло вулкана, кабиной.

«Призрак» выпрямился и я оценил повреждения. Мех перенес удар довольно хорошо, все последствия свелись к незначительному снижению скорости. Точность прицеливания несколько упала и я потерял лазер, но в остальном машина была в очень хорошей форме.

В радиоканал ворвался голос диспетчера полигона.

– Я получил все необходимые данные. Желаете прекратить тренировку или отправитесь в Долину Смерти? Задержать остальных будет не так уж сложно.

Я потряс головой, потому что пот жег мне глаза.

– Не сегодня, но скоро.

Джанелла повернула «Андреа» лицом ко мне. Её мех был выкрашен в серый цвет, с голубыми полосами на опорах и манипуляторах. Машина сохранила свои элегантные цвета с той поры, как воин клана Волка привел её на службу Республике почти пятьдесят лет тому назад и ей не пришлось пережить экзотической раскраски, излюбленной некоторыми мехвоинами.

– Спасибо, но я тоже выдохлась. Мы возвращаемся. – Когда она переключилась на тактическую частоту, которой мы двое пользовались, её голос выдал немного больше изнеможения. – Хорошо, конечно, выложиться, но я не смогла сосредоточиться.

Черт побери, женщина, если ты вот так стреляешь не сосредоточившись... Я кивнул:

– Ну, когда они обработают твои результаты с этих стрельб, я думаю, станет видно, что ты разнесла здесь вдребезги всё, что можно. А учитывая, как ты завалила меня на Хелен, ты очень стабильно справляешься.

– Разнести тот мех на Хелен было просто баловством.

– Я задел.

– Извини, дорогой, но это правда. Ты бежал по переулку, не мог маневрировать. Даже если бы ты просто неподвижно стоял, попасть было бы почти также легко.

– Учитывая, как я отстрелялся здесь, даже если бы я встретил тебя лицом к лицу, я бы не стал для тебя особенным препятствием.

Она засмеялась и мне было приятно слушать глубокие тона, появившиеся в голосе.

– Мэйсон, ты сидишь в совершенно новом мехе. Ты его первый пилот, это новая модель и

цель всех этих стрельб – восстановить форму. Мы уже были на этом полигоне прежде и хотя, может быть, ты не был так же точен как раньше, но ты справился со зверюгой очень хорошо. Он очень подвижен и по-настоящему силен.

Она была права. «Мэд Кэт-III», которого остряки окрестили «Злым Котенком», был создан на базе очень успешной модели кланов – «Мэд Кэт». Будучи легче своего предшественника, он двигался быстрее, что мне нравилось. Плотность огня у него была, конечно, не такой, как у «Мэд Кэт-II», но я давно разделял взгляды школы пилотирования, в которой считалось, что лучше двигаться и избегать попаданий, чем самому попадать, подставляясь при этом под удары.

«Андреа» Джанеллы весила семьдесят пять тонн, что относило «Тундравульфа» к классу тяжёлых машин, но по тому, как пилот вела машину, её можно было принять за слабобронированный легкий мех. Точность стрельбы и умение рационально использовать дальнобойное вооружение позволяли Джанелле разносить врагов на куски ещё до того, как они успевали приблизиться. К тому времени, как они добирались до неё – если добирались – их броня была так избита, что один хорошо положенный выстрел мог решить исход боя.

– Я признаю, миледи, мне очень понравился этот мех. В следующий раз, когда явится меня спасать, привозите его вместо «Блэк Хока». И «Андреа» тоже.

Она вздохнула.

– Я хотела привезти «Андреа» на Хелен, но сообщений о применении тяжелого вооружения не поступало. «Центурион» – неплохая машинка. Против агромехов больше и не нужно.

– При условии, что они не вооружены.

– Верно, но модификации, которые потребуются, чтобы приспособить их для решения боевых задач, будут недешёвыми.

Я не стал отвечать на это замечание, потому что знал, куда это заведет. В поезде из Санта-Фе мы проработали некоторые материалы с предыдущего совещания. Мы оба не выспались, размышляя обо всем этом и линия связи между нами оставалась довольно оживленной, хотя мы и договорились лечь раздельно, чтобы все-таки дать друг другу поспать.

Тренировка в «Белых Песках» была запланирована для нас мудростью Консуэлы или Виктора. Поскольку я – рыцарь-призрак и важно сохранить моё инкогнито, меня отправили под псевдонимом, чтобы все выглядело так, будто я телохранитель Джанеллы. Поскольку она была рыцарем, доступ на полигон для остальных запретили и он стал нашей собственной игровой площадкой до тех пор, пока мы не соизволим закончить. Если кто-то будет удивляться, почему так вышло, он решит, что таков был её каприз и на меня не обратят внимания, чего все и добивались.

Хотя для рыцарей, находящихся на задании, делались определенные скидки, я уже опоздал с контрольной проверкой на два месяца. На Джанеллу имелись более новые данные, но дата её следующей проверки также была близка, поэтому нам разрешили выйти на контрольные стрельбы вместе. Вдобавок я подозревал, что кое-кто хотел бы посмотреть, как я справлюсь с новым мехом, особенно с учетом того, каким образом я потерял предыдущий.

Забег оказался полезен не только для отчетности. «Белые Пески» прекрасны своей спартанской красотой, но я, помимо прочего, нахожу пустыни потрясающими потому, что они очень непохожи на леса, в которых я вырос. Это место было, к тому же, историческим, ведь в районе Аламогордо испытывалась первая атомная бомба и я был уверен, что полигон для мехов был размещен здесь не случайно.

И точно знал, что создание Кладбища случайностью не было.

Мне нравилось думать, что создать его приказал Стоун, но я видел в этом творении и руку Дэвида Лира. К западу от тренировочного центра, между ним и горами Сан-Андреас было сооружено захоронение разбитых мехов. Здесь были машины всех видов и окрасок, из всех Домов, кланов и частей наёмников, о который я только слышал. Мехи без опор возлежали на спинах или боках. Другие стояли, а их оторванные манипуляторы лежали у их опор. Не одна расплюснутая голова лежала на земле или косо висела на издырявленных и изрубленных плечах.

Проходя мимо Кладбища, я всегда чувствовал холодок, пробежавший у меня по спине. Здесь, в этом самом месте, было создано наиболее смертоносное оружие, известное человечеству и разбитые орудия войны пребывали в тени чудовищного взрыва. Так же как человечество однажды осознало неразумность использования ядерного оружия, так, может быть, однажды мы научимся обходиться без боевых мехов.

Когда я впервые попал сюда, один старый мехвоин, показывавший мне дорогу на полигон, прочитал мне стишок, имя автора которого затерялось в истории. «Мы были там, где ты сейчас, однажды ты заменишь нас.» Каждого из этих мехов вел в бой кто-то вроде меня. Для всех тех пилотов миф неуязвимости однажды обернулся ложью. Некоторые выжили, и воспользовались опытом, извлеченным из этого урока, но намного больше заплатило за него страшную цену.

Глядя на них, я понял, что по-прежнему цепляюсь за мысль, что меня не подобьют. Это, вообще-то, смешно, ведь меня вышибли из обоих моих последних мехов – «Мария» оказалась исключением. Скачки на «Копателе» были безумным аттракционом, но не более. Другой мех, хм... Я прищурился, но не смог разглядеть его перекрученный скелет среди сверкания отраженного солнечного света.

Мы завели наши мехи в ангар и вылезли из кабин. Ко мне подошла техник с наладонником и дала мне расписаться в нескольких формулярах. Она улыбнулась и вдруг показалась мне двоюродной сестрой служащего, переоборудовавшего мои комнаты в Санта-Фе.

– Скоро мы будем наносить на него имя, сэр. Вы уверены, что хотите назвать его «Призрак»?

Я кивнул.

– Именно так.

Она на мгновение нахмурилась.

– Плохой знак. Почему вам так хочется?

Я пожал плечами, в том же движении снимая с себя мой хладожилет.

– Подразделение принца Виктора Штайнера-Дэвиона во время войны с кланами называлось «Привидениями». Это тоже призраки. Может однажды я стану достаточно хорош, чтобы тоже быть «привидением».

– Ох уж эти пилоты. – Она покачала головой, но продолжала широко улыбаться. – Будет сделано, если хотите. Я даже сама проверю качество покраски.

– Благодарю. – Я кивнул ей, затем прошел по переходному мостику к Джанелле. Она закончила подписывать свои формуляры и довольно мне улыбнулась.

– Я набрала девяносто восемь процентов от лучшего результата за этот год.

– Хорошо. А мои результаты говорят, что меня ждет блестящее будущее в сфере обслуживания, где меня сразу укокошат, если я посмею выстрелить в кого-то чем-то большим, нежели сердитый взгляд. – Я провел пальцем по её подбородку, наклонился и поцеловал.

Она улыбнулась.

– А вот это точно в цель.

– Пристрелка. Могу открыть огонь на поражение?

Джанелла покраснела, потом взяла меня под руку.

– Сначала, мой дорогой, мы примем на грудь много воды, в целях регидратации, а потом поедем. После этого мы отправимся в душ.

– Да, дорогая, но здесь душевые раздельные.

– И вправду, какая жалость.

– И после того, как мы всё это выполним...

Она улыбнулась.

– Да, к тому времени подойдет поезд до Санта-Фе. И нам придется придумать, чем занять свое время по дороге домой. Трудностей тут возникнуть не должно, если ты, конечно, уверен, что сможешь попасть по движущейся мишени.

– Существует только один способ проверить. – Я накрыл её руку своей и слегка погладил. – А если и не смогу, мне просто нужно будет немного попрактиковаться.

– Воистину, Мэйсон. – Её глаза сверкнули. – Хорошо, что дорога долгая.

Как это обычно бывает, дорога показалась недостаточно долгой. Джанелла и я смогли найти незанятое купе первого класса и закрылись в нём при помощи кодов, которые я знал. Вращаться в безызначности рыцаря-призрака не всегда так уж весело, но моя работа имеет свои преимущества.

Нашего возвращения в Санта-Фе уже ждали. На станции мы подключили свои наладонные компьютеры и скачали некоторые обновления по новостям и нашим расписаниям. Мы могли это сделать ещё в «Белых Песках» или даже на поезде, но лишняя информация бы только отвлекала, а как я хорошо знал, когда практикуешься, желая добиться совершенства, самое главное – исключить все, что отвлекает. Важно сосредоточиться. В этом все дело.

К счастью, начальство не требовало прибыть на новое совещание. Я не знаю, был ли это своеобразный отпуск или они были слишком заняты, очищая зерна от плевел и просто о нас забыли. Не важно в чем причина, я был доволен, потому как выходило, что у нас с Джанеллой будет тихий обед на двоих.

Она оторвала взгляд от наладонника и посмотрела на меня.

– Помнишь об обеде?

– Истекаю слюной.

Она быстро мне улыбнулась, но улыбка скоро угасла.

– Из Цюриха приехали мои родители. Хорошая новость в том, что они просят нас присоединиться к ним за обедом. Обед будет вроде как предпраздничным.

Плохая новость была очевидна и, в общем-то вытекала из хорошей: они просят нас присоединиться к ним. Её отец, Томас – рыцарь и, хотя он не был воином, чтобы подкорректировать наши расписания, было достаточно его простой просьбы о встрече с ним и его женой за трапезой. Андреа, её мать – судья высокого ранга и они мне нравились. Они оба – хорошие люди и, совершенно ясно, они гордились своей дочерью.

Но они были прежде всего родителями и, понятное дело, подумывали, что уж аристократка с Флетчера могла бы найти себе парня получше, чем зарабатывающий себе на жизнь пересчитыванием сосновых иголок. Ещё хуже было то, что, если её отец был доволен уже хотя бы наличием у меня работы и, кажется, она его вполне устраивала, её мать была совершенно уверена в существовании какого-то подвоха. Она могла унюхать своим прокурорским носом любую хитрость и отчетливо представляла себе, что я что-то скрываю. Джанелла изо всех сил старалась её от меня отвлечь, но Андреа неустанно меня преследовала, манерой похожей на то, как названный в её честь мех безжалостно обрушивался на свои цели.

Проблема была в том, что несмотря на его статус рыцаря и то, что они оба были уважаемыми и почтенными гражданами Республики, ни один из них не был допущен к информации о моей личности и моей деятельности. Ха, даже не все паладины знают рыцарей-призраков. Каждый знает одного или двух, несколько знают нескольких, но наша тайна охраняется лучше, чем лицензии на пилотирование мехов.

– Дадим представление пред очами августейшей особы, любимый?

Я натянул на себя выражение лица из разряда «просто не могу представить в жизни ничего лучше».

В этот раз я буду платить. И я закажу хорошего вина – в качестве предпраздничного подарка, перед Рождеством.

Она поцеловала меня в щёку.

– Да, дорогой, это будет замечательно. Но не волнуйся, я тебя прикрою.

Я усмехнулся.

– Пока ты со мной, как сегодня на полигоне, меня ничто не устрасит.

*Логические умозаключения – пугало для дураков
и путеводные звезды умных людей
– Т. Г. Хаксли*

*Рыцарский Зал, Санта-Фе
Северная Америка, Терра
Префектура X, Республика Сферы
10 декабря 3132 года*

Обед проходил как и ожидалось. Мать Джанеллы сделала пару заходов на меня, но без энтузиазма. Я даже был рад этим попыткам, поскольку набрасываясь на меня, она снова загоралась своим привычным огнем, но он быстро иссякал. Когда она заводилась, я начинал её узнавать, но в остальное время родители Джанеллы стали незнакомцами.

На Хелен я увидел, как влияние падения сети сказывается на обычных людях. Хотя эффект был, обыватели не особо задавались вопросом, какие последствия это может вызвать. Они интересовались тем, как это повлияет на их жизни прямо сейчас, прямо здесь и не тратили клетки головного мозга чтобы заглянуть подальше, потому что просто не могли просчитать настолько далеко.

Томас и Андреа Лейквуд могли и считали. Для Томаса все это означало бесконечные задержки в передаче важных экспериментальных данных. Он работал над проектами, включавшие многочисленные лаборатории, работавшие параллельно друг другу или дополнявшие друг друга, и данные, полученные в одной лаборатории, незамедлительно применялись в других. Любые проволочки в обмене информацией стоило сотни человеко-часов и тысячи стоунов. Эти задержки в буквальном смысле могут стоить людям жизней, людям, ожидавшим лекарств или повышения урожая.

Андреа, кажется ощущала удар даже более остро. Как юрист, она любила порядок, а падение сети было смертельным ударом по порядку. Хотя ей и не мерещились террористы на каждом углу, она довольно резко отреагировала на рассказ Джанеллы о её недавней поездке на Хелен. Моя роль в этом путешествии была опущена, но она все равно бы не имела значения, поскольку Андреа начала копаться в делах Рейса и ПЭФ, сопоставляя их поведение, действия и последовавшие изменения в потоках власти на Хелен. Несмотря на всю опасность, которую мог представлять ПЭФ, она видела, как Рейс сосредотачивает власть в своих руках, и боялась, что такое будет повторяться по всей Республике и за её пределами.

Я не хочу сказать, что родители Джанеллы паниковали, они не паниковали. Просто они были достаточно умны и достаточно образованы, чтобы предсказать ход событий на несколько шагов вперед. Если настолько умные как они, люди предвидят в ближайшем будущем катастрофу и, что даже важнее, не видят спасения от неё, то видимо будущее, ждущее нас – не блестяще.

Со временем наш разговор перешёл на комментарии по поводу поданной еды и в воспоминания о трапезах, которые бывали раньше. Конечно, это только мое мнение, но обед – не то место, чтобы обсуждать съеденное, не считая конечно обязательных вопросов насчет вкусов каждого и оргастических стонов, сопровождающих поедание десерта. Такие беседы отстоят всего на шаг от обсуждения погоды, а если нет ничего лучше, чем говорить о погоде, значит говорить просто не о чем. Это уже не разговор, трапеза убита и всем следует разойтись по домам.

Мы все-таки поговорили о погоде, после чего, за кофе, Андреа объявила, что по её мнению, с моей стороны было весьма милым приехать в Санта-Фе, пока здесь находится Джанелла.

– Когда она снова отбудет на очередное задание, тебе следует нас навестить. Ты же все ещё живешь в Цюрихе, правда ведь, Мэйсон?

– Я здесь задержусь ненадолго, Ваша Честь. Совещания, консультации.

– И по какому же вопросу?

Джанелла улыбнулась.

– Он встречался в Виктором Штайнером-Дэвионом.

– О, неужели, Мэйсон? Помогаете ему с садом, не так ли? – она так мило это произнесла, будто надеялась, что показав бутон розы, меня можно заставить забыть о шипах.

– Да, Ваша Честь, помогаю ему с розами. Им здесь трудно расти. – Я встал, извинился и отыскал менеджера ресторана. Оплатив счет, я выдернул две розы у женщины, несшей корзину с цветами. Я вернулся к столу и вручил каждой из дам по цветку, красную – Джанелле и белую – её матери. Выбирая цвета, я ничего особенного не имел в виду, но пусть мама Джанеллы потратит немного времени, вычисляя их возможные значения.

Томас пошевелил своими белыми бровями.

– Ну, пусть же наконец нам принесут счет.

– Я об этом уже позаботился. – Я поднял руки, останавливая протесты. – Нет, последние несколько раз платили вы. Давно настала моя очередь.

– Чепуха. Это слишком дорого. – Андреа очень естественно улыбнулась мне. – Нам известно, что правительство не платит много...

– Мама!

– Дорогая, это всего лишь правда жизни. Ну же, Мэйсон, мы настаиваем.

– Апелляция отклонена. – Я постучал костяшками пальцев по столу, как судебским молоточком. – Я ценю вашу заботу, но я должен был это сделать.

Супруги переглянулись и Андреа сдалась.

– Ладно, но по крайней мере, давайте пройдем к нам и выпьем еще немного кофе.

– Андреа, я думаю, мы уже отняли у них достаточно времени.

Джанелла кивнула.

– Завтра утром будут совещания.

Я усмехнулся.

– И тля. Не успеваю её убирать.

Рука Томаса поглотила мою.

– Приятно снова тебя видеть, Мэйсон. Спасибо за обед и за прекрасное вино. Тем не менее, в следующий раз никаких исчезновений для оплаты счета.

Я торжественно пожал ему руку.

– Просто опередите меня.

Он засмеялся и понизив голос сказал:

– Ты знаешь, они обставят нас обоих.

– Ага. – Я улыбнулся, глядя на обнимающихся мать и дочь, и сам обнял Андреа. – Спасибо за приглашение. Я благодарен вам за то, что вы позволяете мне вторгаться в ваше общение с дочерью.

Андреа продержала меня в объятьях чуть дольше, чем необходимо.

– Это удовольствие для нас, Мэйсон. Мы практически считаем тебя членом семьи.

Мы вышли из ресторана и тихо прогуливались вместе с ними по улицам Санта-Фе. Мы быстро достигли Рыцарского Зала и отказались ещё от одного предложения присоединиться к родителям Джанеллы за кофе. Пока мы шли по коридорам, Джанелла обхватила мою руку и положила голову на моё плечо.

– Ты ведь понимаешь, что я поговорю с матерью, правда?

– Нет необходимости, она ведет себя как любая другая мама. Было бы интересно посмотреть, как она и моя мама сошлись бы.

По телу Джанеллы пробежала легкая дрожь.

– Я не уверена, что я сама готова с ней встретиться.

– Моя мама в тебя просто влюбится.

– Это ты уже говорил. Ты также говорил, что у неё куча детей и она работает биологом в заповеднике, которым управлял твой отец. Она посмотрит на меня и с одного взгляда решит, что я неженка.

– То, что ты неженка не так уж плохо, ведь нежные у тебя все нужные места.

– Какой льстец. Ты думаешь, сможешь этим чего-то добиться?

Я улыбнулся.

– Этим и ещё тем, что отдал тебе за обедом половину своего десерта.

Она облизала губы.

– Ах, да, галантность под огнем противника. Это действительно заслуживает награды и я думаю, я знаю как раз подходящую.

Утром я проснулся, ощущая себя полностью вознагражденным, хотя и не полностью отдохнувшим. Мы решили не завтракать, не считая немного кофе, сварившегося, пока мы были в душе. Мы сделали крюк, забежав в покои Джанеллы и она переоделась, после чего оба явились в ту же комнату для совещаний, в которой провели так много времени двумя днями раньше. Несса и Консуэла уже были на месте и я заметил следы присутствия Вроксли.

К нам присоединилась пятая особа и я немедленно низко и уважительно поклонился.

– Кони-чи-ва, Курита Кицуне-сама.

Мужчина вернул мне поклон, при этом верхний свет отражался от его бритой головы. Традиционная японская одежда, которую он носил, говорила о его корнях в Синдикате больше, чем слегка миндалевидные глаза. Азиатскую форму глаз можно было легко не заметить, так как серым цветом они здорово напоминали глаза Виктора.

Что было совершенно естественно, поскольку Кицуне Курита был сыном Виктора от Оми Курита. Кицуне родился, когда Виктор был в домашних мирах кланов и его рождение было скрыто от отца, по его возвращении. Хотя многие уверены, что Виктору было известно о сыне, они никогда не встречались до того момента, пока Кицуне, удостоенный ранга рыцаря Республики, попросил, чтобы его посвящение провел «тот, без кого я был бы никем». Девлин Стоун и остальные решили, что имеется в виду один из его дядьев, Хохиро или Минору Курита, но он обратился к Виктору. «Отец, я хотел бы принять эту честь из твоих рук.»

Это откровение вызвало неслабые волнения в Марке Дракона Федеративных Солнц, где пропагандисты превратили Оми в суккуба, соблазнившую Виктора с дьявольскими целями. Однако ещё большие сложности возникли в Синдикате Драконов, где определенные реакционные элементы хотели выдвинуть Кицуне в качестве соперника действующему координатору, Хохиро. Когда они узнали о крови Виктора в его венах, распри прекратились и, по слухам, двое из менее влиятельных лордов совершили обряд сеппуку от огорчения, что они, оказывается, выдвигали Дэвиона на замену Курите.

Выпрямившись, Кицуне протянул мне руку.

– Приятно видеть вас снова, Мэйсон. Ваши вчерашние показатели многообещающи.

– Да, они обещают больше работы над собой.

Он улыбнулся и поклонился Джанелле, также пожав её руку.

– А ваши показатели говорят о выполненных обещаниях.

– Вы оказываете мне честь, милорд.

Мы снова расселись, Кицуне сел на один диван со своей племянницей. Консуэла дала нам время устроиться и начала:

– За последние двадцать четыре часа не произошло ничего по-настоящему существенного. Мудрость Стоуна, ограничившего доступ к боевым мехам, себя оправдала. Борьбу за ресурсы скрыть стало трудно. Мы принимаем меры для обеспечения сохранности хранилищ боеприпасов, но мех и сам по себе может причинить значительный ущерб. К счастью, большинство из переделок невоенных промышленных образцов, как мы узнали, не обладает достаточной мощностью для размещения на них энергетического вооружения.

Я кивнул. На боевых мехах стоят термоядерные реакторы, вырабатывающие много энергии. Эта энергия требуется меху не только для задействования миомерной мускулатуры, приводящей его в движение, но и для питания энергетического вооружения. Боевые лазеры, пушки-проекторы частиц и гаусс-винтовки требуют столько энергии, что могут лишить света маленький город, а дизельные двигатели мехов, вроде «Марии» или «Копателя» просто не в состоянии

выдать такую мощность. Хотя маленького лазера «Марии», предназначенного для подрезки ветвей, оказалось достаточным, чтобы убить одного террориста, вся опасность, которую он может собой представлять для боевого меха, ограничивается обгорелой краской.

Джанелла наклонилась вперед.

— Очевидно, что вы ожидали попытки наладить линии снабжения — на складах были усилены меры безопасности. Я полагаю, охрана производственных предприятий также увеличена.

Графиня тревожно повела плечами.

— Мы делаем, что можем, но нам мешает нехватка данных. Судя по всему, гарнизонные подразделения, к которым мы пытаемся обратиться, уже решили сами участвовать в разделе власти. Владельцы уже могли связаться с одним из игроков или охрана заводов могла решить самостоятельно захватить их. Если завод производит два меха в неделю, то они уже могут иметь две роты полностью снаряженных мехов. С учетом их собственного вооружения — это крупные силы.

— Действительно крупные, графиня. — Кицуне говорил тихо, заставляя меня наклониться, чтобы расслышать. — И проблема не ограничивается только Республикой. Проводя свои реформы, Стоун-сама всегда имел под рукой готовые к бою войска Республики, способные выступить против любого врага. Мощь этих сил увидели Лига Свободных Миров и Капелланская Конфедерация, и их в то время было достаточно, чтобы превзойти силы Синдиката и Федеративных Солнц. Тем не менее, существует разница между тем, чтобы чувствовать плеть на своей спине и наблюдать за экзекуцией других. Те, кто только наблюдал, сейчас полагают, что плеть не сможет до них дотянуться.

— Как вы знаете, реформация Синдиката началась рано, но испытывала сопротивление на протяжении большей части десятилетия. Боевые мехи были сняты с вооружения, но для Синдиката это означало не совсем то, что в других местах. Уничтожить мех для самурая все равно, что сломать свой меч. Поэтому семьи приносили клятвы законсервировать мехи и, по большей части, эти клятвы соблюдались из уважения к Стоуну и Республике.

Я потер лоб рукой.

— После ухода Стоуна и когда Республика, как кажется, теряет хватку, возникнет желание снова вернуть эти мехи в рабочее состояние. Я не сомневаюсь, что сейчас из музеев по всей Внутренней Сфере вычищают мехи. У нас есть представление, сколько их может быть?

Несса покачала головой, набирая запрос на клавиатуре. Голографический проектор высветил куб, на котором начали появляться цифры.

— По производительности мехостроительных заводов, потребностям в запчастях, интенсивности расхода боеприпасов, мобилизационным планам с разбивкой по отдельным соединениям, вообще по всем соответствующим вопросам были проведены исчерпывающие исследования. Но мехи веками восстанавливались, захватывались в качестве трофеев, купались нелегально, тайно поставлялись мятежникам, да всё, что душе угодно. Разница между известным нам количеством производимых и находящихся в настоящее время в строю мехов и количеством списанных, уничтоженных или снятых с вооружения иным способом может составлять от сотен до тысяч, даже десятков тысяч. И это только по архивам Внутренней Сферы, к которым у нас есть доступ. Цифры по кланам можно считать в лучшем случае ориентировочными, а если кто-то найдет где-нибудь древний склад Звёздной Лиги, все оценки полетят к черту.

Консуэла развела руками.

— Так что мы имеем не только внутренние проблемы, способные разорвать Республику на части, но и возможное перевооружение тех, кто ранее не предпринимал никаких действий из страха перед Республикой. Судя по известному нам, не исключено, что в настоящее время на десятках планет идут локальные боевые столкновения.

Я потряс головой.

— Это безумие. Если все будут сохранять спокойствие, никто не пострадает.

Джанелла кинула на меня косой взгляд.

— Мы говорим о людях, Мэйсон, а не об ангелах.

Я поморщился.

– И правда.

Кицуне поднял руку.

– Но мы и не говорим о демонах. Многие люди просто готовятся защищаться, если до этого дойдет. Будет жаль, если среди них найдутся демоны, способные использовать эту тягу к самосохранению. Именно на них мы должны сосредоточиться.

– Так что сложность в том, как выявить демонов и разобраться с ними. – Я вздохнул. – И нам остается только надеяться, что они не наберут такую инерцию в своём движении, что не окажется силы, способной их остановить. Если дело зайдет слишком далеко, их адский огонь пронесется по всей Внутренней Сфере.

Ссутулившись, Несса откинулась назад.

– Два-три потенциальных демона на планету, тысячи планет, хм, если наша задача состоит в этом, то у нас много вакансий на должности её исполнителей.

– Да, пока один из этих демонов не объявится на Терре и не сообщит нам, что в наших услугах более не нуждаются. – Я встал и потянулся. – Если это случится, я думаю, наше выходное пособие будет включать выход наших голов из состава наших организмов.

Джанелла посмотрела вверх на меня.

– Ты всегда был оптимистом.

– Могло быть и хуже.

Бровь графини изогнулась.

– Да? Как это?

Мой рот открылся, но я ничего не произнес. Не то, чтобы я не мог ответить на этот вопрос, просто у меня было слишком много ответов.

18

Первой жертвой войны становится правда

– Хайрам Джонсон

***Рыцарский Зал, Санта-Фе
Северная Америка, Терра
Префектура X, Республика Сферы
7 января 3133 года***

За месяц работа вошла в определенную колею, хотя и не стала совершенно однообразной – перерыв на праздники сделал рабочую нагрузку терпимой. Мы просеивали отчеты, составленные по обзорам прессы, поступавшим отовсюду. Если материал казался интересным или важным, мы запрашивали реальные факты и все относящиеся к делу данные. Поступившие сведения мы внимательно анализировали и на их основе готовили свои собственные отчеты.

Когда из строя выходит сеть связи, логично предположить довольно существенное ограничение объёма поступающих данных. С одной стороны так и было, поскольку все, что мы

имели, представляло собой лишь долю доступного нам, пока сеть работала. Проблема была в том, что пока сеть функционировала, мы получали отчеты от агентов Республики на местах, которые могли отделить факты от вымысла, сообщить предысторию поступавших новостей и прояснить некоторые нюансы.

Отчеты поступали нерегулярно и ненадежно – вообще говоря, эти отчеты не являлись отчетами в строгом смысле этого слова. Вместо отчетов мы получали сплошной поток данных, очень напоминавший поступающую из шахты породу со следами руды: в ней может быть какое-то количество ценного материала, но добывать его трудно, дорого и долго.

Прыжковые корабли переносили информацию между мирами нерегулярно и окольными путями. Пока корабли находились на точке подзарядки, они записывали содержимое всех каналов связи в широком диапазоне – всасывали в себя каналы головидения, как некоторые – спагетти. Они закачивали всё, что успевали, делали копии данных, обменивались ими с другими проходящими кораблями и, таким образом, распространяли информацию. За недельную стоянку на перезарядке корабли в среднем набирали по 20000 часов вещания на каждом мире, так что в момент прибытия на Терру корабль сваливал на наши головы сотни человеко-часов работы. Хотя компьютеры могут сканировать данные по ключевым словам, на разработку словаря этих ключевых слов требуется время, а после того, как в одном из отчетов обнаруживается что-то важное, появляются новые ключи и нужно проводить повторное сканирование.

В некотором смысле подобная охота была довольно увлекательной. Я чувствовал себя как на сафари в саванне, словно я, сидя на корточках, разглядываю следы шакалов, пытаюсь рассмотреть под ними отпечатки лап львов. Случалось, я был совершенно уверен, что я эти отпечатки видел, и я следовал за ними до тех пор, пока не вынужден был признать, что потерял след. Тогда я возвращался обратно к следам шакалов и готовил отчет по их действиям.

Слишком часто содержание всех моих отчетов также равнялось абсолютному нулю.

Главной трудностью было, разумеется, полное отсутствие возможности проверить анализируемую информацию. В качестве простого примера – как мы могли оценить обзоры новостей головидения с Хелен, основанные на данных, предоставленных командующим Рейсом? Даже если все факты были точны, даже если мы исключили все сомнительные предположения, всего лишь угол зрения на имеющиеся сведения мог полностью изменить полученные выводы.

А необходимость оценить вещи, о которых напрямую не говорилось, усложняла жизнь ещё больше. Если мы не получали сведений о нарушениях прав граждан на Хелен, то было ли это потому, что Рейс контролировал подававшиеся сведения или потому, что никаких нарушений не было или может быть просто никто ещё не проверил информацию за нужную неделю? Были ли данные опросов общественного мнения точны или они были сфабрикованы, дабы сокрыть множество злодеяний?

Когда-то сестра Виктора, Катрина, использовала манипуляцию такими данными, чтобы выдернуть престол Федеративных Солнц из-под него, пока он воевал с кланами. Виктор оставил своё королевство в руках младшей сестры, Ивонны. Катрина начала изменять статистику и сообщения средств массовой информации так, чтобы по достижении ими Нового Авалона у Ивонны были все основания полагать, что подданные считают её воплощением сатаны. Она попросила Катрину о помощи, отреклась от трона в её пользу, оставив вернувшегося со славой Виктора, устранившего величайшую угрозу, когда-либо известную человечеству, бездомным.

Хотя львов мы не обнаружили, шакалов водилось много и под самыми разными личинами. Были такие, например, Бенсон или Тормарк, кто уже начал делать решительные шаги, но чье коварство, в то же время, не уступало решительности. Они избегали переходить черту государственной измены. Мы могли предполагать бесчисленное количество случаев, когда эта черта уже была перейдена, но также мы предполагали, что сами крупные шакалы достаточно умны, чтобы в этих случаях суметь откrestиться от всех претензий. Мистер Ловкий был прикрытием для того, кем бы он ни был, кто направлял деятельность ПЭФ, а тип вроде Бенсона должен был иметь множество подобных посредников.

Другие шакалы были наглее и более прямолинейны. Некоторые происходили из аристократических фамилий, отцы которых передали власть Республике, а дети негодовали по поводу

понижения их статуса. Надо отдать должное некоторым из них – они видели в ослаблении влияния Республики требование времени снова принять на себя ответственность, которой их семьи долго пренебрегали. Другие считали Республику чудовищем, отобравшим у них законные права и собирались вернуть все назад. Такие переводили местные ополчения под свой непосредственный контроль и объявляли военное положение. Создавая в умах людей образ врага, внутреннего или внешнего, им удавалось увести большинство за собой.

Это, конечно, порождало противодействие или самопровозглашенных приверженцев Республики или тех, кто желал вернуться к своим этническим или национальным корням. На планете, большинство населения которой происходило из владений дома Дэвион, какой-нибудь дальний родственник семьи Курита мог легко собрать вокруг себя семьи выходцев из Синдиката. Заявляя о себе как о верных приверженцах Синдиката, они могли рассчитывать на поддержку Тормарк или даже сил в самом Синдикате Драконов. И такое положение не ограничивалось куритянскими лоялистами. Все нации разродились своими борцами за правое дело.

Мы действительно получали сообщения о имевших место боевых столкновениях, но я нашёл их в некотором смысле успокаивающими. Все это были небольшие стычки, протекавшие на ограниченных территориях. Они явно были предтечами будущих боев, но помогали стравить пар и немного утихомирить общественность, даже при том, что неминуемо вызовут жажду мести и породят новые столкновения.

Когда я ловил себя на том, что меня больше тревожат планеты, на которых якобы царит мир, чем миры, на которых уже началась стрельба, становилось понятно, что на этот день пора завязывать с работой. Эти мирные планеты игнорировали все безумие, творившееся вокруг них. Хотя, как я надеялся, это происходило всего лишь благодаря сохранившимся где-то во Внутренней Сфере разумным людям, я подозревал, что дело не совсем чисто. Может ли сопротивление на этих мирах уже полностью быть подавленным львами? Как же нам это узнать, если все бывшее у нас в наличии – сообщения их программ новостей, а в новостях твердили о полнейшем благополучии? Может оказаться, что львы скрываются прямо у нас перед глазами, ожидая, пока мы не измучаем сами себя, чтобы выпрыгнуть из своего мирного логова.

Хуже всего было то, что даже наилучшие сортировка, отсев и анализ данных не могли отменить их устаревание. Республика не могла работать на древней информации. Если ответ на запрос о помощи приходил через два месяца, это было слишком долго, а кризис, за время пока запрос добирался до нас, мог с легкостью поглотить породившую его планету.

И конечно, завтра могут прийти недостающие данные, которые потребуют провести переоценку всего, отбросив нас назад на исходные позиции. Мы начнем заново, но нам всегда придется помнить о том, что мы остаемся в неведении насчет большинства происходящего в Республике и даже большего во Внутренней Сфере за нашими границами. Поработав в режиме, регулярно заставлявшем меня принимать черное за белое, я ненадолго находил себе другое занятие. Очень привлекательным было совершить прогулку в Белые Пески и заняться немного «Призраком». Зрелище чего-нибудь разносимого вдребезги сильно расслабляет. Я с легкостью представлял себе все эти вражеские мехи львами и до приятного изнеможения избивал львиные семейства. Мои показатели особенно повысились после того, как один из техников раскрасил вражеские мехи в темно-желтый и коричневый цвета и изобразил на их торсах небольшие силуэты геральдических львов.

Джанелла и я умудрились на два дня ускользнуть на пляж на побережье Баха. Предполагалось, что мы пробудем там три дня, но мы вернулись раньше, заряженные бодростью, загоревшие и снова нырнули в работу. Я, кроме того, провел обед с Виктором, помогая ухаживать за его розами, росшими в небольшом дворике у его покоев. Это оказалось весьма кстати, потому что Андреа попросила показать ей цветы и я смог провести небольшую экскурсию. Виктор со своей обычной любезностью похвалил мою работу, смутив Андреа и немного притушив её подозрения.

К концу месяца давление продолжало нарастать. С каждым отчетом усиливалось ощущение, что сгущающиеся на горизонте тучи становятся все темнее и толще. Не приходилось сомневаться, что надвигается жуткая буря и вокруг будет сверкать много молний.

– Молниеносные удары Его разящего меча. – Голос Виктора стал холодным. – Существует теория, которая объясняет неспособность человечества устоять перед соблазном войны тем, что мы очень быстро забываем боль. Это инстинкт выживания. Какая женщина, пережившая часы родовых мук, согласится родить ещё одного ребенка, если будет помнить каждое мгновение своей боли? Кто рискнет попасть под копыта или на рога быка, если уже был ранен подобным образом прежде?

Я помахал перебинтованными пальцами.

– Какой садовник станет ухаживать за розами?

Виктор улыбнулся было моей остроте, но с другого края стола Несса ткнула в его направлении вилкой.

– Эта теория не учитывает тот факт, что мы – мыслящие существа. Мы можем взвесить риск боли и ран против получаемой выгоды. Мы также можем сопереживать другим и чувствовать их боль. Это является основой альтруизма и даже героического самопожертвования во времена бед и войн.

Старик кивнул, соглашаясь.

– Никто этого не отрицает, Несса, но два момента в твоих словах только подтверждают теорию. Первый – из-за того, что мы забываем боль, мы никогда не придаем ей достаточного значения, когда подставляем в то уравнение риска и выгоды. Это особенно верно, если это боль кого-то другого. Я бы даже сказал, что сопереживающие ранам других пренебрегают уравнениями риска и выгоды и идут навстречу практически непреодолимым препятствиям именно потому, что считают такое поведение единственно правильным.

Несса кивнула, опустив вилку, чтобы наколоть немного салата.

– Мы могли бы поспорить на эту тему, но я думаю, ты бы меня убедил. А что за второй момент?

– Я бы оспорил твоё утверждение о том, что мы – по-настоящему мыслящие существа.

Это заставило мою голову подняться.

– Ладно, то, что я не одел рукавицы, когда работал с розами, возможно, не будет свидетельствовать в мою пользу, когда я начну защищать разумность человечества, но все мы здесь, за этим столом, в этом доме, мыслим на самых высоких оборотах.

– Руки тут не при чем, Мэйсон, ты уходишь от темы. Да, собравшиеся здесь думают и думают напряженно и долго, но мы можем позволить себе роскошь так поступать. У нас также есть базис в виде опыта, который позволяет нам это делать. Хотя есть надежда, что мы здесь можем считать себя мудрыми людьми, большая часть человечества едва ли осознает происходящее. Если ты ознакомишься с иерархией потребностей по Маслоу, то обнаружишь, что потребности в основном состоят из еды, убежища и размножения. Все это – животные влечения и, хотя могут формироваться некоторые абстракции, вроде необходимости работать для получения пищи и крыши над головой, эти абстракции ненамного выше уровня сознания существ, которые удовлетворяют эти базовые влечения напрямую.

Бровь Джанеллы изогнулась.

– Вы же не хотите назвать людей скотами, не так ли, милорд?

– Вовсе нет. Предпочтительным термином будет «агнцы», поскольку он предполагает наличие пастырей и волков. – Поставив локти на стол, Виктор сжал кончики пальцев рук между собой. Я видел пляшущее в его серых глазах удовлетворение, очень похожее на отраженный свет свечей на столе. – Если подумать, то жизненный опыт разделяет людей на виды. Мы четверо, сидящих за этим столом, по скольким мирам путешествовали? Сотням? Тысячам? Всего лишь за год мы проделывали больше световых лет, чем некоторые люди километров за всю свою жизнь. Некоторые планеты стали легендой для людей, а я проливал на них кровь. Печать нашего опыта дала нам возможность видеть события в перспективе, намного дальше чем слишком многие.

Несса кивнула.

– Вот почему мы – пастыри.

Её дед нахмурился.

– А почему не волки? Те, кто сейчас пользуется хаосом, обладают тем же опытом, что и мы. Почему же они принимают другие решения, нежели приняли бы мы? Почему они согласны на риск войны друг с другом, пока мы стоим перед неизвестной угрозой?

– Возможно, они пришли к тому же выводу. – Джанелла поиграла с ножкой бокала. – Те, кого мы называем волками, возможно, считают себя пастырями. Они полагают своей паствой не тех, кого считаем своей паствой мы, и они собираются с силами, чтобы защитить её. Может быть они видят в своих конкурентах волков, стоящих за коллапсом связи. Они считают нашу бездеятельность и наши предупреждения о незримом враге проявлением нашей глупости и стремятся спасти своих людей.

– Очень хорошая мысль, миледи. – Виктор одарил её полуулыбкой. – Даже несколько мыслей, что только все усложняет.

Я потряс головой.

– Я не могу поверить, чтобы кто-то вроде Джейкоба Бенсона мог считать себя пастырем. Он видит в себе волка, Большого Злого Волка, и он вышел на охоту за агнцами и поросятами. И пастырями, что окажутся у него на дороге.

Мой комментарий получился немного более страстным, чем я сам того желал и на лице Виктора появилось явное удивление.

– Кажется, ты, Мэйсон, выработал особенную неприязнь к мистеру Бенсону.

– Да, милорд. – Я поднял салфетку и вытер губы. – Чем больше я изучаю проблему, тем лучше я понимаю мотивы шакалов – волков в данной аналогии. Возьмём Катану Тормарк, к примеру. Она непомерно увлеклась воинскими традициями Синдиката и делать то, что она делает, её заставляет жажда следования традициям.

– Так можно предположить, Мэйсон. – Несса подцепила вилкой кусочек ромэна. – На самом деле мы не знаем, о чем она думает или о чем мечтает.

– Конечно, это все так и я, быть может, недостаточно глубоко проанализировал её случай, но применительно к Бенсону смотреть глубоко и не нужно. По моему мнению, он мелкий как столовое блюдо. Им движет жадность, чистая и примитивная. Он любит деньги, он хочет больше денег, а ещё он хочет наказать Республику за то, что она не превозносит такого великого человека как он.

Голос Джанеллы остался мягким.

– Я сомневаюсь, что посвящение в рыцари может привлечь его на нашу сторону.

– Нет, не может, совсем не может, потому что тогда он захочет стать паладином, а потом – экзархом. Бенсон хочет быть наверху пищевой цепочки и не ради самого достижения вершины, а потому, что тогда он сможет начать жрать все ниже него. – Я нахмурился. – Послушайте, я могу понять жадность, но он ведь совершенно откровенен в своей жадности. Пусть жадность движет Тормарк или Ароном Сандовалем или ещё кем-то, но, по крайней мере, они маскируют её традициями.

Несса ухмыльнулась.

– Бенсон тоже мог бы назвать себя традиционалистом. Он действует не из жадности, а ради всеобщего процветания. Ты даже говорил, Мэйсон, что масса народа видит в нем защитника и борца за преуспевание маленьких людей. Может быть ты его неправильно понял?

Я потряс головой.

– Хорошо, один-ноль в пользу критиков, но давайте же будем реалистами. Бенсон действует только ради самого себя и, хотя я думаю, это хорошо, что он сожрет всех, кто займёт место в его стае, я боюсь за всех маленьких человечков-агнцев, которых они разорвут по ходу дела.

Виктор отодвинул свою тарелку с салатом от края стола.

– Не отрицаю обоснованность твоих страхов, Мэйсон, но что же нам делать по этому поводу? Пастырей слишком мало.

– Но мы можем увеличить их число. Судя по отчетам есть люди, которые действительно призывают к порядку и разуму. Нам нужно воспользоваться своими возможностями и дать им

развивать свои идеи. Если мы защитим миротворцев, если мы будем поддерживать их в качестве общественного примера, мы привлечём других мыслить в том же направлении. Если люди станут отождествлять мир со стабильностью, мы убьем двух зайцев одним выстрелом.

– Достойный план, но нельзя забывать о волках, вышедших на охоту за миротворцами.

– Да, милорд, и это означает, что мы должны добавить в наш зверинец из волков и агнцев ещё одно существо: волкодава. Пока пастыри застряли, наблюдая за теми, кто вывел из строя сеть, нам нужно как-то остановить волков.

Глаза старика сузились.

– Убийство?

– Тираноубийство. Это один из способов. – Я глянул на Нессу. – Это возвращает нас на позиции, с которых мы начинали: нужно убедиться, что боль будет правильно учтена в уравнении. Волкодавы начнут работу над слабейшими в волчьих стаях. Мелкие сошки, чьи действия переходят допустимые границы должны быстро наказываться. Волки увидят, что их не ждет триумфальное шествие. Это не только заставит их подумать дважды, но отбраковка слабых и неполноценных сделает стаи более эффективными и крепкими.

Джанелла нахмурилась.

– И что именно в этом будет хорошего?

– Когда те, кто свалил сеть, сделают свой следующий шаг, волки будут достаточно сильны, чтобы оказать сопротивление.

Несса сжала губы.

– А если этот удар никогда не произойдет?

– Тогда самые сильные и эффективные волчьи стаи разорвут друг друга.

– Интересная теория, Мэйсон, – улыбнулся мне Виктор. – Но, если уж пастырей слишком мало, то волкодавы встречаются ещё реже.

Дворецкий Виктора вошёл в столовую и прошептал что-то на ухо своему господину. Виктор кивнул, немного подумал, затем оглядел стол.

– Благодарю вас, Пибворт. Я думаю, мы созрели для десерта и бренди.

– Да, милорд.

Старик посмотрел на меня и я заметил отблеск в его глазах.

– Он принес мне сообщение. Для тебя, Мэйсон. С Басолта.

Я моргнул.

– С Басолта? Я там никого не знаю.

– Да, думаю, ты не знаешь. – Его улыбка стала лукавой. – А вот Сэм Донелли, кажется, знает. Похоже, мистер Ловкий хочет предложить тебе работу.

*Основное препятствие на пути прогресса –
не невежество, а иллюзия знаний*
– Дэниэл Дж. Бурстин

*Рыцарский Зал, Санта-Фе
Северная Америка, Терра
Префектура X, Республика Сферы
8 января 3133 года*

Сообщение было коротким, но очень выразительным.

Сэм!

Сожалею насчет твоих юридических проблем с Хелен. Я полагал, что все пойдет иначе, но с наступлением ночи планы изменились. Я рад, что тебя ничто не сковывает. Я заинтересован в возобновлении нашего партнерства, со значительно более высоким уровнем твоего участия. Свяжись со мной как можно скорее. Я возместил твои убытки и покрыл затраты на перелет.

Ловкий

Басолт, 12 декабря 3132 г.

Джанелла посмотрела поверх текста.

– Ты уже знаешь, что ему нельзя доверять. Это ловушка.

– О, вне всякого сомнения, если он сможет меня сдать, как он это сделал на Хелен, он сдаст. В то же время, сообщение пришло вместе с чеком на пять тысяч стоунов, которые он мне должен, плюс сумма, достаточная для перелета от Эпсилон Инди до Басолта. Он, должно быть, отправил его курьером через несколько миров, а на Эпсилон Инди наши люди его приняли и ретранслировали сюда черным ящиком.

Джанелла наклонила голову.

– Что нисколько не снижает опасности ловушки.

– Верно, но, по крайней мере, у него нет подозрений по поводу того, кто я. Он думает, я действительно на Инди.

Связь с помощью черных ящиков – старая технология и намного менее эффективная, чем гиперимпульсные генераторы. Она не позволяет передавать сообщения намного больше мной полученного, но оказалась полезной для Хэнса Дэвиона при обходе интердикта КомСтара в прошлом веке. Республика использовала данную технику в качестве запасного канала связи с рыцарями-призраками – медленно всё же лучше, чем ничего – и люди, поддерживавшие легенду Сэма на Эпсилон Инди использовали её, чтобы переправить сообщение туда, куда нужно.

Я наморщил лоб.

– Важно вот что: мы покинули Хелен двадцать третьего ноября. Можно предположить его отбытие примерно в то же время. Он отправил сообщение с Басолта по прошествии всего лишь двадцати одного дня после отбытия с Хелен. У него ушло три недели на перелет, и это значит, что он перемещался быстро или ему везло на попутные прыгуны. Деньги, присланные им на дорогу, дадут возможность добраться в ускоренном темпе, так что тот, кто его прикрывает, обладает глубокими карманами.

Она посмотрела на меня с пониманием.

– Мэйсон, глубокие карманы есть у многих людей и помимо Джейкоба Бенсона.

– Это правда. Но здесь мы видим хорошую организацию. Можно быть уверенным, что новости об освобождении мелкого уголовника на Эпсилон Инди не стали сенсацией на Басолте. Кто-то навел обо мне справки для Ловкого. Я бы даже предположил, что он собирал информацию на разных людей, которых он мог бы использовать на Басолте и я был только одним из них. Если он набирает людей, способных пилотировать мехи, значит затевается серьезное дело.

– Я все равно не вижу, как за этим стоит Бенсон или кто-либо ещё, если уж на то пошло.

– Ладно, вот в чем фокус: в письме Ловкого подразумевается, что твое прибытие или, по его изложению – «наступление ночи», вынудило его изменить планы. Если он собирался исчезнуть из-за твоего появления, то он бы так и поступил как раз тогда, когда ты объявилась. Он же ждал неделю. Я думаю, он послал сообщение своему боссу, за пределы планеты, затребовав инструкции, что ему делать, и именно неделя потребовалась, чтобы пришло ответное сообщение.

Она покачала головой, поднялась с диванчика и подошла к автомату для воды и извлекла из него бутылку. Мне она одну тоже бросила.

– Или его местный босс решил не торопиться и пораскинуть мозгами.

– А в это время Ловкий получил предложение на Басолте? – я открыл бутылку и отпил немного, потом вдруг поставил её и ударил кулаком в ладонь. – Постой, точно! Что, если у Ловкого было двое боссов? Что, если его нанял местный авторитет, но он, в то же время, получал приказы от другого, желавшего стравить местных шакальчиков между собой?

Джанелла откинулась назад и с раздражением посмотрела на меня.

– Мэйсон, если тебе приходится начинать свои допущения с «что, если», то это уже фантазия, а не теория. Ты приводишь в качестве аргументов факты, которых мы не имеем. Все что нам известно, это желание твоего приятеля разузнать, не нужна ли тебе работа. Мы можем допустить, что он собирается использовать тебя в незаконной деятельности и что для его затеи важно твоё умение пилотировать мех. Все остальное – чисто умозрительные построения и нет даже косвенных улик, для их подтверждения. Мы даже не имеем представления, по какой причине Басолт стал целью.

И в этом Джанелла была абсолютно права. Она выросла на Флетчере, расположенном на расстоянии короткого прыжка от Басолта, но она на нём никогда не бывала. То же самое можно было бы сказать о большинстве жителей Внутренней Сферы. Несмотря на расположение Басолта в бывшем узком выступе территории Федеративных Солнц, где он запросто мог оказаться под ударом как со стороны Капелланской Конфедерации, так и Синдиката Драконов, он никогда на протяжении всей своей истории не подвергался нападениям серьезней случайных рейдов. Хотя население планеты было довольно пестрым по национальностям, политическая стабильность царила там веками.

Семья Джермейн правила этим миром со времен основания Федеративных Солнц и мир считался процветающим. Его население было как фанатично преданным дому Дэвионов, так и верным союзником роду Сандовалей из марки Дракона. Басолт всегда был готов служить бастионом на пути наступления Синдиката, но от них так и не потребовалось ничего больше, чем присылать войска, что они и делали с большим энтузиазмом.

Граф Ахилл Джермейн сопровождал Виктора Штайнера-Дэвиона в домашние миры кланов на Страну Мечты. Хотя он не сыграл существенной роли в победе над кланами, он, тем не менее, с честью сражался под знаменами Виктора и даже согласился сложить оружие, когда тот отдал своей армии такой приказ. Позже, во время гражданской войны против Катрины, он привел к Виктору роту своих людей. После победы граф вернулся на Басолт. В темные времена блейкистского мятежа он женился и жена родила ему двух сыновей, Гектора и Ивана. После того, как Стоун начал свои реформы и Виктор его поддержал, Ахилл Джермейн провозгласил, что Басолт пойдет за Стоуном.

После смерти отца правителем планеты стал его сын, Гектор. И у него и у его брата было по двое детей, у каждого – сын и дочь. Иван погиб пятнадцать лет назад во время аварии хопера, и

Гектор взял племянника и племянницу на своё попечение. Хотя семью Джермейн вряд ли можно было назвать богатейшей на планете, все они, как казалось, были более заняты служением обществу, нежели извлечением прибылей.

Согласно республиканским данным, как старым, так и поверхностным новым, ничего более интересного в этом мире не было. Судя по всему, это было красивое место, с большими площадями тропических лесов и немалыми запасами полезных ископаемых. Климатические условия приводили к необычайно сильным грозам. Планета могла похвалиться, в основном, легкой промышленностью, удовлетворявшей местные нужды, в чем ей, таким образом, повезло, поскольку она была самодостаточной.

Несколько отчетов и статей, в том числе написанные до моего рождения, предсказывали Басолту блестящее будущее в качестве рая для туристов, которых должны были привлекать его протяженные джунгли и разнообразный растительный и животный мир. Более поздние работы по-прежнему расхваливали неразграбленную природу планеты, но одновременно констатировали провалы сделок по проектам курортов, на основе которых туризм должен был стать жизнеспособным бизнесом.

Моё внимание привлекла ещё только одна деталь – биографический очерк некоего Олдрингтона Эмблина из журнала для деловых людей. Он прибыл на Басолт в качестве управляющего одного из тех обанкротившихся курортов, но остался на планете и стал «собственным Джейкобом Бенсоном Басолта». Я уверен, это должно было считаться комплиментом. Этот мужчина за двадцать лет сумел сосредоточить в своих руках огромное состояние и богемные новости связывали его с самыми красивыми женщинами высшего света Басолта. Ходили даже слухи, что планируется его свадьба с Сарой Джермейн, племянницей графа Гектора, но всё затихло около года назад.

Окончив беглое исследование вопроса, я так и не смог понять, почему Басолт стал целью и я так и заявил на совещании, которое я и Джанелла провели вместе с Консуэлой и Кицуне.

– В этом нет смысла. Басолт не представляет собой даже удобную точку для прыжка. Покорение Басолта никому ничего не даст.

Кицуне прикрыл глаза.

– Возможно, Мэйсон, Басолт является не картой в масштабной игре, а просто желанной добычей сам по себе. Как вы отметили, Басолт играет незначительную роль в делах Внутренней Сферы. Возможно это и так. Но силы, действующие на Басолте могут удовлетвориться захватом самого Басолта. Ведь Хелен ничем не была более примечательна и её также нельзя вписать в крупный замысел.

Я открыл рот на секунду, потом снова его захлопнул.

– Да, милорд, вы поставили вопрос очень правильно. Присутствие Ловкого может иметь не более значительный смысл, чем его действия на Хелен.

Консуэла взглянула на меня своими темными глазами.

– Вы противитесь этой точке зрения.

– Только потому, что Ловкий – очень темная лошадка. Он явно задействован в качестве провокатора, но на кого он работает и какова цель его действий, мы не знаем. То, что он был нанят и так быстро направлен на работу на Басолт, предполагает наличие у него определенной репутации, и, к тому же высокой, поскольку никто не наймет его, исходя из событий на Хелен.

– Я согласна, это представляет собой проблему. Более того, многие паладины высказали озабоченность фактом действий подобного субъекта в пределах Республики. Последняя вещь, нужная нам в данной ситуации – это волнения. – Она закрыла глаза на секунду или две, затем расправила плечи. – Мы хотим знать, не согласитесь ли вы отправиться на Басолт.

Я нахмурился.

– Мой долг выполнять ваши приказы, миледи.

Консуэла подняла руку.

– Мэйсон, это необычное задание. Обычно вы отправляетесь на место событий, расследуете дело, внедряетесь в среду, уходите и докладываете нам о произошедшем. Большинство людей

думают, что рыцари-призраки называются так потому, что их никто не знает. Но вам известно, что мы желаем сделать их настоящими миражами.

– Сейчас иные обстоятельства. Мы посылаем вас туда, зная о ненадежности вашего связного и его готовности допустить ваш арест или даже убийство. Возможно он нанимает вас, считая именно расходным материалом. Ваша гипотеза, предполагающая, что вы будете лишь одним из многих с аналогичными навыками, разумна, и это означает, что вы окажетесь среди опасных людей. Мы также можем предположить, что, кто бы ни был по другую сторону баррикад, они будут настолько же профессиональны.

– Миледи, я могу позаботиться о себе на поле боя.

– Мне известны ваши показатели, Мэйсон, и если бы мы отправили вас под прикрытием Джанеллы или звена из «Похоронного марша», я бы не беспокоилась за вашу способность выжить или даже победить. Однако вы отправитесь безо всякой поддержки. Вас отправят одного в стаю волков.

Выбранные ею слова говорили, что один из паладинов, с которыми она беседовала – Виктор. Я ухмыльнулся.

– Это шанс проверить мою идею с волкодавами.

Консуэла торжественно кивнула.

– Так вы согласны на это задание?

– Я к этому склоняюсь. Мне нужно знать допустимые границы моих действий. Если вы окажетесь правы и будут бои, как далеко я могу зайти? Вы же знаете, невозможно воевать так, чтобы только ранить противника. Что если мне придется столкнуться в бою с верными правительству войсками?

Кицуне сплел пальцы.

– Вам придется защищаться. У вас не будет выбора. Вы знаете, каковы границы.

– Что насчет действий вне меха? Вероятно, мне придется совершить кучу преступлений. Я постараюсь свести ущерб к минимуму, но мне, может быть, потребуется делать довольно грязные вещи.

– Это уже обсуждалось. Республика возместит пострадавшим ущерб. Просто постарайтесь, чтобы всё прошло не так театрально, как в прошлый раз.

Я поморщился.

– Как далеко я могу зайти и что из того, что я сделаю, будет санкционировано?

Консуэла наклонилась вперед и начала выбивать дробь пальцами руки.

– Во-первых, вы должны выяснить, что происходит на Басолте и какова в этом роль Ловкого. Вы должны вмешаться в ход событий и сделать возможное, чтобы сохранить устойчивость власти Республики на планете. Во-вторых, вы должны выявить всех участвующих в деле игроков, включая нанимателей Ловкого. По возможности, нам будет нужна доказательственная база, достаточная для поддержания обвинения в высших судебных инстанциях. Если мы сможем примерно наказать виновных на планете вроде Басолта, это может заставить других приостановиться.

– А если обвинить их окажется невозможно?

– Как же это?

– Если они уничтожат доказательства или ликвидируют свидетелей, не дав возможности связать их с какими-либо или со всеми преступлениями? – Я посмотрел Консуэле прямо в глаза. – Если продолжение существования какого-либо лица будет представлять собой прямую угрозу устойчивости власти Республики, и единственным способом остановить его будет физическое устранение?

– Мы бы предпочли другие методы решения проблем, методы, которые позволяют дать делу обратный ход.

– Если я буду располагать иными вариантами, я их использую. – Я прикусил нижнюю губу на секунду. У меня перед глазами пробежали голографии Олдрингтона Эмблина и представителей семейства Джермейн. У меня не было желания убивать или стать причиной смерти

любого из них, но если они вливали яд в вены Республики и я не мог убедить их остановиться, у меня оставался не такой уж большой выбор.

Кицуне внимательно на меня смотрел.

– Так вы возьметесь за это задание?

– Придется. Мне потребовалось четыре месяца, чтобы подобраться к Ловкому на Хелен. Если вы поручите это дело какому-нибудь другому миражу, ему потребуется как минимум столько же. За это время может пролиться немало крови, а это неприемлемо. – Я угрюмо усмехнулся им обоим. – Время появиться волкодаву и заняться борьбой с вредителями. Я хочу получить эту работу и я буду делать её очень хорошо.

20

*Конечный результат ограждения людей от проявлений глупости
– заполнение мира глупцами
– Герберт Спенсер*

***Борт посадочного корабля «Сомерсет», прибытие
Басолт
Префектура IV, Республика Сферы
29 января 3133 года***

Все было устроено так, чтобы я смог покинуть Терру незамедлительно. Я отправился на Эпсилон Инди, затем на Флетчер и, наконец, на Басолт. Вперед себя я отправил сообщение о моём прибытии на Басолт через Эпсилон Эридана и Ингресс. Я назначил мой прилет по более длинному маршруту на третье февраля. Это давало мне четыре дня до срока, когда Ловкий будет меня ожидать, а именно это мне и было нужно.

Мы сомневались, что моё сообщение, отправленное с Эпсилон Эридана, попадет к месту назначения намного раньше меня. Я не знал, отправят ли республиканские власти кого-нибудь на тех кораблях, которыми я якобы летел, проверить – нет ли на моём предполагаемом пути агентов Ловкого. Это была бы не такая уж плохая идея и в результате на месте имелся бы ещё один человек Республики, так что я мог бы, при необходимости, получить помощь.

И я был совершенно уверен, что помощь мне в один прекрасный момент потребуется. Найдут ли я волчью стаю или львиное логово, дела однозначно пойдут туго. Прикрытие было бы полезным и на этот случай я получил данные по точкам закладной почты и имена связных, которых я мог использовать, если понадобится.

Хуже всего в этом путешествии было то, что родители Джанеллы решили вернуться на Флетчер тем же посадочным кораблем. Они были совершенно не в курсе моего перелета и, видимо, приняли решение покинуть Терру внезапно. «Я не знаю, что я могу полезного сделать на Флетчере», – говаривал Томас Лейквуд, – «но раз уж я рыцарь Республики, я должен делать хоть что-то.»

Избегать их было не так уж сложно, как можно подумать. Я отпустил бородку, изменившую линию челюсти и сделавшую лицо визуально шире. Кроме того, я постригся короче и окрасил волосы. Не знаю, может быть у блондинов и вправду жизнь веселее, я этого во время перелета не заметил. Хотя, если подумать, такой оттенок желтого редко выглядит натурально, так что большинство людей не слишком долго задерживали на мне свой взгляд. Когда я работаю под прикрытием, я обычно избегаю окрашивать волосы, так как окраску следует постоянно подновлять, да и выглядит всё это подозрительно. Но Ловкий точно будет знать, почему я покрасился, он поймет.

С Терры на Флетчер я летел на «Мансоне», с которого перебрался на «Сомерсет» шедший на Басолт. На «Мансоне» я держался ближе к третьему классу, не завёл друзей и достаточно много людей раздел в покер, чтобы меня довольно скоро перестали приглашать к игре. Меня это устраивало, поскольку я убивал время, выкачивая книги из скудной корабельной библиотеки и зазубривая историю Басолта.

Моё прибытие на планету прошло без приключений и я снял на выигранные в покер деньги номер в отеле «Гранд Джермейн». Мне это место очень понравилось, даже несмотря на его элегантную потрепанность: ковры немного слишком изношены, головизоры маленькие и древние, а меню внушило бы ещё моим деду с бабкой надежду отведать новейших деликатесов из кухни августейшей семьи Нового Авалона. Метрдотель был полон гордости оттого, что в номере однажды останавливался сам герцог Арон Сандоваль и было довольно легко представить себе, что я сейчас рассматриваю те же самые обои, которые рассматривал он.

После того как я вселился, я отправился в центр Манвиля, столицы планеты. Город был построен на цепочке из девяти холмов, расположенных на слиянии трех рек, дальше текших на север вместе. Центр города находился строго к югу от точки слияния и был устроен в виде большого прибрежного парка с мостами, нависшими над рекой и канатными дорогами, переброшенными с холма на холм.

На этом мире растения имели оттенок скорее голубой, чем зеленый, и, хотя они были вполне съедобными для людей и домашних животных, создавали довольно экзотическую атмосферу, особенно для меня, только что прибывшего с Терры. Высаживаясь с корабля я слышал чье-то замечание, что из-за растений все выглядит так, как будто требуется подрегулировать головизор. Может быть, следствие времени потраченного на уход за розами, но нежные формы и тона, которыми разрослись местные растения, мне очень приглянулись.

Цвет растений был не единственной необычной вещью, поразившей меня. Возможно из-за продолжительного пребывания на Терре, да к тому же, в республиканском до самого фундамента учреждении, но признаки напряжения в обществе меня удивили. Теоретически Басолт был стабилен на протяжении долгого времени, но распад общества стал очень заметным. Этнические капелланцы и куритяне чаще всего смотрели в пол и убирались с моей дороги, пока я двигался через район города, заселенный в основном выходцами с планет Дэвионов. На витринах некоторых магазинов я заметил следы поспешно стертых японских иероглифов. В других местах я видел кустарные плакаты с надписью «Верен Басолту» и похожей на икону картинкой, изображавшей Ахилла Джермейна и Виктора Штайнера-Дэвиона, жавших друг другу руки.

Все это меня шокировало. Я заметил пару заколоченных магазинов, но не заметил следов открытого насилия. Некоторые лавочники-азиаты торчали в дверных проемах, с надеждой наблюдая за мной и уныло роняя головы, когда я не делал попытки войти в их магазины. Я мог бы и зайти, но ядовитые взгляды, которыми их награждали другие англосаксы вроде меня, говорили о том, что стать их клиентом значило бы выйти за рамки нормы. Поскольку моей работой было сливаться с окружением, я избегал привлекать к себе внимание и тихо топал по своим делам.

Я прибыл на Басолт без особого гардероба. По двум причинам. Во-первых, Сэм покинул Хелен, не имея много одежды. Опять же, моей работой было влиться в местное общество, по крайней мере до той поры, пока я не найду Ловкого. Поскольку веяния моды меняются от планеты к планете, то если бы я оделся по последнему писку, скажем, на Эпсилон Эридани, я бы выглядел как клоун на Басолте. Последний раз, когда я выглядел как клоун, дела пошли не очень хорошо, так что я был решительно настроен не повторять прошлый опыт.

Я забежал в несколько магазинов, но не покупал самое новое и модное, а направлялся к распродажам и выбирал наименее безобразное. Я имею в виду, кое-что из той одежды никогда бы не купили, но нормальные шмотки оказались на распродаже только потому, что закончился их сезон. Ладно, пусть то, что на Басолте считалось устаревшим на сезон, на других мирах выглядело бы древним, но нарядившись в староватую одежду, я казался человеком, уже немало отиравшимся на планете. Это позволит легко затеряться, а этого я и хотел.

Я сделал одно исключение из правила и зашёл в навороченное ателье, где с меня сняли мерки, чтобы подогнать под меня костюм. К костюму я заказал все остальное, с головы до пяток. Если мне будет нужно появиться в высшем свете, мне тоже потребуется соответствующая униформа. Осчастливив, таким образом, продавца, я согласился зайти на следующий день забрать заказ.

В качестве последней остановки я забрел в салон, где моим волосам, как выразился мой персональный консультант, «поправили цвет» до оттенка, не резавшего глаз окружающим. Я также постриг бородку до уровня щетины, что считалось последним криком моды на Басолте. На мой взгляд разница небольшая, но такой вариант легко поддерживать, что было только на руку.

Причесавшись и приодевшись я вернулся в «Гранд Джермейн» и в свой номер.

Значительная часть искусства шпионажа, которому меня обучали, основывалась на умении замечать мелочи, дающие преимущество в любой ситуации. Так, я заметил двух человек в вестибюле, которые могли быть гостиничными детективами или ищейками из местной полиции, но оба были в штатском и не обратили на меня никакого внимания. Меня также учили, закрывая дверь, оставлять на ней что-то вроде волоска, неминуемо падающего, если кто-нибудь попытается дверь вскрыть, и, таким образом, предупреждающего о посещении моего номера незнакомцами.

В теории это выглядит хорошо, если не учитывать трех вещей. Обычно обслуживающий персонал входит в номер и выходит из него по практически случайному распорядку, что-нибудь доставляя или где-нибудь убирая. Они не ищут, не замечают и не возвращают на место упавшие волоски. Сыщики, с другой стороны, будут искать подобные вещи и позаботятся о том, чтобы вернуть их на место, так что предупреждения не получатся.

Третье было сейчас прямо передо мной – моя дверь была открыта настежь. Тележки, вроде тех, что использует обслуга, нигде не было видно, что меня немного встревожило. Было совершенно очевидно, открывший мою дверь, кто бы он ни был, не желал скрывать своё присутствие, а значит или визит был дружеским или лицо, его нанесшее, не могло быть привлечено к ответственности.

В данном случае были верны оба варианта.

Когда я прошёл в дверь и по узкому коридору, слева от которого располагалась ванная, первое, что я увидел, были его ноги. Они были длинными и мощными, хорошо сочетаясь с остальными частями его тела. Я видал бедра поуже, чем его руки. Он поднялся с кресла и с облегчением загудел. Он возвышался надо мной на целых восемнадцать сантиметров, а весил вероятно вдвое больше. Глядя на него, я прикинул, не из клановских ли он элементаров, которых специально разводят большими и сильными; может как раз тот случай, только без брони.

Его голос звучал глубоко и сильно, несмотря на то, что словам приходилось проделать долгий путь, выбираясь из его грудной клетки.

– Брось пакеты, повернись, руки к стене. Ты уже это делал раньше, знаешь как.

Я бросил сумки на кровать, что, по всей видимости, неточно соответствовало полученным мной инструкциям, а может быть, я просто медленно пошевеливался и выполнял все остальные. Он очень быстро до меня добрался, подхватил меня под руки, развернул как ребенка и легонько толкнул к стене. Ударившись об стену, я бы отлетел и упал на кровать, но большая лапа, упершись в середину моей спины, придавила меня к обоям, которые на таком близком расстоянии казались довольно сильно изношенными годами службы.

Он очень профессионально меня обыскал, проверив все места, где можно спрятать потайной бластер или титановый дротик. После того, как он закончил, его левая рука метнулась, схватила меня за загривок и швырнула меня спиной на кровать. Моё приземление разбросало пакеты. Я лежал и глядел на гиганта, упершего руки в бока.

– Я – полковник Никодим Нимейер. Я руковожу Управлением Общественной Безопасности столичного округа. Мы – не полиция. Мои люди подчиняются мне, а я – графу Гектору. Ему нравится, как я работаю. Очень. Мы разбираемся с проблемами, для которых у полиции нет нужного снаряжения.

Я поднял руки.

– Я полагаю...

– ...что я принял тебя за кого-то другого? – Яркие синие глаза мужчины превратились в злые щелочки, а его густые белые усы задрожали. – Хотя ты и оказался здесь, я полагаю, что ты не дурак, и ты тоже будешь настолько любезен, что подумаешь обо мне так же. Может КомСтар не работает достаточно хорошо, но я изучаю уголовные дела с большим интересом. Мы очень прилежно фиксируем имена и идентификационные номера тех, кто умеет создавать проблемы. Ты, Сэм Донелли – такой интересный случай. Какова цель твоего визита на Басолт?

Опустив руки, я сдвинулся на кровати и оперся спиной на подголовник.

– Если вы не хотите, чтобы я принимал вас за дурака, то ведите себя соответствующе. Это – Республика. Я не обязан отвечать на этот или любой другой вопрос без консультации с адвокатом. То есть я здесь, чтобы любоваться прекрасными видами Басолта.

– Тогда ты должен помнить главные правила путешественника. Оставляй все как было до тебя. Не тревожь дикую природу. Оставайся на тропинках и нигде не броди, потому что это может оказаться опасным.

Я слушал его слова, глядел на него и, как оказалось, легко смог представить командующего Рейса в той же позе и говорившего те же вещи. Основной разницей было то, что Рейс бы позировал, раздавая пустые угрозы. Нимейер был тем, кем Рейс мечтал стать, но не мог. Без имплантации стального хребта в спину и ведра нейронов в череп.

Этот человек мог мне понравиться, но пока я не узнал расстановку политических фигур, он был лишь одной из угроз, ожидавших меня в дикой природе.

– Я постараюсь это запомнить.

– Хорошо. Так, теперь перейдем к той части разговора, которой у нас с тобой никогда не было. Я знаю почему ты здесь. Я знаю почему все вы здесь. И этого на моей планете не будет. Если возникнут проблемы и я узнаю, что создал их ты, я не буду переживать по поводу каких-то там доказательств и обоснованных сомнений в твоей виновности. Если я тебя заберу и выдвину обвинения, мне придется часами возиться с бумажками, а потом месяцами с судом, а я это ненавижу. А если я прожгу тебе затылок и оставлю на съедение жевунам, придется заполнить один формуляр на пропавшего без вести и я свободен. Вообще-то, твой я уже заполнил.

– О, перешлите его моей бывшей жене, она будет в восторге от вашей работы.

Выражение его лица стало мрачным, а стриженные ёжиком белые волосы, казалось, действительно встали дыбом.

– Ты уже ходил по этой дорожке, Донелли, и тебе удавалось как-то выкручиваться, но здесь твое везение закончилось. Я буду за тобой следить очень внимательно, потому что ты умнее других.

– Достаточно умен, чтобы держаться подальше от неприятностей, полковник.

– Тебе же лучше если так, Донелли. У меня достаточно хлопот с родными для моего мира проблемами. Последнее, что мне нужно – ещё больше наёмных головорезов, которые сделают мою жизнь ещё труднее. Я не всегда считал, что хороший наёмник – это мертвый наёмник, но я все сильнее укрепляюсь в этой концепции.

– От меня не будет никаких проблем, полковник.

– В следующий раз произноси это с большим чувством, болван. – Он фыркнул. – Ты не так умен, как себе кажешься. Ты оступишься.

– И вы меня поймаете?

– И я сделаю так, что ты не встанешь. – Выражение его лица похолодело. – Басолт – мирная планета. Так было всегда, веками. Даже во время гражданской у нас все было тихо. Реформы прошли безболезненно и мы с ними справились. Я не дам всему измениться сейчас. И скажи своему боссу, что если он считает себя неприкосновенным, то он ошибается.

Я почти начал снова все отрицать, но вместо этого кивнул.

– Если будет возможность, я передам ваше сообщение. Ответ я доставлять не буду.

Он немного подумал, потом кивнул.

– Ты знаешь, ты же можешь просто отправиться домой. Ты можешь улететь назад на «Коммерсете». Я оплачу твой перелет.

– Такие предложения подкосят ваш туристический бизнес.

– Я не хочу, чтобы подкосили мой мир.

– Вы достаточно ясно дали это понять. – Я встал с постели. – Мне было приятно, что вы заглянули. Заходите ещё не раздумывая. С нетерпением жду новой встречи.

– Ага, как же. Когда ты снова меня увидишь, Донелли, тебе это очень не понравится. Ты совершаешь глупость, что остаешься. – Он начал идти к двери, потом бросил на меня взгляд через плечо. – Не впадай в идиотизм окончательно, здесь эта болезнь смертельна.

21

Следи за другом так же пристально, как за врагом

– Лев Троцкий

Манвиль, столичный округ

Басолт

Префектура IV, Республика Сферы

29 января 3133 года

Несмотря на всю краткость визита Нимейера, он заставил меня сосредоточиться на важном аспекте моей работы, бывшем, к тому же причиной моего раннего прибытия. Мне нужно было изучить местную политическую обстановку, чтобы понять, какие команды играют на этом поле и где Ловкий собирается дать мне работу. Очевидно, Нимейер представлял одну из сторон, хотя насколько сильную и сплоченную, я ещё должен был выяснить. Ясно, что если он предупреждает людей и даже предлагает им деньги, чтобы заставить их убраться, он ещё пока не стал бандитом, способным претворять свои угрозы в жизнь. Хотя я не сомневался в его способности прикончить меня и оставить в глуши на съедение жевунам, тем не менее, одно дело сказать такое, а совсем другое – сделать.

Жевуны были, в своем роде, антитезой Нимейеру, потому что их укус однозначно был опасней их шипения. Эти маленькие хищники были местным видом Басолта, достигали шестидесяти сантиметров в длину и пятнадцати килограмм в весе. Совершенно мерзкие создания, они преследовали и жрали все что могли, переваривая кости, сухожилия, волосы и мышцы. Любителям природы настоятельно не рекомендовалось ночевать в заповедниках Басолта в одиночестве, потому что от тех, кто умер во сне или просто упал и получил травму, оставались только сильно изгрызенные металлические предметы, вроде ремненных пряжек или украшений.

Подвиды жевунов размерами поменьше проникали в города, занимая в них ту же экологическую нишу, что и крысы на других мирах. В результате, в качестве домашних любимцев на Басолте обычно держали средних или крупных собак, натасканных как крысоловы. Кто-то однажды разработал план ввести в природу Басолта больших змей, чтобы истребить жевунов, но твари стали собираться в местах, где змей выпускали в леса. Им страшно понравилось эти извивающееся мясо.

Вообще говоря, единственное, удерживавшее их популяцию от чрезмерного разрастания – то, что они были настолько же маниакальными каннибалами, насколько отчаянно защищали свою территорию. Я был совершенно уверен, что Нимейер рассматривал меня, вместе с остальными, которых он упоминал, как жевуна. Аналогия казалась очень удачной и когда я попаду обратно на Терру, я постараюсь убедить Консуэлу заменить шакалов на жевунов в качестве тотемных животных наших возмутителей спокойствия.

Образ жевунов подходил нам ещё и потому, что лет двадцать назад местные пытались сделать имидж жевунов более привлекательным. По их подобию создавались симпатичные плюшевые игрушки. Один местный писатель накатал серию детских книг, героем в которых выступал жевун. Жевун Острослов даже появлялся в мультипликационных сериалах по головидению, которые я помню с тех пор, как был ребенком, хотя тогда я не знал, что он был такое и откуда родом.

Я подозревал, что все усилия, которые предпримут люди, работающие на Ловкого и наши противники будут аналогичным образом прикрыты и приукрашены, в попытке сделать их более привлекательными для общества. В сущности, мы представляли собой две группы жевунов, боровшихся за территорию, каждая из которых старалась представить себя в виде Острослова и выставить другую сторону в виде его злого родича Порченного.

Тем не менее мы все равно останемся жевунами и скрыть нашу природу будет трудно. По сути, комментарии Нимейера в разговоре со мной показывали наличие у него немало знаний о нас. Мне пришлось предположить, что хотя пока ещё ничего не произошло, на планете заметно скапливается уголовный элемент и никто пока не ухватился за щедрое предложение доброго полковника отправить нас домой.

Я подождал полчаса после ухода Нимейера перед тем, как снова выйти. Я потратил это время, срезая бирки и ярлыки с моей одежды и оделся так, чтобы сохранить полное инкогнито, затерявшись в толпе. Я вышел из отеля и проверил на наличие хвоста, но никого не заметил. Я остановил ховвертакси, или попытался это сделать. За рулем первых двух были драки и они подобрать меня отказались. Наконец, один капелланец, видимо искавший приключения или просто очень голодный, остановился. Я забрался, попросил водителя отвезти меня туда, где выпивка меня не убьёт, но завсегдатаи заведения – могут. Он начал было смеяться, но, поймав мой взгляд в зеркале заднего вида, решил просто рулить.

Он отвез меня на север вдоль восточного берега реки. Манвиль разросся вокруг центра города. К северу от города река становилась судоходной, поэтому доки, склады и промышленные районы появились именно здесь. К югу, где течение трех рек сразу давало больше прибрежных участков земли, выросли жилые пригороды. Верхушки холмов стали олимпийскими вершинами богачей вроде Эмблина. Дворец Джермейнов занимал холм на юго-востоке и сиял как сказочный замок, когда из разрывов туч в него били копыя солнечного света.

Когда водитель завел машину в торговую часть промышленного района, он начал разговаривать очень осторожно. Мне было ясно, что лет тридцать назад здесь проводили перепланировку, переоборудовав заводские помещения в жилые дома, пытаясь завлечь обеспеченных людей, но они направились вместе со своими деньгами куда-то в другое место, предоставив району возможность медленно разваливаться.

Я сказал ему выкинуть меня в квартале к югу от заведения под названием «Лопнувшие яйца». Мы миновали его, развернулись и объехали квартал с другой стороны. Пока мы проезжали, он инстинктивно увеличил скорость, что я счел хорошим знаком. Красовавшийся на вывеске яйцеобразный посадочный корабль класса «Юнион», вспоротый бешеным огнем противника, сказал мне, что я нашёл притон того самого сорта, который искал.

Водитель поворчал по поводу отсутствия чаевых, но я только фыркнул. Выданный им комментарий на китайском касался только моей наследственности и здесь его повторять не обязательно. Он злобно вдавил ускорение, а я сделал выразительный и неприличный жест в его направлении.

Такси завернуло за угол, а я обратил своё внимание на бар. Я немного порассматривал «Яйца» и не заметил большого количества входивших или выходивших людей. Что я заметил, так это шевеление в окне четвертого этажа здания через улицу. Как я понял, это тяжко вкалывали орлы Нимейера из Управления Общественной Безопасности. То, что я забрел в «Яйца» так скоро после проведенной им со мной разъяснительной беседы подвергало меня риску его повторного визита, так что следовало быть осторожным.

Я прошел вниз по кварталу и вошёл в кабак. Дверь открывалась в небольшой коридор из гофрированной стали, вынуждавший повернуть налево, сделать три шага, затем повернуть направо. Я был уверен, что во время этой короткой прогулки меня на втором повороте просканировали насчет оружия. В то же время я не видел никого, кто мог бы меня остановить, если бы я оружие имел. Мои глаза ещё недостаточно привыкли к темноте, чтобы я мог искоса заметить нет ли где следов перегородок, способных внезапно опуститься и заблокировать вооруженного человека, но я бы этому не удивился.

«Яйца» выглядели так, будто когда-то были универмагом, потому что глубина заведения была намного больше, чем ширина, а высота – намного больше, чем нужно. Тут было четыре барных стойки, самая большая из которых была в ближайшем левом углу. Остальные располагались в правом углу, на середине правой стены, а также немного дальше по левой. Бармен с последней обслуживал парней, игравших в карты. В правом дальнем углу находился голови-зионный проектор, наигрывавший старые музыкальные программы головидения. В данный конкретный момент на нём волчком крутилась крошка Бекки Шоу. Очевидно, они не были в курсе, что она давно пропала с экрана, успела после этого повзрослеть и теперь, когда её снова стали раскручивать, выступала как Ребекка.

Я постоял в дверном проеме и почувствовал, что глаза посетителей просканировали меня куда тщательнее проверки на входе в это горячее местечко. В «Яйцах» было, наверное, около сотни человек, не считая персонала, и, по крайней мере, половина из них выглядела довольно смертоносно. Они прикидывали кто я: проблема, возможный союзник или, всего вероятней, потенциальный покойник.

Я дал им хорошенько меня рассмотреть, после чего прошёл к барной стойке. Ко мне подошла бармен и вопросительно на меня посмотрела. Я ткнул в неоновый знак.

– Такое правда есть? Я возьму.

У стоявшего слева от меня крепко скроенного кадра в безрукавке затряслись плечи, когда он захихикал в своё пиво.

– Единственный способ получить «Тимбиквийское темное» в этом месте – это выпить его где-нибудь ещё и высать здесь.

Я посмотрел на него.

– Ты понимаешь, что больше похож на обезьяну, чем на человека?

То ли в нем было слишком много пива, то ли слишком мало мозгов, но ему потребовалось некоторое время, чтобы понять, что я пытаюсь его оскорбить. Когда он начал подниматься я легко представил себе, что передо мной младший брат Бориса, ещё более тупой – эта оценка, с моей точки зрения, уж точно должна была считаться оскорбительной. Его левая ладонь сжала пивную кружку. Он явно собирался выплеснуть мне пиво в лицо, разбить стакан о голову, а потом забить осколки стекла в череп голыми руками.

Каждому нужно хобби, а, судя по виду сбитых костяшек его кулаков, он своим наслаждался.

На его плечо легла рука.

– Вольно, сержант.

Он ещё секунду продолжал вставать, но потом повернулся к говорившему, нахмурившись от замешательства.

– Ты слышала, что он сказал?

– Он попросил пива. – В промежутки между мной и Борисом-младшим вступила темноволосая женщина, но ей пришлось подождать, пока я уберу правую ногу, зацепившую заднюю ножку табуретки, на которой тот сидел. Когда я это сделал, она оперлась на барную стойку и постучала по ней костяшками пальцев.

– Тина, две бутылки «Даймонд Негро».

Я посмотрел вверх и не увидел вывески с этого маркой.

– Никогда о нём не слышал.

– Басолтская марка, не сравнить с «Тимбикви», но неплохое. Его варят в Контрессе – в месте, где река Широкая впадает в океан. Я его завезла.

Я потянулся в карман за деньгами, но моя благотельница покачала головой.

– Я заплачу.

– Я тебе и так уже жизнью обязан. – Стоявший за её спиной мужлан фыркнул, когда смог наконец разобрать слова.

– Если критерием для угощения является спасение жизней, то Мустанг должен долго поить нас обоих. – В её карих глазах отразились красно-желтые огни вывески. – Ты собирался выбить его табурет, а что потом? Пинал бы его между ног и топтался бы на его горле?

– Выбрал бы что-то одно. Я здесь человек новый и не знаю его так хорошо, как ты.

– Но если бы ты знал, тебе следовало бы заняться обоими вариантами. Многократно. – Появилось пиво и она подвинула одно мне. Мы подняли бутылки и чокнулись. – Я – Альба Долехайд.

– Сэм Донелли. – Я отпил и пиво оказалось хорошим, очень хорошим, но я обнаружил, что отвлекся на татуировку на её левом предплечье. Эмблему «Похоронки».

Она опустила бутылку и улыбнулась.

– Итак, что мехвоин вроде тебя делает на свалке вроде этой?

– Это долгая история. Может лучше присесть?

– Конечно. – Она начала пробираться через толпу и я обнаружил, что снова отвлекся, правда не только разглядывая её тело. Она двигалась настолько хорошо, настолько пластично и гибко, что некоторые части моего тела зазудели. Её длинные черные волосы были небрежно перевязаны красным платком и раскачивались туда-сюда от лопатки к лопатке. Серая рубашка без рукавов плотно облегла все, что нужно было облегал, и точно также дело обстояло и с её штанами.

Даже больше, чем её походка, меня отвлекло то, как остальные её воспринимали. Когда я вошёл, я вызывал только холодную враждебность, но её общество даровало мне всеобщее прощение. Некоторые даже кивали мне, что можно было расценивать как всю меру доброжелательности, на которую я мог рассчитывать пока не посражаюсь с ними плечо к плечу, а может быть и после.

Альба дошла до столика, который, пока она ещё подходила, был полностью занят. К тому времени, как до него добрался я, в свидетелях его прошлой населенности остались только испускавший дым пепел и несколько мокрых кругов от доньшек стаканов. Она выдвинула для себя стул у стены, а я прошёл на место слева от неё. Моя спина осталась немного открытой, но если бы они хотели меня пристрелить, они не стали бы утруждаться до того, чтобы подкрадываться ко мне сзади.

Она глотнула пива.

– Ты собирался рассказать мне, зачем ты заявился на планету.

– Подозреваю, за тем же, зачем и ты. Победы приобретаются кровью или золотом. Нашей кровью, их золотом.

Альба охотно кивнула, как соглашаясь со сказанным мною, так и подтверждая, что уже слышала подобные разговоры раньше.

– Золото получают именно здесь, но я полагала, это будет частное дельце. За тобой послал кто-то ещё, потому что я не посылала. Это значит, ты – не из моей команды. Знаешь, как говорят: «или с нами, или против нас».

– Говорят ещё и по-другому: «враг моего врага – мой друг».

Она внимательно оглядела меня колючим взглядом.

– У тебя есть враги?

– Парень по имени Бакстер Хсу. Были на Акамаре кое-какие проблемы и он подставил меня вместо себя. Я слышал, он направился сюда, на Басолт, и пришёл по его душу.

Она покачала головой.

– Мне это имя ничего не говорит, Сэм. Он не из моих.

Я оглядел комнату.

– Я не заметил драков или капов. Таковы твои личные предпочтения или?..

– Предпочтения заказчиков. – Она пожала плечами. – Жаль, они хорошие бойцы, но и эта команда прекрасно справится.

– Они выглядят достаточно крепко. – Я еще раз obeжал глазом помещение. – Ты права. Он не здесь. По-крайней мере, не в этом заведении.

– Опиши его.

– Незапоминающаяся внешность. Черные волосы, карие миндалевидные глаза, желтая кожа. Оказался немного хитрее, чем я ожидал, но я думаю, кто-то дергает его за ниточки.

– Таких здесь миллионы. – Она недоуменно на меня посмотрела. – Ты хочешь потянуть за эти ниточки и добраться до кукловода?

Я отхлебнул пива, удерживая на языке сильный привкус хмеля.

– Нет, если кукловод не попытается взять на привязь меня самого. Так если Бакс не из твоих, на кого он может работать?

– На кого-то ещё. Ищи сам. – Альба пожала плечами. – Воинов здесь коллекционируют как старые монеты.

– И кто тут самый заядлый нумизмат?

Она улыбнулась.

– Уловил аллегорию? Хорошо. Большинство здесь полагают, что аллегория – это болезнь, заставляющая людей чихать от шерсти.

– Ты мне льстишь. Мне это нравится. – Я слегка ей поклонился. – И это очень милый способ уйти от ответа на мой вопрос.

– Если ты настолько умен, насколько я думаю, ты можешь ответить на этот вопрос и самостоятельно.

Я на секунду задумался.

– Эмблин, конечно, может позволить себе накачать столько мышц, сколько захочет. Но самая большая коллекция – не всегда лучшая.

Альба против воли улыбнулась.

– Мудрые слова. Может быть лучшая коллекция и не оплачивается так же щедро, как самая большая, но будет немало смятых и сплюснутых монет, которые своё золото не успеют потратить.

– Успеют только потратить свою кровь.

– Точно.

– Какая самая высокая ставка оплаты?

Она покачала головой.

– Ты всё ещё монета неизвестного качества, Донелли. Мне потребуется время, чтобы навести о тебе справки. Ты побеседуешь с другими, я уверена, так что уже будешь в курсе расценок и будешь знать, что можешь выторговать. Я от тебя ничего меньше не ожидаю.

– И я ничего меньше не сделаю. – Я добил пиво и поставил бутылку. – Благодарю тебя. Я остановлюсь в «Гранд Джермейн». Если у них нет этого в баре, я оформлю специальный заказ. В следующий раз, когда я буду беседовать с тобой, я угощаю.

– Надеюсь, мы сможем договориться. – Она кивнула мне, пока я вставал. – Я бы предпочла видеть твоё золото, а не твою кровь.

*Послушать, что люди говорят, так можно удить кроликов в море
и охотиться на рыбу в лесу.
– болгарская пословица*

*Манвиль, столичный округ
Басолт
Префектура IV, Республика Сферы
29 января 3133 года*

Мои предыдущие замечания об особенностях моей профессии применительно к оставлению нитей в дверях и прочих фокусов, а также о тщетности подобных изощрений, поскольку мои коллеги знают, где искать эти вещи, напомнили о себе, когда я вернулся в свой номер в «Гранд Джермейн». Когда я ушёл из номера, то вместо того, чтобы вставить нить между полотном и косяком двери, просто бросил её на полу, примерно там, где она могла упасть, если бы вывалилась из открывшейся двери. Внимательные ищейки, проникавшие в мой номер обязательно бы её заметили и, скорее всего, уверились бы, что дверь открывалась обслуживанием или кем-то в этом роде, в результате чего нить и выпала. Тогда им пришлось бы решать, оставить ли нить на своём месте, что они бы и сделали, если бы собирались неоднократно входить и выходить, поскольку я бы посчитал виноватой в этом обслуживающую, или вернуть её на дверь.

Нить была расположена чуть ниже высоты колена, в рекомендуемой зоне – там никто никогда не смотрит. Единственной причиной вернуть нить туда, где она, якобы должна быть – это желание заставить меня думать, будто в моём номере все в порядке. Они хотели преподнести мне сюрприз, а я, хотя уже и начал привыкать к мысли, что двери у меня в номере все равно что нет, прекрасно мог обойтись без сюрпризов.

Я был не вооружен и знал, что хитрости с попыткой притвориться обслуживающим персоналом на самом деле никак не могли сработать. Вместо того, чтобы открывать дверь, я отработал задний ход до лифта и, воспользовавшись внутренней связью гостиницы, позвонил в свой номер. Я подождал четыре гудка и ответа не получил. Я позвонил снова, подождал четыре гудка и положил трубку. Я делал так ещё три раза и наконец дождался ответа.

Голос был женским и звучал смутно знакомо.

– Алло?

– Это я, Сэм. Тебе ещё долго придется меня ждать.

Моё замечание вызвало мгновение тишины, после чего она раздраженно проворчала:

– Меня за тобой прислал Цыган.

– Цыган?

– Ты его знаешь. Он довольно ловкий тип.

Я кивнул и наконец узнал голос. Не узнал я его потому, что её челюсть не была зафиксирована биндажом.

– Мисс Элли, я так рад, что вы смогли сбежать от тети Хелен.

– Нам не следует говорить по этой линии.

– Ладно, тогда встретимся в вестибюле и пойдем прогуляемся.

Я повесил трубку, нажал кнопку вызова лифта и направился к лестнице. Я быстро спустился и вошёл в вестибюль, но её там не обнаружил. Это было хорошим признаком, так как она не стала делать глупости и бежать за мной. Она не торопилась, осмотрелась, убедилась, что я не готовлю для неё засаду и вышла.

Её было легко узнать по копне рыжих волос. Они были подстрижены короче, стали немного темнее и были красиво уложены. Её одежда, в отличие от моей, не была прошлогодней и носила она её очень элегантно. На неё оглядывались, а когда она обнаружила меня и улыбнулась, мужчины, молодые и старые, с ненавистью уставились на меня. Все они хотели, чтобы я немедленно дал дуба и они получили возможность утешить её в горе.

– Поговорим о старых добрых временах, моя дорогая?..

– Элли прекрасно подойдет. Цыган был удивлен, узнав что ты прибыл раньше. – Она последовала за мной через боковой выход гостиницы и мы начали прогулку по району, полному галерей, магазинов антиквариата, аккуратных маленьких бистро и вездесущих «Джавапалс Дженерейторс». – Мы получили твоё сообщение и готовились к твоему прибытию на следующей неделе.

– Я знаю. Я хотел, чтобы вы так думали.

Она склонила голову.

– Цыган так и понял. Он предположил, что ты все ещё не избавился от подозрений по поводу того, как закончились дела с дорогой тетей Хелен.

Я погладил её руку.

– И он подумал, что будет хорошо, если через тебя даст мне знать о наличии у вас человека в таможне космопорта, сообщившего о моём прибытии?

Она немного вздрогнула, но скрыла свою реакцию ослепительно улыбнувшись. Она прижалась ко мне и зашептала мне на ухо.

– Мы ведь сохраним эту тайну между нами, правда, Сэм? – Я не видел выражения её лица, когда она это шептала, но судя по лицам парочки, шедшей навстречу нам, они бы чрезвычайно удивились, узнав насколько невинным было то журчанье.

Я повернул лицо к ней, наши губы разделяли сантиметры – достаточно мало сантиметров, чтобы я чувствовал её дыхание на своих губах.

– Я сохраню ваш секрет надежно.

Мы оставались в такой позе на секунду или две дольше, чем, возможно, следовало, после чего она отвернулась и повела меня по направлению к заведению из сети «Джавапалс Дженерейторс». Мы сделали заказы, забрали наши напитки и направились к маленькому столику у тротуара. Оба мы повернули стулья так, чтобы сидеть спинами к зданию, приобретя полный обзор улицы.

Я не заметил ничего заслуживающего внимания, но продолжал наблюдать, пока говорил.

– Как ты рассталась с тетей Хелен?

– Всё получилось довольно сложно. Я даже думала, что не выберусь. Ты же знаешь её. Я начала подумывать о том, чтобы побрить голову наголо и переодеться в буддистского монаха, но этот шафрановый цвет мантий мне так не идёт. Тем не менее, я бы сделала всё что угодно, чтобы сбежать. И в конечном итоге и сделала.

Глянув на неё, я на глаз оценил длину волос. Она соответствовала паре месяцев роста. Казалось возможным, что она проделала именно то, о чем говорила.

– А Цыган?

– Я думаю, он хочет рассказать тебе все сам. Это сюрприз.

– Это похоже на него, не так ли? – я потянул мой напиток шоколадного цвета с привкусом кофе. – Он не боится, что я могу затаить на него обиду, нет? Заплатил мне все, что должен. Да, он умеет вести дела, я понимаю.

Элли опустила свою руку на мою и слегка её сжала.

– А, но ведь ты же профессионал, а столь многие – нет. Цыган в это верит и поэтому послал меня за тобой. Ему понравилось твоё раннее прибытие. Он сказал – это показывает у тебя даже больший интеллект, чем он думал.

– Хорошо. – Я улыбнулся и про себя взвыл. Последнее, что должны думать о вас заговорщики, проворачивающие разные подозрительные дела – это то, что вы умны. Это заставляет их считать вас игроком и интриганом. Проблема в отсутствии всякого способа изменить эту

оценку на противоположную. Ущерб уже нанесен и есть лишь один способ его компенсировать. Так как Цыган сейчас считал, что я – человек, которому нельзя доверять, я должен был сделать так, чтобы он решил, что я – человек, настолько важный для него, что доверять мне надо обязательно.

Мы поболтали о моём освобождении и о моей жизни с той поры, и она остановила ховер-такси. Мы сели в него и мне сразу стало ясно, что водитель работал на Цыгана. Элли не дала ему никаких указаний и, как я был совершенно уверен, ей самой было неизвестно, куда он нас везет. Значит, кто-то ещё следил за рестораном и после нашего появления в нем ховертакси было приведено в полную готовность, а Цыган проинструктировал водителя насчет того, куда мы должны отправиться.

Мы отправились на север, но, на этот раз, по западному берегу реки, к небольшому деловому комплексу, половина офисов в котором уже были арендованы. Офис 301 по-прежнему казался пустым. Название предыдущей фирмы – туристического агентства, судя по остаткам рисунка – было содрано со стекла и окна были заклеены бумагой. Имелся знак, гласивший: «Скоро открываемся – Басолтское астрологическое бюро: «нашею силою – к нашим удачам.»

Когда мы прибыли, дверь открыл Цыган. Он сильно изменился. Его волосы отросли и были окрашены в абсолютно черный цвет. Или он много загорал или потратил много дорогого средства для искусственного загара, потому что светился здоровьем человека, проводящего свободное время на пляжах. Думаю, если бы он позировал для рекламных плакатов предыдущего агентства, оно бы не обанкротилось. Его одежда, как я заметил, была такой же неброской как и моя.

– Приятно видеть тебя снова, Сэм.

– Мне тебя тоже, Цыган.

– Пожалуйста, входите. – Он отступил от двери, пропустил внутрь меня, потом Элли и запер за нами дверь. Затем Цыган снова оказался во главе и я пошёл за ним следом по коридору в конференц-зал, достаточно большой, чтобы вместить в себя человек восемнадцать или даже больше толстосумов, обсуждающих заказ дорогого путешествия на Солярис или ещё в какое горячее местечко.

И Солярис как раз казался местом назначения, способным заинтересовать собравшихся здесь людей. Не считая Элли и Цыгана, нас было двенадцать, примерно достаточно, чтобы командовать двумя батальонами и даже иметь пару человек в запасе. Мужчины и женщины, выглядевшие крепкими и угрожающими – звездная подборка из всех культур и уголков Республики. Пара искусственных конечностей и один светящийся красный глаз. Я не заметил татуировок «Похоронки», но в ассортименте был широкий выбор эмблем наемников на плечах или шеях и более чем достаточно шрамов, чтобы заставить пластического хирурга пустить слюну от возбуждения.

Цыган направился к передней стене комнаты, а я выбрал себе стул напротив задней.

– Теперь мы все в сборе. Я приношу свои извинения за то, что пришлось созвать это совещание так поспешно, но наш последний участник прибыл раньше, чем предполагалось и я хочу начать. Имеется достаточно простое положение вещей. Мы здесь для того, чтобы вызвать смену руководства на данной планете. Революция, реформация, завоевание, называйте как хотите, мы те, кому поручено выполнить эту задачу.

Он уверенно улыбался слушая, как по группе людей распространяются перешептывания.

– Вы будете командирами наших звеньев, рот и батальонов. Майор Котфорд будет командовать нашим первым батальоном, а мистер Донелли – вторым.

Это назначение удивило всех, за исключением Цыгана и Элли. Мне повезло – я сидел в задней части комнаты и у меня была секунда-другая, чтобы справиться с шоком до того, как все на меня уставились. Когда я зашёл в «Яйца», меня сканировали, но, в сравнении с тем, сейчас взгляды просто варили меня заживо.

С правой стороны комнаты сидели двое, смотревшие на меня враждебнее всех. Одним из них был Котфорд, о котором я слышал. Когда Стоун отошёл от дел и на пост экзарха был

назначен Дамьен Редбёрн, Котфорд ушёл в отставку со своей должности в Республиканской Гвардии. На своей родной планете Эпсилон Эридана он пытался создать наёмное формирование, названное им «Эриданская конница», в память о славных днях «Эриданской Легкой Кавалерии». Его планы рухнули, когда префект Сандоваль отказался подписать привилегию на создание подразделения.

Я не знал, что с тех пор делал этот маленький худой человечек. Если бы он потерпел пару лет, он мог бы последовать примеру Тормарк и собрать вокруг себя людей. Поскольку он присутствовал на Басолте, мне оставалось предположить, что он переживал трудные времена или работал в качестве консультанта на тех, кто так или иначе предвидел наступление текущей ситуации.

Другая личность была на голову выше Котфорда и её светлые волосы закрывали её плечи и шею. Она бы, возможно откинула волосы назад, чтобы лучше меня видеть, но я знал, что она так не сделает, потому что её ухо было превращено в бесформенный комок, а масса перекрученных шрамов на щеке и шее могла заставить побледнеть даже самого закаленного ветерана. Её левый глаз заменял электронный прибор, а изогнутая пластина тонкой нержавеющей стали, в которой он был закреплен, закрывала её лицо от виска до лба вдоль носа и заканчивалась на верхней части скулы.

Изабель Сивек не знала меня, но я знал её. Она командовала небольшим подразделением ополченцев на Акамаре, в префектуре V. Она мобилизовала своих людей и подавила небольшую акцию протеста фермеров. Подавила жестоко. Она сожгла четыре отдельные фермы и четверть небольшого посёлка и утверждала, что фермеры сделали это сами, чтобы её подставить. С целью проведения расследования и разбирательства была послана Джанелла, но Сивек отказалась сдаться. Джанелле пришлось действовать силой и произошедший в результате бой принес Сивек шрамы и срок в республиканской тюрьме.

Каким образом и почему она оказалась на свободе, я не знал. Все это произошло четыре года назад. Я тогда был знаком с Джанеллой, но мы ещё не были с ней любовниками. Когда мы стали встречаться, я провел некоторое исследование по её прошлому, откуда и узнал о Сивек.

Её реакция на моё назначение говорила, что она сама рассчитывала на должность командира батальона. Более того, она сидела рядом с Котфордом, и это дало мне повод думать, что они уже обговаривали вопросы взаимодействия. Я мог бы поаплодировать их инициативности, но, учитывая его амбиции и её гибкость в этическом поле, мне казалось, их совместная работа не даст возможности свести побочный ущерб к минимуму.

Цыган подождал немного, пока напряжение в комнате не оказалось на волоске от взрыва и с хлопком свел ладони.

– Мистер Донелли сыграл решающую роль в успешном завершении недавней операции и показал глубокое понимание стоявших перед нами проблем. Я очень доволен фактом его присутствия среди нас и я знаю, что он безусловно способен справиться со своими обязанностями.

Около трети присутствующих были готовы поверить Цыгану на слово, другая треть ожидала от меня подтверждения этой оценки, а остальные принципиально не были согласны снизить до того, чтобы мне подчиняться, будь я даже Морганом Келлом, внезапно предложившим им провести рейд на детский сад. Если оценить пропорции, то надо полагать, могло быть и хуже, но с другой стороны, лучше, вероятно, быть не могло. Те, кто противился моему вмешательству, ясное дело, задавались вопросом, каков я в деле. Пока они не узнают это, и пока им на мозги будут капать Котфорд или Сивек, у меня будут проблемы.

Но, как знает любой хороший волкодав, нужно просто отделять от стаи под одному волку за раз.

Наш главарь улыбнулся.

– Нашей целью является дестабилизировать правительство, чтобы смену власти можно было провести как можно проще. Мой помощник и я провели базовые исследования на Басолте по этому вопросу и приблизительно оценили количество операций, которые дадут нам... Да, майор Котфорд?

Котфорд встал и стянул с головы малиновый берет.

– Если вы позволите мне, Цыган, я сам проверял кое-какие вещи и я думаю, что у противника есть уязвимые места, которые мы можем использовать, положившись на проверенные военные методы. Вместе с капитаном Сивек и некоторыми другими командирами рот я разработал планы операций, которые, после приведения их в исполнение, лишат нашего врага способности нанести по нам удар. После осуществления этих операций, смена режима будет простым фактом отстранения прежнего руководства от власти, добровольно или принудительно.

– Сбор нами разведанных показал триаду, на которой держится у власти текущий режим. Управление Общественной Безопасности – это военизированная организация, которая будет не в силах нас остановить. Они не обладают достаточным вооружением и подготовлены более для сдерживания толпы и борьбы с уличными беспорядками, нежели для открытого боя. На вооружении ополчения Басолта есть несколько мехов и довольно большое количество военной техники, но все они устарели и не обладают достаточной огневой мощностью. Более того, их пилоты и экипажи не имеют боевого опыта и в реальном бою не будут представлять серьезной угрозы.

– Вне всякого сомнения, основной угрозой для нас является группа наёмников, собранная нашим противником. Мы обнаружили место расположения их штаба и готовы провести дальнейшую разведку для выявления мест дислокации их войск. Нанеся ряд молниеносных ударов, мы можем уничтожить эти силы. Мы предполагаем, что случайные жертвы среди мирного населения окажутся в приемлемых пределах и сведутся к потерям среди представителей низших классов, так что потенциальная негативная реакция элиты будет минимизирована.

Люди сосредоточенно слушали и кивали, соглашаясь. Даже Цыган, казалось, заинтересовался этой концепцией, но пока её полностью не принял. Если это была увертюра, то я не собирался слушать остальную симфонию. Котфорд сочинял кровавый реквием по Басолту, а одной из моих задач было прекратить этот концерт ещё до того, как он начался.

Хотя я надеялся, что это произойдет позже, а не раньше, обстоятельства заставляли меня действовать немедленно. Я качнул стул вперед и вскочил на ноги.

– Если я не ошибаюсь, майор, вы предлагаете провести прямое вооруженное нападение на место вроде «Яиц», чтобы уничтожить вражеских воинов?

– Это было запланировано в составе наших вспомогательных операций с целью обеспечить полную нейтрализацию оперативной группы противника.

– Вспомогательных? – Я моргнул. – Вы приняли это решение с опозданием? А вашей первой мыслью было бросить врагу вызов и выйти с ним на бой один на один в северной части поймы реки?

Если он и заметил сарказм, прозвучавший в моём голосе, на его лице это никак не отразилось.

– Если бы вы знали что-нибудь о искусстве войны с применением мехов, мистер Донелли, или о Басолте, вы бы поняли, что пойму реки вряд ли можно считать оптимальной местностью для ведения боя.

– То, что я знаю, майор Котфорд, намного важнее, чем просто война с применением мехов. – Я кивнул в сторону Цыгана. – Мы здесь не для того, чтобы уничтожать мехи или танки. Мы здесь для того, чтобы уничтожить правительство и у меня было время и основания, чтобы поразмыслить над этим вопросом.

Цыган улыбнулся.

– Не хочешь ли поделиться с нами своими идеями, Сэм?

Я подумал секунду и кивнул.

– Конечно. Есть только один способ заставить относительно стабильное и удовлетворенное население желать смены правительства. Это сработает. Я называю этот метод малозатратным терроризмом. Если мы сделаем все правильно, то, может быть, нам даже не понадобится выводить мехи из ангаров.

*Я верю как ребенок, я наивен,
И верно ль верю я – не знаю сам!*
– Шекспир

*Манвиль, столичный округ
Басолт
Префектура IV, Республика Сферы
29 января 3133 года*

Я объясню вам основы малозатратного терроризма практически так же, как я объяснял их им, и по мере изучения последующих событий, происходивших на Басолте, вы сможете понять ход вещей. Единственная поблажка, которую вы от меня получите – я опущу комментарии, которые они делали до самого конца моего изложения. Большинство сентенций, которые мне пришлось услышать, пока я освещал вопрос, неважно забавные они были или нет, родились из невежества. Чем больше я говорил, тем больше люди думали. А вот те, кто упёрся ещё до того, как я принялся говорить, принялись за меня только по окончании моего выступления.

Путешествие между планетами занимает много времени. Поскольку я не стал набиваться в друзья другим пассажирам на борту корабля, у меня было много времени подумать. Что подтолкнуло меня к этой идее, так это воздействие на людей коллапса связи. Выход сети из строя заставил их потерять чувство комфорта, сделал их капризными и раздражительными. Перед тем, как это всё началось, они бы сочли себя счастливыми. На двадцать четыре часа позже – или сколько там длятся сутки на каждой планете – они занервничали.

Тому способствовали несколько факторов. Вообще, трудно понять, когда произошёл первый акт терроризма в истории человечества. Возможно, им следует считать чуму египетскую. Если рассматривать этот пример, то это фактически единственный случай, когда убийство людей позволило достичь социально-политических целей. Опять же, уничтожение одного из членов каждой семьи – намного более сильный удар, чем тот, что способна нанести любая террористическая группа.

Убийство никогда не позволяет достигнуть поставленной цели, особенно в современном обществе. Все, чего этим можно добиться – сплотить ряды противника. Такие методы заставляют вашего врага видеть в вас маньяков-убийц. Люди инстинктивно понимают, что безумным убийцам нельзя доверять и что терроризм – своего рода вымогательство. Ничто, кроме доброго слова террористов не обязывает их прекратить свою деятельность после удовлетворения их требований. Как и все шантажисты, они могут выдвигать все новые и новые.

И надо посмотреть в лицо правде: все уверены в существовании таких террористов, которые наслаждаются самим процессом убийства и не могут остановиться в принципе.

Второй особенностью современного общества является то, на чем была построена реформация Стоуна: власть исходит от народа. Многие это забывают в силу использования для управления межзвездными империями нефеодалной политической структуры. Стоун этого не забывал и его Республика процветала. Служение Республике могло принести гражданство. Вклад людей в Республику возвращался к ним обратно и они были готовы отдавать все больше и больше.

Открытое свержение правительства основано на предположении, что массы не существуют. Пока массы не волнует, кто сидит на троне, образуется пробел в связи с правительством, создавая принципиально неустойчивую ситуацию. Как только на горизонте появляется претендент с дубиной потяжелее, старое правительство уходит в небытие и на монетах появляются новые профили.

Поэтому, чтобы свергнуть современное правительство и удержаться у власти самим, нужно избегать убийства слишком многих и это позволит получить поддержку населения. Если общество устойчиво и относительно счастливо, как на Басолте, нужно самостоятельно создать повод к неудовлетворённости существующим правительством. Вам нужно наносить удары по самым слабым местам общества, показать, что нынешние руководители не контролируют ситуацию и подчеркнуть, что они вообще неспособны это делать и, соответственно, не достойны доверия.

Поэтому мой план таков.

Самое слабое место современного общества – его изолированность от реальной жизни. Басолту повезло, что сельское хозяйство планеты, легкая промышленность, дававшая электротехнику, одежду, бытовые приборы и разные мелочи, вроде галантереи, обеспечивали население Басолта всем необходимым. Уровень жизни не был великолепным, но был вполне удовлетворительным. Даже с учётом этого, Манвиль, как и большинство крупных городских центров, отделяло от голода от недели до десяти дней после того, как грузовики перестанут ввозить в город продовольствие.

Короче говоря, если среднего манвильца спросить, откуда берутся продукты, его ответом будет – «из супермаркета». Такие личности зависят от холодильников, транспорта и энергии. Все, что дает им возможность не ковыряться самим в земле, служит своеобразной защитной сетью, спасающей их от судьбы стать пищей жевунов.

Целью малозатратного терроризма является именно эта защитная сеть. Удары по одним объектам приводят к отдаче по другим. Так как мы провоцируем правительство на определенное поведение, события начинают нарастать как снежный ком. Всякие предвиденные нами действия мы кроем козырем. Люди теряют веру в правительство и через несколько месяцев сосредоточенных усилий измученный местный режим рухнет.

Первые атаки террористов создают не более чем неудобства. Хотя я успел всего немного прогуляться по Манвиллю, я видел бесчисленные энергоподстанции, распределительные щиты сетей связи, ретрансляционные узлы, мосты и туннели. Когда я объяснял свой план, я в качестве примера использовал подстанции, но и все остальные цели также прекрасно подойдут. Первая атака на энергоподстанцию лишит энергии район города.

Важно, чтобы этот инцидент считался преступлением только против собственности и никто не пострадал в процессе выведения станции из строя. Кроме того, важно, чтобы энергия пропала только в одном районе города. Эффективность малозатратного терроризма зависит от осведомленности горожан о трудностях их соседей. Нам нужно, чтобы при каждом нашем ударе люди думали: «Хорошо, что все это происходит не со мной».

Довольно быстро, по мере расширения операции, они будут знать, что это происходит и с ними тоже, и начнут задаваться вопросом, почему правительство ничего не делает, чтобы решить их проблемы.

Никто не будет принимать на себя ответственность за проведение первой атаки. Люди будут считать её аварией или актом бессмысленного вандализма. Энергокомпания, тем не менее, займется ремонтом, который обойдется в круглую сумму. Они не останутся довольными. Более того, люди почувствуют отдачу через повышение тарифов на энергию – предпринятое с целью компенсации затрат на ремонтные работы или взносы страховым компаниям.

Вторая атака будет разделена на два этапа. Первая – вывести из строя очередную подстанцию. Как только ремонтные бригады отправятся на место аварии и начнут работу, произойдет вторая атака на крупную автобазу ремонтного предприятия. Таких гаражей полно по всему городу, коммунальные службы собирают свои машины вместе, чтобы упростить заправку и обслуживание.

Или, в нашем случае, их уничтожение.

Как только произойдет наш второй удар, люди поймут происходящее. Более того, они поймут, что ранее считавшееся временными трудностями, станет скорее всего эпидемией. И никакого лекарства не наблюдается, поскольку те, кто это делает, вывели из строя ремонтные машины. Во многих смыслах мы станем усилителями энтропии, ускоряя обычный износ инфраструктуры.

Как отреагирует правительство? Они немедленно заявят о проведении расследования и пообещают обеспечить большую безопасность. Полиция будет переведена на повышенную готовность, что изнуряет людей и истощает казну. Полицейские будут распределены по большой территории. У них нет никакой возможности прикрыть все потенциальные цели. Когда удары возобновятся, людям станет ясно, что обещания правительства пусты и это подорвет доверие к нему.

Начиная с этой точки, любым своим шагом правительство просто будет углублять свою яму. Мы нанесем удары по экономически важным целям, замедляя оборот денег и заставляя влиятельных людей давить на правительство, принуждая его к действию. Правительство введет ещё более строгие меры безопасности, может быть даже военное положение. Население будет ожидать розыска негодяев, но вместо этого силы, обеспечивающие безопасность, будут выгонять законопослушных граждан с улиц комендантским часом или досаждают им проверками на блокпостах.

Возмущение будет быстро нарастать. Пара ударов по якобы архизащищенным правительственным целям покажет, что безопасных мест больше нет. Также это выставит правительство лжецами (вот этого будет непросто достичь), и люди, считай, готовы к переменам.

В конце всей игры правительство выведет войска в поле на охоту за террористами и террористы начнут защищаться. Однако до того, как дело примет дурной оборот, на сцену выступит некий деятель, который начнет всё утрясать. Если этого человека будут считать компетентным и если он будет проявлять на протяжении всего кризиса милосердие и сострадание, он станет совершенно естественным выбором на замену правительству. Ему предложат возглавить временное правительство до стабилизации положения и, как только он это сделает, а террористы уберутся восвояси, он останется главой до конца жизни.

Когда я закончил свою презентацию, комментарии прекратились тоже. Те, у кого не было достаточной мозговой мощности, чтобы всё понять, сидели тихо. Те, у кого такая мощность была, посмеивались и кивали. Некоторые делали записи и я был уверен – перечень возможных целей и методов их уничтожения расширился. Глаза Цыгана остекленели, а Элли смотрела на меня так, как будто почти простила за сломанную челюсть.

Хотя у Котфорда было достаточно извилин, чтобы понять мною сказанное, у него не оказалось достаточно мозгов, чтобы честно признать мою правоту.

– Это глупейший план, из всех слышанных мной за всю жизнь. Он основан на очевидно неверных вещах. Каждый знает, что власть приносят на острие штыка. Она не имеет ничего общего с массами.

Только некоторые уловили иронию в цитировании им коммунистических идей тысячелетней давности в то же время отрицая их связь в массами. Я насупился, глядя на него.

– Вам не нравится эта идея потому, что вам не удастся никого расстрелять. Вы – офицер мехвойск, а этот план не отводит большой роли мехам.

– Это верно, отчасти. – торжественно подтвердил он, играя на публику в лице остальных пилотов, присутствовавших в комнате. – Нас пригласили сюда для того, чтобы мы выполнили работу, а состоит эта работа в ликвидации нанятых противником войск. Вы же хотите заставить нас прятаться по подворотням и взрывать что ни попадя. В этом нет чести. Это – не путь воина. Вы хотите, чтобы я действовал как... извращенец!

Услышанное заставило меня пожелать, чтобы он послушал сам себя, хотя, поразмыслив, я понял, что даже услышав, он не нашёл бы в своих словах ничего неправильного. Когда вы представляете себя исключительно в роли молотка, всё, не являющееся гвоздём – прямая для вас угроза. Но, если уж вы молоток, то единственное доступное для вас противодействие такой угрозе – дубасить её.

В этот момент я понял, что Котфорд и Сивек попытаются меня убить. Они сделают это потому, что мой план задел их честь. Насколько скоро они меня прикончат, зависело от одного фактора: Цыгана.

Играя на эмоциях пилотов, майор не смог сыграть на эмоциях Цыгана. Совершенно очевидно, что Котфорд видел себя в роли истинного лидера нашей маленькой банды и Цыгану

требовалось немедленно развеять это заблуждение. Если он это не сделает, Котфорд может воспользоваться выделенными ему ресурсами, усадив свою собственную тощую задницу на трон Басолта. Хотя власть на самом деле не подается на острие штыка или стволе винтовки, имея большие стволы пушек мехов поверить в это значительно легче.

– Майор Котфорд, отбрасывать этот план было бы преждевременно. У него есть свои достоинства и он вовсе не лишает вас предназначенной вам роли. На самом деле он возвышает вас до статуса защитников народа. Как вы сами заметили, у противника имеются вооруженные силы и они, со всей определенностью, будут задействованы для нейтрализации угрозы, которую мы собой представляем. Ваше противодействие им будет рассматриваться как борьба за свободу, что поставит вас в более выгодное положение и обеспечит вам большую поддержку.

Цыган дал Котфорду пораскинуть мозгами на эту тему. Он уже понял ключевой момент в моём плане, который Котфорд и остальные, вероятно, упустили. Они изготовились стереть правительство с лица земли и посадить на шею людей кого-то ещё. Мой план был сосредоточен на том, чтобы вынудить людей принять нового лидера с распростертыми объятьями. Это не только повысило бы устойчивость нового режима, но и польстило бы финансировавшему операцию. Да, он хотел стать королем, но насколько же лучше, когда крестьяне готовы с благоговением целовать пыль у обожаемых сапог, чем силой заставлять их ползать на брюхе.

Котфорд был достаточно умен, чтобы понимать, что он перегнул палку.

– Я всё равно протестую против этой бесполезной затеи, но мы всегда будем готовы вытянуть операцию. Мы потребуемся мистеру Донелли, я в этом уверен.

24

*Иногда все решает исход сражения,
а иногда исход сражения решает совершеннейшая мелочь*
– Наполеон

Манвиль, столичный округ
Басолт
Префектура IV, Республика Сферы
29 января 3133 года

Если бы я претендовал на несколько большую литературность, я бы заметил, что пока мы были на совещании, тучи хмурились как брови Котфорда. Я бы мог сказать так, или я мог бы сказать, что собиравшиеся тучи хорошо сочетались с моим мрачным настроением, пока я прикидывал, как могут пойти дела на Басолте. Но на самом деле всего лишь собрались тучи и не более того.

Одной из трудностей, которые испытывал Басолт в стремлении приобрести известность в качестве планеты-курорта, был климат. Все рекламные проспекты описывали планету как «тропическую» – так рекламисты заменяют термин «влажная». Это не должно удивлять того,

кто отважился изучать тропические леса, но постоянная гнетущая липкость утомляет туристов и, в конце концов, делает их раздражительными.

И, судя по настроению Котфорда, он был на этой планете с тех пор, когда меня ещё на свете не было.

Цыган закрыл совещание и люди затопали башмаками и задрейфовали в разных направлениях. Самая большая кучка образовалась вокруг Котфорда. Судя по тому, как другие хмуро на них смотрели, я сообразил, что это люди, отобранные лично Котфордом на офицерские должности в его батальоне, и они по-прежнему старались ему угодить. Другие говорили с Цыганом, но никто не подошёл ко мне.

Я так думаю, это было неудивительно, ведь они были воинами и прибыли на Басолт предлагать свои услуги. Это не означало, что они не оценили моё предложение, но они и не собирались его реализовывать, если Цыган прямо не прикажет им это сделать. Учитывая возможность занять Котфорда во врагах, если бы стали напоминать моих единомышленников, я решил не обижаться и ушёл в одиночестве.

На Басолте собирающиеся тучи предвещали великолепные грозы с молниями. Они сами по себе были достаточно зрелищны, чтобы служить аттракционом для туристов, если не считать обычно сопровождавший их проливной дождь. Не считая людей, прибывающих с пустынных миров, ливни с ураганами не попадали в перечень самых желанных для туристов вещей.

Я поймал хOVERтакси и добрался назад в «Гранд Джермейн» до того, как ураган разразился. Я подумал, что кто-то или что-то может ожидать меня в моей комнате, поэтому я направился в ресторан гостиницы пообедать, а мой предполагаемый визитер мог подождать. Я заказал филе офтроза, похожей на форель рыбы размером с тунца, очень вкусной. Если уж попытка представить Басолт в виде тропического рая не сработала, жизнеспособной альтернативой могло оказаться привлечение любителей гастрономических изысков.

Весь ужин я не осилил, поэтому попросил упаковать оставшееся и забрал с собой в номер. Нить по-прежнему лежала на полу, поэтому я открыл дверь, включил свет и закрыл дверь за собой. Я не нашёл в номере ни посторонних, ни свидетельств чьих-то посещений после ухода Элли, даже обслуги.

Моя постель была разобрана, покрывала отброшены, две подушки положены одна на другую и сохранился четкий отпечаток тела, возлежавшего на них. Снедаемый любопытством, я прижал руку к матрасу, но постель была холодной. Я не нашёл коротких рыжих волос на подушке, но, все равно решил, что очертания должны подойти Элли. Меня заставило задуматься, почему она ожидала меня, лежа в постели, и ни один из пришедших мне на ум ответов не подходил полностью, разве что она хотела отвлечь моё внимание и заставить не думать о том, о чем мне подумать следовало.

Мои ранние подозрения, что Элли была человеком Рейса в ПЭФ, разрушились. Рейс предоставил Джанелле исчерпывающий перечень своих агентов в той операции и Элли среди них не значилась. Её побег с Хелен и появление на Басолте с Цыганом говорили, что они сработались как команда и возможно работали вместе уже очень долгое время.

На Хелен она косила под крутую, но здесь она сбросила эту маску. Я не знал почему, но может быть потому, что, как ей было известно, со мной этот номер не прошёл бы, а многие другие среди наёмников Цыгана цепляли бы её при возможности. Чем больше я над этим думал, тем более разумной казалась мне эта версия. Хотя большинство воинов были вполне склонны признавать равноценность женщин в бою, женщины – равно как и мужчины, не являвшиеся воинами, считались низшими существами и не удостоивались внимания.

А раз она хотела, чтобы на неё не обращали внимания, за ней нужно было следить пристальней всего.

Зевая и ощущая полный желудок, я запер дверь, стянул с себя одежду и скользнул в кровать. Я вытянулся, разрушая отпечаток, оставленный Элли на кровати, и быстро заснул. Бушевавшая за окном гроза плавно вписалась в мои сны, превратившись из естественного явления в неестественные видения и грохот войны, но я как-то сумел все это дело проспаться.

Рассвет на следующее утро выдался ярким. Ярость бури полностью истощилась, тучи развеялись и в городе зашевелились рабочие бригады, быстро устранявшие повреждения, причиненные ураганом. Я принял душ, причесался и вышел на улицу, немного понаблюдав за рабочими и нашёл небольшой семейный ресторанчик, где принял достаточно жиров и консервантов, чтобы сохранить физическую форму, достаточную для пилотирования меха до возраста Виктора. Эта мысль вызвала у меня улыбку, которую мне вернула официантка вместе с ещё одной чашечкой кофе и счетом.

Я прошвырнулся по городу, в уме отмечая новые цели и, надо сказать, нашёл их немало. Из-за гроз большая часть силовых и связных кабелей была заглублена в грунт, но распределительные коробки торчали везде. Если бы у меня были полные карманы пластиковой взрывчатки и детонаторов, я мог бы лишить связи пол-Манвиля просто за одну прогулку.

Глядя на людей, сновавших вокруг по магазинам или шедших на работу или с работы, я видел много счастливых лиц и слышал много смеха. Это были хорошие люди. Вероятно, они добросовестно работали, любили своих друзей и соседей и хорошо относились к животным. У них была неплохая жизнь.

А если мой план начнет действовать, всё это изменится.

Я знал, что мой план сработает, и это очень меня напрягало. Я чувствовал раздражение, так как мне было известно, что способа защититься от подобного наступления нет. Вообще-то это не совсем так, способ был: не давать врагу причины нападать. Если ни у кого не будет причин для недовольства, никто не будет подаваться в террористы. В данном случае причиной для недовольства служила персональная неудовлетворенность жажды власти и денег. Хотя многие мечтают о власти и деньгах, лишь у немногих их настолько много, чтобы затеять революцию с целью получить ещё больше.

Если имелась террористическая группа, решительно настроенная действовать, от малозатратного терроризма не было спасения. По мере того, как правительство будет вооружаться все новыми инструментами борьбы с террористами, оно будет всё больше лишать население их личных прав и свобод, только подхлестывая волну недовольства. Если кто-то подошедший к черте законности своих действий, вроде Нимейера, так и не сможет её переступить, ему должно чертовски повезти, чтобы он смог остановить террористов.

Малозатратный терроризм, кроме того, бил по противнику и корпорациям в ту болевую точку, которую они по-настоящему чувствовали: кошелек. Слишком часто людей классифицируют как потребителей или избирателей и не обращают на них внимания. Комстарки или стоуны, с другой стороны, хорошо заметны в балансовых ведомостях и определяют биржевые курсы и премии. Как только эти цифры начинают падать, появляется угроза потерять насиженные кресла и, стало быть, нужно принимать меры. Корпорации будут снижать убытки так, как смогут, вне зависимости от того, будет это этичным или нет. Некоторые, возможно, пойдут на найм большего числа охраны для защиты своей собственности, но если мы дадим им более экономичную возможность откупиться и избежать лишних затрат, то они сделают по-нашему.

Я напряженно размышлял, пока шёл. Кампания низкоуровневого терроризма свергнет династию Джермейнов. Это может занять несколько месяцев, но их правительство свалится и Эмблин получит возможность стать на их место. Он будет счастлив и, кто знает, может быть даже окажется хорошим правителем для Басолта. Я на это сильно надеялся, так как Джермейны уже были, можно сказать, в прошлом.

Конечно, то, что именно Эмблин возьмет власть, обуславливается тем, что он должен быть боссом Цыгана. Мне нужно будет найти этому подтверждение. Его победа, однако, не будет полностью соответствовать полученным мною директивам сохранять устойчивость власти, если конечно, Джермейны не являются абсолютно неустойчивыми. Это тоже нужно будет проверить.

Моя прогулка провела меня по всему Манвилю. Я перекусил в ультрамодном ресторанчике на первом этаже высочайшего здания города. Люди вокруг меня говорили об инвестициях, акциях, деньгах, политике и, конечно, сексе. Люди могут проговориться в публичном месте обо всем,

считая свою беседу частной и даже не задумываясь, что человек в соседней кабинке на самом деле сидит ближе к ним, чем собеседник. Обычные разговоры, кто что с кем вытворяет и при этом муж совершенно не в курсе. Несмотря на обыденность подобных разговоров и то, что я слышал подобные вещи миллион раз, это одна из вещей, придающих моей работе очарование.

Опять же, становились очевидными все больше трещин в общественной структуре. Почему-то для мужчины считалось более скандальным отправиться в бордель, расположенный в дракском районе города, чем посетить сеанс «массажа» в каком-нибудь дешевом притоне в дэвионистском пригороде вниз по реке. Люди, способные на такие вещи, были, как гласили шёпотом, страшно вульгарными и готовыми совокупляться со всем, что шевелится. Ироничное замечание одного из не таких разборчивых собеседников, что он, мол, тоже готов так унизиться, не произвело никакого впечатления, но говорившие сумели виртуозно лишить всяких человеческих черт людей, ещё шесть месяцев назад бывших их товарищами и друзьями.

Поев, я продолжил слоняться по городу. Я зашёл в книжный магазин и скачал себе в наладонник кое-что почитать. Обычное туристическое чтиво: местный атлас, достопримечательности и прочие данные оформленные в виде альманаха. К этому я добавил неофициальную биографию Эмблина, такие же для Джермейнов, и перечень местных благотворительных организаций вместе с описанием их деятельности.

Ко второй половине дня я вернулся к себе в гостиницу и обнаружил посетителя, правда, на этот раз не в номере. Когда я ждал лифт, из бара выскочила Элл и улыбнулась мне. Я поприветствовал её кивком.

– Вчера ночью я согрел твоё любимое место.

Её улыбка стала шире.

– Если б мне можно было улизнуть.

– И правда, тогда бы тебе не пришлось ждать в баре.

Улыбка Элл немного ослабела.

– О, я не думаю, что ты разрешил бы Цыгану ждать вместе со мной.

– Нет, конечно. – Я глянул назад в бар. – Пойдем?

Она не стала брать меня под руку, но постоянно ко мне прижималась, что я нашёл очень отвлекающим, чего, я уверен, она и добивалась. Мы прошли через вестибюль в бар, элегантно отделанный красным деревом и коричневой кожей. Остальная часть гостиницы постарела даже больше, чем можно было ожидать за столетие, но бар просто потемнел и пропитался атмосферой, которой я наслаждался.

Цыган, неприметно облачившийся в черные пиджак и брюки, белую рубашку и черные туфли, поднял бокал со столика в углу, приветствуя нас. Я пропустил Элл вперед к столику и с удовольствием понаблюдал за тем, как она идет в своём темно-зелёном платье. Ткань немного блестела, шелковисто, но не кричаще. Поясок из золотых звеньев шёл к её браслету и сережкам и даже узору на каблуках её туфель, похожему на золотую цепочку.

Я сел напротив Цыгана, спиной к помещению. Элл села между нами, справа от меня, прижав своё левое колено к моей ноге. Когда подошла официантка, я глянул на барную стойку и не узнал ни одной марки из их виски, поэтому я заказал «Даймонд Негро».

Цыган усмехнулся.

– Ты быстро учишься.

– Полезно знать поле боя.

Он кивнул, соглашаясь, потянул своего напитка, который, насколько я мог сказать, намешали из чего-то не фруктового, но, несомненно, сладкого. У Элл был высокий, изящный стакан, украшенный долькой лимона. В нём запросто мог оказаться всего лишь тоник, и я лениво пофантазировал, почувствовал бы я вкус алкоголя, если бы поцеловал её. Официантка закончила наливать моё пиво в заиндеветый стакан – роскошь, которой «Яйца» не могли похвастаться – и удалилась.

Цыган поднял свой стакан.

– За Бурю Очищения.

Я коснулся своим стаканом его и её и отпил. Пиво было точно таким же хорошим, как я помнил и я смахнул пальцем капельку с угла рта.

– Буря Очищения? Только не говорите, что это название полковник Котёнок хотел дать какой-то грандиозной операции.

Элль усмехнулась, а Цыган закатил глаза.

– О, нет, от названия «Буря Очищения» Кота, вероятно, удар бы хватил, но это меня сейчас волнует очень слабо. «Бурей Очищения» будет называться наша организация. Я проконсультировался с руководством и было решено начать большое дело.

– Хорошо, очень хорошо. – Я широко улыбнулся. – У меня есть важная цель на уме, но сначала я должен узнать кое-что ещё более важное.

– И что же это?

– Ты собирался использовать меня в качестве отвлекающего маневра для Кота, подставив так, чтобы он вынужден был нейтрализовать меня до того, как придет за тобой или все так случайно получилось?

Глаза Цыгана расширились.

– Это был твой план...

Я аккуратно поставил свой стакан на столик и начал медленно поворачивать его пальцами.

– Цыган, давай проясним одну вещь. Ты же знаешь, что я не дурак. Моя теория терроризма это подтверждает. До того, как я предложил тебе мой план, ты собирался дать мне командование батальоном. Ты что, хотел, чтобы меня убили?

Его темные глаза на мгновение блеснули, потом он лукаво улыбнулся и откинулся назад.

– Я ведь тоже не дурак. Я наблюдал, как Кот и Изабель сколачивают свою собственную банду в моей организации. Устранение одного из них или обоих замедлит реализацию моих планов. Вводя на сцену тебя, я дал им что-то, над чем нужно подумать. Ещё одной вещью является твой малозатратный терроризм и у них создалось впечатление, будто я тебя притащил сюда именно ради него. Я не собирался доставлять тебе неприятности, особенно потому, что помню, как ты справился с ситуацией на Хелен. Я не считаю этих двух препятствием для тебя.

– Препятствием – нет, проблемами – да. – Я отхлебнул ещё пива. – А если одного из них найдут плывущим по реке Широкой к северу от Контрессы, для тебя это станет проблемой?

– Я бы предпочел, чтобы это не стало полным сюрпризом.

– Учтено. – Я облизал губы и почувствовал, что давление ноги Элль на моё колено растёт. – Насчет моего вознаграждения.

Он засмеялся.

– Я восхищаюсь твоим самообладанием. У Кота наиболее привилегированный контракт, с условием получать на стоун больше, чем любой, кого я найму.

– Не возражаю, но ты можешь выплатить мне гонорар за услуги консультанта и авансовую премию.

– Тридцать тысяч подойдет?

– Для начала. Я также люблю премии за успешное выполнение задач.

Лоб Цыгана начал морщиться.

– Это может выйти дорого.

– Просто дай мне комиссионный процент с того, что мы урвем у корпораций. Это меня устроит. Тебе придется снести со своим руководством, я полагаю, и они захотят увидеть подтверждения работоспособности плана. Это я понимаю.

– Ты – разумный человек, это очень хорошо. – Цыган кивнул, затем снова сел прямо, поставив локти на стол. – Я размышлял насчет возможных целей для нашего появления. Сети связи и распределения энергии кажутся наиболее эффективным примером.

Я потряс головой.

– Прибережем их на потом. У меня есть на примете цель поважнее. Прекрасно сработает, с минимальным риском для нас.

– Неужели?

Я улыбнулся, сначала ему, потом Эллъ.

– О да. С самого начала нашей кампании у правительства появится чувство, что оно по уши в дерьме.

25

*В столице разрушительных эпох,
Где Смерть царит над красотой тленной,
Он приобрел за свой чистейший вздох
Себе могилу*
– Перси Биши Шелли

***Манвиль, столичный округ
Басолт
Префектура IV, Республика Сферы
4 февраля 3133 года***

Я объяснил свой выбор цели и наблюдал, как выражение лица Цыгана меняется от шока и отвращения до веселья и восхищения. К окончанию моих рассуждений он уже почти испытывал эйфорию, а давление колена Эллъ на моё существенно возросло. Цыган был даже готов позволить мне поймать в ловушку Кота – скорее потому, что это ему было выгоднее чем мне, но нас обоих это позабавило бы.

Хотя я сильно протестовал, делая большие глаза, цепляясь за Эллъ и шевеля губами в знак моего сожаления, Цыган отослал её, чтобы обговорить детали моего плана. Она, со своей стороны, также беззвучно скорбела и очень тепло обняла меня при прощании. Вместо колена давление на соответствующие части моего тела произвели другие элементы её анатомии, что, хотя и сильно возбуждало, могло предвещать в будущем сложности.

На организацию всего потребовалось несколько дней, поскольку план, помимо прочего, зависел от погодных условий. Вообще говоря, активная часть нашей операции должна была пройти очень хорошо. Объект, на который мы должны были проникнуть, страдал невероятной расхлябанностью системы безопасности. В качестве проверки мы заказали для ночной смены пиццу и наблюдали, как ховер проскочил в ворота, удостоившись всего лишь беглого взгляда.

На следующем совещании, проводившемся в другом месте, Цыган сделал мне небольшое одолжение. Он объявил, что собирается последовать моему плану, хотя и постарается сжать предполагаемый график, так как наш хозяин находится в нетерпении, ожидая скорейшего накаления обстановки. Цыган намекнул, что будет разрабатывать параллельный моему резервный план, предусматривающий более серьезные вооруженные действия под руководством Котфорда. После чего он предложил мне выступить с разъяснениями моего плана операции.

Я объяснил, что для города с размерами Манвиля, важнейшими вещами являются продовольствие и вода. Используя голографическую карту региона, я показал стекающие с гор реки

и вырытую этими реками долину, вмещавшую Манвиль, а также слияние рек в одну реку Широую, бежавшую дальше на север по направлению к Контрессе. Я пояснил, что реки снабжают город водой и отметил располагавшиеся по всему городу водоочистительные и водообрабатывающие предприятия, подчеркнув при этом, что любые перебои в подаче воды создадут крупные проблемы.

До этого момента, я старался сделать своё выступление как можно более скучным, отчего Котфорд корчился в своём кресле. Как только он дошёл до нужной кондиции, весь издергался и просто зудел от желания что-нибудь совершить, я добавил к своей речи добрую порцию энтузиазма и начал творить свой шедевр.

— Эта операция основана на предельно возможной точности исполнения. Она потребует действий в стиле спецназа, в этом не может быть сомнений, причем будет проходить в крайне неблагоприятных обстоятельствах. Тут двух мнений быть не может — это вонючая операция, но, после нанесения нашего первого блестящего удара, по всему городу прокатится эхо гнева и негодования. Эта атака может сама по себе потрясти правительство возмущением, которое пронесется через каждую семью. В силу характера нашей операции нам придется послать на неё лучших. Их победа будет нашей победой, а правительство в результате под грузом проблем провалится в канализацию.

Я сделал ударение на военных терминах, вроде «атаки» и «победы». И на «точности» тоже сделал ударение. Котфорд, услышав, что этот один удар может решить все, собирался было поднять меня на смех — если судить по его физиономии, но потом он начал думать. Он не хотел, чтобы его отодвинули в сторону. Ещё хуже, чем не иметь мех — это иметь мех и обнаружить, что ты вместе с этим мехом никому не нужен.

Он поднял руку.

— Вы описываете эту атаку, так, как будто это будет в значительно большей степени военная операция, чем у нас были основания полагать. Это правильная характеристика?

Я кивнул.

— Да, потребуются точные подрывные работы. Нескольким достойным людям придется вымарать руки.

Он посмотрел мимо меня на Цыгана.

— Хотя я понимаю логичность этого плана и согласен с тем, что вода представляет собой жизненно важный ресурс, я обеспокоен способностью мистера Донелли провести военную операцию. Я думаю, будет лучше, если самим проникновением на объект и прочими тактическими вопросами буду руководить я. Я испачкать руки не боюсь совершенно.

Цыган нахмурился.

— Вы уверены, что это хорошая идея, майор? Эту операцию возглавляет мистер Донелли, и с вашей стороны это будет выглядеть как покушение на его полномочия.

— Нет, нет, совсем нет. Он останется во главе. Я просто буду направлять военную сторону дела. — Он встал и оглядел комнату. — Сивек, Джонстон и Бриджер, у вас в ротах есть люди, смежные навыки которых позволят выполнить задание. Я бы сказал, двенадцать-восемнадцать человек точно подойдут для вашего замысла, мистер Донелли.

Я снова кивнул, на этот раз очень торжественно.

— Я бы сказал, две дюжины, но вам все это виднее, чем мне.

— Действительно, виднее. — Упомянутые им поименно подчиненные кивали или поднимали головы, показывая, что готовы пойти с ним в дело. Котфорд вышел к центру комнаты и присоединился ко мне у голодисплея. — Так, у нас есть все нужные люди.

Цыган покачал головой.

— Мне жаль, Сэм, но его опыт действительно даёт ему преимущество в этом случае.

— Я знаю, я всего лишь хочу, чтобы все сработало.

— Сработает. — Котфорд широко усмехнулся, а его помощники демонстрируя уверенность, улыбнулись в ответ. — Так какую из очистных станций мы атакуем?

— Никакой.

– Что? – Котфорд сердито на меня посмотрел. – Но вы же сказали...

– О, майор, вода очень важна с двух точек зрения. Она поступает в дом и покидает его. Так вот, мы займемся тем, что из дома выходит.

Нет необходимости описывать, насколько лицо Котфорда, безо всяких преувеличений, побавровело – как только он начал понимать, на что вызвался пойти добровольцем. Остальные в комнате были достаточно любезны, чтобы сдерживать смех, но на их лицах периодически появлялись ухмылки, когда они припоминали, как я назвал эту работу вонючей. Котфорд, назойливо требовавший себе всю славу этого задания и клявшийся, что не боится испачкаться, влип.

Он был вынужден – я пытался избежать игры слов – ловить рыбу в мутной воде или самоустраниться из операции и он решил ловить. Это было хорошо, потому что мне действительно было нужны его люди для выполнения этой задачи.

Двумя днями позже, после полутора дней проливных дождей, мы привели свой замысел в исполнение. Когда застраивали центр Манвиля, берега реки Широкой прочно укрепили набережными, укрытыми в тени парков и пешеходных аллей. Глубоко в земле, параллельно реке, шла огромная ливневая канализация, обеспечивавшая отвод всего стока воды. Согласно путеводителям, которые я добыл в книжном магазинчике, а также замечательному описанию ливневых коллекторов, сделанному манвильской коммунальной службой, в сезон дождей коллекторы вмещали больше воды, чем было в реке и вся она текла на водоочистительные станции, перед тем, как её можно было отвести обратно в реку.

На водоочистительных станциях было по несколько накопительных водохранилищ, предназначенных для сброса избытка воды. Воду в эти искусственные озера подавали по большим трубам, после чего вода ожидала своей очереди попасть на очистку. Согласно плану нашей операции, ворота шлюзов, перекрывавших воде путь назад на станцию, должны были быть взорваны, а невозвратные клапана на самой станции должны были быть заклинены в открытом положении.

Котфорд и его командос, работая при свете молний, выполнили эти задачи в два часа ночи на шестое число. Поэтому получилось так, что миллионы тонн воды под невероятным давлением рванулись обратно в городскую канализацию. Когда трубы десятиметрового диаметра загружены полностью и их содержимое попадает в трубопроводы, ведущие в дома, диаметр которых тридцать сантиметров, получается очень зрелищный результат.

У счастливых домовладельцев западной части города трубы были старые, поэтому они лопнули где-то посреди их дворов. Жидкость била и пузырилась, перемешивая дерн и грязь в вонючее болото, и обещала примерно через год превратиться в прекрасно удобренный газон. Жителям многоквартирных домов так же повезло, потому что их трубы лопнули в подвалах зданий.

Но невезучими – а согласно сообщениям новостей, таких было много – оказались люди, у которых стояли хорошие трубы и которые, по разным причинам, в момент удара канализационной волны наслаждались теплом ванны или уединились в туалетах. Нечистоты били в домах гейзерами, доставая в отдельных случаях до потолка. Они выплескивались из ванн, выливались из посудомоечных машин, капали из раковин на кухнях и умывальников.

В паре мест лопнули трубы побольше, проложенные под дорожным покрытием улиц, создавая вонючие лужи, поглощавшие припаркованные ховеры и медленно расползавшиеся в зловонные озера. Некоторые промокшие насквозь и взбешенные граждане начинали бить тревогу немедленно, но остальные были разбужены характерными запахами от печально похожих на мокрую губку напольных ковров.

И удар по деловой жизни города, особенно в самых низких точках города был настолько же разрушительным. Школы в западной части были закрыты, а граф Джермейн выступил по головидению и призвал всех, кому было необязательно покидать свои дома, просто оставаться в них, пока город не будет вычищен. Хотя его доводы имели смысл, никто не хотел сидеть в доме, превратившемся в выгребную яму, особенно если все, что ни выльешь в раковину, не-

медленно начинает выплескиваться из ванной или из дыры где-нибудь в подвале. Горожане сразу закипели, особенно после того, как выяснилось, что богачи, расположившиеся на холмах, избежали катастрофы.

Олдрингтон Эмблин немедленно ринулся в бой и показал себя великолепно. Одной из подконтрольных ему фирм была компания по чистке домов, собранная из персонала, сокращенного из его гостиниц. Эта компания, под названием «Благочестие Лтд.», сразу предложила «добрососедскую» скидку в девяносто процентов и начала нанимать людей, увеличивая объём работ. Он также временно переселил людей из затопленных домов в пустые номера его гостиниц, также расположив к себе население.

Правительство Джермейнов сделало ответный ход, открыв ряд муниципальных гаражей и ангаров, где люди могли переждать на выданных им простынях, спальных мешках и раскладушках. Эмблин повысил ставки, пожертвовав ещё больше простыней, подушек и кроватей. Джермейнам был нанесен дополнительный ущерб, когда машины, которые они вывели из гаражей, освобождая их, залило фекальное болото.

Местное головидение провозгласило нашу победу, продемонстрировав данные статистических опросов, согласно которым люди посчитали чиновников Джермейнов некомпетентными. Во-первых, сама катастрофа объяснялась неисправностью ограничительных дамб. Поток воды просто вырвал взорванные ворота шлюзов и уничтожил все следы наших действий. Только через два дня после событий двери были найдены и правительство начало утверждать, что это был акт преднамеренного саботажа. Как только они это заявили, началось всевозможное гиканье и улюлюканье, мол, все это попытка обелить себя и доказательства подделаны, и это скрыло наш след даже лучше, чем я мог рассчитывать.

На нашем внутреннем фронте Котфорд оказался в затруднительном положении. Все поздравляли его с удачно выполненной работой, а я отдал ему львиную долю славы. Он знал, что не может мне доверять, но я вел себя очень искренне, сбивая его с толку и, я уверен, ещё больше утверждая в мысли избавиться от меня. Однако он должен был ждать, пока один из моих планов не провалится.

Поставив себя на место Котфорда, каким бы оно ни было мокрым и склизким, я решил, что если ни один из моих планов проваливаться не пожелает, он приложит свою руку и поможет этому случиться. Это требовало от меня загрузить его достаточным объемом работы, чтобы он был доволен и повременил разыгрывать свои карты. Я также понял, что теперь он постарается придумать операции продолжающие моё начинание и мне придется с ним конкурировать. Я не сомневался – один на один я уверенно смог бы его обставить, но у него был целый свой штаб, обмозговывавший дела, а у меня не было. Одному из его людей может прийти в голову хорошая идея и мне придется её топить.

Успех атаки привел многих в лоно веры в малозатратный терроризм. Некоторые пытались потрясти меня своим анализом и идеями, явно выпрашивая будущую работу, некоторые просто сказали: «Здорово вышло». Попытки Котфорда выставить меня дураком провалились. Я по-прежнему не испытывал уверенности в тех, с кем мне нужно было работать, но теперь они были готовы прислушиваться ко мне в будущем, и это было важно. Если я смогу преподнести им план, который обеспечит им оплату без риска быть убитыми, они его исполнят, а я смогу свести побочный ущерб к минимуму.

Цыган очень щедро хвалил наши усилия, но на седьмой день удивил меня, вручив премию, эквивалентную трем тысячам стоунов, в валюте КомСтара.

– Наш хозяин очень доволен твоей работой. Он передал эти деньги тебе, выражая степень своей удовлетворенности.

Я раскрыл пачку купюр веером.

– И сколько ты прикарманил?

Он мигнул и рассмеялся.

– Двадцать процентов. Я протолкнул ему этот план, в конце концов.

– Скорее уж сорок, не сомневаюсь. Но я получил больше, так что все в порядке.

Цыган улыбнулся.

– Но это ещё не все. Он хочет, чтобы ты приобрел на эти деньги какой-нибудь приличный выходной костюм. Через два дня ты будешь в Контрессе на небольшом торжестве. Открывается контресский «Дворец Эмблина» и мистер Эмблин устраивает вечеринку для тысячи своих ближайших друзей.

– И я попал в их число?

– Теперь – да.

– Когда мы отбываем?

Цыган покачал головой.

– Не мы – только ты.

Я нахмурился.

– Ты недостаточно меня знаешь, чтобы быть уверенным, что я справлюсь с таким делом, не натворив глупостей. Я – темная лошадка. Ты мне не доверишь настолько.

– Я знаю, что изучая город, ты подобрал себе хорошо подогнанный костюм.

– Ты за мной следил?

– А ты бы не следил, если бы мы поменялись ролями?

– Разумно. Ну и что, может я просто люблю хорошо одеваться.

– И ещё любишь быстро соображать. Уже то, как ты разобрался с Котфордом, было очень хитроумно. Может быть я считал тебя на Хелен грубым пилягой-дровосеком, но это была всего лишь маскировка. – Его губы медленно расползлись в усмешке. – Но, на самом деле, не имеет значения, доверяю я тебе или нет. Мой хозяин выразил своё пожелание и я его исполняю. Он хочет, чтобы ты появился, значит ты появишься.

– Там будет кто-нибудь, кого я знаю?

– Никого из нашего тесного семейного круга. Ты будешь приглашён на курорт на выходные, вернешься в понедельник. – Он медленно кивнул. – Я буду счастлив услышать твой доклад о том, как все прошло. Смотри в оба.

– Буду смотреть.

– Ещё одно, Сэм.

– Да?

– Насчет доступа к моему боссу. Это случится только один раз. – Его глаза стали очень холодными. – И если ты попытаешься меня подсидеть, твои идеи надолго тебя переживут, а мы будем оплакивать твою кончину.

*На войне, как и в любви, чтобы одержать победу,
нужно прежде всего войти в соприкосновение с противником*
– Наполеон

*Контресса, Гранатовое Побережье
Басолт
Префектура IV, Республика Сферы
9 февраля 3133 года*

Я решил, что угрозы Цыгана не должны нарушить мои планы наслаждаться выходными. Я не стал торопиться и провел дополнительные исследования гостиничной собственности Эмблина, выяснив, что он был в свое время послан на Басолт руководить сетью гостиниц от имени внепланетного владельца. Согласно статьям бизнес-журналов, когда он прибыл, отрасль едва волочила ноги. Гостиницы не приносили прибыли, а все потому, что деньги прилипали к различным рукам.

В этих статьях на дальнейшие события смотрели положительно, представляя его в виде рыцаря в сияющих доспехах, но я подошёл с другой стороны. Суть проблемы была в том, что пока Республика процветала, никому не нужен был такой курорт, как Басолт. Существовали другие, более знаменитые места – Терра, например – где туристы могли проводить время. И значительная часть денег тратилась на улучшение жизни на их собственных мирах и в их общинах, ещё меньше стимулируя желание отправиться в глухую провинцию мокнуть под дождём.

Эмблин понял, что он, по всей видимости, не сможет добиться прибыльности гостиниц без значительных льгот со стороны местного правительства. Он отправился к правительству и фактически заявил им, будто бы прибыл ликвидировать предприятия, так как дела не идут. Он заключил тайный договор с правительством и получил от них существенные налоговые льготы с тем, чтобы создать местный консорциум и выкупить собственность, сохранив рабочие места. Он скопил нужный капитал, а затем сделал родительской корпорации предложение приобрести у них собственность на Басолте. Корпорация согласилась, хотя и сохранила за ним, на тот момент, статус дочернего предприятия. В результате этого некоторые туристические агентства продолжали считать его частью корпорации и работать с ним, помогая избежать немедленного сокращения потока клиентов.

Эмблин начал вкладывать деньги в свои предприятия и пролоббировал в местном правительстве разрешение добавить к ним ещё и сеть казино. Эмблин заявил, что это позволит привлечь извне планеты большие средства, и так и случилось, но в результате на планете произошло ещё большее перераспределение капиталов. Большая их часть в конце концов оказалась в его кармане, а три тысячи из них прожигали дырку в моём.

Эмблин был достаточно проницателен, чтобы знать, что снизив затраты, он увеличит прибыли, и он начал скупать различные фирмы, обслуживавшие его гостиницы. Поставщики продуктов питания, алкоголя, пивоваренные заводы и прочее и прочее, начали либо быстро разрастаться, либо же получать свою долю от его инвестиций. Под его руководством они развивались и внезапно стали приносить самостоятельные доходы. Во многих статьях делались попытки оценить его состояние, но, как я решил, они его значительно, вне зависимости от своей щедрости, занижали.

Отчасти мне было любопытно, зачем этот человек пожелал моего присутствия на своей вечеринке. Все, сказанное мной Цыгану было правдой: я – темная лошадка и у Эмблина не было ни малейшей возможности меня оценить. Обо мне он знал только, что я на банкете буду и, если

меня спросят, откуда я здесь взялся, я могу ответить: «Помните то канализационное извержение в Манвиле? Его устроил я, чтобы он мог захватить всю планету.»

Понятно, что он бы не позволил мне присутствовать, если бы считал меня таким идиотом, поэтому Цыган, вероятно, составил ему обо мне хорошее впечатление. Также я подумал, что он бы не пригласил меня, если бы я был человеком, кого можно было бы поразить суммой в три тысячи стоунов. Возможно, приглашение должно было быть передано мне при определенной реакции на премию по усмотрению Цыгана.

Я решил играть по правилам, но осторожно. Там было лишь одно место, где стоило поискать судьбу. Я сомневался, что привлеку этим его внимание, но в случае удачи я получил бы в будущем немного больше свободы на случай, если потребуется действовать быстро.

Я упаковал одежду и сел на пассажирский хOVER до Контрессы. Путешествовать автобусом не очень элегантно, конечно, а у этой транспортной компании были совсем уж выдавшие виды машины. Меня, однако, посадили в хOVER поновее, тогда как неанглов битком набивали в древние драндулеты. Хотя билет на хOVER много не стоит, с тех, кто с раскосыми глазами, брали дополнительную плату и это меня сильно обеспокоило.

Даже более новые хOVERы не были такими уж удобными, но зато полупустыми и давали возможность посмотреть на планету. Трасса № 1 шла по восточному берегу реки Широкой к северной части дельты и Контрессе. Она огибала границы крупного лесного заповедника, и, хотя я не увидел ничего, кроме ярко окрашенных птиц, и, может быть, чего-то похожего на обезьян, сам вид синего леса оставлял очень приятное чувство.

Когда я не читал или не пялился в окно, я изучал других пассажиров хOVERа. Большинство из них были дети, возвращавшиеся домой из школ. Я так подозреваю, что после приключения с канализацией в Манвиле и из него ездило немало народа, ведь родители наверняка переживали и требовали от детей возвращаться домой на выходные. Их дополняли пожилые пары, а далеко на заднем сиденье я заметил молодую женщину в бейсболке и больших темных очках, говоривших о её желании остаться неузнанной, но привлекавших ещё больше внимания. Она носила совершенно обычную одежду, без макияжа или украшений и была достаточно привлекательной, чтобы я смог представить её себе какой-нибудь фотомodelью или мелкой знаменитостью, отправившейся на север, на открытие курорта. Возможно, я увижу её позже вечером в качестве симпатичного приложения к кому-то из гостей.

Кому бы он не должна была служить украшением, он не должен был быть богатым, раз уже заставил её добираться на пассажирском хOVERе. Хотя я легко представил её себе в качестве матери-одиночки, тяжело работавшей, чтобы прокормить дочерей-близняшек. Если это был тот случай, она запросто сдала бы билет первого класса в обмен на этот, чтобы купить детишкам новую обувь.

Безнадежно испорченную обувь, плававшую в нечистотах.

Мы прибыли в Контрессу примерно через два часа. Мне нужно было получить только одну сумку, ведь я задерживался лишь на одни выходные, но я заметил, что девушка также путешествует налегке. Она направилась, чтобы взять сумку, но её отодвинул в сторону крупный мужчина, схвативший пластиковую коробку с какой-то крысоподобной собачонкой. Пока он вперевалку уходил прочь сюсюкаясь со своим Крошкой – имя было написано на коробке – я поднял сумку девушки и протянул её.

Она быстро прекратила протестовать против лапанья её вещей и улыбнулась.

– Спасибо.

– Нет проблем. На будущее – никогда не становитесь между мужчиной и его закуской.

Она рассмеялась, у неё был приятный голос.

– Это верно, даже вернее, чем вы думаете. – Она кивнула мне и, повернувшись, растворилась в толпе, воспользовавшись колеёй, проложенной толстяком, разрезавшим толпу, как плуг землю.

Я вышел на улицу и поймал хOVERтакси до курорта. Поездка заняла полчаса и проходила вдоль северного побережья. Это и вправду был первоклассный курорт, с прекрасными белыми песчаными пляжами и участками голубых джунглей, сочетавшихся по цвету с водой. Волны

облаков, пронесившиеся над головой и отбрасывавшие тени на землю, раздражали, но между облаками открывался прекрасный вид на тройку лун Басолта. Всего этого оказалось достаточно, чтобы я задумался, не пригласить ли Джанеллу ко мне на выходные.

Окраска дворца совпадала с цветом песка, делая его похожим на волшебный замок, поднятый магией из земли. У главного здания не было башен и бойниц, но он обладал величием, выражавшей мощь и красоту. По обе стороны длинного подъезда к парадной двери располагались статуи прекрасных мужчин и женщин всех рас и размеров, включая клановских элементалов и космопилотов. Статуи были обнаженными, но в них чувствовалось искусство, а не пошлость. Вокруг и позади них насколько видел глаз, раскинулись лазурные лужайки, ухоженные до самих джунглей или украшенные кустами, фигурно подстриженными под формы местной фауны и мифических животных.

Я въехал без проблем, меня проводили до моего номера и я быстро сбросил одежду. Номер, который мне выделили, был довольно стандартным по размеру, но оборудованным определенными роскошествами. Бар был забит «Дайамонд Негро». Возможно, этот пивоваренный завод были эксклюзивным поставщиком гостиницы, но я подозревал, что просто это была единственная вещь, которую Цыган видел, как я пил.

Я принял душ и переоделся, после чего взял мою премию и спустился на этаж казино. Если считать эту гостиницу храмом религии денег, то казино – это святая святых и я направился прямо к алтарю. Мне не пришлось долго ждать, чтобы найти место за покерным столом и три следующих часа незаметно пролетели, принесся на крыльях ещё семь тонн стоунов. Люди, которых я раздел, все были гостями вроде меня и они с достоинством воспринимали свои поражения. Они могли себе это позволить, учитывая, что большинство из них носили огромные, массивные перстни, утыканные таким большим количеством камней, что мне их было бы трудно даже поднять, не то, что приобрести на всю мою заначку, отложенную на черный день.

Я удалился в номер и переоделся для банкета. Магазин в Манвиле прекрасно потрудились на моим костюмом. Хотя я был уверен, что на вечере найдутся люди, которые поймут, что костюм не был шит на заказ, они также узнают в нём образец из коллекции известного им модельера. Можно порицать подобную мелочность, но таким образом было довольно просто предсказывать подобных людей и, соответственно, манипулировать ими.

Пока я одевался, я обнаружил, что улыбаюсь, представляя, какой бы фурор произвело на подобной вечеринке появление Джанеллы. Её красота и элегантность, конечно сразу бы обратили на себя внимание. Аристократическое происхождение и то, что она была с Флетчера, вызвало бы немало шума. Но серьёзней всего была бы реакция на статус рыцаря Республики. Люди бы крутились бы вокруг неё, желая знать, какие дела Республике понадобилось вести с Басолтом, Эмблином и, есть надежда, с ними самими.

А если бы они знали, кто я такой... Ну если бы кто-нибудь знал, кто я такой, меня бы здесь не было.

Я сел в лифт до верхнего этажа и открыл рот от удивления, когда вышел. Вся крыша и три стены были сделаны из стекла, открывая прекрасный вид на ночное небо. На Басолте это означало, что мы сможем посмотреть ошеломляющее представление с молниями. Тучи начали собираться, чтобы его организовать и я поневоле задался вопросом, не ухитрился ли это Эмблин каким-то образом так все устроить.

Я присоединился к цепочке людей, пробиравшихся мимо Эмблина ко входу. Его помощница, стоявшая далеко за его спиной держала в руке наладонник, с которым сверялась, когда мы вошли. Она вполголоса что-то говорила и крошечный микрофон в ухе Эмблина передавал ему её слова, а он улыбался и приветствовал каждого по имени. Он сердечно жал руки, задавал незначительные личные вопросы и смеялся в ответ. Я воспринял как хороший знак то, что список гостей не подвергся сегрегации по национальному признаку, и Эмблин казался одинаково радушным со всеми.

Он действительно каждым своим дюймом выглядел как успешный бизнесмен, которым он должен был быть. В отличие от Джейкоба Бенсона, Эмблин был высок и строен, с прекрасно

уложенными густыми черными волосами и темно-кариими глазами, влажными от искренности. Когда я подошёл, его улыбка стала чуть-чуть шире, чем в случае с пожилой парой, прошедшей передо мной.

– Мистер Донелли, я очень рад, что вы смогли приехать.

– Я благодарен вам за приглашение, мистер Эмблин.

– Зовите меня Ринг. Так все делают.

– А я – Сэм.

Он сердечно потряс мою руку.

– Я так понимаю, вы выиграли немного денег в покер сегодня.

– Все зависит от того, кто считает. – Я улыбнулся, пораженный, что его люди смогли за мной следить. Я провел большую часть своего времени высматривая наблюдателей, хотя и знал, что наличие в казино системы безопасности предельно упрощает слежку. Это требовало от меня повышенной осторожности. – Должен ли я чувствовать себя виноватым, раз уж они ваши гости?

– Вовсе нет. – Он наклонился поближе. – Они проиграют ещё больше, стараясь вернуть удачу, так что выигрывайте сколько хотите.

Я засмеялся.

– Слова человека, умеющего снять свои десять процентов с любого выигрыша.

Он кивнул и отпустил меня.

– Пожалуйста, развлекайтесь.

Освобожденный таким образом, я вошёл в зал. Меня отыскал человек в униформе гостиницы и вручил небольшое приглашение.

– Вы будете сидеть за столом двадцать семь, вон там. Бары расположены справа и слева от вас, закуски на стойках. Рассаживаться будете через час.

– Благодарю вас.

Я сунул приглашение в карман и направился к одному из баров. Пока я стоял в очереди, я изучал их ассортимент и обнаружил, что у них есть моё любимое ирландское виски. У меня немедленно началось слюноотделение, но я удержался. Люди Эмблина сочли меня ценителем «Даймонд Негро», а я не хотел давать им особых поводов для размышлений. Кроме того, всего, что могло, неважно насколько невинно, связывать меня с реальным собой, следовало избегать. Кто-нибудь здесь мог разговаривать с Виктором Штайнером-Дэвионом и он мог упомянуть это виски, а так могут начать складываться кусочки головоломки, пока кто-то не решит, что обо мне можно узнать кое-что интересное.

Получив моё пиво в здоровенном расширяющемся вверх пивном стакане, украшенном эмблемой компании Эмблина, я направился к столу с закусками. Обычно на приеме такого впечатляющего масштаба должна быть маленькая армия официантов, циркулирующих с серебряными подносами, полными всякой всячины. Большинство из них действительно крутились неподалеку, разнося бокалы шампанского. Закуски, тем не менее, все были собраны на столе длиной в двадцать пять метров, представляя собой экспозицию, в которой было не меньше от искусства, чем от еды. Блюда были расставлены по цветам так, что продукты, прибывшие с одного мира, напоминали флаг этой планеты, а продукция одной корпорации была расположена в виде её товарного знака. В центре были картина самой гостиницы, словно запечатленной на закате со стороны берега. Прислуга могла разрезать все это на куски и разнести по гостям, но они бы превратили картину в головоломку, которую никто не смог бы собрать.

От такой выставки захватывало дыхание и, я признаю, я начал бессознательно брести мимо, стараясь не пускать слюни. Я ни на что не обращал внимание, пока не почувствовал на своем локте руку. Эта рука одернула меня назад как раз в тот момент, когда бегемот в вечернем костюме, похожий на самого большого из известных человечеству пингвинов, пронёсся мимо меня и двинул в гостиницу. Под его рукой была зажата крошечная собачка, рывкнувшая на меня, когда они проскочили мимо.

Я посмотрел на мою спасительницу.

– Благодарю вас.

Она улыбнулась, её голубые глаза горели огнем, похожим на отблески сапфира на её шее.

– Просто ответная любезность.

– Извините?

– Никогда не стойте между женщиной и его закуской, помните?

Я моргнул.

– Это были вы?

– Да и он тоже. Перасон Квом, кулинарный обозреватель от «Манвиль Джорнэл».

Я глянул на широкую спину и сотрясающиеся бедра, казавшиеся на фоне стены огромной бесформенной дырой.

– Квом – это его так зовут, не вас?

– Да. – Она слегка нахмурилась. – Вы недавно на Басолте, правда?

– Недостаточно давно, чтобы знать его, это точно. Вы, с другой стороны... – Я медленно растянул губы в улыбке, выторговав ещё секунду или две, чтобы мозги начали работать. В голубом вечернем платье с открытыми плечами, которое было на неё надето, она выглядела куда изысканней, чем в хохле и да, у меня зашевелились ассоциации. Она была намного элегантней, чем в новостях по головидению по поводу разлива канализации. – Вы имеете отношение к тем приютам для бездомных, которые принимали людей на прошлой неделе. Я вас помню, хотя видел только середину репортажа. Я не уловил вашего имени.

– Так там, в хохле, вы не имели представления кто я?

– Нет, просто проявил вежливость. А что, должна быть разница?

– Для некоторых – да. – Она подала мне свою руку. – Я Бьянка Джермейн. Дочь графа Гектора.

27

*Он редко болел, но собиравшихся у его кровати оживляла
слабая надежда на то, что он умрет*

– Ральф Уолдо Эмерсон

Курорт «Дворец Эмблина»

Контресса, Гранатовое побережье

Басолт

Префектура IV, Республика Сферы

9 февраля 3133 года

– Его дочь?

– В зависимости от его настроения. – Квом с трудом пробрался через толпу. По его многочисленным подбородкам вились маленькие сальные оранжевые пятна. Собачка, которую он держал под левой рукой попеременно лизала то его лицо, то край тарелки, вмещавшей по-

сившуюся пирамиду еды. – Простите мне моё вмешательство, я – Квом. Как ваши дела, моя дорогая леди? Кто ваш друг?

Бьянка терпеливо улыбнулась.

– Возможно мы сможем догадаться вместе. Он был с нами в автобусе.

– А, в автобусе. Ненавижу автобусы, но Крошка не может летать, что же тут поделаешь. – Он улыбнулся, что углубило жировые складки на его лице. – Кроме того, журналу совсем не обязательно знать, что я сделаю с деньгами, полученными на проезд сюда.

– Совсем необязательно. – Бьянка положила свою руку на его правую, державшую тарелку, что вызвало сердитое рычание Крошки. – Ещё раз благодарю тебя.

– С превеликим удовольствием, дитя мое. – Квом посмотрел на меня. – Как вас зовут, сэр?

– Сэм Донелли. Я консультант по особым проектам. – Я усмехнулся. Я не стал протягивать Квому руку, решив, что лишусь пальца или двух – либо поломаст он, либо отгрызет Крошка. Бьянка тряхнула мою руку в крепком рукопожатии. – Если мне будет дозволено спросить, что имел в виду Квом, говоря о настроениях вашего отца?

Квом закатил глаза.

– Вы что, не местный, что ли?

– Прояви любезность, Квом. – Бьянка мягко улыбнулась. – Мой отец правит планетой мило- стиво и разумно, но с некоторыми взглядами, которых он придерживается, я не согласна. Он считает, что требование Республики служить обществу в обмен на гражданство означает все- общую обязанность трудиться. Он видит в тех, кто впал в нищету, симулянтов и социопатов, стремящихся затянуть нас всех в свою тряси- ну. Он полагает, что они уже родились с дурными наклонностями и просто не смогли подняться над своей натурой.

Квом за раз проглотил больше, чем я съел за две предыдущих трапезы.

– А вот этот ангелочек, напротив, верит в человеческие добродетели и посвятила свою жизнь помощи наименее удачливым из нас. Она основала Благотворительный Фонд Басолта, который на частные пожертвования финансирует приюты для бездомных, программы бесплатных обе- дов и прочее – для всех людей, вне зависимости от их прошлого. Её отец считает это потвор- ствованием преступникам, но смягчается, когда её усилия встречают благодарность в народе.

Бьянка рискнула вызвать рычание Крошки, потрепав Квома по плечу.

– Квом пожертвовал деньги, выделенные ему на дорогу, нашему фонду и, кроме того, много сделал, чтобы заставить рестораны отправлять остатки еды в приюты.

– Делаем, что можем, разве не так, Крошка? – Мужчина поцеловал собачонку такими тол- стыми губами, что засосал пол её головы.

– Похоже, вы делаете очень нужную работу. – Я засунул руку в карман и вытащил один из двух чеков на пять тысяч стоунов, полученных мной в обмен на выигранные фишки. – Пожа- луйста, примите. Я бы тоже хотел помочь. Я видел всех этих бедных людей, кто остался без крыши за головой из-за затопления коллекторов.

Квом начал переминаться с ноги на ногу, как будто в его брюках образовались складки, а со- бачка сочувственно заскулила.

Бьянка взяла чек, глядя на меня широко раскрытыми глазами.

– Мистер Донелли, это очень щедро с вашей стороны. Я не могу... То есть, это конечно нам очень нужно, но вы точно уверены?

Я кивнул.

– Нужно благодарить не меня, а неумение играть в покер мужчины вон там, вот тех двух там, вон той женщины и вон того рыжеволосого господина.

Она проследила за моим указующим перстом и фыркнула.

– Это будет их первое пожертвование фонду. В таком случае, я беру.

– Хорошо. Если смогу выиграть ещё, буду жертвовать и дальше.

Квом задумался.

– Вам следует поучаствовать в играх по-крупному. Денег больше, игроки хуже.

– Вы это лично проверяли?

Он потряс головой, и его щёки ещё долго продолжали сотрясаться после того, как он остановился.

– Они не пускают Крошку в комнату вместе с папочкой. Но я наблюдал и слушал. Я журналист, в конце концов, даже если меня ценят только за чувствительность моего языка.

Я проходил мимо зала, где велись игры по-крупному, но ставки начинались с двадцати тысяч.

– Увы, меня они тоже не пустят.

Квом смерил меня долгим взглядом с головы до ног.

– Я спонсирую вас на сто тысяч. Половину выигрыша отдадите фонду.

– А если проиграю?

Он засмеялся.

– Мой дорогой мальчик, я не испытываю особой нужды в деньгах. В любом заведении на этой планете, в которое я пожелаю зайти, меня немедленно накормят обедом или тремя, предоставят номер и будут расточать дары, в надежде, что я, если не помяну их благосклонно, то уж не стану отзываться о них уничижительно. А ещё есть тьма компаний, производящих эти ужасные полуфабрикаты, которые платят мне невероятные гонорары как консультанту, чтобы я из шкурных интересов не рассказывал людям насколько пластиковые контейнеры будут вкуснее и питательнее сомнительных продуктов, которые в них упакованы.

Крошка, явно уже слышавший эту обличительную речь раньше, подтверждал сказанное рычаниями.

– В таком случае, должен заметить, что вы очень добры.

Вдруг зазвучал грубый голос.

– Впервые что-то подобное сказано об этом мешке свиного жира.

– Уж лучше пусть меня сравнивают с этим благородным животным, чем с каким-нибудь мерзким скотом. – Квом фыркнул и отвернулся к шведскому столу, а на плечо Бьянки положил руку высокий молодой человек со светлыми волосами и карими глазами.

Мужчина смотрел на меня с явным презрением, сквозившим в его глумливой усмешке.

– Ты свободен.

Усмешку я бы ещё стерпел, но меня задела его высокомерное отношение и абсолютная уверенность, что я – насекомое, которое он легко может раздавить одним движением ноги. Я медленно перевел взгляд на Бьянку.

– Миледи, вы случайно не знаете, присутствует ли на этой встрече врач?

Вопрос застал её врасплох и она в смятении затрепетала ресницами.

– Думаю, да. Да, конечно. А что?

– А то, что если он не уберет руку с вашего плеча, я обеспечу ему весьма болезненный вывих локтя, для лечения которого потребуется две операции и год физиотерапии.

Ледяной тон моего голоса заморозил ухмылку на его губах.

– Ты хоть представляешь себе...

Бьянка покачала головой.

– Бернард, мистер Донелли недавно на Басолте. Сэм, это мой брат, Бернард.

Я смерил его взглядом и обнаружил сходство. Он не был похож на свои портреты из книг, его волосы были светлее, и бороды он уже не носил. Я ничего больше не сказал.

Бернард фыркнул, но у него не получилось так же хорошо, как у Квома. Он задержал на мне взгляд на мгновение и перевел его на сестру.

– Отец хочет тебя видеть.

– Здесь? Сейчас? – Она поднялась на цыпочки, чтобы увидеть графа Джермейна, обменивающегося рукопожатиями с Эмблином. Оба улыбались в головизионные камеры, запечатлевавшие происходящее для потомков. Невзирая на их улыбки, я видел напряженность в их жесткой хватке и улыбки не распространялись даже на кончики губ. Глаза изливали чистый яд.

За графом в очереди стояли ещё два человека, похожие на Бьянку и Бернарда. Мужчина – Тейт – был немного старше, немного выше и намного крепче Бернарда. Женщину – Сару – я

узнал из статей о Эмблине, в компании которого она обреталась. На изображениях она была блондинкой, но сейчас её волосы имели темно-коричневый цвет. Её брат все ещё выглядел блондином, но этот цвет волос он нашёл в банке с краской.

Бьянка улыбнулась мне.

– Извините меня, Сэм.

– Конечно, миледи. – Я поклонился ей, а её брата просто испепелил взглядом.

Они скользнули в бурлящую массу людей и Квом снова оказался рядом со мной, заслонив собой момент воссоединения семьи.

– Вот оно, Сэм, будущее Басолта. После отца править будет Бернард, а ты его только что видел во всей красе. Я слышал, что когда на западе города взорвалась канализация, он и Тейт стояли на балконе дворца и громко хохотали над бедами маленьких человечков, здорово подпортив своё реноме. Я лично сомневаюсь в том, что это правда, но картина очень хорошо вписывается в портрет обоих самодовольных расистов.

Я наусупился.

– Я так понял по удивлению Бьянки присутствию её отца здесь, что это – последнее место, где она ожидала его встретить.

– Это действительно так, но здесь собралось так много богатых и влиятельных, что граф не может позволить себе не появиться среди них. Он и Эмблин рассорились после того, как наш гостеприимный хозяин попросил руки Сары. Консервативность графа такова, что блейкисты по сравнению с ним кажутся либеральными просветителями, и он пришёл в ярость оттого, что какой-то низкий торгаш вздумал, будто достоин породниться с кровью Джермейнов. Жаль, потому что Эмблин любил старика и давал ему скидки по сделкам, немного помогая поддерживать семейные финансы на плаву, но сейчас эта труба перекрыта.

– И все равно он здесь.

Квом шмыгнул носом, а его собачка чихнула.

– Конечно, он здесь. Эмблин его не станет останавливать. Я уверен, приглашения ему не посылали, но тем не менее, номер забронировали. Эмблин желает попасть в высшие слои басолтского общества. Он хочет, чтобы его рассматривали как равного и, если его кровь не котируется, то могут котироваться его манеры. Также ему помогает его благотворительность и он жертвует фонду как для того, чтобы улучшить свой имидж, так и для того, чтобы уколоть других Джермейнов, весьма скупко поддерживающих начинание Бьянки.

Я лукаво посмотрел на него.

– Довольно проницательный анализ политической ситуации для человека, притворяющегося не более чем кулинарным критиком.

Квом начал возвращаться в роль и все отрицать, но потом его темные глаза сузились. Он зашептал на ухо собачке:

– Мистер Сэм видит то, чего другие не замечают, Крошка. За ним стоит приглядывать.

– Надеюсь, вы за мной приглядите, Квом. – Я ухмыльнулся. – В конце концов я буду играть на ваши деньги.

Обед был очень хорош. Я сидел за столом на десять персон, между актрисой и медиумом-спиритологом, что очень подходило под мои представления об аде, особенно когда медиум начал поздравлять актрису с достижениями её прошлых жизней. Когда они начали обмениваться мнениями, по поводу того, кем актриса была в её прошлой жизни, я почувствовал, что начинаю приближаться к моей следующей.

После обеда были музыка и танцы. Я сумел вытащить Бьянку на паркет и мы неплохо двигались вместе. Я бы попросил её потанцевать ещё, но рано накатил вечерний шторм. Все замерли, когда массивные полыхавшие огнем серебряные нити промчались сквозь небо и врезались в землю. Молния пронеслась так быстро и была такой яркой, что у меня перед глазами остались темные круги. После ударов наиболее зрелищных молний гремели спонтанные аплодисменты.

Я улыбнулся. Мне было понятно, как Эмблин сумел использовать пропущенное другими рекламистами. Они пытались спрятать от людей дождь. Они думали, что люди испугаются

молний. Эмблин поднял Дворец так высоко, что люди могли стоять, словно боги над облаками и наблюдать как стрелы серебра истязают планету под ними. Это давало неописуемое ощущение могущества.

А того, кто жил здесь слишком долго, убеждало в том, что судьба планеты должна лежать исключительно в его руках.

Как только гроза ослабла, официальный приём закончился. Квом позвонил в зал для игры по крупным ставкам и организовал для меня кредит. Я покинул вечеринку и направился туда, обнаружив несколько игроков из числа людей, виденных мной наверху. Я присоединился и несколько первых кругов играл осторожно, наблюдая. Я рано сбрасывал, потому что карта особенно не шла, но для меня всё равно было преждевременно затевать что-то серьезное.

Как гласит старая покерная поговорка, если, посмотрев вокруг стола, ты лоха не видишь, значит ты лох и есть. Я уже нашёл нескольких, игравших так, как будто деньги ничего для них не значили. Они надеялись, что в макушку их поцелует госпожа Удача вместо того, чтобы воспользоваться собственной головой и дополнить недостаток удачи хитростью.

Я наблюдал, как они делают ставки и сколько они ставят. Была пара безуспешных попыток блефовать, но блефующие отступали, когда их агрессивно атаквали повышением ставок. Это дало мне понять, что этих людей можно обмануть блефом. А повышавшие ставки, сопротивляясь блефу, могли стать жертвой никудышной, судя по открытым картам сдачи, таившей в закрытых картах сильную комбинацию.

Я начал с извлечения тридцати тысяч стоунов из своего кредита и выбрал эту сумму до двадцати двух до того, как начал выигрывать. Я выиграл круг блефом, вернувшись на исходные. На следующем круге я поймал полный дом, но этого не было видно на открытых картах, поэтому мой очередной блеф встретил энергичное сопротивление. Я начал повышать и удвоил мои деньги за один этот круг.

Пара игроков решила закончить на этот вечер, освободив места для Бернарда и Тейта. За столом и так было достаточно лохов, но мы были готовы принять и новых. То, что Бернард меня невзлюбил и то, что Тейт перенял неприязнь своего кузена, совершенно не мешало, как и то, что они опорожняли стаканы с таким же энтузиазмом, с каким Квом глотал канапе.

Другие игроки за столом увидели смену власти за столом и продолжили играть. Они проигрывали Джермейнам не проигранное мне. Я быстро понял, что они платят добровольный налог на роскошь, так как власть была у Джермейнов. Однако, если бы те разбрасывались своей властью так, как играли, они бы растратили её быстро и бездарно.

Тем вечером я поступил с ними очень некрасиво. Вообще-то, я бы не посчитал достижением оставить двух пьяных придурков без стоуна в кармане, но стричь их было такое удовольствие. Они, видимо, никогда не сталкивались с реальным сопротивлением и продолжали требовать пачки фишек, выписывая расписки так беззаботно, что, если я правильно понял сведения о состоянии финансовых дел семьи, обирали сейчас собственных правнуков.

Я их обрабатывал до тех пор, пока в комнату не пришёл лично Эмблин и не аннулировал их кредит. Он был очень вежлив и они молча уступили. Другие участники тоже встали, явно радуясь возможности выбраться из мясорубки. Я собрал все фишки и расписки, аккуратно их сложил, взял колоду и начал её тасовать. Я сохранял совершенную невозмутимость, хотя выиграл достаточно, чтобы прикупить себе небольшой ликероводочный заводик и гнать на нем лучшее известное человечеству ирландское виски.

Эмблин сел напротив меня после того, как персонал казино выставил всех из зала и жестом попросил не уходить.

— Вы понимаете, мистер Донелли, что Джермейны вложили в игру полмиллиона стоунов и все они сейчас перед вами. Они играли моими деньгами и они их никогда не вернут. Это куча денег.

— Я знаю, полмиллиона ваших денег, триста тысяч с мелочью денег других людей. — Я подвинул на середину стола пять пачек фишек и положил на них сверху колоду карт. — Кто вытащит старшую карту. Вдвое больше или ничего.

Эмблин на мгновение откинулся назад, потирая пальцами подбородок.

– Интересно. Авантюра, предложенная человеком, который на самом деле не рискует. Вы уверенно предлагаете мне ставку потому, что знаете, что я тоже не пускаюсь на авантюры.

– О, владелец стола всегда обладает преимуществом, так что это не авантюра. Это я знаю. Вы любите действовать наверняка. Я тоже. Вопрос вот в чем: воспользуетесь ли вы этим случаем?

Он покачал головой.

– Нет. Как я уже сказал, я не участвую в авантюрах. Как и вы. Так что я сделаю следующее. Я удвою сумму до миллиона, если вы вытащите определенную карту. Если вы вытащите тройку треф.

– А если не вытащу?

– Через четыре часа космопорт Контрессы покидает посадочный корабль. Вы и ваш выигрыш будете на его борту, и никогда больше не почтите своим присутствием Басолт.

Я подумал немного и согласно кивнул. Я выровнял колоду на столе, потом снял и открыл тройку треф.

– Очень хорошо, мистер Донелли, очень хорошо. Вы подтасовали колоду. Поэтому вы знали, где находится тройка треф. Мне это нравится. Я хотел знать, обладает ли человек в вашем положении даром предвидения и смелостью, чтобы подтасовать колоду, а потом хватит ли вам характера, чтобы сделать решительный шаг.

– Возможно, вы во мне ошибаетесь, сэр. Может быть, я решил, что возможность уйти с выигрышем стоит риска.

– Если это так, то за этим столом сидят два дурака, а я думаю, что вероятность этого очень невысока. – Он медленно встал. – На ваш счет будет переведено ещё полмиллиона стоунов.

– Перечислите эти деньги Благотворительному Фонду Басолта.

– Так покер не единственная игра, в которую вы играете?

– Нет. – Я покачал головой. – Но я всегда играю на выигрыш. А поскольку я работаю на вас, я думаю, вы не будете возражать.

28

*Пусть погибнут состояния и торговля, законы и образование,
но оставьте нам нашу старую аристократию!*

– Джон Мэннерс, герцог Ратленд

Курорт «Дворец Эмблина», Гранатовое Побережье

Басолт

Префектура IV, Республика Сферы

10 февраля 3133 года

Хотя как предполагалось, празднество на курорте должно было продлиться до двенадцати, я решил присоединиться к Бьянке и Квому, отбывавшими последним автобусом в десять. Ряд людей, которых я обобрал, спрашивали, будет ли у них возможность отыгаться, но я видел,

что на самом деле они не хотели бы увидеть меня за карточным столом. Меня это устраивало, поскольку я уже нанес немного больший урон, чем предполагал, а моя встреча с Эмблином ясно показала, что я – его наёмник. Хотя он со своей высоты оценил мои способности, в его организации могла быть только одна большая шишка и этой шишкой был он.

А работал он на таком уровне, что по сравнению с ним я выглядел таким же волкодавом, как Крошка – по сравнению со мной.

Я был доволен возможностью убраться пораньше, раз уж я привлек куда больше внимания, чем намеревался. Люди стали узнавать меня и знали моё имя, и вовсе не из-за пожертвований фонду. Все только и делали, что рассказывали историю о том, как компания «Покерный экспресс Брэндона и Тейта Лтд.» сошла с магнитных рельс и потерпела крушение на станции Полмиллиона. Чем продолжать отираться на виду и давать людям возможность составить обо мне своё мнение, было лучше исчезнуть.

На станции в Контрессе Квом исполнился решимости не сдавать Крошку в багаж. Бьянка стала ему помогать и взяла собаку на руки, а Квом стал бороться с огромной корзиной продуктов. Кондуктор узнал Бьянку и позволил ей пронести на хOVER собачку, тогда как все прочие домашние животные были безжалостно отправлены в багажный отсек.

Квом занял сиденье в хвосте, а мы реквизируем места на ряд впереди. Крошка, сидевший рядом со своим хозяином, рычал на всех пытавшихся воспользоваться туалетом, так что мы получили достаточное уединение. Это понравилось Квому, который открыл свою корзину и начал смешивать различные блюда в разнообразные комбинации, которыми он делился с нами и одним трехлетним беспризорным чадом, забредшим к нам, пока его мать спала.

Бьянка улыбнулась мне.

– Я даже не могу выразить вам свою благодарность за ваше пожертвование. Ринг перевел шестьсот тысяч на счет фонда. Анонимно, конечно, но он был настолько любезен, что его вклад до стоуна соответствовал вашему.

– И действительно, очень любезен. – Я медленно кивнул и даже сумел улыбнуться. Эмблин заплатил больше, чем было нужно, но при этом, половина получалась результатом его собственной щедрости. Он должен был знать, что мне станет об этом известно. Я мог придумать неограниченное количество объяснений его поступку и все они предполагали сообщение для меня. Ясно – он меня проверял, выясняя, пойму ли я его намёк на то, что деньги, которые я выиграл, принадлежат ему. Если бы я был опрометчивым человеком, я бы мог совершить необдуманный поступок, но, как он уже знал, я не буду вести себя безрассудно. Поэтому он просто ещё раз напоминал мне, кто главнее.

Что он, судя по всему, забыл, так это то, что всё равно деньги были его. Этот, сделанный мной вывод, явно не соответствовал сообщению, которое он собирался мне отправить, это уж точно.

Я запустил руку под пиджак и достал банковский чек на оставшиеся четыреста пятьдесят тысяч стоунов. Их я тоже предназначил фонду.

– Здесь половина моего выигрыша, плюс восемьдесят тысяч, которые я пытался сунуть нашему другу Квому в качестве процентов по его займу.

– Мистер Донелли... Сэм, вы и так уже дали очень много!

– Миледи, я всего лишь соблюдаю наш договор с Квомом.

Она устремила на меня пристальный взгляд.

– Сэм, это куча денег.

– У меня осталось ещё достаточно. – Я улыбнулся. – Я ценю вашу заботу, но я сейчас при деньгах. И если я решу пожертвовать ещё, вы не будете протестовать, правда ведь?

– Гм. Моя жизнь, судя по всему, проходит в окружении людей, у которых очень нереалистичные представления и идеи насчет денег. Вы выиграли сумму, которую любой сочтет способной изменить его жизнь. Я просто хочу, чтобы вы смогли воспользоваться своим успехом.

– О, я умею преодолевать трудности.

– Ладно, ловлю вас на слове. Но с вами я в карты играть не буду. – Выражение её лица смягчилось. – И если есть что-то, что я могу для вас сделать...

– Вы можете ответить на один мой вопрос.

В её глазах мелькнула тень страха, но потом она кивнула.

– Все что угодно.

– Квом высказал мне свою точку зрения на природу разногласий между вами и вашим отцом. Ваш отец действительно такого нелестного мнения о людях?

Брови Бьянки нахмурились.

– Так было не всегда, но к этому пришло за многие годы. Влияние моего дяди Ивана и моей матери смягчало его, но после их смерти он стал больше полагаться на Бернарда. Понимаете, мой дед был мехвоином, сражавшимся за Виктора Штайнера-Дэвиона, а потом присоединившимся к Девлину Стоуну. Он хотел для своих сыновей мира, хотел, чтобы им никогда не пришлось садиться в мех, и хорошо, потому что мой отец необыкновенно плох в этом деле. Бернард, напротив, очень хорош. И Тейт. Они выросли в эпоху мира, но пытаются вернуться к традициям воинов дома Дэвион, предшествовавшего появлению Республики – и это несмотря на три столетия мира и процветания, которыми был благословлен Басолт. Не то, чтобы у нас совсем не было войны – на каком мире её не было – но судьба была благосклонна к Басолту. По мере того, как отец работал над Бернардом, чтобы подготовить его к правлению после себя, влияние Бернарда на него самого постепенно росло.

– Я обобрал и вашего брата и кузена тоже. Бернард не совсем тот тип сострадательного правителя, которого я бы хотел иметь над собой.

– Он не всегда был таким, и я надеюсь, он ещё вернется назад к самому себе. Он был счастливым ребенком. Идея основать Благотворительный Фонд Басолта была его. Мне нравится работать в фонде, потому что там требуется выполнять много организационной работы и я могу приносить пользу. Координировать действия во времена катастрофы приходится в лихорадочном темпе, но я мне удастся и это замечательное чувство. – Её слова подчеркивались росшим тоном голоса и огнем, горевшим в голубых глазах. – Кое-где нам удастся облегчить бремя людей.

– Вы хорошо справляетесь со всех точек зрения.

– Вы слишком добры ко мне. Я просто хотела бы работать лучше и больше. – Она пожалала плечами. – В чем ваша цель, Сэм?

– Точно та же, что и у вас, я полагаю. Мне нравится идея улучшать жизнь людей.

– И вы этого добиваетесь, ограбив их в покер?

Я улыбнулся.

– Ну, иногда приходится дать им возможность посмотреть на себя со стороны, оценить свою истинную ценность и простимулировать их поддерживать свой имидж или отказаться от него. То, насколько хорошо люди противостоят несчастьям, показывает истинную силу их характера. Некоторые люди оказываются сильнее, чем они сами думают.

– А другие?

– Они изо всех сил стараются избежать признания своей никчемности до самой могилы.

Я оставил Бьянку и Квома и вернулся в «Гранд Джермейн». Я сделал звонок связному и через два часа после моего возвращения уже сидел в непримечательном баре с Цыганом. Я посвятил его в относящиеся к делу детали происшедшего на выходных и быстро обрисовал предстоящий удар. Мы организовали операцию этой же ночью, а следующим вечером безупречно её осуществили.

Манвильский район Хайтс располагался в юго-восточной части города. Он вырос вокруг дворца Джермейнов и включал в себя некоторые из наиболее красивых домов города. Из-за того, что эти дома были расположены по сторонам холмов значительно выше уровня реки, воду подавали в резервуары на вершинах высот насосами, после чего было достаточно силы тяжести, чтобы создать нужное давление для подачи жителям.

Наша операция состояла из трех отдельных этапов. Первый включал в себя поджог деревянного каркаса площадью в семьсот сорок квадратных метров под особняк по Берилловой дороге. Хотя дожди пропитали дерево влагой, правильно нанесенный катализатор горения дал

адский огонь, видимый из большинства районов города. Немедленно была дана тревога и пожарные команды с двух участков отправились тушить пламя.

Второй этап операции, в котором я участвовал непосредственно, подразумевал взрыв двух насосных станций, которые накачивали воду в резервуары. Замок, закрывавший ворота на территорию станции, мы срезали при помощи болторезных ножниц. Кодовые замки дверей, закрывавшие здание насосной станции открывались при помощи некоего волшебного устройства для взлома кодов, которое считывало код из самого замка и давало нам возможность его ввести. Мы заложили заряды как под насос, так как заменить его будет сложно, так и под трубу, ведущую от насосов вниз по холму.

После того, как мы заминировали насосную, группа подрывников и я покинули её и подорвали. Так как дело было ночью, можно было заметить крохотную вспышку, но даже в новостях по головидению, рассказывавших о тушении пожара, взрывы насосных станций были едва заметны. Тем не менее, в результате взрывов, кроме необходимости замены двух сравнительно дорогостоящих насосов, было много воды, сильными струями бившей во все стороны. Вода прорезала дорожное покрытие и подмыла фундамент другого особняка.

Поскольку мы не могли скрыть характер повреждений насосных станций, мы решили убить трех зайцев одним выстрелом и взорвали ещё и один из тех двух пожарных участков, откуда выехали пожарные. Подрывная группа, которая это сделала, угнала грузовую хOVERцистерну со сжиженным газом, подогнала её к закрытой двери пожарного гаража и, после того, как все подрывники убрались, подняла её на воздух.

А вот этот взрыв по головидению было видно очень хорошо. Он снес все здание и заставил его остатки гореть очень ярко. Почерневший скелет грузовика, ребра гибкого ограждения воздушной подушки которого были похожи на ножки перекрученного насекомого, производил большое впечатление. Всё только усложнилось, когда пожарные обнаружили, что тушение первого пожара израсходовало много воды из пожарных магистралей и им потребовалось изрядно потрудиться, подавая в стволы нужное давление.

Так как новости выходили сразу же, как только получалось собрать достаточное количество слухов, и поскольку пожары было видно отовсюду в городе, средства массовой информации развернулись по полной программе. «Эксперты» глубокомысленно утверждали, что все это результат сорвавшейся операции подрывных клановских элементов, намеренных завершить дело завоевания Внутренней Сферы. Поначалу в передачах новостей все представлялось довольно мрачно, но когда оказалось, что основной ущерб был нанесен зданиям, в которых на тот момент никого не было, настроения немного успокоились.

Население отреагировало по-разному, и их реакция транслировалась по многим каналам. Очень хорошо нам сыграли на руку головизионные репортажи о жителях Хайтса, недостаток давления в водопроводах которых заставлял их набирать воду ведрами в бассейнах. Их паника насчет невозможности полить цветы или вынужденного отключения своих домашних водоподов, показала, насколько далеки они были от реальности. Хотя некоторые обозреватели указали на способность недостатка воды повлечь за собой заболевания, даже они не могли сдержат улыбки, глядя головизионную запись того, как почтенный бизнесмен, выраженный в дорогой изукрашенный костюм, став на колени пьет воду из бассейна рядом со двумя своими жадно лакающими гончими.

Люди на улицах почувствовали себя несколько отмищенными за равнодушие богачей неделю назад, когда они остались без крова. Некоторые наполняли бутылки водой и везли их в Хайтс в качестве добрососедского жеста, но многие другие просто глумились. Как заметил один мужчина: «Они переживают о воде на планете, где через пятнадцать минут польет так сильно, что не будет ничего видно на расстоянии трех метров. Это же не пустыня!»

Правительство Джермейнов отреагировало очень плохо, так как граф и многие его министры оказались во «Дворце Эмблина», когда произошла эта катастрофа. Ринг немедленно примчался в город и делал все бывшее в его силах. Он объявился на два часа раньше графа и ходили слухи, что Гектор ждал, пока кто-то не отыскал Бернарда и Тейта в капелланском борделе в

Контрессе и не заставил их протрезветь. В одной из передач новостей было сказано, что Бернарда «болтало»¹ из стороны в сторону, пока его дом горел» и мысль автора угадали все, кому на ум пришла ассоциация с Нероном.

Бернард всего лишь нашёл слово «болтало» забавным.

Правительство смогло обратить внимание на то, что все три события были взаимосвязаны и были явным актом терроризма. К этому была привязана вся старая проблема с канализацией и снова упоминались взорванные ворота шлюзов. Криминалисты быстро указали на использование той же взрывчатки и размещение зарядов явно профессионалами, но любители покритиковать правительство объединились и предположили, что за второй атакой стояло на самом деле правительство, и сделало оно это с целью обосновать свои предыдущие заявления насчет преднамеренности первой, а также чтобы вызвать симпатии к богатым. Тот факт, что так много государственных мужей находилось во «Дворце Эмблина», когда все произошло, придавал идее о правительственном заговоре некоторый вес.

И, как сказал один обыватель: «Как это так, если мы должны отмываться, а они просто вынуждены перейти на бутилированную воду и вино? Где же здесь справедливость?»

В конце концов, в самом выигрышном положении оказались Бьянка и Эмблин. Эмблин направили свои собственные ремонтные бригады на ремонт насосных станций. Он даже привез насос, который должен был использоваться во «Дворце Эмблина» для создания фонтана. Так как очередность работ по фойе «Дворца» была сдвинута на месяц и до открытия было ещё шесть недель, его жертва была не такой уж большой, но символичность его поступка обратила к нему сердца многих людей.

Бьянка выиграла, оказавшись в центре внимания как представительница богатого сословия, заботящаяся о своих пострадавших братьях и сестрах, особенно тех, кто обычно жертвовал на благотворительность. Многие богачи, получив ящик воды, красноречиво рассыпались в похвалах устройству Республики и красочно описывали, почему благотворительность так свойственна настоящим гражданам. Они уверяли, что готовы давать всё больше и больше и многие даже вызвались помочь фонду в его нелегком труде по доставке помощи менее удачливым – под этим они подразумевали тех, кто жил ниже.

Сквозь все эти неприятности Бьянка прошла грациозно и не теряя присутствия духа. Она поблагодарила добровольцев за напряженную работу, а некоторых господ за их очень щедрые пожертвования, которые она получила в эти выходные, заявив, что именно благодаря этому все прошло настолько гладко. Репортерам было тяжело за ней поспевать и она была, казалось, как рыба в воде, что меня порадовало.

Моя теория малозатратного терроризма работала даже лучше, чем я ожидал, в основном потому, что мы подбирали правильные цели и обладали возможностью выбирать время удара. В результате существовавшей неприязни к Бернарду и политики графа по отношению к бедным, общество уже начинало потихоньку закипать. Произошедшие события просто вскрыли уже существовавший нарыв. Следующим ударом должна была стать экономически важная цель, вроде ресторана из сети «Джавапалс Дженерейторс». По крайней мере, таков был план.

Проблема была в том, что малозатратный терроризм не рассчитан на противника вроде Бернарда, с целой бандой готовых на все воинов. Я внезапно понял, что он, так или иначе, будет действовать. В результате обстановка могла накалиться, а он был достаточно непредсказуемым, чтобы у меня не возникло желания оставить его в покое. Если он был инструментом хаоса, я должен был сосредоточиться именно на нём.

Существовал только один способ это сделать.

Я отправился в «Яйца».

¹ **diddle** переводится и как «шататься, раскачиваться» и (на вульгарном сленге) как «сношаться, совокупляться, трахаться, кувыряться». Здесь автор, как всегда, занимается своей любимой игрой слов, вкладывая в уста персонажа двусмысленные выражения. Бернард во время пожара находился в борделе и был совершенно пьян, поэтому **diddle** можно понимать как угодно. - прим. пер.

*Никто не может служить двум господам
– Евангелие от Матфея, 6:24*

*Манвиль, столичный округ
Басолт
Префектура IV, Республика Сферы
12 февраля 3133 года*

Одним из аспектов моей подготовки в качестве рыцаря-призрака является умение наблюдать. Это важно, конечно, поскольку большую часть времени я собираю информацию. Лучше всего это получается если держать рот закрытым, следить за людьми и подмечать несоответствия между тем, что они говорят и что в действительности делают. Там, где обнаруживаешь нестыковки, там и следует начинать копать.

Ещё важнее следить за самим собой. Для этого есть маленькие хитрости. Например, делаешь обычный вдох и задерживаешь дыхание пока легкие не начинают жечь от недостатка кислорода. Смысл не в том, чтобы узнать, сколько времени ты можешь не дышать, а в том, чтобы прикинуть, сколько времени прошло до того, как ты почувствуешь жжение. Двадцать секунд или тридцать, неважно, нужно просто знать длительность, чтобы использовать её как единицу измерения времени.

Когда я вошёл в «Яйца» я остановился там же, где и в первый раз и затаил дыхание. Я хотел узнать, сколько уйдет на то, чтобы меня заметить и сообщить Альбе. Я не хотел выглядеть нервным или испуганным, поэтому я не собирался смотреть на часы. Я просто затаил дыхание и ожидал жжения.

К тому же дополнительным преимуществом такого метода измерения времени было отсутствие необходимости дышать в этом месте. Сначала я подумал, что источником проблемы является вся эта история с канализацией, но потом вспомнил, что пострадала только западная часть города. Частично миазмы могли объясняться недостатком воды для мытья, но здесь был не Хайтс.

Я не могу сказать, что напряжение было ощутимым, но нервозность ощутимой была. Пилоты были раздражены. Хуже того, они изнывали от скуки. Даже случайное замечание могло спровоцировать такую драку, которая разнесла бы заведение вдребезги. Обстановка в таком случае бы не улучшилась, и я сильно сомневаюсь, что это помогло бы справиться с запахом.

Через полторы минуты из задней комнаты появилась Альба и улыбнулась мне.

– Я всё думала, когда ты вернешься.

– Я тут поспрашивал, как ты и предлагала. Я беседовал с оппозицией.

Она кивнула.

– Иди за мной.

Я так и сделал и она повела меня через боковую дверь наверх, по какой-то лестнице. Пройдя по коридору и повернув налево, мы вошли в небольшую конторку, обставленную барахлом поры войны с кланами и не крашеную со времен блейкистского восстания. В сущности, самый новый предмет обстановки стоял на её столе.

Это был небольшой голопроектор, над которым парило, медленно вращаясь, восемнадцатисантиметровое изображение вашего покорного слуги. Она проследила за моим взглядом и усмехнулась.

– Получила от кое-кого, кто хочет увидеть тебя совсем мертвым.

– Сколько платят?

– Пятьдесят тонн.

– Я дам больше.

Альба покачала головой и села, указав мне на кресло напротив её стола.

– Не трудись. Я воин, а не убийца.

Я сел.

– Должно быть, это Берни. Тейт занялся бы мной лично.

Она осторожно улыбнулась.

– Ты очень проницателен. Я не могу сказать, блефуешь ты или что-то знаешь, но я тоже не буду ничего подтверждать.

– Но мы это скоро узнаем, ведь кто-то внизу уже дал знать заказчику о моём появлении. Вообще-то звонила ты, иначе я уже был бы холодным телом, упакованным для доставки. – Я потянулся. – Интересно, как мы убьем время, пока они сюда доберутся?

– С пользой, хотя и не так, как я бы предпочла. У нас есть двадцать минут.

– Недостаточно, согласен, так что почему бы мне не рассказать тебе, зачем я заявился.

– Уж будь любезен.

– Раз службе безопасности «Дворца» известно о том, что я встречался с Эмблином, значит известно и тебе. Он приписал себе то, что сделал я и, соответственно, он – козёл и меня разозлил. Он должен за это заплатить и я точно знаю, как этого можно добиться.

Я рассказал Альбе все о малозатратном терроризме. Я сделал упор на целях, удар по которым мог нанести серьёзный ущерб их владельцу. В отличие от Кота, бывшая воительница из «Похоронки» моментально уловила идею и разглядела стоявшие за ней возможности. Она глобокомысленно закивала, когда я продемонстрировал ей, насколько правительство беспомощно перед этой угрозой.

Её глаза сузились.

– Есть одно уязвимое место, известное с древности. Ганнибал использовал его против римлян. Он воевал на их территории. Единственный способ остановить такого как Эмблин – это сделать победу слишком дорогостоящей для него. У правительства есть очевидные цели, по которым можно нанести удар, но и у него они есть и нет постоянных приверженцев. Если он подвергнется нападению, то, возможно, соберет свою долю начального сочувствия, но людям можно напомнить, насколько он богат, а богатство очень редко считают привлекательной чертой, если, конечно, нет возможности к нему примазаться.

Её взгляд метнулся на дверь, предупредив меня. Когда Бернارد кинулся в дверь, вытянув лапы и выпустив когти, я уже выскочил из металлического кресла. Быстрым движением я выставил свою ногу у него на пути. Он треснулся об неё голеньями, споткнулся и тяжело грохнулся о пол.

Круговым движением я бросил ногу в удар, доставший Тейта в левую сторону головы. Шнуровка ботинка поцарапала его щеку и ободрала мочку уха. Его голова с хрустом крутанулась, он грузно врезался в косяк двери и, пошатываясь, качнулся назад. Зацепившись о ноги Бернарда, он загремел вниз. Ударившись о пол головой он, потеряв сознание, замер в неудобной позе, истекая кровью.

Я схватил Берни за воротник и затащил его в кресло.

– Сядь. Сиди смиренно, или потом будешь с кузеном сравнивать шишки на голове. – Я выровнял своё кресло и отодвинул его туда, откуда я мог наблюдать за всеми тремя.

Бернارد зарычал Альбе.

– Сука! Ты заманила нас в засаду!

Её ноздри раздулись, выражая несогласие.

– Это была самооборона. Ты затеял драку с тем, кто уже тебя отделал и снова получил своё. Кстати, хорошо, что он это сделал, иначе мне самой пришлось бы вами заняться.

– Ты хоть понимаешь, с кем разговариваешь?

– Очень даже хорошо понимаю. А ты говоришь с человеком, которого нанял, чтобы обеспечить себе наследование трона своего отца. Только что мистер Донелли предоставил нам средство борьбы с твоим врагом и, что любопытно, другими врагами, которые могут появиться. Он рассказал мне все о действиях другой стороны и теперь мы знаем способ как с ней справиться.

Если кризис будет улажен безболезненно, это может побудить твоего отца отречься в твою пользу, намного раньше, чем ты ожидаешь.

Берни перевел взгляд с неё на меня и обратно.

– Он? Но ведь он же работает на Эмблина.

– И это может как-то спасти меня от того, что он самодовольный козёл? – Я презрительно фыркнул в его сторону. – Само собой, о тебе я думаю так же, но ты хоть такой по праву рождения. Он же не лучше меня, но с претензиями, а это хорошо не кончается. Кроме того, я выиграл у тебя больше, чем все, что он когда-нибудь мне заплатит, и он сейчас, вероятно, собирается все у меня отобрать.

– Это правда. Он просто так не выпустит ни один стоун, попавший к нему в лапы. – Бернارد потер руки. – Как мы доберемся до Эмблина?

Я поднял ладони.

– Первое, что ты мне скажешь – это сколько ты мне заплатишь.

– Ты уже получил кучу денег.

– И я заработал из неё каждую монетку. Сейчас мы говорим о дальнейшей работе. Оплата за неё тоже будет заслуженной.

– Тебе заплатят. – Бернارد вернул мне мою презрительную гримасу. – Как только я буду править Басолтом, ты своё получишь.

Я глянул на Альбу.

– Ты работаешь за обещания?

– Нет, но я думаю, залог, положенный на мой счет в КомСтар, вызвал у присутствующего лорда Джермейна кризис наличности. – Она кивнула мне. – Я обещаю тебе четверть уже полученного мной сверх предложенного тебе им.

– Годится.

Бернارد перестал растирать голени и снова потер руки.

– Говори, как мы до него доберемся?

– Ладно, смотри. Альба уже знает планы, над которыми работают люди Эмблина. Ты можешь оставить детали ей. Тебе это знать не нужно и не следует. Дальше, я не собираюсь спрашивать, какими средствами вы обладаете или что-то подобное. Я просто предложу вам определенное дело и, если у тебя есть возможность его осуществить, просто осуществи его. Если я не буду знать планы подготовки и сроки проведения операции, ты не сможешь свалить всё на меня, если что-то пойдет не так. Альба, я присмотрел места для закладной почты и мы разработаем для неё график выемки. Если я услышу о чем-то, что помешает предложенной мной операции, я дам знать.

– Хорошо, я как раз собиралась это сказать.

Лорд Джермейн насупился.

– Ля, ля, ля, несут что-то несуразное, словно куритянские дворняжки. Как мы достанем Эмблина?

– Вот тебе полный комплект. Из двух частей. Во-первых, люди Эмблина не взяли на себя ответственность ни за канализацию, ни за пожар. Они колебались, потому что скептики обсаживали теорию правительственного заговора и это выставляло правительство в дурном свете. Как только появится группа, которая возьмет ответственность за эти вещи, утверждения правительства будут доказаны и население поймет, что государство подверглось нападению. Так что первым твоим шагом будет создание организации, якобы анархистской, которая сделает несколько заявлений и примет на себя ответственность за террористические акты. Ты обещаешь, что в будущем атаки продолжатся.

Нетерпение Бернарда углубляло морщины на его лбу.

– Я все ещё не услышал то, что хотел услышать.

Альба сделала мне успокаивающий жест и я кивнул в ответ.

– Второй этап: ты должен нанести по нему сильный удар, так, чтобы уронить его авторитет. Ты не должен убивать невинных людей, потому что уже сложилась такая манера действий.

Тебе нужно пригвоздить крупную цель, которая будет стоить ему много времени, денег, артериального давления и престижа.

Глаза лорда загорелись.

– Я знаю такое место. Просто идеальное.

– Ладно, делай что хочешь. Я так понял, что ты располагаешь ресурсами, необходимыми для проведения операции. Для тебя важно, чтобы твой маленький освободительный фронт, или как там ты его назовешь, взял на себя ответственность и представил логичную причину удара по Эмблину. Это снимет с него лоск недавнего выступления и разъярит, так как он будет знать, что твои люди не совершали первых атак, но он не сможет выступить и все опровергнуть, ведь единственное доказательство, которое у него есть – это то, что он сам их и организовал.

Идея повесить Эмблина на бикфордовом шнуре его собственной динамитной шашки явно возбудила Бернарда.

– Да, это сработает. Долежай...

– Я сделаю так, что сработает.

– Перешли мне детали. Я хочу пилотировать один из мехов.

Я убежденно затряс головой.

– Нет, ты не будешь это делать.

– О, ещё как буду.

Я вздохнул.

– Если ты это сделаешь, ты полностью уничтожишь любое преимущество, которое можешь приобрести. Ты должен находиться выше всего этого и в отдалении. Подумай, что сделает Эмблин, когда ты сильно по нему ударишь?

– Ударит в ответ.

– Правильно, так же сильно или ещё сильнее. И кто будет человек, который умиротворит события силой оружия? Это будешь ты, посредством тобой же отобранных воинов, которых ты нанял за свой счет, чтобы гарантировать мир и спокойствие своей нации. Если ты отправишься на этот рейд и случится что-либо, разоблачающее твоё присутствие, ты все потеряешь. Тебе нужно быть где-то в другом месте, очень заметном.

– Мне нужно алиби. – На его лице появилась мрачная улыбка. – Очевидное и бросающееся в глаза.

– Точно. – Я встал. – Я оставляю все на ваше усмотрение. Здесь есть задний выход, которым они прошли, так, чтобы люди Нимейера не могли сделать их голографии?

Альба кивнула, встала и обошла стол. Она переступила Тейта.

– Я сейчас вернусь, милорд.

– Хорошо, я пока подумаю.

Мы оставили его заниматься этим трудным делом. Она провела меня вниз по двум пролетам лестницы и через дыру, пробитую в стене подвала в кладовку ресторана, размещавшегося по соседству.

– Вверх по лестнице, через кухню и готово.

– Хорошо, спасибо. – Я пожал её руку. – Я надеюсь, ты сможешь все организовать без его существенного вмешательства.

– Смогу. – Её рука, вместо того, чтобы отпустить мою, сжала её крепче. – Когда Тейт очнется, он захочет увидеть тебя совсем мертвым. Он будет сдерживаться, пока Бернард считает тебя полезным. Тейт постарается его переубедить и когда ему это удастся – а ему это удастся – тебя прикончат.

– Я слышу подобное не в первый раз.

Альба с любопытством улыбнулась мне.

– Но они правят планетой и они просто сдадут тебя Эмблину. У него руки длиннее, чем у них, а он может быть даже ещё более мстительным.

– Я рискну. Натравливать их друг на друга непросто, но прибыльно. – Я кивнул ей на прощание. – И, как ты знаешь, все, кто борется не во имя денег – дураки.

*Oderint, dum metuant**Пусть ненавидят, лишь бы боялись.*

– Луций Акций

Курорт «Дворец Эмблина», Гранатовое Побережье
Басолт
Префектура IV, Республика Сферы
15 февраля 3133 года

Не следует удивляться тому, что Бернард в качестве своей цели выбрал «Дворец». Я уверен, Альба предупреждала, что это слишком очевидная цель, но было немного других мишеней, которые могли бы создать такой же эффект при настолько низкой возможности свести человеческие жертвы к минимуму. Поскольку курорт ещё не был открыт, ночью на месте строительных работ бывало очень мало людей. Достаточно дать небольшое предупреждение и здание будет пустым ещё до того, как мехи начнут его разносить.

На меня произвело впечатление, насколько быстро и легко Джермейны смогли создать свой «Социалистический Союз Басолта» и начали заявлять о своей ответственности за некоторые террористические акты. Они приписывали себе дела с канализацией и пожаром и ещё кое-что, вызывавшее недовольство правительством в прошлом. Я нашел это довольно умным ходом, так как это снимало претензии с правительства и создавало вокруг ССБ ореол более длительной истории, делая его намного более угрожающим.

Цыган немедленно поднял шум, потому что частью нашего плана было объявить себя причиной происходящего и формировать нужное нам общественное мнение. Я осторожно указал на всё ещё сохранившуюся у нас возможность это сделать, и довольно легко. «Послушай, мы оба знаем, что Джермейны организовали подобные заявления, чтобы упрочить свою позицию и снять вину с правительства. Мы знаем, что мы можем разрушить их план, так как можем предоставить полиции технические детали по взрывчатке и десяток других вещей, которые можем знать только мы. Мы можем заново привлечь к вниманию к себе и, если захотим, выставить эту ситуацию как попытку правительства снять вину с себя. Более того, правительство явно пытается приписать себе прошлые операции для того, чтобы безнаказанно использовать ССБ для удара по Эмблину».

Между Цыганом и мной состоялась беседа, представлявшая собой вариант от нашего разговора с Бернардом и Альбой. Я дал ему самому догадаться, какова наиболее логичная цель Бернарда и мы согласились, что это должен быть «Дворец». Так как во «Дворец» и из него постоянно шел поток транспорта и периодически посадочные корабли прилетали на посадочную площадку около курорта – доставляя строительные материалы и прочие крупногабаритные грузы – перебросить легкую роту было сравнительно просто. Мы решили, что пара боевых мехов и десять машин под командованием Котфорда справятся. Компания «Эмблин Холдингс Лимитед» имела лицензию на звено мехов для проведения испытаний вооружения, так как одна из дочерних компаний производила боеприпасы. Мехи были перекрашены в серый цвет, а на боках или груди у них были наклеены черные орлы – торговая марка Эмблина. Взвод пехоты провезли переодетыми в рабочих.

Меня отстранили от всей военной части операции и это было неплохо, потому что в данный момент я шел по очень острому краю. Я, в основном, работал над планированием ударов по «Джавапалс Дженерейторс» и помогал Элли создавать «настоящее» партизанское движение

Басолта. Мы решили назваться «Свобода от нужды» и использовать аббревиатуру СОН в качестве нашей эмблемы. С таким названием мы могли прилепиться к любой теории и объявлять злодейством что угодно.

Мы знали, что изобличение ССБ будет сложным делом и осуществить её потребуется в два шага. Котфорд, в роли службы безопасности Эмблина отобьет атаку ССБ на курорт. Будет проведено расследование, вероятно полковником Нимейером или его коллегами с севера. Сразу после этого мы ударим по «Джавапалс Дженерейторс», возьмем ответственность на себя и оставим следователям улики, которые докажут, что и все остальное совершили тоже мы. Тогда мы сможем вывести ССБ с его заявлениями на чистую воду, доказав каждому, у кого есть хотя бы пара извилин, что ССБ – это дымовая завеса, созданная в целях обелить коррумпированный режим Джермейнов.

То, как работала Эльз, произвело на меня большое впечатление. Она собрала массу слухов и скандальных историй не только о действующем правительстве, но и об Эмблине. Вторые мы подвергали анализу, чтобы подготовиться им противостоять, а в первых выискивали пороки, которые мы могли бы представить на суд общественности, дабы опозорить Джермейнов. Она не только проявляла тщательность в своем исследовании, но и находчивость в использовании уже ею обнаруженного.

Я оставил кампанию по дезинформации ей и начал готовиться к путешествию на север, чтобы засвидетельствовать битву. Как я узнал когда должен состояться рейд? Ну, Бернард вбил себе в голову обязательную потребность в алиби и проявил большое вдохновение в его организации. Он согласился участвовать в полуночном шоу в прямом эфире у одного комика, который даже за недолгое время моего пребывания на Басолте, много раз отличился остротами в адрес Бернарда. Читая между строк об этом событии, я понял, что ведущий уже давно был гвоздем в заднице Бернарда, так что все захлебывались слюной, ожидая представления.

Перед тем, как выехать на север я скинул сообщение для Альбы, предупреждая её, мол, в моём лагере происходят странные вещи и я боюсь, они пронюхали о рейде, так что следует все отменить. Я написал сообщение, аккуратно его запечатал и положил в пустую пивную банку «Дайамонд Негро», специально для неё – и сбросил его под маленьким мостом в одном из парков центра города. После этого я направился к углу и начертал букву «Х» на фонарном столбе, ставя её наблюдателей в известность о наличии послания.

И, само собой, я сделал это слишком поздно, чтобы сообщение было получено вовремя. Потом я сделал один звонок, сел на автобус и отправился на курорт. Обмануть службу безопасности было проще простого, поскольку большинство охранников были работающими за небольшую зарплату местными жителями, зачарованно глазевшими на процесс строительства. Я взял хOVERтакси до места, вошёл, имея в руках небольшой дипломат и заявил, что меня послали переговорить с главным инженером. После того, как я расписался, один из охранников собрался было меня сопровождать, но я сказал ему, что знаю дорогу и он меня отпустил.

Я вошёл на территорию курорта и нашёл ресторан. Чтобы туда попасть, пришлось вскрыть пульт управления лифтом и соединить пару проводов, но повреждений я не нанес, так что моё проникновение осталось незамеченным.

Когда позже происходила эвакуация здания – по порядку пожарной тревоги – появился охранник и спросил, нет ли кого наверху. Я промолчал и все его поиски ограничились стянутой бутылкой каберне-мерло «Кастель Дель-Лестрад» 28-го года.

Вот если бы он потянулся за шардоне, он бы меня нашёл.

Потягивая шардоне 24-го года, я наблюдал за катившимися наверху грозовыми тучами, словно отражавшими силы, собиравшиеся внизу. Наблюдая за происходившим сверху я обнаружил, что могу довольно легко представить себя Аресом, богом войны, с наслаждением вззирающим на самоуничтожение человечества. Человечество далеко шагнуло со дней пехоты с мечами и копьями и вид бойни, которая должна была разразиться, не только усладил бы взор Ареса, но и доставил бы безграничное удовольствие Аиду.

В современном бою нет ничего естественного. Я наблюдал, как силы ССБ появляются с

востока. Они включали двух мехов, один взвод «Симитаров», ещё один взвод бронехOVERов «Фокс» и пару средних танков «Демон». На «Фоксах» приехал взвод пехоты, но, как только машины вошли на территорию курорта по временной дороге, шедшей через джунгли и проложенной в целях строительства, они спешили и разбились на четыре отделения. Всё было окрашено или одето в темно-коричневый и зеленый камуфляж для затруднения обнаружения. Хотя у меня с собой был прибор ночного видения, я не стал его надевать, так как вспышки из зубренных молний светили достаточно ярко, чтобы наблюдать их приближение.

Центр их боевого порядка образовывал «Файрстартер». Хотя в бою он не представлял собой большой угрозы, он был способен нанести серьезный ущерб зданию, в котором я стоял. Хотя я не сомневался, что Бернард предпочел бы размолоть «Дворец» в пыль, превратить его в дым, словно некое подношение богам, было бы зрелищней и соответствовало бы пиромания-кальным наклонностям, которыми ССБ, как было заявлено, страдало.

Их вторым мехом была подвижная «Пантера», вооруженная пушкой-проектором частиц повышенной дальности. Это оружие и пара пусковых установок ракет ближней дальности, установленных в торсе меха, делали его грозным противником в бою, а прыжковые двигатели и броня давали маневренность и живучесть – по крайней мере в сравнении с мехами сопоставимого класса.

Я должен отдать Котфорду должное. Несмотря на то, что я считал его обладателем гигантского эго и карликового интеллекта, он оказался очень хорош в устройении засад. Он очень точно предвидел состав сил, которые Джермейны бросят против него и сумел выставить почти точно соответствовавшие задаче силы. Он перебрал всё доступное Цыгану в поисках лучших пилотов и вооружения, получив, вкупе с фактором внезапности, колоссальное преимущество. Его выбор мехов это преимущество только усилил. С его первого выстрела, точного и прекрасно рассчитанного по времени, силы ССБ были обречены.

Пара многоцелевых танков «Кондор» – громоздких гусеничных машин с толстой броней и размещенной в башне пусковой установкой дальноточных ракет – вместе с «Катапультай» – дали по «Файрестартеру» полный ракетный залп. Координаты наведения они получали из одной из бытовок строителей, так как сами находились в котловане под фундамент третьей башни «Дворца». Ракетная атака затмила молнию и шестьдесят ракет прочертили дуги к своей цели. Взрывы опутали антропоморфный мех гирляндой огней, расцветая красными и золотыми бутонами. Броня разрывалась и разлеталась полурасплавленными кусками. «Файрстартер» зашатался, а его левый манипулятор отлетел, крутясь в воздухе перекрученной массой металла. Мех упал на колени, затем опрокинулся на спину, заливаемый струями дождя.

В этот момент обе стороны разразились огнем из всего, что у них было. Красные, зеленые и неровные голубые лучи прорывались через грозу. Некоторые экипажи начали стрелять, как это всегда бывает, в воображаемых врагов. Искусственные молнии пушек-проекторов частиц казались тусклыми в сравнении с яростью природы, но они пропахивали в броне дымящиеся борозды. «Пантера» ССБешников координировала свои действия с «Симитарами», решив сосредоточиться на одном из врагов. Их экипажи вели быстрый и точный огонь по взводу средних танков «Джоуст» Котфорда, стараясь подбить их до того, как те скосят пехоту своими пулеметами.

Когда взвод «Джоустов» двинулся вперед, в воздух полетел дерн из под гусениц. Их башни перемещались, отслеживая цели, и большие лазеры, которыми были вооружены машины, выплевывали толстые пучки зеленого света. Броня на груди «Пантеры» испарилась, оставив вместо себя сердито дымящиеся шрамы, но пилот удержал машину от падения. Он отстреливался из проектора частиц и ему помогали «Симитары», запустив дюжину ракет малой дальности в одного из «Джоустов».

Огонь ССБешников изуродовал левую сторону «Джоуста», срезав броню, как будто это было кровельное железо. Проектор прошелся вдоль и вниз и лазурный луч прорезался через гусеницу, хлыстом слетевшую с катков, словно агонизирующая змея. «Джоуст» развернулся налево, подставив атакующим лобовую броню, а остальные три танка спешили на подмогу.

Ещё один обмен огнем вероятно добил бы «Джоуста», но до того, как «Пантера» смогла атаковать, «Катапульта» и «Кондоры» низвергли на неё свой огонь. Секунду назад она стояла на месте, выглядела сильной и устрашающей. Секунду спустя машину, словно волшебника, собирающегося показать фокус с исчезновением, окружили огонь и дым. После того, как огни угасли, произошло превращение гордой машины войны в перемолотый мусор. Один из манипуляторов была оторван полностью, другой обрублен в локте, а мех бросило на одно колено. Броня с торса исчезла и было видно, как в изуродованном теле горело внутреннее оборудование.

Голова пораженного меха клюнула вперед и тело медленно осело. Похоже было, что труп «Пантеры» мог остаться в такой замершей позе и у меня перед глазами появилась картинка этого меха, упокоившегося на терранском Кладбище. Затем огонь осветил кабину, лицевая пластина фонаря отлетела и пилот катапультировался. Его уносил реактивный двигатель пилотского кресла, но он пошёл под неудачным углом, поэтому ударился в грунт и разбился. Кресло разлетелось на части, как и пилот, а за ними завалилась «Пантера», смещенная отдачей от катапульты.

Солдаты ССБ, должно быть, с самого начала поняли свои крупные неприятности, но у них было немало храбрости. «Симитары» проносились мимо танков Эмблина, разряжая в них ракетные установки ближнего боя, озаряя местность лазерами, а затем скрывались как плотва, освещенная фонарем. Или им повезло, или всё дело было в умении, но объединив силы с «Демонами», они смогли подбить ещё два танка, несмотря на то, что последний выкосил пулеметами пехоту ССБ, поубивав почти всех.

Котфорд, судя по всему, счел «Симитары» и их отважные попытки личным оскорблением, поскольку ввел в бой свой «Юпитер», когда в этом уже не было нужды. Стотонный боевой мех большими шагами вошёл в на поле боя, будто его тезка три тысячелетия назад. Глядя на него я не смог удержаться от чувства восторга, ибо стоявшие перед ним были бессильны его остановить и он мог убивать их по своему желанию.

И такое желание у него было.

«Юпитер» — это гуманоидный мех с автопушками в каждом из манипуляторов, ПД ППЧ и пусковыми установками РДД в торсе. Когда он идет, дрожит земля. Это одновременно восхитительно и страшно, и это причина, по которой Стоун хотел ограничить распространение мехов и, в то же время, использовал их как средство уничтожения тех врагов, кто этому ограничению противился.

«Юпитер» почти небрежно повернулся к одному из «Симитаров». Полыхнули проекторы частиц, воткнув голубые копыа энергии в правый бок танка. Броня испарилась и, перед тем как корпус начал плавиться, образуя лужицы, металл засветился. Башня просела и обвалилась внутрь, а после этого сдетонировали ракеты БД. Брызги огня подбросили турель в воздух, где она затерялась в темноте.

Отряд ССБ начал отступать, но их усилия были слишком слабыми и слишком запоздалыми. В убегавшие цели летели залпы ракет. Один из «Фоксов» прекратил существовать, как только «Кондоры» и «Катапульта» соизволили обратить на него своё внимание. Взрывы оставили воронку на его месте, а его броня и корпус превратились в осколки.

Из всех ССБшников ушли только два «Фокса». Котфорд начал бы преследование беглецов, но тут вмешались другие силы. Эти силы представляли собой бойцов Управления Общественной Безопасности Гранатового Побережья. Они прибыли на вертолетах и бронетранспортерах, выплевывавших бойцов в тяжелой броне. Перед тем, как покинуть Манвиль, я сделал анонимный звонок в отдел Нимейера о нехороших делах, которые должны происходить на курорте этой ночью. Их вмешательство означало задержание выживших бойцов ССБ для допроса, предвещающая неприятности для Джермейнов.

Также это разочарует Котфорда, так как я был совершенно уверен, что он хотел бы захватить их как военнопленных. Я не знаю, что он понимал под правильными методами допроса, но до меня доходили кое-какие слухи о Сивек, и я хотел уберечь этих людей от её лап. Я сомневался в обладании рядовыми бойцами существенной информации и совершенно не хотел, чтобы они

меня ненароком выдали, если случайно видели в «Яйцах».

Я наблюдал, как люди из УОБа повязали арестованных и видел, как Котфорд спустился из кабины «Юпитера». К нему подбежали медтехи из УОБ, но по его жесту я не мог сказать, то ли он требует, чтобы к нему не прикасались, то ли пытается выпроводить их с земли Эмблина. Кто-то закованный в металл – Нимейер, наверное, хотя они все выглядели огромными в этой броне – припер его к ноге меха и Котфорд, кажется, немного остыл.

Вдалеке вертолет УОБа некоторое время преследовал уходившие машины, но отвернул в сторону, когда его обстреляли из лазеров и пулеметов.

Я ещё немного посмотрел и развернулся. Я бы отдал свои верхние клыки, если бы мог вживую поглядеть на рожу Бернарда, когда он увидел последние новости по головизору, но удержался от того, чтобы найти во «Дворце» головизор и включить его. В конце концов, я знал, что смогу наслаждаться повтором вечно и, с этой мыслью, нашёл кровать и заснул совершенно счастливым.

31

Я сделаю тебя ужасом для тебя самого и для всех друзей твоих
– Иеремия, 20:4

Манвиль, столичный округ
Басолт
Префектура IV, Республика Сферы
16 февраля 3133 года

Несмотря на то, что курорт ещё не был открыт, он уже мог предоставить своим случайным посетителям все удобства. Перед тем, как утром уйти, я скачал все сообщения новостей по интересующим меня темам. Двумя основными темами для обсуждения, фигурировавшими почти во всех передачах, были нападение на «Дворец» и выступление Бернарда на головидении в прямом эфире.

Честно говоря, Бернард выступил лучше, чем я ожидал. Пока ведущий над ним издевался, а Бернард метал в ответ несколько кем-то написанных для него шуток, завязался разговор о недавних событиях и всеобщее внимание сместилось на все эти дела с ССБ. Бернард заготовил на этот случай несколько восхваляющих правительство сентенций и воззвал к национальному чувству граждан. Его заявление можно было с уверенностью считать призывом к народу объединиться вокруг правительства Джермейнов.

– Наш мир всегда был мирной планетой, на которой мы построили гармоничное общество. – Бернард собрал свою физиономию в маску искренности, которую ему удалось, по большей части, сохранить. – Федеративные Солнца всегда считали нас своими стойкими приверженцами и положительным примером для других. Так считала и Республика, в начале своего существования и она включила нас в свой грандиозный эксперимент именно потому, что нуждалась в таком примере,

как мы. Но сейчас, когда этот эксперимент рушится, нам нужно позаботиться о себе, ибо никто не придет к нам на помощь. В действительности, силы извне стремятся лишь уничтожить нас.

— Наше будущее в наших руках и мы должны удерживать и защищать его как можно надежней. Мы знаем имена совершавших эти акты террора. Вы сейчас в недоумении, но вы найдете их среди тех, кого считали своими друзьями. Вы знаете, кому вы можете доверять — людям, в чьих глазах видны лишь искренность и честность, в чьих голосах — чистота, кто откровенно готов приветствовать вас, кто не пытается от вас отдалиться. Мы все должны объединиться, чтобы спасти наши дома от инородного влияния, которое разорвет наш мир.

Расистская подоплека его призывов была обильно закамуфлирована лестью, но пропустить суть его идей было невозможно. Он направлял глаза своих граждан на инородцев, то есть, судя по тому, что я наблюдал, на всяких людей с узкими глазами или свободно владевших не только английским, но и языком своих предков. Его послание было настолько тонким, насколько это вообще возможно, а значит было подготовлено заранее и это заставило меня задуматься: кто же вложил эти слова в его глотку?

Если ведущий и заметил, с каким самообладанием и насколько легко Бернард выступил, он не стал это комментировать и объявил паузу в передаче. Согласно расписанию проведения шоу, Бернард отправился в свое кресло, а на экране появился следующий приглашенный в студию гость, а потом следующий. Сразу после того, как новая подростковая поп-звезда испелась до потери пульса, ведущий дал Бернарду возможность прокомментировать последние известия о попытке ССБ уничтожить «Дворец Эмблина». Я видел, как на лбу Бернарда запульсировала вена, но он удержался от взрыва. На него снизошло озарение и, вложив весь свой гнев в свой голос, он осудил ССБ и его борьбу. «Я только что вернулся из этого места и я знаю, почему они хотели его уничтожить. Это озлобленные люди, неспособные вынести чужой успех. Басолт, бывший прекрасным местом под руководством моего отца, всегда приветствовал успех, и он снова будет таким. Все мы трудимся во всеобщее благо и мы должны объединиться в борьбе против ССБ так же, как мы в ходе последних событий объединились ради помощи достойным гражданам Манвиля. Мы не можем позволить им победить и мы не позволим. Я не позволю. В этом я клянусь истинным гражданам Басолта».

Просматривая передачу на экране моего наладонника, пока я ехал в автобусе на юг, я подумал, что он прекрасно справился, хотя и произвел устрашающее впечатление. Средства массовой информации Контрессы и Манвиля разделяли мои оценки, но я слышал и другие мнения, от колкостей из городов дальше на север до гневных нападок с других континентов. Некоторые обозреватели предполагали, что он не желал бы уничтожения «Дворца» только потому, что это единственный курорт, откуда его ещё не попросили убраться. Чем дальше от Манвиля был источник сообщения, тем жестче была критика и его сеющие раздор в обществе замечания также не оставались незамеченными. В передовице одной из газет было даже сказано, что, может быть, басолтианцам следует подумать над предложениями ССБ, и есть смысл разобраться, не настигла ли планету стагнация и, не нуждается ли она в притоке свежей крови и воли, чтобы дела начали крутиться быстрее.

Так всегда бывает в обществах с централизованной властью. Чем дальше от эпицентра власти, тем слабее хватка центра. Хотя люди в провинции были недостаточно раздражены, чтобы начать революцию, их можно было направить на поддержку уже начавшейся. Цыган уже как-то говорил о том, что желтая пресса и мнения из удаленных регионов могут послужить рупором пропаганды против Джермейнов. Большую часть материала, собранного Элль, можно было спустить туда и, тем самым, ещё более ослабить действующий режим.

О рейде рассказывали любопытные истории. Нападавшие были сразу определены как ССБ и это определение удалось проследить до некоего чиновника правительства. Я не думаю, что он был связан с Бернардом, просто догадливый бюрократ, пустивший слух в прессу и ожидавший, что УОБ его подтвердит. Журналисты в провинциальных регионах не получили более поздних заявлений из Контрессы, так что в деревенской глуши утро потратили на разговоры о полном разгроме ССБ.

Управление Общественной Безопасности Контрессы подтвердило результаты боя. Оба меха подбиты, пилоты погибли. Четверка «Симитаров» была уничтожена, а их экипажи сгорели, так же дело обстояло с двумя бронеховерами «Фокс» и обоими танками «Демон». Большая часть пехотинцев погибла, кроме трех, госпитализированных в критическом состоянии. Ещё трех солдат схватили и допрашивали, но похоже было, что они держали рот на замке. Я знал, что у Альбы хватит мозгов не ставить их в известность о личности их нанимателя, поэтому, в любом случае, они немного могли рассказать. Если они смогут продержаться двадцать четыре часа, этого будет достаточно, чтобы Альба и её люди подчистили все свои следы в Манвиле.

Все это работало в пользу плана смены ролей и замещения ССБ на СОН. Утверждения, сделанные от имени правительства, вкупе с последующим молчанием, можно было выставить в виде позорного заговора, служащего цели прикрыть очередной провал. Это взбесит Бернарда ещё сильнее, означая, что он накинется на Эмблина с удвоенной яростью.

Чтение полностью заняло моё время на обратной дороге. Квом сделал потрясающий обзор по ресторану в восточной части города, так что я сделал для себя пометку туда сходить. На станции в Манвиле я взял ховертакси до «Гранд Джермейн», поднялся в номер, принял душ и переоделся. Как раз когда я собирался уходить, в дверь постучали.

Я открыл и увидел двух офицеров УОБа, из столичного округа.

– Да?

– Мистер Донелли, вы пойдете с нами.

– Полковник Нимейер слишком занят, чтобы взяться за меня лично?

– Вам нужно пройти с нами, сэр. – Оба носили зеркальные солнцезащитные очки. Их лица и голоса оставались совершенно бесстрастными. Они были молодыми и очень мускулистыми и дали мне понять, что возможность отказа не обсуждается.

Я пошел с ними. Они провели меня до лифта, затем вниз, в гараж, и направили к темному, непримечательному ховеру.

– Вы сядете сзади. Таковы правила.

Я кивнул, наклонил голову и полез внутрь.

Вот тогда один из них и засадил мне кулаком по левой почке. Моё тело пронзила боль и я потерял способность дышать. Мои ноги стали просто резиновыми, а он врезал мне ещё раз. Удар пришелся по правой почке, и я понял, что буду мочиться кровью несколько дней. Если столько проживу.

Они схватили меня за руки, вывернули их за спину и надели наручники. Прижав мои ноги к моей груди, они сложили меня вдвое и засунули в щель между задним и передними сиденьями и захлопнули дверь. Секундой позже они расселись, двигатель заурчал и мы поехали.

Я бы попробовал подсчитать, сколько времени проходило между поворотами, чтобы найти дорогу снова, но сложно задерживать дыхание, пытаюсь почувствовать жжение в легких, если ты не можешь дышать. Несмотря на боль, я изогнул спину и вдохнул немного свежего воздуха. С хрустом подаваясь вперед я выдыхал, изгибаясь – вдыхал. Некрасиво, неудобно, но единственно возможно на тот момент.

Странно, но, несмотря на то, что я мог опознать моих похитителей, я не боялся за свою жизнь. Если бы УОБ хотел меня убить, этим бы занялся лично Нимейер, а я не сделал ничего, побуждающего полковника пожелать моей смерти. Я предполагал у него наличие желания накостылять мне так, чтобы я от страха убрался, но убивать, если не было пролито крови невинных людей? Это было на него непохоже.

Наконец машина остановилась и меня протащили через дверь из помещения для погрузки грузовиков в маленькую контору склада. Разбросанный повсюду мусор и резкий запах мочи свидетельствовали о его заброшенности. В этот момент дела стали выглядеть плохо, потому что было очень легко представить себя брошенного здесь с простреленной головой и найденного только после того, как соседи почувствовали странный запах и заметили тучи летающих мух.

Они заволокли меня в комнату, усадили в кресло и я ощутил подзатыльник. Мне почудилось, что я снова на Хелен и я оглянулся, ожидая увидеть командующего Рейса. Не повезло.

Там стоял Бернард и он был, э, очень зол.

– Ты – лживый мешок дерьма, Донелли. – Он двинул мне левой, но получилось неудачно и он только ободрал костяшки о мой череп. – Ты ещё более вероломная скотина, чем эти куритяньские шавки. Ты нас продал! Ты рассказал им где мы будем и когда.

– Как я мог это сделать, если я этого не знал?

– Ну, ты нас подставил. Ты заставил меня подумать о «Дворце» и сделал так, что я подумал о головидении. – Он глянул на мой эскорт, посасывая ободранные костяшки. – Преподайте ему урок.

– Сэр?

– Врежь ему, черт тебя побери. Сделай ему больно.

Один из них выдернул меня из кресла, просунул руки под мои и сцепил пальцы в замок на задней стороне моей шеи. Другой натянул кожаные перчатки, на тыльной стороне которых были вшиты свинцовые вставки. Это добавляло веса ударам.

Конечно, вы думаете, что вот я сейчас, весь из себя рыцарь-призрак, всем покажу. Что меня научили всяким вещам, способным выручить в разных ситуациях. Что мои воинские таланты делают меня смертоносным и безо всякого оружия. Да выбраться из подобной ситуации будет плевое дело.

И так бы и было, если бы мои руки не были скованы, если бы в меня медвежьей хваткой не вцепился бы тип, способный побороть на татами мех, а мои почки не горели бы как раскаленные угли. Все это ставило меня в очень невыгодное положение, которое становилось всё невыгодней, по мере того, как амбал из УОБа пытался навечно впечатать мой пупок в мой же позвоночник.

Тут я мало что мог сделать. Ну, во-первых, меня на него вырвало. Во-вторых, я расслабил мочевой пузырь и позволил ему опорожниться досуха. Парням из управления все эти штуки из отправлений организма очень не понравились. Бернарду же то, что я обмочился, показалось очень забавным. Он изо всех сил изгалялся, демонстрируя мне этот факт, глумясь надо мной, почему и позволил им снова меня усадить.

– Надеюсь, тебе нравится сидеть вот так, Донелли, потому что именно так ты сдохнешь.

– Ладно. Хорошо. Я сдохну. Но тебя это не спасет.

Он схватил меня за волосы и запрокинул мою голову.

– Что ты имеешь в виду?

– Подумай. Спроси Альбу. Я ей отправил сообщение. Я ей сказал все отменить.

– Она ничего не получала.

– Оно было в закладной почте. В банке. – Я повернул голову и плюнул в него, промахнувшись. – Я сделал отметку. Я сказал тебе все прекратить.

– Врешь!

– Ладно. Я не виноват, что какой-то псих, помешанный на чистоте природы подобрал банку. – Я сам смог поднять голову. – Ты уверен, что она его не получала?

– Она ничего не говорила... – Его глаза сузились. – Что ты несешь?

– Может быть она ничего не получала. Но она – наёмник. Её можно купить. Может она – собственность Эмблина. Она ведь знает детали, так? Кто ещё?

– Я, Тейт, она.

– И её босс. Или босс твоего кузена.

За это я получил очередную оплеуху.

– Тейт не предатель.

– Ладно. Одним подозреваемым меньше. – Кровавая слюна стекала в лужицу у меня между ногами. – Она скажет, что получила сообщение слишком поздно. Вот так, просто слишком поздно.

– Она тоже не предатель.

– Нет, милорд. У вас завелся предатель. И вам нужно его выкурить. – Я фыркнул. – Если ты этого не сделаешь, Эмблин тебя достанет.

– Как мне найти этого предателя?

Я выпрямился, взглянул на стражей.

– Насколько ты им доверяешь?

Бернард посмотрел вверх, потом отослал их движением руки.

– Как?

– Скажи Альбе, что ты собираешься провести операцию политического значения. Расскажи ей план. Расскажи каждому из её подчиненных разный план. Если это политическая операция, Эмблин использует меня, чтобы противостоять ей. Я узнаю детали, сообщу тебе. Ты будешь знать, кто тебя сдал.

Он подумал немного и кивнул.

– Это может сработать.

– Хорошо. Продолжай давить на Эмблина. Больше действия.

– Больше провалов. Нас снова сдадут.

– Нет, ты должен продолжать делать то же, что делает он. Он не может прикрыть все. Ты пытался откусить большой кусок и повредил челюсть. Теперь кусай понемногу. Должно быть много быстрых ударов по случайно выбранным целям, осуществленными отдельными группами без общего руководства. Он не сможет защитить все цели. Сотня мелких укусов выпустят из него столько же крови, что и один большой. – Я усмехнулся. – И когда его силы смешаются в попытке защитить мелкие цели...

– Мы вернемся во «Дворец». – Бернард начал прохаживаться. – Неужели я ошибся насчет тебя, Донелли, или ты снова пытаешься меня подставить?

– Знаешь что? Плевал я на тебя и твой Басолт. Вытащи меня отсюда и я уберусь с планеты. Если сегодня днем отбывает корабль, я на нем улечу.

– О, нет, не улетишь.

– Почему нет?

– Потому что ты мой человек в организации Эмблина. Ты мне доставишь предателя тепленьким.

– Ладно, а потом уберусь.

– Нет, мистер Донелли, даже близко не так. – Бернард одарил меня ухмылкой, которая заставила меня затосковать по Хелен. – После предателя ты мне сдашь самого Ринга Эмблина.

Правила устанавливает тот, у кого есть золото.
– Золотое правило, ред. 2.0

Манвиль, столичный округ
Басолт
Префектура IV, Республика Сферы
16 февраля 3133 года

Бернард позвал своих громил обратно и они потащили меня вниз к хOVERу. Учитывая запущенное состояние моей личной гигиены, они засунули меня в багажник и повозив недолго по городу, выбросили в переулке. По очереди попинав меня ногами в живот, они меня расковали.

Один схватил меня за волосы и засветил мне свободной рукой.

– Не глупи. Делай то, что он хочет. В следующий раз мы тебя закопаем там, где никто не найдет. – Он отпустил мои волосы и ударом ноги забросил на мусорную кучу.

В этот момент я потерял сознание, а когда пришёл в себя подумал, что брежу. Я лежал на спине на куче мусора, от которой несло выbleванными пиццей и апельсинами. На моей груди сидел довольно крупный жевун, который поднялся на задние лапы, когда я открыл глаза. Он продемонстрировал мне усмешку, полную жевунских зубов, отчего мой желудок свело ещё сильнее, а потом заговорил.

– Ты такое жалкое зрелище, что даже жевун жрать тебя не хочет.

Несколько мгновений я удивлялся, почему это жевун говорит о себе в третьем лице, но потом мои мозги сориентировались и сообщили мне, что на самом деле голос шёл сверху и справа. Мы оба – жевун и я – одновременно посмотрели в этом направлении. Жевун резво ускакал, а я пожалел, что не могу сделать так же.

Я простонал:

– Добрый вечер, полковник Нимейер. Вышли на пробежку?

– Нет. Иду от коронеров, мы собираем трупы ССБшников по кускам, как головоломку. Много работы, а виноват – ты.

Я повернулся на правый бок и стукнулся обо что-то коленом.

– Я виноват? Вызовите файл контекстной помощи по этому вопросу, пожалуйста.

– Брось, Донелли. Я знаю, что происходит. – Он упер кулаки в бедра. – Почему, как ты думаешь, я здесь?

Он меня почти развел на этот раз, но в моей голове прояснилось уже достаточно, чтобы моя подготовка дала себя знать. Каждый раз, когда кто-то из органов начинает задавать незавершенные вопросы, вроде «Вы знаете, почему я вас остановил?» или «Вы знаете, насколько быстро вы ехали?» – они пытаются выудить из вас информацию, чтобы использовать её против вас же. Логичный ответ на этот вопрос предполагал, что ему все известно о СОН и ССБ и он уже сумел меня с ними связать. Пытаясь отмазаться от таких предположений, я могу случайно расколоться, а в результате влип бы ещё сильнее.

Я уже было собирался принять угрюмый вид и брякнуть в ответ что-нибудь расплывчато оскорбительное, но мозги, наконец, заработали и у меня появилась идея.

– Вообще-то, я думаю, вы проводите внутреннее расследование в управлении общественной безопасности по вопросу деятельности офицеров Хигла и Гигла. Вы знаете, что они работают на Бернарда Джермейна и боитесь, что произошло нарушение закона, а секретность следствия, которое вы ведете, может оказаться из-за них под угрозой. Однако вам нужно поймать их на

горячем, предпочтительно вместе с Бернардом, так как у него достаточно влияния, чтобы прикрыть их и дискредитировать вас. Я угадал?

Нимейер моргнул и присел на корточки рядом со мной.

– Сейчас я думаю, что ты намного умнее, чем я думал раньше. – Он осмотрел меня с головы до ног и покачал головой. – Не то, чтобы ты производил сильное впечатление в твоём состоянии.

– Ну да, я упал с лестницы. В писсуар.

Он дотянулся до меня и развернул моё лицо, той стороной, где наливался синяк от последнего удара Гигла.

– Ладно, мы с тобой поговорим, но я хочу быстро пройти через стадию мачо и позёрства. Я знаю, что ты не сдашь мне Бернарда. Ты не настучишь на другого жевуна. И может быть ты вбил себе в голову самому добраться до Хигла и Гигла. Выбрось эту идею из головы. Они тебя прикончат или, даже если ты их прикончишь, то тогда тебя прикончу я. Придется.

– Ладно, вы сэкономили себя двадцать минут. И в чем смысл?

– Мне безразличны мой мир и мои люди. До сих пор, не считая наёмников, которых размазали на севере, не произошло ничего, кроме ущерба собственности. Это не в стиле Бернарда. Кто-то сильно влияет на обстановку, чтобы всё не закипело. Это меня радует, но этот же самый человек прекрасно знает, что рано или поздно бурление начнется. Он не сможет контролировать человека вроде Бернарда. Никто не сможет.

Я сузил глаза.

– Никто? Даже вы?

– Я смогу его удерживать, но для этого мне нужно его забрать.

– И вы хотите, чтобы я его каким-то образом вам сдал?

– Нет, это будет возвращение к той части беседы, которую мы решили пропустить. Ты этого не сделаешь. Ладно. – Он медленно встал. – Я до него доберусь, так или иначе. Умный парень, вроде тебя, может успеть убраться раньше, чем это произойдет.

Я посмотрел вверх.

– А как умный парень, вроде меня, узнает, когда это должно произойти?

– Так же, как и тот, кто сказал нужное слово управлению насчет нападения на севере. Ты не был достаточно умен, чтобы убраться с Басолта сразу, но я надеюсь что ты окажешься достаточно умен, чтобы не остаться здесь навсегда.

Нимейер не предложил мне руки помочь встать, а тем более не предложил подбросить обратно до «Гранд Джермейн». Когда я наконец смог встать, я ощупал себя на предмет травм. Было много синяков на животе и груди, но, насколько я мог судить, ребра сломаны не были. Некоторое время со мной нужно будет обращаться очень нежно, но работоспособность я сохранил.

Выбравшись на улицу, я разобрался, где я нахожусь и нашел дорогу в «Гранд Джермейн». Я вошёл через гараж и добрался до номера незамеченным. В кои-то веки никто меня в номере не ждал, поэтому я стянул с себя одежду и засунул её в душ. Я пустил сильную струю горячей воды и заполнявший ванную пар давал приятные ощущения. Мне также понравилось, что пар покрыл испариной стекло зеркала и мне не требовалось смотреть на это пурпурно-красное чудо.

Я осторожно помылся, скомкал промокшую одежду и позвонил в службу чистки гостиницы, переоделся и снова вышел. Я зашел в главный корпус общественной библиотеки и постоял рядом со статуей стилизованного льва с часу дня до десяти минут второго и пошёл вниз по улице к ресторану «Джавапалс Дженерейторс». Я взял кофе и пшеничную лепешку и успел наполовину справиться с обоими к моменту, когда появился Цыган.

Он широко улыбался, не отказав себе отведать из моей тарелки.

– Все прошло блестяще. Мы сейчас занимаемся деталями освещения в средствах массовой информации и нашим следующим шагом. – Он посмотрел на витрину ресторана и я представил её себе обгорелой и расплавленной.

– Когда?

– Мы начинаем нашу операцию сегодня вечером, чтобы полностью представить её завтра в раннем выпуске новостей.

– Хорошо. Что требуется от меня?

Он прожевал и сделал глоток, пока вытаскивал свой наладонник из кармана.

– Мы ищем кандидатов, из которых можно вытащить поддержку и, надеюсь, деньги на будущие достойные свершения. У меня здесь список. Выбери один.

Я просмотрел список, нахмурился.

– Здесь нет Благотворительного Фонда Басолта.

– Фамильные связи дают отрицательный результат.

– Я не согласен. Она составляет такой контраст с остальными, что они выглядят ещё хуже. Они подвергали её остракизму, а она при этом настолько мила, что они выглядят просто чудовищами. Кроме того, если оставить её на сцене, то когда будет протянута оливковая ветвь мира, найдется кто-то, кто сможет её принять и это успокоит незатронутую кризисом часть населения, особенно людей инородного происхождения, которым она помогала. Нам нужно предвидеть события на два шага вперед, разве нет?

Цыган медленно кивнул.

– Вообще-то я внес его в список, но Эльз возражала, и мы его удалили. Теперь он, считай, вернулся обратно и мы им воспользуемся. Мне нравится твой анализ.

– Хорошо. Я тебе потребуюсь сегодня?

– А что, у тебя намечено горячее свидание?

Я поморщился от боли, поворачиваясь в кресле и коснулся пальцем наливающегося синяка на моей щеке.

– Парни Нимейера пытались убедить меня покинуть Басолт. Мне бы не помешало выспаться.

– Мы тебя прикроем. Сладких снов. – Цыган кивнул и ткнул большим пальцем в сторону забегаловки. – А я пойду возьму себе ещё две такие же, больше и горячие. Ночь будет долгой.

Манвиль был гордым обладателем восьми заведений «Джавапалс Дженерейторс», разбросанных по городу. Мы ударили по трем за пределами центра, потом по самому большому в сердце города. На некоторых записях камер наблюдения было видно, как хOVER проезжал мимо заведения, проверял его тепловым детектором насчет наличия в нем людей, а потом в стекло витрины летел ранцевый заряд из мощной взрывчатки с детонатором. Ранец подпрыгивал на полу раз или два, пока хOVER уносился с ускорением, а затем из витрины вырывался жуткий поток пламени. Обломки разлетались во все стороны Хайтса, а пожарные приезжали слишком поздно, чтобы остановить распространение пламени на какой-нибудь обувной магазинчик, принадлежавший капелланцу и находившийся по соседству. К счастью, тоже пустой.

Практически сразу же СОН объявил о своем существовании, заявив о своей ответственности за предыдущие акты. Сообщения, переданные в средства массовой информации, подчеркивали использование той же взрывчатки, что и в предыдущих операциях. СОН объявил ССБ делом рук правительства и при этом сослался на те дополнительные террористические акты, которые ССБ себе приписал. СОН даже утверждал, что нападение на «Дворец» провалилось благодаря СОНу, который, в своей борьбе за свободу для всех, кое-что подсказал службе безопасности Эмблина. «Хотя мы осуждаем частную собственность на орудия войны, во времена, когда правительству нельзя доверять, нам нужно освободиться, чтобы защитить себя самим.»

Мы представили тривиальные причины нападения на «Джавапалс Дженерейторс». Они являлись частью межпланетной корпорации, извлекавшей на Басолте громадные прибыли и вывозившие их за пределы планеты. Хотя «Джавапалс Дженерейторс» давали работу многим людям, они предоставляли своим работникам только установленный республиканским законодательством минимум прав, а их заработная плата, соответствовавшая общему уровню оплаты труда в сфере услуг, тем не менее, была едва достаточна для достижения уровня жизни среднего класса. «Пока подобные капиталистические предприятия не поймут, что они имеют обязанности перед обществом – перед всем обществом – плата за их недобрососедские отношения будет все выше и выше.»

Я не знаю, кого Цыган отправил для переговоров с представителями «Джавапалс Дженерейторс», но к полудню семнадцатого оставшиеся заведения начали осуществлять определенные программы по улучшению своего имиджа. Они передавали много продуктов питания приютам для бездомных, а также организовали пункты сбора всевозможных вещей для помощи обездоленным. Четыре из них в полдень объявили о заключении стратегического союза с благотворительным фондом Басолта по финансированию детских садов.

Эта часть плана сработала лучше, чем я на самом деле ожидал, и я понимал, что Бернард на это отреагирует. Между ним и полной потерей самоконтроля стояла только Альба. Я должен был решить, устранять ли этот предохранитель или нет. Без неё он лишится компетентного штабиста. Поскольку я считал, что он будет подражать нападениям на «Джавапалс» при планировании своих мелких терактов, я не предполагал попытки усовершенствовать методы борьбы.

Это предположение оказалось ошибочным.

Я решил, что мне, может быть не стоит пока убирать Альбу со сцены, но будет неплохо заставить её чувствовать себя немного менее комфортно. Используя закладную почту, я послал ей записку, в которой говорилось: «Имел беседу с твоим боссом. Он любопытствовал насчет того, что ты слышала от меня и когда. Будь осторожна.» После того, как я оставил сообщение и нарисовал в соответствующем месте знак, я вернулся в парк и пронаблюдал, как его забрали.

Я улыбнулся. По крайней мере, она будет предупреждена. Предупрежден значит вооружен, а в этой игре если ты не вооружен, значит станешь покойником.

Раздумывая об этом сейчас, в ретроспективе, я прихожу к выводу, что эту мысль я должен был продумать немного дольше.

33

*Партизаны никогда не выигрывают войн,
но их противники часто войны проигрывают*
— Чарльз У. Тэйер

Манвиль, столичный округ
Басолт
Префектура IV, Республика Сферы
18 февраля 3133 года

Предупреждение, посланное мной Альбе Долахайд, привело к обильному потоку непредусмотренных последствий, разрушивших мои планы, смешавших все расчеты и позволивших событиям скатиться до уровня бандитских разборок. Хотя на тот момент уже были пострадавшие, убитых среди гражданских пока не было, но меня преследовало чувство, что так вечно продолжаться не может. У меня даже была определенная уверенность в этом, и даже в том, что события будут ухудшаться очень быстро.

Хотя я узнал об этом только недавно, моё послание Альбе было доставлено по назначению, но курьер сообщил его содержание Тейту. Тот немедленно предположил, что Альба была со мной заодно и мы оба работаем на Эмблина. Тейт попытался схватить её и допросить, примерно так же, как допрашивали меня, но Альба его опередила. Она узнала о моей встрече с Бернардом, сумела предвидеть события достаточно далеко, чтобы просчитать происходившее и ускользнула. Вместе с ней пропали определенные сведения о месте расположения схрона с парой мехов и несколькими боевыми машинами, так что Бернард потерял не только компетентного командира, но и часть своей боевой мощи.

И это было очень хорошо, потому что Бернард решил ударить по Эмблину на всех фронтах. Меня озарила мысль, что Бернарда, должно быть, кто-то консультирует по тактическим вопросам, так как его атаки становились все более целенаправленными и очень болезненными для Эмблина, причиняя ему даже больше ущерба, чем было нужно для достижения успеха.

Сразу после нападения на заведение «Джавапалс Дженерейторс», Бернард ударил по закусочной сети «Минитмил». Этом сеть раскинулась на всю Республику, а её басолтской частью владел Эмблин. Атаки были полностью скопированы с террористических актов СОН, и люди повсюду предположили, что СОН их и осуществил.

В качестве своего следующего шага, Бернард взорвал склад компании «АйсКинг». Владелец этой компании был снова Эмблин и она занималась поставкой бакалейных товаров для «Минитмил» и «Джавапалс Дженерейторс», а также для большого ряда других ресторанов. Квом по этому поводу разразился статьей, в которой осуждал этот переход к тайной войне и нанесение ущерба кулинарной гениальности, свойственной для Басолта. Передавая в двух словах, он писал, что, конечно, не возражает против уничтожения закусочной, в которой работают инородцы, но ведь при этом гибнет место, где всякий может хорошо поесть, а это уже – перебор. Хотя в своей работе Квом, казалось, превозносил террористов, на самом деле он подчеркивал, что, несмотря на отсутствие человеческих жертв, эти нападения разрушали жизни людей. Люди, работавшие на разорившихся предприятиях, были вынуждены браться за временную работу или вообще жить на одно пособие.

В качестве примера, он в своей истории поведал о судьбе одного семейного ресторанчика, в течении трех поколений гордившегося своей азиатской кухней и разорившегося в результате террористических актов. Квом использовал весь свой писательский талант, подчеркивая абсурдность позиции Бернарда и других, называвших этнических куританцев и капелланцев инородцами. Выраженный им гнев по поводу подобного обращения взволновал людей во многих районах города и упомянутая семья получила ряд пожертвований.

Квом оказался уникальным автором, так как сумел понять суть происходящего. Остальные обозреватели обращали свое внимание на слухи и инсинуации, игнорируя микроэкономический эффект событий, пытаясь, в своём роде, скрыть страх перед будущим. Из статей неслы жалобный вой о том, что разнузданная междоусобная война может остановить экономическую жизнь Басолта. Упоминание того факта, что для семей, попавших под удар этой войны жизнь уже остановилась, считалось признаком второсортного и сопливого репортажа.

Цыган немедленно выступил на сцену, вооружившись фирменной риторикой от СОН, порицая одни террористические акты и приписывая себе другие. Также он подобрал ряд целей для будущих операций. У Цыгана было достаточно мозгов выбирать жертвы так, чтобы свести эффект, на который жаловался Квом, к минимуму. Поэтому он санкционировал большое количество ударов по транспортной сети и машинному парку. Были взорваны подъезды к паре мостов, а также уничтожены машины ремонтных бригад, поставив население в предельно неудобное положение, но не оставив никого без работы.

Бернарду потребовалось некоторое время, чтобы выяснить, что если новая волна ударов, прошедшая по очень плотному графику за три дня, и навредила немного Эмблину, то она нанесла огромный урон правительству. Официальным лицам пришлось пообещать населению защиту, но теперь по всему городу происходили все эти внезапные атаки. Поскольку они всегда случались ночью, люди старались оставаться дома, что придавило ночную жизнь города.

Компании, которые не верили в способность правительства их защитить, стали соответствующим образом выбирать свое рабочее время. Как заявил один предприниматель: «Мы можем перестроиться и отремонтироваться, но не хочется заниматься этим после похорон».

Правительство Джермейнов немедленно ввело сверхурочные для полиции и управления общественной безопасности. Официальные власти заявили о направлении запроса о помощи планетарному легату Республики, Таванне Турин. Она утверждала, что переправила запрос по назначению, но ответа не получила, а я сомневался, что отосланные сообщения хотя бы близко подбирались к Терре, поэтому ничего вроде прибытия «Похоронного марша Стоуна» для наведения порядка в ближайшем будущем не предвиделось. В новостях отмечалось введение новых налогов для оплаты сверхурочных, но это только добавило ещё одну темную тучу на горизонте.

Общество начинало трещать по швам. Благотворительность, всплеск которой наблюдался в начале кампании малозатратного терроризма, пошла на убыль, когда люди начали запасаться на черный день. У них не было никакой возможности узнать, не станут ли они следующими жертвами, поэтому они перестали жертвовать деньги и, многие, не желая подвергаться опасности, перестали работать добровольцами. Более того, поскольку целью атак стали и богачи из Хайтса, террористы вызвали у них негодование и, решив, что, ясное дело, никто из «своих» не стал бы частью подобной террористической группы, а следовательно эта война велась против их класса, они старались сохранить то, чем уже обладали. Низшим классам приходилось заботиться о себе самим, причем представители всех культур обособлялись, замыкаясь среди своих соседей и коллег по работе.

Даже масштабы благотворительности Ринга Эмблина сократились. Он сосредоточился на помощи работавшим на него людям, ставшим жертвами террористических актов. Это по-прежнему выгодно обыгрывалось в прессе, но теперь, вместо благодарности за щедрость он получал благодарность за «верность». Верность – неплохое качество, но она тоже проводит черту между «ними» и «нами», а «они» очень часто не хотят оказываться по ту сторону черты.

И единственным человеком, кто цвел как роза, была Бьянка. Благотворительный Фонд Басолта действовал быстро, выделяя средства для помощи, достаточные для снабжения людей всем необходимым после потери ими работы – вне зависимости от их культурной принадлежности. Хотя в абсолютных числах помощь была сравнительно невелика, каждый подобный случай вызывал сильные отголоски в прессе. Довольные лица людей, нагруженных охапками одежды, предметов гигиены и едой, воспевавших Бьянку Джермейн, действовали очень хорошо, особенно противопоставляя их заявлениям официальных властей, насчет того, что нужно затянуть пояса и держать себя в руках, пока кризис не минет.

Цыган понимал всю важность нападения, которому подвергся я сам. Как он уже знал, я буду передавать ему планы Бернарда, но моя полезность в качестве двойного агента была ограничена. Мы были вынуждены предположить, что так или иначе, Бернард не будет спускать с меня глаз. Поэтому моей задачей было или залечь на дно, заставив его растрачивать свои ресурсы на поиск, или наоборот, находиться на виду. Тогда Цыган, приставив ко мне своих наблюдателей, сможет выявить агентов Бернарда, опознать их и нейтрализовать.

Цыгану подходил любой метод, но они оба означали мой выход из игры. Смысл в этом был, раз уж я засветился. Цыган, судя по подобранным им целям, будет придерживаться общего плана действий в рамках малозатратного терроризма, но мне была ненавистна сама мысль не знать, что происходит. Если Эмблин начнет давить на Цыгана сверху, а Котфорд – снизу, то он может решить форсировать события, и тогда погибнет многое, чему погибать необязательно. По сути, после исчезновения Альбы из лагеря Бернарда и моего изгнания из лагеря Эмблина, людей, которые могли бы притормаживать ход процесса, больше не было.

Я решил оставаться на виду. Мне пришлось на это пойти, потому что если бы я залег на дно, то знал бы о происходящем ещё меньше. Кроме того, если я буду ошиваться неподалеку, Бернарду будет над чем подумать и это может его замедлить. Это также осчастливит Нимейера, поскольку ему не придется меня разыскивать. И наконец, оставаясь на виду, я мог продолжать отправлять мои отчеты.

Закладная почта, которой я пользовался для контактов с Альбой, была не единственной. Перед прибытием на Басолт я получил данные по сети связи, уже организованной на планете республиканцами. Хотя может показаться неестественным для правительства предпринимать меры, позволяющие его агентам следить за своим народом, по сути они планировали это на случай, если в один не самый прекрасный день придется уйти в подполье.

По прибытии на Басолт я осмотрел нужные места и сделал звонок, якобы ошибшись номером, активировав последовательность извещения агентов. Проще говоря, я кое-кому позвонил, спросил мистера Аркадиса, получил ответ, что здесь-де по такому номеру никто не живет. Тогда я сказал: «Должно быть это его старый номер.» Мне ответили: «Этот номер у нас уже двадцать лет.» Я в ответ заверил: «Значит, ошибся. Бывает, если ты старше Республики.» С кем бы я не разговаривал, он передал этот разговор другим и были отданы распоряжения проверять места закладки. Никто из них не имел ни малейшего представления, кто я, а я не знал – кто они, и это обеспечивало безопасность всей организации.

Отчеты, которые я отсылал, носили довольно общий характер: описания людей, характерные тенденции и все такое прочее. У меня не было достаточно времени проводить глубокий анализ, но я написал, что у обеих сторон достаточно сил, чтобы затеять приличную войну. В последнем отчете я заметил, что если Бернард не сможет получить под свой контроль басолтское ополчение, то военное преимущество будет за Эмблином. Потери, понесенные в бою у «Дворца», а также исчезновение Альбы, поставили Бернарда в крайне невыгодное положение. Я бы хотел иметь на планете звено из «Похоронки», для обуздания ситуации, когда дойдет до дела.

Все это я изложил в своём докладе. У меня не было ни малейшего представления, смогут ли мои доклады вообще покинуть Басолт.

Я вышел из «Гранд Джермейн» и выполнил несколько простых проверок, выясняя, не следят ли за мной. Хвоста я не заметил, но к месту закладки решил не идти. Что-то было не так, и я не был уверен, обоснованы ли мои плохие предчувствия.

Вместо своей призрачной работы я направился к одному из центров помощи, организованных благотворительным фондом Басолта. Было бы легко уговорить себя, что я собираюсь пронаблюдать воздействие малозатратного терроризма на социальную сферу, но я знал, что это будет самообман. Я выступал в роли кукловода и это получалось у меня слишком хорошо. Я не чувствовал связи с пострадавшими от моих действий людьми. Может быть как побочный эффект от прочтения Квомовых историй, но, неважно почему, я хотел посмотреть, что происходит в этом центре.

И я хотел своими глазами увидеть, как Бьянка справляется с невероятным давлением, под которым она оказалась.

Я спросил Бьянку, и меня направили в большую кухню, где готовили еду на день. В столовой можно было усадить за раз человек пятьсот, а график, вывешенный на стене, свидетельствовал, что у них в день четыре захода с перерывами между ними в сорок пять минут. Уже начала выстраиваться очередь для первого и она была похожа на смесь всех культур и почти всех социальных классов.

Как было сказано, Бьянка находилась на кухне. И Квом тоже. Тут был даже Крошка, сидевший на столе из нержавеющей стали. На нем был маленький колпак шеф-повара и он зарычал, когда меня увидел. Квом, ловко нарезавший какие-то черные грибы, бросил обрезок этой плесени псу, который тот подхватил на лету и, сожравши, уgomонился.

Бьянка улыбнулась.

– Сэм, что привело вас сюда? Это на вашем лице след синяка? Что случилось?

Я улыбнулся в ответ и потер щеку кончиками пальцев.

– Ударился об стену. – Я решил воздержаться от расстегивания рубашки, так как моя грудь всё ещё выглядела ужасно и Бьянка вряд ли поверила бы, что стена решила мне отомстить и основательно на мне потопталась. – Вы порядочно загружены, не так ли?

Квом засмеялся.

– А мы-то думали, ты умеешь замечать не только очевидное, Сэм. Фартук вон там, перчатки рядом. Перемешивай вот эти грибы с вот этой начинкой, потом набивай всем этим цыплят.

– Есть, командир. – Я повиновался приказу и принялся за работу. Бьянка мелькала здесь и там, не сколько отдавая распоряжения, сколько стараясь сплотить людей. Квом объяснил, что половина персонала была добровольцами, вроде меня, из числа клиентов заведения, а остальные, в основном и готовившие, были студентами местного кулинарного техникума или учениками поваров из закрывшихся ресторанов.

Я нахмурился.

– Если нападение на «АйсКинг» заставило их закрыться, то откуда в этом приюте продукты?

Квом усмехнулся.

– Престижные рестораны не готовят блюда из продуктов, пострадавших от взрыва. Они по-прежнему вполне съедобны, но будь осторожен. Если найдешь в фарше осколки, вытаскивай их.

Я думал, он шутит, но потом заметил пару кусочков иззубренного металла, лежавших в маленькой тарелке на столе. Они были похожи на остатки гвоздей, применяющихся в самодельных бомбах в качестве поражающих осколков. Хотя подобные взрывные устройства очень легко изготовить и поэтому они довольно распространены, наличие гвоздей явно указывало на чьё-то желание использовать их для поражения людей.

Несмотря на то, что Бернард использовал мой план, он начал импровизировать со средствами его осуществления.

– Какова была реакция на твои заметки по терактам СОНа?

– Разные, от благородного негодования, до удивления, почему я печатаю такую ерунду вместо того, чтобы давать их презентации новой продукции. – Он посмотрел на меня. – Ты же их читал. Что думаешь?

– Храбро. – Я указал на гвозди. – Не говоря уже о том, что кто-нибудь на другой стороне может обидеться и выбрать в качестве мишени тебя.

– Это так, но разве я могу дать им себя остановить? Моя работа писать о пище и жизни на Басолте. Эти теракты угрожают и тому и другому. Более того, так много людей готовы закрыть на всё глаза, а это не то, чего от нас хотели бы наши родители и родители наших родителей, создавшие Республику. Если я не выступлю против тирании, как это сделали они, то разве я буду их достойным наследником?

– Ясно, что по-твоему ответ – «нет».

– А по-твоему? – Он махнул ножом. – Ты можешь это отрицать, но по-твоему тоже, Сэм. Ты бы не отдал фонду деньги, если бы было по-другому. Ты бы здесь не стоял и не помогал.

– Я отдал деньги потому, что таковы были условия нашей сделки, Квом. Я помогаю тебе потому, что у тебя в руках нож. – Я пожал плечами. – И даже если ты и прав, я не знаю, стоит ли это все моей жизни.

– Я знаю, что моей жизни это стоит, но ей ничто не угрожает. – Толстяк печально улыбнулся. – Я ведь Квом. Трудно забыть, но легко не обратить внимания. Когда журнал решит, что ночной жизни в городе больше нет, в Квоме отпадет всякая необходимость и обо мне забудут. Даже в тех случаях, когда мои слова следует воспринимать серьезно, люди так не делают и не будут делать.

– Ты так считаешь?

Он засмеялся и его щеки затряслись.

– В этом безумном мире? Да. Правительство злит людей, и точно также их злит Эмблин. А что происходит теперь? То ли это злые люди в правительстве бьют своих врагов, то ли вообще все люди стали злыми и бьют всех, то ли и того и другого понемногу. Наверное правдой должно быть последнее, потому что, хотя обозленный народ может протестовать и даже восстать, немногие могут вывести в поле боевые мехи.

– Это то, что в прессе упустили.

– Нет, это то, о чем полиция потребовала от прессы помалкивать. Они не хотят, чтобы началась паника. – Он махнул ножом в сторону столовой. – Две недели назад всего двух заходов было больше чем достаточно. Теперь нам приходится отказывать людям. Паника уже началась.

– Снова твои проницательные наблюдения.

– Я тебе подкину ещё одно для размышлений, Сэм, пока ты фаршируешь этих птиц. Пока всё не станет лучше, будет ещё хуже. Мехи, которые атаковали «Дворец» – не последние, которых мы увидим на Басолте. Когда начнется настоящая стрельба, все станет очень плохо. Это место из столовой превратится в морг. И если уж это не может лишить тебя аппетита, то ничто не лишит.

34

То, что нас не убивает, делает нас сильнее
– старая поговорка

Или ослабляет нас до подхода следующего, собирающегося нас убить.
И следующего. И следующего.
– Мэйсон Данн

Манвиль, столичный округ
Басолт
Префектура IV, Республика Сферы
22 февраля 3133 года

Я остался в столовой и помог подавать еду, которую готовил. Я думаю, отчасти из-за чувства вины за все проблемы, которые я спровоцировал. Приходившие благодарили за еду и многие вызвались помочь с уборкой. Вообще говоря, убирали и составляли стулья люди с последнего захода и при этом не наблюдалось никакой сегрегации. Циник наверное заметил бы, что в беде все становятся братьями, но я уверен, некоторые люди способны забыть о мелких и незначительных различиях и помочь друг другу.

Здесь было то, чего я мог ожидать после прочтения материалов по Басолту и я видел тому подтверждения. Может быть Бернارد сеял распри, но его сестра объединяла людей.

После того, как уборка закончилась, персонал смог рассесться и доест некоторые остатки. Мне достался кусок нафаршированной курицы. В ней не оказалось осколков – единственного, способного подпортить её совершенство. Квом не только умел писать о еде, он её ещё и умел готовить.

Я посмотрел на него.

– Ты так здорово готовишь, почему ты не откроешь собственный ресторан?

Он засмеялся с моего вопроса.

– Твоя наивность приятно удивляет, Сэм.

Бьянка улыбнулась и встала из-за стола.

– Я уже прослушала эту лекцию, так что я пойду организую нам десерт.

Квом подождал пока она уйдет, потом сплел свои пальцы и уложил их на середине живота.

– Для того, чтобы управлять рестораном, нужно отдавать много распоряжений, что я делать умею. И готовить много различных блюд, что я тоже умею. Что я не умею, так это сгибать мой кулинарный гений перед ничего не понимающими, но всегда готовыми поделиться своим невежеством клиентами и критиками, которые будут заявляться в моё заведение. Люди, которые обедают не дома, желают получать две вещи: хорошую еду и разнообразную еду. Они сходят с ума по разнообразию, впрочем, пока не привыкнут к чему-то одному. Я могу приготовить меню из лучших блюд, когда либо созданных на Басолте и во всей Республике, но люди будут по-прежнему требовать чего-то нового, думая, и совершенно ошибочно, что это новое будет лучше.

Я улыбнулся ему.

– Ну, ведь оно может оказаться лучше, разве нет?

Крошка, сидевший на стуле рядом с Квомом, зарычал.

Мужчина шикнул на собачку.

– Он у нас наивный, помнишь? – Квом посмотрел на меня из-под полуприкрытых век. – Может быть, если повезет. Но это, тем не менее, неважно, потому что есть другая, ещё более существенная причина не браться за эту работу: я бы умер со скуки. Необходимость заниматься одним и тем же изо дня в день, даже с возможностью нововведений, меня бы убила. Лучше бродить по диким местам, разыскивая магические блюда божественного вкуса, чем ежедневно подавать достойное олимпийский богов. Я имею в виду, Сэм – разве ты хотел бы вести такую несчастную, неизменную жизнь?

Я заколебался. Бывали времена, когда идея осесть где-нибудь вместе с Джанеллой, казалась мне идеальной, но гораздо чаще мне нравилось принимать вызов, который бросала мне моя работа. Охотиться, как он это выразил, было весело, а победа была ещё лучше. Я обладал роскошью веры, может быть иллюзорной, в то, что я действительно помогаю людям. Квом мог сказать то же самое, и оценивая ситуацию в среднем, у него были для такого утверждения более веские основания, чем у меня.

Я покачал головой.

– Нет, наверное нет. И все равно, было бы неплохо знать местечко, в котором можно было бы поесть так вкусно, как здесь, если бы вдруг захотелось.

– И было бы здорово создавать такую вкусную еду, но это работа для других. – Толстяк поковырялся в уголках рта салфеткой и в это время вернулась Бьянка. – А каждый из нас должен делать то, что у него получается лучше всего, иначе все усилия пойдут насмарку.

Я не буду описывать десерт, потому что не хочу о нем больше думать – учитывая близость к нулю моих шансов когда-нибудь ещё попробовать нечто подобное. После десерта я помог убрать со стола и прогулялся обратно в «Гранд Джермейн». Я проверял пару раз, не следит ли кто за мной, но никого не засек. Надеюсь, агенты Бернарда или Цыгана, которые меня пасли, по крайней мере, получили удовольствие от ужина.

Когда я уходил, Бьянка и остальные выражали надежду на мое возвращение. Часть меня хотела вернуться, но я знал, что не могу позволить себе такую роскошь. Хотя я мог немного помочь, я также привлекал ненужное внимание к Бьянке. Бернард или Эмблин могли решить ударить по этому месту, чтобы меня убить или просто мне что-то доказать. Я не хотел ответственности за подобные вещи.

Кроме того, я вынужден был себе напомнить, что я – рыцарь-призрак. Я должен сохранять определенную дистанцию. Если я буду слишком с кем-то сближаться, я могу потом оказаться неспособным действовать так, как будет необходимо для решения басолтской проблемы. Мне нужно было сохранять холодную голову и беспристрастность, стравливая волков друг с другом, и, будем надеяться, максимально ограничивая ущерб, который они нанесут. Мне нужно

оставаться хладнокровным и безучастным, так что для меня больше никакой благотворительной работы не предусматривается.

В первую очередь – моя основная работа, а если я с ней не справлюсь, то все поданные мной обеды в фонде не будут стоять и пригоршни семечек.

В гостинице портье поймал мой взгляд и вручил мне сообщение. Оно было запечатано в конверт с эмблемой гостиницы. Я открыл его и прочитал простую записку: «В баре. Э.» Я снова вложил записку в конверт и, немного удивившись, почему Элли не ждала меня в моём номере, как она это делала раньше, направился в бар.

Я обнаружил её за угловым столиком, старательно избегающей взглядов мужчин, стоявших у барной стойки. Парни немедленно изучили меня и стали наблюдать. Я так понял, многие из них пикировали на неё и она их отфутболила. Теперь они собирались посмотреть как я потерплю крушение и безнадежно сгорю, поэтому, не сказав ни слова, я скользнул на сиденье рядом с ней и врасплох её поцеловал. Их бы повеселило, если бы она дала мне пощёчину, взбесило, если бы запустила пальцы в мои волосы – так и так, на мой взгляд, выигрышная ситуация.

Элли ответила на поцелуй, запустив пальцы в мои волосы и удерживая мои губы до тех пор, пока стоны со стороны барной стойки не стали уж очень жалобными. Я вдохнул, она тоже, потом она облизала губы и улыбнулась.

– Я тоже рада тебя видеть, Сэм.

– А почему не стала ждать в моём номере?

– Полковник Нимейер получил ордер суда, разрешающий разместить в нем прослушивающие устройства. Ордер, конечно, подписан, но... – Она сложила пальцы и щелкнула костяшками. – Я не могу перекрыть этот поток данных, так что нужно было тебя предупредить.

– Вообще-то я подозревал, что номер прослушивается, поэтому все звуки, издаваемые мной в номере – это пение в душе.

– Ты можешь говорить во сне.

– В этом есть смысл. Я говорил на Хелен?

Из-за мелькнувшего раздражения черты её лица стали жестче.

– Давай не будем о Хелен, ладно?

Я кивнул, потом внимательно на неё посмотрел.

– Скажи мне, в таком случае, что происходит. Явно что-то более важное, иначе ты бы просто оставила мне записку, я бы сообразил.

Элли понизила голос и наклонившись ко мне, зашептала, касаясь мочки моего левого уха.

– Цыган санкционировал операцию через две ночи. На перекрестке проспекта Ханса и Тридцать девятой авеню. Он хочет ударить по распределительной станции связи. Это вырубит связь в Хайтсе. Сначала Котфорду это не понравилось, но он думает, что сможет повернуть дело, используя несколько хитростей.

Я позволил себе рассмеяться, пока размышлял. Я не знал город так уж хорошо, но на проспект Ханса выходила каждая пятая улица, поэтому ближайшей была Пятидесятая. Будет трудно убраться, если дела пойдут туго, потому что Тридцать девятое авеню ведет прямо в перекрученные холмистые кроличьи норы Хайтса. Котфорду правильно не нравилась ситуация, и для него было типично думать, что уж он то сумеет как-то изменить обстоятельства в свою пользу.

Я прошептал ей:

– Зачем это рассказывать мне?

– Я подумала, ты можешь взглянуть и завтра вечером сообщишь свои мысли по этому поводу. Если план можно доработать, то нужно так и сделать. Дела идут очень хорошо, нам нельзя терять контроль за ситуацией сейчас.

Я откинулся назад и посмотрел ей в глаза.

– Ты сильно рискуешь. Если ты потребуешь у Цыгана отменить операцию, тебе придется также признаться, что ты сообщила мне о его планах.

– Если действительно будет нужно все отменить, то ему будет без разницы. Если не нужно, он ничего не узнает.

– Понятно. – Я подумал секунду и кивнул. – Я все проверю и встречу с тобой здесь за завтраком послезавтра.

Элль нахмурилась.

– Почему так долго?

– Чтобы понять, сработает ли план, мне нужно изучить местность, а это потребует одного дня и одной ночи. Закажи для меня что-нибудь живительное и много кофе, очень крепкого. – Я снова её поцеловал, просто для выпендрежа. – Ты была права, придя ко мне. На этом этапе игры нам не нужны катастрофы.

Как я ей и сказал, для того, чтобы выяснить, сможет ли определенный план разнести определенное здание, требуется провести немалую работу. Я встал рано утром с ясной головой, упаковал сумку с запасами на день, включая одежду и цифровой бинокль, и взял напрокат хOVER. Я выбрал хOVER модели «Кабошон», которая, как меня уверяли, была самой популярной моделью на планете, в силу безопасности своей конструкции. Это означало, что машина была маленькой, коробкообразной, тяжелой, медлительной, дешевой, уродливой и, скорее всего, неспособной привлечь ничье внимание. В случае аварии я буду достаточно защищен, чтобы не погибнуть, хотя позор быть застигнутым в этом драндулете вполне способен меня добить.

И я доплатил за страховку. Я сделал это из каприза, но, может быть мне передалась некоторая неловкость Элль. Обычно я не суеверный, поэтому ненавижу всякие «предчувствия» надвигающегося конца. И тем не менее, если они появляются, я принимаю все меры, чтобы противостоять подобному исходу, и я не могу припомнить много ситуаций, когда это оказалось излишним.

Я провёл машину вдоль места будущих событий, представлявшего собой коммутационную станцию №8 басолтской общественной сети цифровой связи. Это было кирпичное здание, почти на всей своей протяженности возвышавшееся на два этажа. Фасад был одноэтажным, имел много окон и служил в качестве офиса, в котором делали заказы и оплачивали услуги. Перед ним размещалась маленькая стоянка, а с южной стороны – довольно большая. Перед фасадом проходила эстакада скоростной магистрали, высотой вдвое выше здания, а параллельно длинной северной стороне шла Тридцать девятая авеню. Территорию ограждал забор из проволочной сетки с камерами, установленными на тонких столбиках, но кроме этого я никаких мер безопасности не заметил.

Во время разведки я постоянно проверял, не следят ли за мной, но не смог заметить наблюдения. Я был уверен в отсутствии хвоста, но периодически проверял, на случай, если кто-то случайно на меня наткнулся и начал слежку. Начиная от станции № 8, я двигался по спирали, отмечая расположение полицейских и пожарных участков и всего остального, выглядявшего подозрительно – чего в этом, в основном дэвионистском районе города, было немного. Я фиксировал все здания, в которых можно было бы расположить боевые мехи – таких было определенно мало – но их точные места расположения не имели большого значения. То, что они вообще были в исследуемой мной зоне, не было хорошим знаком, но скрытые в них мехи или другие войска могли быть задействованы только в случае провала задания для обеспечения быстрого отхода.

Я продолжал наблюдение весь день, останавливаясь только на обед и потом на ужин в близлежащих ресторанчиках, в которых питались работавшие на этой станции. Среди слухов ничего ценного я не уловил. Самой загруженной сменой была дневная. Она была почти полностью укомплектована, но вот вторая представляла собой не более чем нескольких охранников. Это хорошо подходило с точки зрения сведения количества пострадавших к минимуму, а звонок на станцию с угрозой взрыва бомбы непосредственно перед терактом мог гарантировать, что все охранники покинут здание.

Подобный звонок от людей из СОНа, переодетых в саперов, может очень хорошо сработать. Они войдут, заминируют место, затем выйдут и заявят, что все очень плохо. Здание взлетит на воздух, они слиняжут, ущерб будет нанесен, но никто не пострадает. Мне понравилась эта идея и её определенно стоит передать через Элль Цыгану для использования.

Ранним вечером стало ясно, что место не так уж плохо расположено, как я боялся. Хотя въезд на скоростное шоссе был не так близко, чтобы послужить путем быстрого отхода, по Тридцать девятой авеню движение на запад города было настолько слабым, что она прекрасно подходила. Хотя Котфорд мне как человек не нравился, но проведенная им оборона «Дворца Эмблина» была выполнена тактически неглупо. Если бы он назначил удар примерно на полночь, все могло получиться.

И действительно, Котфорд атаковал в 12:06 ночи.

Пока я наблюдал.

Мои мысли бешено закрутились, когда трио хOVERбайков военного класса с ревом принесли по Тридцать девятой, срезали на юг и перепрыгнули бордюр. Они ворвались на маленькую стоянку и нацелили свои лазеры на здание. Пилоты одновременно нажали гашетки, пославав сверкающие лучи рубиновой энергии в станцию связи. Оконные стекла расплавились как лед. Внутренности офиса мгновенно загорелись, но это лучи не остановило.

ХOVERбайки раскачивались вперед и назад, извиваясь как маленькие дети. Их лучи ходили из стороны в сторону, вверх и вниз. Я не видел, насколько глубоко они проникали в сооружение, но один проткнул боковую стену, а другие вызывали все новые пожары. Здание потряс взрыв и одна или две сирены, начавшие было свои завывания, немедленно замолкли, видимо, после того, как расплавилось соответствующее оборудование.

Однако более важным было внезапное появление людей из Управления Общественной Безопасности, одетых в броню «Хобёрк». Группами по трое они выбегали из близлежащих зданий. Их тяжелая броня, раскрашенная в серый городской камуфляж, хорошо скрывала их в ночи и придавала им громоздкий и смертоносный вид. В отличие от вида подобной брони в головизионных фильмах, лица бойцов не освещались. Они оставались темными и мрачными и ничуть не менее зловещими даже без своих пусковых дальнобойных ракет, которыми они были бы вооружены на поле боя.

По Тридцать девятой из-за угла показались два грузовика и из них начали выгружаться бойцы, а от одной из групп бронированных фигур раздался голос. Несмотря на искажения, я узнал голос Нимейера. «Стоять! Полиция! Вы арестованы. Не заставляйте нас...»

Ещё до того, как он успел закончить, по подъездной дороге, шедшей параллельно скоростной трассе, подскочили ещё два хOVERбайка. Установленные в носовой части роторные пулеметы извергали огонь и металл, выкашивая бронированную пехоту. Лазер ударил алым копьем сквозь грузовик. Машина взорвалась, разбрасывая человеческие фигуры через ночное небо. Падая, они съеживались и не поднимались.

Бойцы Нимейера ответили огнем. Обычные полицейские, без брони, могли сделать немного, разве что расплющить свои пули о корпуса хOVERбайков. Один из пилотов байков не выдержал и развернул свою машину и маленький лазерный луч от одного из бронепехотинцев поджарил ему спину. ХOVERбайк рванулся вперед и врезался в хOVER, припаркованный у дороги.

Коммутационную станцию потрясли новые взрывы и часть здания просела. Когда крыша обрушилась, языки пламени выскочили из фасада здания, оставляя после себя черные шрамы. При этом выбросило горящие обломки, осыпавшиеся адским градом. Сверкали лазеры, освещая ночь красным и зеленым, летали пули, выбивая искры и разбрасывая людей по улице.

И тогда сверху с эстакады вниз обрушились полтора десятка РДД, усеяв стоянку огненными шарами. Первый хOVERбайк взлетел, кувыркаясь в воздухе. Его пилот полетел в одну сторону, машина кусками в другую, а горящий корпус рухнул вниз. Лопасты крыльчаток рвались о бетон, разбрасывая в воздух осколки.

Второй хOVERбайк просто испарился, а третий закрутился, выйдя из под контроля. Он пропахивал порядки бронированной пехоты, разлетавшейся словно кегли. Второй взрыв в центре машины перевернул её, пилот исчез, а хOVERбайк загорелся.

Атака, предпринятая людьми из СОНа, была разбита вдребезги залпом ракет с «Катапульты». Мех подходил по эстакаде скоростного шоссе, подходя на дистанцию, на которой его ракеты уже не были бы эффективны. Я предположил, что он не собирается делать второй залп, но

это предположение оказалось ошибочным. Из пусковой установки на левом плече вырвалось пламя и, на этом расстоянии он не мог промазать мимо цели, по которой стрелял.

Я вдавил ускорение «Кабошона» и выкрутил руль. Машина проскочила через простреливаемую зону и прочертила боком по одному из горевших хOVERбайков. Поворачивая направо, я убавил обороты на задней крыльчатке, чтобы машину протянуло задом. Позади меня сыпались искры, пока хOVER замедлялся, потом я выключил переднюю крыльчатку и быстро пригнул голову.

Если бы одна из ракет попала точно в меня, то я стал бы трупом, несмотря на все достижения «Кабошона» в области безопасности. По направлению ко мне двигались разрывы, раздирая усиленное покрытие дороги, сбивая фонарные столбы и разрывая ограждение как сильный порыв ветра разрывает марлю. Ближайший подкинул машину на метр в воздух и приземление оставило отпечаток руля у меня на лбу. От дороги отлетали осколки и разбивали стекла, но борта машины были достаточно прочными, чтобы отразить большую их часть. Я увидел, как усиливающие накладки корпуса отвалились, и почувствовал, как мою ногу что-то ужалило, но боль подтвердила мне, что ноги у меня все ещё есть, и я засчитал это как плюс.

Важнее было однако то, что «Кабошон» закрыл Нимейера и его людей. Единственной причиной повторного залпа могло быть только желание убить их, а единственным человеком, желавшим это сделать был Бернارد. Поэтому в «Катапульте» сидел сам Бернارد или его человек и это заставило закрутиться в моей голове самые разные мысли.

На пассажирском сиденье рядом со мной неожиданно возник Нимейер и, хотя его лицо было закрыто тонированным стеклом, я почти увидел как расширились его глаза, когда он меня увидел.

– Давай сюда своих людей, мы убираемся НЕМЕДЛЕННО!

– Нет.

– Эта тварь хочет поджарить исключительно твою задницу. Уходи и твои люди будут в безопасности. – Я запустил обе крыльчатки. – Забирайся, если не хочешь, чтобы они погибли.

Рыча от злости, он пропихнул раненого на заднее сиденье, бросил на него сверху другого и оторвал дверцу салона «Кабошона». Он уселся на сиденье на коленях, а я врезал по ускорению и развернул хOVER. Я мчался навстречу «Катапульте» под эстакаду трассы. Мы быстро выскочили из под эстакады, затем, срезав угол, снова заскочили назад и понеслись, пересекая по диагонали полосы движения. Решив, что после выхода из зоны поражения вероятность получить пару ракет стала невелика, я свернул на первую попавшуюся улочку, а потом на другую.

– Если он собирается в нас стрелять, ему придется разнести немало недвижимости.

Нимейер буркнул:

– Бернارد?

– Я так полагаю. В утренних новостях окажется, что он спас оперативников Общественной Безопасности от засады СОНа. Кто-то продал ему СОН и тебя.

– А нас продали СОНу. Подстава. – Его правая рука взметнулась и с треском сломала стойку крыши. – Следующий направо, затем по Пятидесятой до больницы.

– На полной скорости?

– Да, на полной. – Раздалось низкое рычание с его стороны. – Точно как мой мир катится в ад.

Хочешь убить змею – целься в голову
– датская пословица

Манвиль, столичный округ
Басолт
Префектура IV, Республика Сферы
24 февраля 3133 года

Мы быстро добрались до больницы и обоих людей Нимейера унесли в травматологическое отделение. Его следовало осмотреть в первую очередь, но он не собирался отдаваться в руки медикам, пока его люди не будут вне опасности или пока есть вероятность, что я улизну. Я дал ему слово не сбегать, над чем он весело посмеялся. Он потащил меня за собой в травматологию, где врачи занялись нашими осколочными ранениями.

В процедурном кабинете я осмотрел свои залитые кровью штаны.

– Видишь, всё равно бежать у меня не получится.

В ответ он что-то пробормотал, пока его вытягивали из бронекастюма. Нагрудник был пробит в нескольких местах, а броня на правом плече – разорвана. Глубоких ран не было, но языки пламени его немного пожарили. Интерны вытаскивали из него осколки и накладывали швы, а медсестры в это время обильно смазывали ожоги.

Подобным же образом обрабатывали и меня, и, как и он, я отказался от чего-то большего, нежели местная анестезия. Он не хотел отключиться и я не хотел превращаться в мямлящего идиота. Хотя у меня было достаточно доказательств для ареста Бернарда и достаточно косвенных улик, чтобы повязать Эмблина, им можно было бы предъявить только несерьезные обвинения. Процесс тянулся бы на всем протяжении будущих боевых действий на Басолте. Победитель бы простил сам себя, а проигравший был бы, вероятно, казнен и за меньшие преступления.

Прегрешения, представленные в виде заговора с целью государственной измены.

Не считая бурчания сквозь зубы и периодического шипения, и я и Нимейер ничего не говорили. Врачи переговаривались между собой, щелкали хирургические щипцы и осколки позвякивали о металлические поддоны. Я оставлю все это, а также то, как именно из нас вытягивали и выдергивали лишние детали, за кадром. Мне нужно было собраться с мыслями, потому что Нимейер очень скоро и очень здорово за меня возьмется. Мне нужно было придумать, что я ему скажу.

Правду я ему сказать не мог. На мои заявления о статусе рыцаря-призрака он посмотрит скептически, а подтвердить их, особенно с учетом нерабочего состояния гиперимпульсной связи, на Басолте негде. Хотя я мог отсылать доклады через резидентов, они считали их обычными докладами обычных агентов. Приоритет моих сообщений был выше, чем остальных, но в них не было ничего, выдававшего мою личность.

Несмотря ни на что, у меня не было достаточно улик, чтобы арестовать организаторов. Кроме того, помня о желании Бернарда убить Нимейера и его людей, возможность ареста становилась сомнительной. На самом деле на планете не было органа власти, который мог бы его остановить, если, конечно, не считать его ликвидации. И если это случится, то тогда не останется ничего, способного остановить Эмблина от завершения захвата мира, ввиду окончательной потери доверия к правительству в результате террористических актов.

Бернард сумел нанести один успешный удар, который, казалось, мог послужить для него выходом из тупика, выстроенного для него методами малозатратного терроризма. Его появление у станции номер 8 и разгром нападавших – очень похоже на выходы Рейса на Хелен – вызы-

сило его до образа сильной фигуры центральной власти, способной остановить врага. Если ему удастся развить этот политический успех, он может набрать большую силу.

Проблема была, однако, в том, что попытки остановить подобную кампанию походили на попытки приколотить желе к стенке. Да, Бернарду удалось остановить одну из атак, но только ценой огромного ущерба. Была не только превращена в руины станция связи, но и произведено опустошение в рядах людей из Управления Общественной Безопасности. Хотя их гибель ещё более взволнует общественность и придаст призывам Бернарда к мести некоторую силу, у него никогда не будет достаточно сил и средств, чтобы остановить СОН. Он не может разместить войска сразу везде одновременно и поэтому некоторые цели будут уязвимы. Без полного подавления всех гражданских свобод, гарантированных Республикой, СОН остановить нельзя.

Я понял, что размышлять над этими вопросами пока рано. В ховере мы с Нимейером пришли к взаимному пониманию некоторых важных особенностей этого рейда, которые мне надо было продумать. Цыган запланировал этот рейд и поручил его исполнение Котфорду. Кто-то донес об этом Нимейеру, хотя мои шансы узнать, кто именно, равнялись нулю. Тот же человек мог сдать Нимейера обратно Котфорду, но я в этом сомневался. Резерв Котфорд мог просто припасти на случай неприятностей – если у него не было других возможностей отсечь потенциальных преследователей или обезопасить альтернативный путь отступления, но было достаточно коварства, чтобы поступить так, как он поступил.

Я уже знал, что в Общественной Безопасности были люди, подкупленные Бернардом, поэтому донести о плане операции ему могли его шпионы. Я не знал, ожидали ли работавшие на Бернарда попыток убить Нимейера. Если они подозревали о слежке Нимейера за ними, то они вполне могли желать его смерти. Это был ещё один спорный момент, поскольку Бернард не только имел десятки причин устроить смерть Нимейера, но и мог просто не знать о его присутствии и, возможно, всего лишь стремился списать трупы людей из управления на СОН. Также не следовало сбрасывать со счета мысль о возможном мотиве продвижения по службе его агентов за счет освобождения должностей убитых служащих управления.

Неопределенным фактором во этом деле была Элли. Она совершенно ясно заявила мне, что операция произойдет на двадцать четыре часа позже, чем она реально произошла. Сроки мог сдвинуть Цыган, хотя Котфорд наверняка заартачился бы. Цыган мог, по неизвестной причине, намеренно ввести её в заблуждение или она могла мне лгать. Неясно, какой для неё был в этом смысл, но отсутствие смысла в событиях соответствовало странному характеру местного конфликта.

А вот в эскалации конфликта Бернардом смысл был – пугающий смысл. Боевые действия, хотя и начатые им в одностороннем порядке, показывали, что СОН – враг государства и притом прямой и угрожающий. Его военная операция в ответ на их действия – в отличие от полицейской Нимейера – превращала СОН во вражескую армию. Теперь можно было с легкостью мобилизовать ополчение Басолта и бросить их против СОНа. Имея шпионов внутри СОНа, Бернард мог нанести по ним тяжелый удар, дав своим войскам преимущество на случай, если Цыган решится на военный переворот.

По мере того, как я это обдумывал, мне начинало казаться неизбежным, что дело дойдет до показательного боя мехов, достойного чемпионата Соляриса. Откровенно говоря, это решение мне бы подошло, поскольку сузило бы рамки конфликта, ограничило его протяженность некоей ареной и определило бы победителя без необходимости разбивать жизни многих людей.

Проблема была в том, что ни Бернард, ни Эмблин не согласятся с невыгодным для них результатом подобной битвы. Вспышки насилия будут продолжаться и, когда люди впадут в отчаяние, все может обернуться очень плохо. До сих пор теракты причинили немало ущерба и доставили людям много неприятностей, но смерть ещё не начала косить гражданское население. Я не испытывал оптимизма и уверенности, что так будет продолжаться и дальше. Готовность Бернарда умертвить людей из общественной безопасности ясно показывала, что с его стороны в этом вопросе колебаний не будет.

А после захвата им власти я мог представить себе сильное злоупотребление правами граждан во имя всеобщей безопасности.

Получился просто замечательный анализ, но, согласно нему, я оставался безо всяких возможностей и средств, не считая всеобщей зачистки – должен признать, искушавшего меня варианта. Я имею в виду, я никогда бы ничего подобного не сделал, но именно поэтому я мог побаловаться фантазиями. Каждый раз, когда осколок звенел о тарелку, мне казалось, что я загоняю очередную пулю в Бернарда или Эмблина. Я добавил в комплект Тейта, Котфорда и Сивек, просто чтобы израсходовать остальные патроны в магазине и оставить парочку на любого, кто нервно дернется.

Пока интерн обматывал его тело бинтами, Нимейер глянул на меня.

– Не думай, что твоё вмешательство спасет тебя от предъявления обвинений.

Я нахмурился.

– Слушай, давай перейдем прямо к делу, а? Ты хочешь сказать, я был наблюдателем во время этой операции, так что ли? Это может объяснить, с твоей точки зрения, почему я оказался там, когда всё это разразилось. Но ты видел моё дело и знаешь о моём умении пилотировать мех, поэтому должен понимать, что если бы меня должны были задействовать в операции, я бы не сидел в «Кабошоне». И если бы я работал на СОН, зачем мне тебя спасать? Если бы я хотел спасти тебя и твоих людей, я бы просто не вызвал резерв, правильно? А если бы я работал на парня, сидевшего в мехе, то я бы не стал тебя вытаскивать, так ведь?

Его ноздри раздулись.

– Ты там просто так очутился? Совершал ночную прогулку?

– Ну да, бессонница – страшная штука. – Я покачал головой. – Послушай, я никак не могу доказать тебе случайность моего появления. Ты это дело будешь расследовать, обнаружишь, что я обедал в этом районе, ну и ужинал тоже, но ничего в этом преступного нет. Я определенно оказался в неправильном месте в неправильное время – не считая того, что я смог тебя выручить. И совершенно не сожалею.

Хватка его рук на краю процедурного стола стала крепче.

– Так ты хочешь сказать – твои цели оправдывают твои средства?

– Нет, просто поступки говорят громче слов.

Нимейер фыркнул.

– Я скорее поверю, что ты случайно надавил на газ.

– А я бы хотел поверить, что все это – дурной сон, но, как мы оба с тобой знаем, это не так.

– Я пожал плечами. – Ты можешь меня забрать меня в управление или вломиться в мой номер в гостинице и повязать. Но это тебе ничего не даст.

Его брови нахмурились.

– Ты действительно думаешь, что второй залп не был случайным?

– Я отношусь к этому как к прогнозу погоды: семидесятипятипроцентная вероятность предательства, смешанного с глупостью. Мы оба знаем, как они повернут все это дело, как это уже начали поворачивать. К обеду ты увидишь его здесь – навещающего выживших, дающего интервью журналистам и разводящего бешеную активность. Мы оба знаем, что так и будет. Тебя будут воспевать как героя, и его тоже, и люди, судя по обстоятельствам, будут видеть в вас одну команду. Его действия будут считать законными, а твои руки будут связаны.

– Не настолько у связаны, как ты думаешь.

– Но больше, чем тебе бы хотелось. – Я почти добавил: «И больше, чем бы хотелось мне», но удержался. Сэм бы такого никогда не сказал.

– Существует масса вещей, которых мне бы не хотелось, но мне приходится их терпеть. – Здоровяк пожал плечами, потом громко вздохнул и, казалось, немного уменьшился в размерах. Он слегка повернул голову и внимательно на меня посмотрел. – Ты – свидетель происшествия. Мне нужно, чтобы ты дал показания о том, что видел.

– Конечно, я зайду к вам сегодня, попозже. После того, как рассосется толпа журналистов.

Он устало кивнул, потом соскользнул с процедурного стола и встал.

– Мне нужно проверить людей и написать рапорт.

– У меня есть к тебе вопрос. Тебе придется довериться мне и ответить.

Его голова наклонилась набок, а в глазах появилась настороженность.

– А в чем вопрос?

– Ты узнал от своего агента или из анонимного сообщения?

– Точно как в прошлый раз.

Точно как в тот раз, когда я кинул им словцо о рейде на «Дворец». В игре появился новый игрок, желавший провала СОНУ. Кто-то изнутри, но кто? Кандидатами могли стать Котфорд, Цыган, Элль. Это могли быть другие командиры, но они не стали бы сами вызывать общественную безопасность на свои головы. Я включил в список Сивек, просто потому, что эта мысль меня позабавила.

Нимейер посмотрел на меня и кивнул.

– От тебя ещё будут проблемы?

– Возможно, но не для тебя.

– Зачем всё это? Почему бы тебе просто не убраться?

– Кто-нибудь из твоих людей следил за мной прошлым вечером?

– Нет, но я знаю, где ты был. В одной из столовых Благотворительного Фонда Басолта. Помогал.

– Так может я и тебе помогу. У вас довольно милая планетка. – Я, точно как Сэм, безразлично пожал плечами. – Было бы приятно, если бы она такой и осталась.

Нимейер заколебался на мгновение, кивнул, но ничего не сказал. Он вышел из травматологического отделения шаркающей походкой.

Интерн налепил мне на ноги обезболивающий пластырь и дал мне какие-то жесткие штаны на замену срезанным с меня брюкам. Остатки лежали у меня в пакете, потому что в них были мои документы, телефон, наладонник и немного денег. Выбравшись из больницы, я бросил взгляд на дымящиеся остатки «Кабошона» и пошёл ловить такси. Какой-то драк остановил машину и подобрал меня.

Дорога до «Гранд Джермейн» не занимала так уж много времени, но я успевал поработать с наладонником до прибытия. По правде говоря, я собирался устроить кое-какие неприятности и мне нужно было подготовить прикрытие, чтобы не оставить после себя следов.

Через полтора квартала непримечательная машина Общественной Безопасности включила свои огни и сирену, и такси свернуло на обочину. Я мгновение оценивал свои возможности выскочить из такси и попытаться удрать, но мои ноги оказались несогласны с таким планом. Подошли двое агентов в штатском с игольниками – те самые, подкупленные Бернардом – и приказали мне выйти из машины. Пока один из них вел меня к их хOVERу, другой посоветовал водителю такси езжать отсюда, если он не хочет оказаться одним из «дракских террористов» и забыл заплатить за мой проезд.

Я буркнул через плечо:

– Не будь такой дешёвкой. Тебя купили и оплатили. Он же работает, чтобы прокормиться. Заплати ему...

Человек, стоявший сзади меня сбил меня с ног, ударив рукоятью пистолета по шее. Следующий удар в затылок заставил мою голову отскочить от дверцы машины и я сполз на мостовую.

Нос мне не сломали, но кровь из него шла. Я прямо-таки ощущал, как детектив примеривается к удару ногой, который заставит мою почку выскочить у меня из горла, но открылась задняя дверца машины и на мостовую опустились два тяжёлых ботинка.

– Не нужно, Оутс. Мистер Донелли – наш гость.

Я перекатился на спину и посмотрел снизу вверх на Тейта Джермейна. Хотя его голос был любезен, выражение лица таким совсем не было.

– Проверьте, чтобы он дал на чай водителю. Я великий любитель давать чаевые.

Тейт наклонился и холодно улыбнулся.

– Нет, Донелли, ты никакой не великий. Ты – никто и тебе следовало помнить, что ты – никто, и не пренебрегать приказами Бернарда. Если тебе повезет, это станет для тебя уроком. Если же нет, – мужчина пожал плечами, – надейся, что разговоры про реинкарнации – правда.

*Мы для богов – что для мальчишек мухи:
Нас мучить – им забава.
– Шекспир*

**Манвиль, столичный округ
Басолт
Префектура IV, Республика Сферы
25 февраля 3133 года**

То, что Тейт показался на публике в качестве моего похитителя могло, на первый взгляд, показаться глупостью, вроде постоянно совершаемых головизионными злодеями. Они похищают главного героя, засовывают его в смертельную ловушку и, перед тем, как он должен умереть, рассказывают ему все необходимое, чтобы расстроить их планы, после того, как ему удастся сбежать, разумеется, а ему это обязательно удастся. Насколько успешнее действовало бы зло, если бы главный злодей или его главная шестерка просто приставили бы к голове главного героя пушку и спустили курок.

Мертвецы не только ничего не рассказывают, они ещё не могут помешать осуществлению планов.

Тейт, ясное дело, смотрел на все по-другому. Во-первых, с его точки зрения, главным героем был он, а я был просто пешкой, которую сейчас снимали с шахматной доски. Как выяснилось позже, через несколько дней, для Тейта никогда не стояло вопроса, придется ли меня убить, вопрос был лишь в том, когда это сделать и достанется ли ему эта привилегия. Бернард, как я понял, очень хотел сам это сделать, но оказался слишком загруженным развернувшимися событиями.

Присутствие Тейта на месте преступления создавало лишь незначительный риск, поскольку он находился в сопровождении полномочных служащих Управления Общественной Безопасности. Хотя он сам не являлся официальным служащим управления, это не играло совершенно никакой роли. Он был Джермейн и это всё, что имело значение. Хотя большинство граждан не согласились бы с мнением, что кузены семейства Джермейнов могут вытворять всё, что им вздумается и это должно сходить им с рук, сами Джермейны привыкли плыть против течения народной мудрости. Проще говоря, им ещё никто не сообщал, что следует соблюдать закон. Хотя их прошлые прегрешения прощались как несущественные «опрометчивые шаги юности», государственная измена и ставки, на которые шла игра, подняли ситуацию на новый уровень и все усложнили.

Мои похитители на этот раз позволили мне разместиться на заднем сидении хOVERа вместо багажника, хотя Тейт пересел на переднее, чтобы я его не испачкал кровью. По дороге к маленькой квартирке, где они решили меня держать, мы остановились только раз, чтобы разбить вдребезги мой телефон и наладонник и выбросить их в мусорный ящик. Уничтожать эти устройства было тактической ошибкой, поскольку они могли узнать из них кое-какую полезную информацию, но им хотелось избавиться от улики. Они сохранили мои документы, которые, как я предположил, в определенный момент будут оставлены на моём теле.

Пуля, если её всадить в затылок, бывает, дает такое выходное отверстие, что быстрое опознание трупа становится затруднительным.

С самого начала я знал, что они меня убьют и мне было интересно – почему? Я имею в виду, у них, конечно, не было причин оставлять меня в живых, но причин убить меня у них было ещё меньше. Я был фактически выведен из состава СОНа. Пока не началась тотальная война,

когда Цыган усадит мою задницу в мех, я был практически бесполезен. Моя ликвидация как члена командования СОНа могла причинить организации лишь незначительные неудобства, да и осчастливила бы Котфорда, так как Сивек получила бы, наконец, мою должность.

До меня постепенно начинало доходить, что Бернард приказал меня схватить, хотя бы отчасти, просто из желания отомстить за себя, как за помехи ему у станции №8, так и, ещё важнее, за то, что я оказался умнее его. Я жестоко отодрал его и Тейта в покер, я помогал паршивой овце семейства и я даже снабдил его планом, который он использовал в борьбе против Эмблина. Бернард хотел выглядеть архитектором победы не менее сильно, чем хотел выиграть эту игру, а я мог легко выставить его жуликом и плагиатором.

Тейт, судя по энтузиазму, с которым он заставлял нас смотреть головизор, был очень хорошо подкован в теории стереотипных злодеев и героев. Хотя квартира, в которую меня привезли, была маленькой, она была расточительно оборудована головизором с большим экраном и всей возможной развлекательной техникой. Драмы, крутившиеся по головизору, были старыми, но полными действия и приключений. Парочка из них была основана на историях о путешествии Виктора Штайнера-Дэвиона в домашние миры кланов и убийстве им клановского лидера. Тейт болел за Виктора, что умиляло, если не обращать внимания на позу, в которой он сидел на кушетке – как пилотском кресле меха – двигая руками на подлокотниках, как будто во время сражения.

Они все время держали меня скованным и в коротких кандалах, не дававших мне сбежать. Никто не озаботился сменой моих повязок на ногах и я начал ждать душка гангрены. Мои руки были скованы наручниками за спинкой прочного деревянного стула или, когда мне разрешали спать, прикованными к ножке кровати. За мной всегда следил, как минимум, ещё один человек кроме Тейта, даже когда я отправлялся облегчиться.

Я все время в основном молчал и не доставлял проблем. Отчасти потому, что я надеялся на потерю, в какой-то момент, бдительности. Они ослабляли внимание до определенной степени, позволяя мне выделять маленькие фокусы, вроде выдергивания клочка волос и рассеивания их вокруг, чтобы их нашли криминалисты и узнали, что я здесь был. Я даже сумел расцарапать один из шрамов на моей ноге и побрызгал вокруг немного крови. Я быстро её вытер, но я знал, что следы можно будет легко обнаружить при помощи химических реагентов и ультрафиолетовой лампы.

Основной причиной моего молчания было то, что события во внешнем мире разворачивались куда хуже, чем я мог вообразить. Между фильмами мы наблюдали блоки местных новостей. Граф Джермейн мобилизовал ополчение Басолта и распорядился рассредоточить бронепехоту и танковые части по всей планете, а не только в Столичном Округе. Сообщалось о жестоких подавлениях акций протеста и восстановлении порядка. Если только Цыган не действовал куда активнее, чем я предполагал, эти демонстрации были спонтанными и их разгон бросал на правительство густую тень. В одном из столкновений на северном континенте погибло несколько демонстрантов и правительство, как все и ожидали, валило все на СОН.

Бернарда объявили героем. Не было сделано ни одного упоминания о его втором залпе и о том, насколько сильно от него пострадали люди из УОБ. Средства массовой информации, выискивая удобного человека, которого можно было бы поставить во главе правительства, поднимали шум вокруг Бернарда, а он бросался на похвалы, как кот на сметану. Я видел, что это временами раздражало Тейта, но я подозревал, что он хочет заслониться Бернардом от неприятностей. Он будет изображать из себя верного помощника Бернарда, пока тот не споткнется, а потом займет его место.

Вообще-то это был неплохой план. Хотя пресса подавляла информацию о антиправительственных выступлениях, в интервью людей из Общественной Безопасности иногда неосторожно проскальзывали некоторые вещи. Террористы СОНа или подражатели забрасывали самодельными бомбами различные цели, доставляя правительству неприятности. Не так скоординировано или разрушительно, как настоящие атаки СОНа, но хаос есть хаос, а когда разражается слишком сильный хаос, правительство погибло.

Для борьбы с хаосом Бернард вводил все больший порядок и, по крайней мере, в столичном округе, ополчение Басолта вызвало из запаса своих мехвоинов и ввело патрулирование. Местные вдоволь насмотрелись на мехи, вышагивающие по улицам. Их торсы поворачивались вправо и влево, стволы пушек качались вверх-вниз. Басолт такого зрелища не видел уже несколько десятилетий.

Бернард, наверное, нанял себе имиджмейкера, потому что некоторые из пропагандистских сцен были просто тупыми. Я отчасти ожидал появления снимков с мехами, помогающими вытаскивать на дорогу застрявший на окраине города в грязи хOVER или что-то в этом роде, но это было ещё хуже. На самой, наверное, глупой картинке была показана пилот, вылезшая из кабины «Хатчетмэна», чтобы объяснить туристам дорогу. Выглядела она отлично, туристы были очень благодарны, но всё вместе это выглядело нелепо.

Началась медленная эскалация конфликта и, вероятно, до взрыва прошло бы недели две или больше, но случилось событие, показанное в прямом эфире. В одной из столовых благотворительного фонда появился граф Джермейн – вне всяких сомнений, явившийся урвать немного от связи с Бьянкой, ставшей довольно популярной. Граф нацепил передник и наливал суп в линию тарелок. Он передавал суповые тарелки дочери, которая ставила их на подносы посетителей. Люди улыбались и кивали и граф даже выглядел довольным собой.

Потом один молодой человек по имени Гэвин – такой же выходец с территорий Дэвионов, как Бернард или Тейт – вытащил маленький потайной лазер и засветил графу в упор. Красный луч прожёт дырку между правым соском и грудиной. Граф посмотрел на черную дырочку на своём фартуке и шатнулся назад, а юноша прицелился, намереваясь выстрелить снова. Бьянка вскочила между своим отцом и убийцей и он колебался достаточно долго, чтобы другие посетители его скрутили.

Этот выстрел уложил графа в больницу в критическом состоянии. Я мельком увидел тот же персонал, что перевязывал меня, отчаянно боровшимся за жизнь графа. Бьянка перебралась в больницу и осталась там, а Квом пользовался своей значительной массой и рычанием Крошки, удерживая журналистов на удалении. И всё равно на дальних планах было видно, как она рыдает, а потом в слезах смотрит на врача, вышедшего к ней, чтобы сообщить свои прогнозы по графу.

Бернард даже близко у больницы не появился. Через пятнадцать минут после происшедшего он выступил в прямом эфире по головидению, приняв на себя полномочия отца. Он выглядел потрясенным, так что я отменил вероятность организации покушения им самим. Он объявил на планете военное положение, заявил, что неудавшийся убийца был агентом СОНа, а после этого бросил с экрана бомбу.

Он посмотрел прямо телезрителям в глаза и сказал: «Я получил неразглашаемые, но абсолютно неопровержимые доказательства того, что «Свободу от нужды» финансирует Олдрингтон Эмблин. Я приказал немедленно его арестовать. Его будут судить за государственную измену и покушение на убийство, по всей строгости закона.»

Почти сразу же показали врезку, в которой люди из Управления Общественной Безопасности брали Эмблина под стражу. Он был тоже потрясен, хотя его потрясение быстро переросло в ярость. «Я невиновен по всем и каждому обвинению в государственной измене. Я всегда хотел для Басолта только самого лучшего и все вы знаете, что все лучшее я отдавал вам. Когда все прояснится жителям Басолта станет понятно происходящее – это чистка от всех, кого ненавидят Джермейны. Будьте бдительны, мои дорогие сограждане, ибо там где я сейчас, скоро окажетесь вы, если не осмелитесь освободить сами себя.»

Тейт, с лицом пепельного цвета, посмотрел в сторону от головизора, когда зазвонил телефон Оутса. Тот снял его с пояса и ушёл в заднюю комнату поговорить приватно. Тейт дважды мигнул и, только на секунду, показался очень уязвимым.

Я увидел в этом шанс и ухватился за него.

– Я надеюсь, ты уверен в Бернарде. Если он плохо разыграет карты, все пропало. Он может все провалить.

– Заткнись!

Я напустил на себя маску удивления.

– Ты же не думаешь, что он мог приказать убить своего отца, не так ли?

Тейт быстро потряс головой.

– Нет, быть такого не может.

– Для тебя лучше надеяться, что это так.

– Что ты имеешь в виду?

– Подумай сам. Его единственная улика причастности Эмблина к делу – это я, но он не захочет, чтобы я попытался опровергнуть его заявления: я знаю слишком много, чтобы позволить мне жить. – Я дернул головой в сторону задней комнаты. – Тот звонок. Может быть это Бернард сейчас приказывает Оутсу прикончить нас обоих и представить дело так, как будто ты пришёл меня задержать и я застрелил тебя, а Оутс – меня. Идеальный вариант. Он сможет тебя посмертно прославлять, раз уже не сумел это сделать по отношению к отцу, и избавится от довольно популярного конкурента в борьбе за власть.

– Нет, он бы так не сделал.

– Нет? – я покачал головой. – Позвони ему. Посмотри, не говорит ли он сейчас по телефону.

Тейт заглотал наживку. Он вытащил своё связное устройство и набрал номер. «Бернард, это Тейт. Донелли говорит, что ты приказал напасть на своего отца и ты собираешься убить нас, потому что его нельзя оставить в живых!» Ну, на самом деле он говорил что-то более истеричное, а меня он обозначил кличкой, которую бы постеснялось использовать даже большинство космической матросни.

На самом деле неважно, что он говорил. Заговорил Бернард и Тейт начал согласно кивать. Он сказал: «Да, да, конечно, я никогда в этом не сомневался. Да, сделаю. Я ему скажу.» Потом он опустил телефон и спокойно улыбнулся в моём направлении.

– Он велел передать, что ты был прав. Тебя нельзя оставлять в живых. – Он завел правую руку немного за спину и вытащил короткий и толстый черный игольник. Такие стреляют иглами, вырезанными из оружейного полимера. Мои предыдущие замечания о выходных отверстиях пуль здесь не подходили. Меня убили бы выстрелом в грудь или горло, а контрольный выстрел в голову сделает моё лицо похожим на банку мокрой перекрученной тушенки.

И много крови будет разбрызгано вокруг, просто так, для удовольствия.

Он передернул затвор оружия левой рукой и в это время зазвонил его телефон. Тейт вытащил его, взглянул на маленький экран и на его лице появилось озадаченное выражение.

– Что за...

Дверь квартиры выбило внутрь и она повисла, наполовину сорванная с петель. В комнату ворвался офицер Общественной Безопасности в броне «Хобёрк». Тейт развернулся, его пистолет нацелился в первую фигуру. Он успел выстрелить, но иглы просто отскочили от брони, как зубочистки от стены. Правая рука бронированной фигуры поднялась. У моего лица мелькнула красная вспышка и грудь Тейта и часть стены за ним испарились. Он рухнул на пол с тремя дымящимися дырами в груди.

Из задней комнаты вышел Оутс, держа в одной руке пистолет, а в другой – удостоверение. Он заорал «Полиция!», но пистолет поднял и направил его на меня.

До того, как он смог меня «совершенно случайно» застрелить, Нимейер поднял правую руку и выстрелил от двери. Заряд лазера прошил мимо моей головы, подпалив немного волосы. Шедший первым офицер прошел в заднюю комнату и крикнул оттуда, что все чисто.

На броне Нимейера поднялось стекло.

– Теперь мы в расчете, Донелли.

Я ошарашено кивнул.

– А вы что здесь делаете?

– Спасая твой зад.

– Почему?

Нимейер фыркнул.

– Некоторые люди посчитали его стоящим спасения. – Он вошёл в комнату и повел рукой по направлению к коридору. – У тебя влиятельные друзья, Донелли.

И в комнату шагнула Джанелла.

37

В этой маленькой глупой игре не бывает победителей
– Томас Фуллер

Манвиль, столичный округ

Басолт

Префектура IV, Республика Сферы

27 февраля 3133 года

Я посмотрел на неё и удержался от улыбки.

– Я вас знаю?

Леди Джанелла Лейквуд царственно склонила голову.

– Да, Сэм, знаешь. Полковнику Нимейеру известно о нашей прежней совместной работе.

Я кивнул. Джанелла выбрала вариант номер один, то есть изобразила из меня информатора, оказывавшего ей в прошлом услуги. Нимейер всё равно любить меня не станет, но станет доверять мне чуть больше. Ей он будет доверять полностью. Во многих смыслах это было лучшим выбором, так как сводило к минимуму заработанную мной дурную репутацию и позволяло сохранить легенду. Он будет считать, что я работал на Джанеллу ради снятия с меня каких-то обвинений.

Один из бойцов общественной безопасности открыл мои наручники и я начал растирать запястья.

– Оутс, Тейт и ещё один из ваших похитили меня сразу после того, как я покинул больницу. Они привезли меня сюда и держали, пока Бернард не выкроил бы в своём графике минутку, чтобы сделать меня совсем мертвым. Даже если вы перехватили последний звонок и смогли его расшифровать, он будет все отрицать.

Я глянул снизу вверх.

– Как вы вообще меня нашли?

Нимейер усмехнулся.

– Водитель такси, в котором ты ехал – хронический жалобщик. Однажды его помяли, когда он сопротивлялся аресту – нам нужно было его такси для осмотра на предмет наличия улик, а он возражал. Теперь он постоянно заявляется с жалобами на что-то. Когда тебя схватили, он сразу отправился в управление и начал писать заявление. Он опознал Тейта и Карлсона – второго из безопасности. Мы получили у судьи разрешение пеленговать их телефоны. Нам удалось сузить район поиска до этого района, затем мы использовали специальное оборудование и по триангуляции нашли тебя.

– И что так долго?

Джанелла насупилась, глядя на меня.

– Нам нужно было найти судью, который выписал бы постановление, позволяющее прослушивание телефонных разговоров и при этом не испугался бы Джермейнов. – Она посмотрела на Нимейера. – Полковник, я бы предложила, чтобы ваш рапорт по этому инциденту отражал ликвидацию ячейки СОНа. Были жертвы, чьи личности не разглашаются до уведомления ближайших родственников. Единственным, чей труп опознают, будет Сэм.

Детина нахмурился.

– Это создаст у Бернард ощущение безопасности, ещё больше развязав ему руки.

Я встал и оперся на спинку стула за моей спиной.

– Он не сможет связаться с Тейтом, а этот Карлсон, вероятно, сообщит ему об отсутствии связи с Оутсом. Он поймет, что что-то происходит. Он почувствует давление вне зависимости от наших действий.

– Ну, Карлсон уже холодный, так что тут проблемы не будет. – Нимейер ткнул пальцем в телефон Тейта. – Если ты выключишь эту штуку, то звонящие будут оставлять сообщения, и это даст нам немного времени. Он некоторое время не будет знать, что Тейт вышел из игры.

Я сделал как он предложил и отключил телефон.

– Ладно, так мы сможем оказать на него немного больше давления, но недостаточно, так как на горизонте очень скоро появятся большие неприятности. Бернард взял Эмблина, а Эмблин терпеть не будет.

Нимейер снял шлем с бронежилета и зажал его под правой рукой.

– И все же он ограничен пределами своих возможностей. Адвокаты затеют прения, но обвинения в государственной измене – не такая штука, чтобы выпустить его из под стражи до суда. Он влип.

– Его будет бесить скорее не то, что он в тюрьме, а то, что он во власти Бернарда. Я думаю, он потребует от своих людей начать волну терактов, и на этот раз – взяться за дело по настоящему. Погибнет много народу и я бы не удивился, если он прикажет Котфорду его освободить.

Полковник посмотрел мимо меня в окно квартиры. Где-то в том направлении располагался следственный изолятор столичного округа.

– Во время битвы за его свободу могут пострадать многие...

– Согласен, поэтому мы этого не допустим. – Я усмехнулся. – Мы просто не можем.

Глаза Джанеллы сузились.

– Что ты задумал, Сэм?

– Полковник, Эмблина арестовала Общественная Безопасность, так что, номинально, он в вашей власти, так? Вы ведь можете организовать его перевод из соображений безопасности, так ведь?

Здоровяк медленно кивнул.

– Придется немного постараться, но это можно устроить.

– Хорошо. Мы знаем, что за ним рано или поздно заявятся, так что нам нужно минимизировать побочный ущерб. У меня есть идея, как этого добиться, и, может быть, даже собрать всех нужных нам фигурантов этого дела в нужном нам месте. – Я посмотрел на Джанеллу. – Ты в седле?

– Есть даже второе. И транспорт.

– Два седла не так уж много. Но мы можем дать им немного погрызть друг друга, перед тем, как вмешаемся.

Нимейер нахмурился.

– Мне показалось, что ты хотел минимизировать побочный ущерб. Позволить людям Эмблина сцепиться с ополчением и частной армией Бернарда не похоже на способ остановить разрушение Басолта.

– О, бой обязательно будет неприятным, так что нам просто нужно перенести его туда, где бережность к природе не потребуется. – Я усмехнулся ему. – В альманахе для туристов я натол-

кнулся на упоминание о месте, которое, я думаю, идеально подойдет: Обсидиановый остров.

Брови Джанеллы вопросительно изогнулись, но Нимейер только усмехнулся.

– Да, сработает прекрасно. И знаешь что? Я даже помогу вам сравнять шансы.

Обсидиановый остров – это мрачное, легендарное место, из тех, какие есть на каждой планете. Они просто созданы для того, чтобы по ним бродили привидения, внутри них держали разных мерзких убийц, а вокруг них разворачивались сражения. Полная изоляция этого места была кстати, как и тот факт, что его почти никто не посещал, и только самые храбрые осмеливались провести в нем ночь.

А те, кто проводил, рассказывали тревожные истории.

Конечно, девяносто пять процентов из них – обычный способ привлечь туристов, чтобы за пять сотен стоунов организовать поездку и, за тройные деньги, ночевку на месте. Хотя стоимость и само место могли привлечь из-за пределов планеты только самых извращенных.

Технически говоря, это был не остров и он не был из обсидиана. Обсидиановый остров располагался на юго-западе от Манвиля, в сердце огромного заповедника из тропических лесов. Это пустынная плоская скала в центре маленького озера с черной водой, в котором, говорят, водятся чудовища. К острову от берега озера ведет узкая извилистая дамба с дорогой, заросшей травой. Берег озера тоже скалистый и выгибается полумесяцем к лесу. Хотя на этой скале пробовали прижиться довольно крепкие растения, их усилия за последние несколько столетия не показали сколько-нибудь значимого результата.

На самом острове гордо возвышается огромный замок, выстроенный из базальта и облицованный обсидианом. Хотя он стилизован под терранские средневековые замки, он не несет следов разрушения временем. Два века, прошедшие со времени его сооружения, не были к замку слишком уж добры, но те, кто его создал, собирались сделать его достаточно прочным, чтобы выдержать всё менее разрушительное ядерного взрыва. Однако, в отличие от рыцарей былых времен, они хотели не сколько удержать людей от проникновения внутрь, сколько одного человека от выхода наружу.

Тацит Джермейн не слишком часто упоминается в книгах по истории Басолта, а в истории великой семьи его имя встречается лишь в одной сноске. Он был вторым сыном правившего графа и с ним было не все в порядке. Истории о жестокостях были заматы, были выплачены деньги, а свидетелей запугали. Трудно судить, о чем семья думала в то время, но наверное тяжело принять факт того, что твой ребенок – сумасшедший социопат-убийца. Они все отрицали и старались его вылечить, а когда это не удавалось, просто старались ещё сильнее.

Тацит развил в себе нездоровый интерес к Жилю де Рею, средневековому французскому дворянину и соратнику Жанны д'Арк. Де Рей, обладавший почти неистощимыми богатствами и достаточным влиянием, чтобы власти не могли его остановить, занимался изучением демонологии. Он умертвил бесчисленное множество детей – крестьянских, по большей части, чтобы не привлекать внимания – и продолжал это делать до тех пор, пока не отверг и церковь и королевскую власть, которые объединили силы, желая его сокрушить.

За Тацитом насчитывалось всего пять жертв, когда его поймали. Его судили и признали виновным в двух убийствах, а в трех других – невиновным, в силу психического расстройства. Конечным результатом процесса стало то, что его поместили в больницу до излечения, после чего должны были последовательно вступить в силу приговоры к пожизненному заключению за убийства. На свободу он бы уже не вышел.

Семья его, тем не менее, по-прежнему любила и создала для него Обсидиановый остров. Они оплатили строительство из собственного кармана, после чего передали его правительству, зачислившему его в разряд исправительных учреждений и психиатрических лечебниц для лиц, невменяемых в отношении совершенного преступления. Легенда гласит, что Тацит носил одежду в стиле Жилия де Рея: роскошные мантии из алого с золотым. Он разговаривал только на древнефранцузском и не пользовался никакими товарами промышленного производства. Он полностью ушёл в свой психоз и умер в возрасте 108 лет после семидесяти пяти лет заключения.

Нимейер хорошо постарался, убеждая людей Бернарда, что перевод Эмблина на Обсидиановый остров – который формально все ещё оставался тюрьмой – был как раз тем, чем нужно. Этот шаг не только изолировал бы заключенного от всех каналов связи, но заключение в этом месте представило бы его в качестве нового Тацита. Это было бы особенно серьезным для общественного мнения, или просто к такому выводу привели людей Бернарда. К преимуществам Нимейер также добавил отсутствие помех, позволяющее его людям проще отражать нападения, если, конечно, нападающие не будут в мёхах.

На это ему было сказано, причем совершенно определенно, что мехи проблемы не составят.

Бернард немедленно разместил смешанную роту ополчения Басолта и легкий взвод собственных сил в районе Обсидианового острова. Это было тактической ошибкой, поскольку ему было известно, что в распоряжении СОНа были значительно большие силы. В определенной степени, эта ошибка была вынужденной, поскольку вывести он всех свои людей из Манвила, СОН мог растерзать город на части и он выглядел бы дураком.

Все дело было хорошо организовано, чтобы СОН не успел ударить слишком рано. Нимейер объявил, что «для его же собственной безопасности» Олдрингтон Эмблин будет в очень скором времени переведен на Обсидиановый остров. Далее он пообещал средствам массовой информации разрешение освещать перевод, но только если они совместно выставят одну бригаду головизионщиков. В результате каналы передрались за право послать своих журналистов и попытались оградить свои ставки, разместив камеры по всему периметру следственного изолятора, чтобы заснять отъезд. Поэтому территория изолятора была ввергнута в хаос, куда ни один командир террористов не хотел бы завести свои людей.

Перевод состоялся двадцать девятого, что давало Котфорду и Бернарду два дня на планирование своих действий и сосредоточение сил. Нимейер расположил своих лучших людей в крепости, но, не считая установленных в бойницах несколько пусковых установок ракет малой дальности, их бронекостюмы «Хобёрк» были игрушками в сравнении с надвигавшимся. Джанелла и я должны были действовать в привезенных ею с собой мёхах – включая моего нового скакуна, «Призрака». Я подумал, что мех с таким именем будет в таком колоритном месте весьма кстати. Когда придет время, посадочный корабль класса «Леопард» сбросит нас на поле боя.

Причина, по которой она появилась на изготовившемся к войне Басолте, состояла в результатах проверок, проведенных в связи с сообщением, которым на планету вызвали Сэма. Республиканские исследователи обнаружили, что с планеты исходило много сообщений и загрузка кораблей, пришедших на Басолт, сильно превышала загрузку его покидавших, как по числу прибывавших, так и по количеству военных среди них. Если на мире начинают появляются воины, а семьи его покидать, значит надвигаются неприятности. Она получила серию из нескольких моих докладов, когда добралась до Флетчера, поэтому она сразу направилась к Нимейеру, как только прибыла.

Единственным препятствием для минимизации побочного ущерба было решение Бернара перевести туда же Гэвина Прина – юношу, стрелявшего в его отца. Вообще-то со стороны Бернарда это был умный ход, так как подчеркивал связь между юношей и Эмблином. Все попытки освободить Эмблина, будут казаться имеющими отношение и к Прину. После того, как он бросил учебу в университете, Прин некоторое время жил в Манвиле. Тем днем, когда он стрелял в графа, ему стало известно об убийстве его отца при разгоне демонстрации на севере, поэтому он действовал в состоянии аффекта. Хотя об этом уже было известно, пропагандисты Бернарда вывернули это в виде злодеяния Эмблина, который якобы использовал трагедию мальчика, превратив того в монстра.

Цыган и Котфорд начали выдвигаться со второй половины тридцатого числа. Силы СОНа двигались двумя группами, причем моя должность, как и ожидалось, была передана Сивек. Её крыло, составленное из тяжелого мехзвена и двух отрядов легких и средних боевых машин, подошло с запада, затем резко повернуло на юг, а группа Котфорда зашла с юга и повернула

почти строго на запад. В ней было два звена мехов, одно тяжелое и одно легкое, остальной состав роты добрали машинами. Это давало СОНу полуторократное преимущество в мехах и намного большее – в остальной технике.

Бернард напрашивался на катастрофу и, похоже, должен был огрести по полной программе. СОН не пытался скрыть своих намерений – маленькие беспилотные разведчики, запущенные Нимейером с Обсидианового острова могли отслеживать тепловые следы приближающихся объектов. Он передавал информацию Бернарду и нам, в Манвиль. Бернард казался совершенно беспечным, встав в моих глазах в один ряд с Тацитом.

Джанелла посмотрела на меня сквозь голограмму на ходовом мостике «Вэлианта».

– До цели отсюда двадцать минут. Мы можем стартовать как только пожелаем.

Я переключил на дисплей тактическую карту, с расчетом времени контакта между противниками.

– Восточная группа подойдет первой и свяжет ополчение боем, затем северная ударит по флангу. Сорок минут до контакта. Вылетим минут через пятнадцать?

– Я думаю, через двадцать. Котфорд постарается вступить в бой сразу, но если они все-таки не начнут стрельбу немедленно, мы не сможем повлиять на исход боя.

– Да, это будет совсем невесело и совсем недолго. – Я вздохнул. – Я только надеюсь, что мы сможем переломить ход сражения, поскольку в противном случае всё обрушится на наши головы.

Она протянула руку сквозь голограмму и погладила мою.

– Я знаю, любимый, поэтому нам придется сделать все особенно хорошо. Может быть нам не удастся удержать этот груз на руках, но, если повезет и, если мы подтолкнем его хорошо, он упадет туда, куда нам нужно.

38

И отмеченный печатью Каина будет править миром
– Джордж Бернард Шоу

Обсидиановый остров, Черноозерный округ
Басолт
Префектура IV, Республика Сферы
2 марта 3133 года

Битва началась, когда мы находились в пути, но беспилотные разведчики Нимейера и головизионные камеры давали нам даже больше информации о сражении, чем нам хотелось. Я вывел картинку, поступающую с Обсидианового острова на вспомогательный монитор, а потом перевел сигналы с беспилотников на дополнительные экраны. По завершении проверок всех систем «Призрака» я вывел вид Обсидианового острова на боевой голографический дисплей. Несмотря на то, что я находился в машине, застропленной в трюме посадочного корабля, я чувствовал себя так, как будто стоял в эпицентре битвы.

В отличие от Тейта, я не стал играть джойстиком управления. Скоро у меня будет для них работы более чем достаточно, да и было бы не лучшей идеей случайно нажать на гашетку в трюме.

Бернард разместил свои силы как-то неправильно. Смотря от Обсидианового острова, рота ополчения Басолта располагалась слева, затем был небольшой промежуток и Бернард со своими наемниками. Они стояли спиной к озеру, что в данном случае не ставило их в невыгодное положение, но вот зазор можно было использовать против них. Подразделения разделяло всего сотня метров, но этого было достаточно, чтобы враг мог вклиниться и разделить их. Как только с этим будет покончено, будет покончено и с ними.

Ополчение представляло собой один из двух крупнейших отрядов на поле боя, хотя двое из их мехов были переоборудованными лесоповальными машинами, очень слабо бронированными и вооруженными. Мехзвено дополняли «Пантера» и «Центурион», но оба можно было смело выставлять как антиквариат. Подобные силы были признаком времени – мало ресурсов и приходилось импровизировать. Два других выставленных ими взвода состояли из бронемашин. Северный фланг прикрывали разведывательно-дозорные бронемшины «Шандра», обладавшие достаточно высокой скоростью, чтобы стать для врага трудной мишенью. В центре порядка угрожающе разместились четыре «Демона». Если их любовь к Родине могла компенсировать недостаток боевого опыта, то они станут ключом к достижению решения битвы.

Ополчение должно было встретить группу Сивек, которая двигалась немного странно. Правый фланг и центр её порядка составляли два смешанных танковых звена – из «Симитаров» и «Кондоров». Поэтому её дуэт мехов – её собственного «Рёкэна-II» и «Пакхантера» – оказывался ближе всего к порядкам Котфорда, вынуждая её танки атаковать ополченцев с севера. Её мехи были расположены так, чтобы войти в зазор и развернуться против частей ополчения, вероятно, деморализовав их и, может быть, даже обратив в бегство. Мехи всей своей немалой огневой мощностью прикрывала пара истребителей танков СМ-1.

Котфорд оставил свой танковый взвод на левом фланге. Он выбрал четыре тактических ракетных установки «ДЖЕС», ошестинившиеся ракетами малой дальности. В ближнем бою эти быстрые ховеры могли проводить опустошительные атаки. Учитывая, что они втянутся в перестрелку с взводом «Симитаров» Бернарда, на южном краю поля боя ожидалось побоище.

Как только отряд Сивек соединится с группой Котфорда, его звено мехов составит центр линии СОНа. В добавок к «Юпитеру» и «Катапульту», участвовавшим в обороне «Дворца», он привел «Блэк Хок» и «Арбалет». Его звено было самым сильным и было хорошо приспособлено как для обстрела врага с дальней дистанции, так и для быстрого перехода в ближний бой, что он, как я не сомневался, и сделает.

Звено Бернарда не могло похвастаться такой огневой мощностью, но все равно было очень сильным. Он пилотировал свою «Катапульту» и у него также был «Арбалет», которые вместе были способны наносить издалека ракетные удары. «Легионер» и «Хатчетмэн» возмещали точностью недостаток плотности огня. Я не хотел делать рискованных догадок – позволит ли это переломить ход боя или нет, но судя по тому, как располагались силы сторон, у СОНа было преимущество и я подозревал, что они сумеют одержать победу, если судьба или третья сила не вмешается и все им не испортит.

Голос Джанеллы раздался в наушниках нейрошлема.

– Я хочу, чтобы нас сбросили к северу, тогда мы сможем поддержать ополчение.

Я согласился.

– Принято. Уничтожим танки и накатимся на мехи с фланга.

– Ты читаешь мои мысли.

Я ухмыльнулся.

– Я только надеюсь, что сделать это будет так же просто, как и подумать об этом.

Она не стала отвечать, но мы оба знали, что просто не будет. Одним из весьма вероятных исходов было то, что нас выбросят посередине поля боя и обе стороны разнесут нас в щепки. Бернард не проявил ни малейшего раскаяния по поводу расстрела людей Нимейера, а по отношению к нам он будет расположен к сантиментам ещё меньше.

Но опять же, выбора у нас не было.

За пять минут до цели на большом дисплее первый из ховертанков вышел на позицию для атаки ополчения. Далеко справа на равнину выкатились ракетные установки Котфорда. «ДЖЕ-Сы» рассыпались в линию, перестраиваясь на левый фланг. Потом начали появляться мехи, словно древние воины выходившие из леса. Некоторые выглядели очень похоже на человека, например «Юпитер» и «Арбалет» – они шагали прямо, как охотники, возвращающиеся из похода. Другие, вроде «Катапульти» в звене Котфорда, напоминали механических зверюг, собравшихся ворваться на поле боя.

Объединенные силы Бернарда обратили всю свою ярость на батальон Котфорда. Небо над полем боя прочертили тучи дальнобойных ракет. Выбор целей почти казался хорошо спланированным, так как залпы накрыли «Катапульти» и «Арбалет», способные наносить дальние удары. Я не мог понять, почему он не открыл огонь по самому Котфорду. В то время я посчитал это каким-то извращенным чувством юмора, но последующие события показали, что это допущение были неверно сразу с нескольких точек зрения.

Бронемашины с обеих сторон понеслись вперед, стараясь охватить фланги. Они выпускали ракеты и били лазерами. Их огонь кое-где разбивал броню, кое-где её плавил. Одна из «Шандр» стала жертвой сосредоточенного огня «Кондоров» Сивек. Она зрелищно взорвалась, одно из колес отлетело и пронеслось над полем боя как предзнаменование ожидающей бойцов судьбы. Со стороны защитников продвигалась вперед только ополчение. Бернард удерживал войска позади, даже «Симитары», позволяя Котфорду подойти ближе, и этого я не мог уразуметь.

Картинка в моей кабине сменилась, когда пилот «Вэлианта» дал нам сигнал с носовых камер корабля. Мы проносились над Обсидиановым островом, пролетая точно над правым флангом Бернарда. С обеих сторон летели стаи ракет, оставляя в воздухе темные шрамы, а потом увенчивая мехи гирляндами огней. Мехи Котфорда выдвинулись вперед порядков СОНА. Мехи и СМ1 Сивек отставали. Её бронемашины продолжали обстреливать ополчение, все более усиливая хаос. Ховертанки Сивек продолжали под огнем противника подходить на расстояние плевка, где их мощь была бы убийственной.

По мере того, как мы облетали поле, вид перемещался на другие камеры посадочника. В кабине прозвучала сирена, быстро дополненная визгливым стакатто. Когда эти вибрирующие звуки утихли...

Десантный люк открылся и «Призрак» скользнул в воздух. Моя голопроекция вернулась к картинке, создаваемой собственными датчиками «Мэд Кэа-III» и в правом нижнем углу побежал отсчет времени до касания грунта. Я пристегнул ремни пилотского кресла и через пять секунд ударил по кнопке тормозных ракет. Они зарычали под моей кабиной и замедлили мой спуск достаточно, чтобы при посадке толчок только немного расшатал мои зубы, но не выбил их напрочь.

– Контакт, все системы в норме. – Я надавил на кнопку левого джойстика, отстрелив тормозные модули, повернулся влево, развернувшись на битву. Мой дисплей засветился десятками целей, а справа подошел «Тундравульф» Джанеллы. Наши мехи были раскрашены в красно-золотые цвета вооруженных сил Республики и на поле не было никого, кто не понимал бы значения эмблемы в виде знамени и серебряной звезды, говорившей о вступлении только что в битву рыцаря Республики.

В наши намерения входило наброситься на бронемашины, атаковавшие ополчение Басолта. Пока мы приземлялись, они приблизились и начали повторный обстрел, подбив ещё две «Шандры». Одна сгорела, где стояла, до почерневшего остова, а другая кувырком покатилась в озеро и исчезла в облаке пара. Я был уверен, что под сосредоточенным огнем мехов Котфорда необстрелянные пилоты ополчения обратятся в бегство, оставив нас и Бернарда перед лицом численного большинства СОНА.

Но до того, как мы смогли начать уравнивать шансы, ход битвы драматически изменился и я тотчас выяснил, почему Бернард не атаковал Котфорда сразу. Вместо этого он хотел его помучить. Котфорд, вероятно, рассматривавший битву у Обсидианового острова как своё возвращение к славе, обязан был пронаблюдать испарение своей мечты.

Уйдя дальше на юг и заложив крюк к западу, капитан Изабель Сивек развернула своё звено управления и выгрузила все, что у неё было, на звено мехов Котфорда. Птиценогая «Катапульта» просто рухнула как игрушка, разбитая кувалдой. Один из СМ1 разнес «Арбалет» выстрелом из автопушки, прострелив его грудь и разорвав её на части. Гуманоидный мех шатнуло назад, потом он рухнул на деревья. Через дыру в его груди выскочили маленькие жизнерадостные деревца и секунду покачивались, пока не стали корчиться в пламени.

Бернард подкупил Сивек и её мехроту изрядной взяткой. Как только её предательство стало явным, наёмники Бернарда выпустили ещё больше ракет в звено управления Котфорда. Они сосредоточили огонь на двух уцелевших мехах. Разрывы ракет зарябили на «Юпитере», но остановить его не смогли.

– Ведущий, кого? Кота или Крысу?

– Спасаем ополчение.

– Принято, ведущий. – Приказ имел смысл, поскольку ополченцы представляли собой единственных невинных людей в этом бою. Я навел золотое перекрестие на «Блэк Хока» и, когда в его центре запульсировала точка, говоря о захвате цели, выжал две гашетки. «Призрак» качнуло назад и вниз, когда сорок ракет унеслись по дуге в небо и низверглись на мех. По мне прокатилась волна жара, а от вида причиненных мной разрушений пробил озноб.

Взрывы усеяли огнем все вокруг «Блэк Хока» и сам мех, распыляя его броню. Она закрутилась феррокерамической метелью вокруг опор, слезая кое-где целыми бронеплитами. Когда дым рассеялся, оружие войны мгновение раскачивалось. Пилот отчаянно боролся с управлением, пытаясь сохранить равновесие, но внезапная потеря массы брони и удары, которые он перенес, не оставили ему такой возможности. Мех качнуло вперед, бросило на колени, а потом – на манипуляторы.

Лазерами и дальнобойными ракетами Джанелла ещё сильнее изуродовала вражеский мех. Ракеты разбили ещё больше брони, а рубиновые лучи её средних лазеров вонзились в миомерную мускулатуру, дававшую меху силы. Рубчатые волокна левого манипулятора с треском разорвались, запустив в воздух маленькие комочки искусственной ткани. Левый манипулятор «Блэк Хока» надломился, обрушив плечо и голову в грунт. После удара Джанеллы он тщетно дергался, пытаясь подняться.

Хотя явно изумленный предательством Изабель Сивек, Котфорд отреагировал мгновенно и жестоко. Он развернул «Юпитер» с ловкостью, которой я не ожидал и вытянул оба манипулятора своего меха в направлении «Рёкэна-II» Сивек. Пара ППЧ, установленных в левом предплечье, разразилась искусственными молниями. Их иззубренные небесно-голубые лучи хлестнули короткий и толстый мех. Одна прожгла уродливый шрам по левой стороне корпуса, а другая заплесала на кабине. Расплавленную броню выбросило потоком на землю, где она пузырилась и дымилась.

Квартет автопушек «Юпитера» оказался так же ужасающе эффективен. Две обгрызли левый манипулятор и правое бедро, оставляя после себя испещренную точками броню. Другие две ударили в кабину, окончательно разбив фонарь. То ли её порвало в клочья дождем осколков стекла, то ли её труп превратили в месиво увесистые болванки, но смерть Изабель Сивек была такой же мерзкой, как и предательство, в котором она участвовала.

Наёмники Бернарда снова дали залп по командному звену Котфорда. Ракеты били «Юпитер», но вывести его из строя не могли. Ополченцы ударили в ответ по наступавшей бронетехнике Сивек. Хотя они плохо координировали свои атаки, удача им улыбнулась и они смогли подбить несколько ховертанков, потеряв только один свой средний «Демон».

После смерти Сивек её рота могла отступить, но они были профессионалами и смогли собраться и начать осторожно маневрировать на сближение со своими бывшими товарищами. «Юпитер» Котфорда взорвал один «Кондор», но получил в ответ несколько прямых попаданий из лазеров и автопушек, а потом залп или два ракет.

«Тундравульф» Джанеллы зацепил правый бок «Симитара» лазерами. Зеленые и красные лучи расплавили броню и открыли огромную дыру в боевой отсек машины. Ховертанк успел

развернутся вокруг своей оси до того, как обе его крыльчатки замерли. Его горящая коробка обозначила границу, которую не пересекла ни одна из остальных бронемашин Сивек.

Это было хорошо для ополчения, но плохо для нас. Оставшийся «Симитар» и три «Кондора» начали маневрировать, пытаясь выйти в атаку на нас. Я обстрелял ракетами один из танков «Кондор». Мне повезло и мои ракеты разорвали левую гусеницу танка, что скорее создало помеху движению других машин, а не нанесло серьезный ущерб врагу. Пытаясь обогнуть подбитый танк слева, одна из них врезалась в оторванный правый манипулятор «Блэк Хока». И манипулятор и танк от этого столкновения не выиграла. Хотя «Кондор» остался на ходу, в него сзади врезался поврежденный мной танк, зажав на месте.

Хотя с политической точки зрения Бернард Джермейн не был самым смекалистым парнем, как тактик он обладал определенными талантами. Бой сейчас вертелся вокруг как можно более быстрого уничтожения сил Котфорда, перед тем, как он сможет заняться нами. Мы были темными лошадками и, на данный момент, играли в его пользу. После победы над Котфордом он использует свою роту, роту Сивек и остатки ополчения против нас двоих и мы не сможем устоять. Вне всякого сомнения, убийство рыцаря повлечет за собой последствия, но он твердо держал планету в кулаке и шансы на быстрое возмездие, учитывая текущий кризис, были исчезающе малы.

«Катапульта» Бернарда выпустила ещё два залпа ракет, усеявших «Юпитер» Котфорда разрывами. Обломки брони по спиралям разлетались, отскакивая от твердого грунта. «Юпитер», казалось, сгорбил, как старик под проливным дождем, потом снова выпрямился, но не двинулся навстречу Бернарду. Я не знаю, может быть, в этот момент Котфорд понял, что из этой драки ему не выбраться или решил умереть, избежав позора поражения. Я даже готов истолковать свои сомнения в его пользу и предположить, что он решил спасти жизни части своих людей. Он направил свой «Юпитер» в середину роты Сивек, разбрасывая вокруг себя снаряды автопушек и разряды пушек-проекторов, размахивая правым манипулятором, врезав им по дороге «Пакхантеру».

Он сумел ворваться в их ряды, но не смог пройти их убийственный ответный огонь. «Юпитер» пал вперед, его броня была превращена в лохмотья, а правый манипулятор расплавлен до неузнаваемости. Из кабины выплеснулось пламя и система катапультирования выбросила пилотское кресло. Ускорители, которые должны были зашвырнуть кресло далеко в воздух, вместо этого размазали его о каменный полумесяц вокруг Черного озера.

После смерти Котфорда левый фланг войск СОНа прекратил бой против «Симитаров» Бернарда. Три оставшихся «ДЖЕСа» повернули пусковые установки РБД в небо в знак капитуляции и там явно велись напряженные переговоры. Когда установки снова опустились и машины развернулись на север, я понял, что переговоры закончились в пользу Бернарда.

Наёмники Бернарда и остатки бойцов СОНа разворачивались на нас.

Голос Джанеллы по радио был сильным и громким.

– Лорд Бернард Джермейн, я – леди Джанелла Лейквуд, рыцарь Республики Сферы. Вы и ваши люди должны немедленно заглушить двигатели. Вы арестованы за покушение на убийство гражданина Республики.

Ответ Бернарда сочился надменностью.

– Я полностью контролирую Басолт. Ваша Республика здесь бессильна. Ваши обвинения здесь не имеют никакой силы. Вы здесь не властны. Вы здесь не нужны. Покиньте мою планету.

– Лорд Джермейн, я ещё раз прошу вас сдаться, ибо последствия вашего отказа будут истине ужасными. – Джанелла сохраняла ровный голос, но в него вкралась резкость. – Сдавайтесь, если не ради себя самого, то ради ваших людей. Они не обязаны умирать из-за вашей глупости.

– Твоя заносчивость просто невероятна, женщина. – Я прямо-таки видел презрительную усмешку на губах Бернарда. – Сто тысяч валюты КомСтара тому, кто её прикончит.

Сказав так, он не оставил ей никакого выбора.

Она задействовала сюрприз полковника Нимейера.

*Из всех возможных неприятных неожиданностей
хуже всего угодить в ловушку собственного приготовления.
– анонимный автор, цитируется посмертно*

***Обсидиановый Остров, Черноозерный округ
Басолт
Префектура IV, Республика Сферы
2 марта 3133 года***

Бернард Джермейн умудрился нажать себе сразу двух врагов, старого и сравнительно нового. Старый враг, полковник Нимейер, ненавидел Бернарда также сильно, как любил родной Басолт. Я лично прочувствовал его любовь к родине ещё во время его первого нанесенного мне визита. Мне никогда даже не приходило в голову, что он может относиться к какому бы то ни было врагу планеты, о котором ему становилось известно, менее жестко, нежели он отнесся ко мне, и так и было. Он даже следил за нами одинаково, насколько позволяли имевшиеся в его распоряжении средства.

Это свело его с новым врагом Бернарда. Альба Долехайд совсем не оценила недостаток доверия, который ей продемонстрировали, поэтому она направилась прямо к Нимейеру. Она правильно рассудила, что Нимейер может спрятать её, пока все не утрясется. Она хотела увидеть, как Бернарда свалят – из личных соображений и потому, что для неё не было особым секретом, каким непотребным правителем он может стать.

Чтобы его притормозить, она даже сумела укрыть от Бернарда местоположение смешанного звена его собственных игрушек. После того, как конфронтация на Обсидиановом острове стала вопросом решенным, Нимейер набрал экипажи для этих машин и выдвинул их в джунгли прямо на запад от расстрельного поля. Поскольку охрану периметра обеспечивали люди Нимейера, все сообщения о контактах с ними были удалены из данных, направлявшихся Бернарду.

С Обсидианового острова полетели ракеты малой дальности, штопорами ввинчиваясь в воздух по направлению к целям. Они оставляли в броне выбоины, но подбить ни один мех не смогли. Люди Нимейера сосредоточили свой огонь на наёмниках Бернарда и остатках СОНа, не задевая ополченцев. Отстрелявшись ракетами, они попрятались за капонирами, предоставив экипажам танков и мехов возможность подрастратить боеприпасы и энергию на стены древней крепости.

Дальний обстрел звеном Альбы также достал наёмников, но произвел куда больший эффект. Она пилотировала «Арбалет» и её ракетный залп ударил в кормовую броню «Легионера». Ракеты вспороли корпус и поджарили боеукладку снарядов к автопушке. В итоге взрыв бросил гуманоидного меха вправо, где тот вцепился в «Арбалет» наёмников, стоявший рядом.

Бернард и его люди оказались перед необходимостью сделать непростой выбор. Хотя сам Бернард не боялся атаковать рыцаря Республики, под его началом были люди порассудительней, а были и совсем неразумные. Один полный энтузиазма и глупости пилот прыжковыми двигателями бросил своего «Хатчетмэна» в воздух. Задрав над головой свою дубину, он явно намеревался быстрым ударом заработать премию за голову Джанеллы.

Спокойно и хладнокровно Джанелла подала своего «Тундравульфа» назад и подняла правый манипулятор. Квартет средних лазеров с щелчком выбросил красный свет в летящий мех. Все, кроме одного ударили в правый локоть, испаряя броню и вгрызаясь в соединение. Титановые кости засветились красным, быстро перейдя к белому свечению, а потом размягчились. Предплечье и дубина плавно отделились и разбалансированный мех тяжело приземлился на левую

опору. Бедренный сустав треснул и бедро вонзилось в торс. Левый манипулятор и дымящаяся культя правого замолотили по воздуху и мех рухнул на спину. Он ударился о грунт, сотрясая землю и уверенность тех, кто думал, что эту премию получить будет легко.

Воины, бывшие ранее в подчинении Сивек, колебались, раздумывая, вступать ли в бой. «ДЖЕСы» Котфорда пошли вперед, надеясь, судя по всему, добиться расположения Бернарда. После появления бойцов Альбы за их позицией тактическая ситуация выровнялась, уравнив силы, брошенные против нас. Драка должна была быть честной.

Впрочем, ополчение Басолта снова нарушило равновесие. Как их командир позже заявил, Джанелла и я вступили в бой и защищали его людей и его планету. Может быть Бернард и имел право возражать против своего ареста, но приказ убить рыцаря Республики никак не мог рассматриваться в качестве корректных прений. Будучи вынужденными выбирать себе сторону, ополченцы выбрали нас и открыли беглый огонь, вынудивший «ДЖЕСы» повернуть назад.

Всё это произошло в течении каких-то пяти секунд, и я наблюдал происходившее с той же долей отстраненности, с какой смотрел головизионные драмы, пока был пленником Тейта. Я участвовал в бою, не сомневайтесь, но я словно был посторонним. Я знал, что так и должно быть, раз уж я – рыцарь-призрак.

Я также понял, что это неправильно.

Мой разум метнулся назад на кухню, где я помогал подавать еду. Квом говорил, что она превратится в морг, но я видел все иначе. Я видел концентрационный лагерь, набитый врагами Бернарда, исхудавшими и грязными, которых держали на случай, если у него возникнет блажь кого-нибудь прикончить. Он бы убивал без колебания, а в его правление этому примеру следуют другие. Его вирус будет заражать окружающих и этот прекрасный мир умрет.

Отстраненность и безразличие и впрямь были моим хлебом, но только в те времена, когда Республика была сильна и способна справиться с подобными проблемами мягкими методами. Моей работой было проводить расследования и находить решения, которые будут осуществлять другие. Проблемой сейчас было то, что Бернард стал силой, наращивавшей энтропию и единственным способом противостоять её было подать в систему ещё большее энергии.

Моей энергии.

Я обнаружил, что Бернард приобрел ещё одного врага: МЕНЯ.

Я повернул мои прицелы и навел их на очертания «Катапульты» Бернарда. Не колеблясь ни секунды, я запустил в него две стаи ракет, и он вернул мне мой подарок. Оба наших удара оказались тяжелыми. Мою кабину затопила волна тепла от пуска, а потом вокруг меня начали рваться его ракеты. «Призрак» затрясся, словно началось землетрясение, а взрывы звучали так, как будто я попал в эпицентр басолтской бури. Сверкало пламя и свистели осколки. В моей кабине завывала тревожная сигнализация, а на главном мониторе очертания моего меха после распыления брони окрасились из зеленого в желтый.

Мой «Мэд Кэт-III» зашатался, но мне удалось удержать его на ногах, несмотря на головокружение и пот, заливавший мои глаза. Хотя мой мех весил меньше, чем «Катапульта», вес залпа у меня был больше. Единственным моим уязвимым местом была несколько большая хрупкость «Призрака» по сравнению с мехом Бернарда. Как только вокруг меня развеялся дым, я повернул налево, двигаясь в опасной близости от бывшей группы Сивек.

Тыл порядков наёмников Бернарда подвергся очередному огневому налету со стороны звена Альбы. Её силы выдвинулись из тропического леса и следовали по диагонали по направлению к замыкающим в цепи Сивек, но огонь вели по наёмникам Бернарда. Намёк был совершенно ясен: не стоит помирать, если не хочется. То, что ополчение набросилось на своих бывших соратников, было явным признаком всеобщей нелюбви местных к наёмникам.

Бернард снова открыл по мне огонь, но мы оба двигались, поэтому половина его ракет не достигла цели, а остальные только сбили на землю несколько бронеплит. Моя месть выразилась в обстреле его лазерами, выжгшими последнюю броню на его левом бедре. Ещё чуть-чуть и он рухнет на землю.

Легче сказать, чем сделать. Он уже двигался на восток, в направлении батальона Сивек, не-

сомненно вынуждая их вступить в бой. При такой высокой скорости его движения мои шансы точно прицелиться в опору были невелики. Каждый шаг уносил его все дальше от меня, но если я буду его преследовать, то потеряю в точности за счет увеличения скорости ровно столько, сколько приобрету за счет приближения к цели.

В наушниках затрещал голос Джанеллы.

– Имейте в виду, что оказывая помощь Бернарду Джермейну вы также ставите себя под угрозу ареста силами Республики. Вам не удастся скрыться. Он не сможет вас спасти.

Я активировал микрофон.

– И не только: он уже сам погорел. Вы никогда не получите обещанного.

Я должен признать, что в наёмниках есть одна приятная деталь: они очень преданы самим себе и здорово разбираются в микроэкономике. Оба СМ1 развернули свои башни и дали залп, но не в Бернарда. Снаряды их автопушек пережевали два «ДЖЕСа». Оставшаяся часть старого батальона Сивек также сосредоточилась на наёмниках Бернарда, поставив их в позу «О боже, ну почему именно я?» между молотом Альбы и наковальней ополчения.

Бернард помчался по направлению к лесу, пытаясь спастись. Я ударил по двум клавишам на пульте связи и направленным лучом бросил ему:

– Неужто голубая кровь Джермейнов стала кровью трусов, Берни? Или ты настолько глуп, чтобы решить, что если сейчас сбежишь, то сможешь рассчитывать на реванш? Тейт уже ничего не сможет – я об этом позаботился – и тебе тоже не удастся.

Я не знаю, привели ли его в ярость мои слова, или он узнал мой голос, но он развернул свой мех ко мне лицом и из под его опор брызнули искры. Пусковые установки РДД на плечах меха выплюнули огонь. Может быть злорада его оглупила, но она также дала ему возможность сосредоточиться. Хотя моя противоракетная система жалобно завывала и подстрелила несколько ракет, залпы Бернарда все равно безошибочно врезались в «Призрак», начисто оторвав правый манипулятор.

Взрывы зашатали мех. Я наклонился влево или, правду сказать, меня перекосило в эту сторону ударом. Мой рот заполнили пот и кровь от прикушенного языка. Борясь с управлением, я умудрился удержать мою стальную кошку прямо, после чего сместил левую опору вперед и навел мои прицелы на его мех. Берни стоял, в минуту, как ему казалось, триумфа, рослый, внушительный и импозантный, и его мех как бы копировал его позу на нашей последней встрече.

Золотые точки на моих прицелах загорелись красным.

Мои ракеты мелькнули, связав меня с ним дымными шнурами. У него не было противоракетной защиты, но мою атаку не смогла бы остановить и лучшая защита в мире. Его неподвижность, его самонадеянность, дали мне куда лучшую цель, чем ему бы хотелось. Ракеты, спрыгнув с моих направляющих, спикировали вниз и все вонзились в его «Катапульту».

Мех Бернарда потерял всю броню на левом бедре. Хотя не все мои ракеты попали именно туда, из сорока их было достаточно. Взрывы прогрызли себе путь в миомерную мускулатуру. Они обрубили ферротитановые кости, разламывая их на большие куски, скручивая и изгибая их следующими взрывами. «Катапульта» всей своей шестидесятипятитонной массой осела на левую сторону, где рвались и визжали кости. Голень подогнулась и мех завалился влево.

Он тяжело упал на пусковую, которая взорвалась и взрыв почти перебросил мех на правый бок. Я со злорадством представлял, как до этого парила от восторга душа Бернарда. Он ведь уже считал, что держит победу в руках.

Он цеплялся за эту мысль как утопающий цепляется за соломинку.

Не помогло. «Катапульта» рухнула на спину и планы Бернарда рухнули вместе с ней.

Я улыбался, наблюдая, как дым окружает искореженный мех.

Прекратив огонь, бывшая группа Сивек стала наёмным подразделением под командованием Кима Кнутсона – пилота «Пакхантера». Они называли себя «Рейнджерами Кнутсона» и соизволили принять стотысячную премию за сдерживание сил Бернарда – которую я заплатил им из денег, выигранных мной в казино Эмблина. Я думаю, что они собирались убраться с Басолта

на своих машинах и предложить свои услуги в качестве наёмников, в течении, как им представлялось, грядущих темных времен. Джанелла заявила им на это, что ничего подобного не случится, так как они участвовали в попытке свержения законного правительства.

Правительство Басолта выступило с предложением отработать десять лет на государство в обмен на полное прощение. «Рейнджеры» и их снаряжение были зачислены в ополчение Басолта, что значительно его усилило. Многие из них, кто не были гражданами, смогут ими стать ещё до того, как отработают свой срок. Многие это оценили, хотя одному или двоим, кто не думал, что Республика долго продержится, это не понравилось.

Это предложение и всеобщая амнистия, хорошо послужившие делу всеобщего примирения на планете, были творением нового правительства. Граф Гектор поправился после ранения, но он уже не был человеком того здоровья, что раньше. Ему пересадили сердце, породив много слухов, что де он на самом деле умер в больнице, но его вытащили с того света реаниматологи. Другие полагали, что предательство сына ранило его куда больше лазерного луча.

Я пришёл к заключению, что пока Бернард пытался подсидеть своего папашу, Бьянка полностью встала на сторону родителя. Если верить новостям, то все, кому Бьянка помогала, смогли поправить свои дела и присылали на имя её отца поздравительные открытки, цветы и даже деньги. Количество людей, донимавших её расспросами о том, как она себя чувствует, было огромным и наконец, хотя бы раз, средства массовой информации не смогли преувеличить масштабы события.

Бьянка, по просьбе отца, приняла на себя руководство Басолтом и немедленно начала использовать свои связи, чтобы успокоить страхи, организовать помощь пострадавшим и ещё более углубить её прежние усилия. Люди объединялись вокруг неё и на Басолт снова снизошёл мир, который планета когда-то знала.

Управлению Общественной Безопасности удалось повязать Цыгана и, под небольшим давлением, он начал заливаться соловьем насчет своих делишек на Басолте и за его пределами. Республиканские аналитики до сих пор изучают стенограммы его допросов, извлекая из них полезную информацию. Если верна хотя бы десятая часть из его показаний, то собиравшиеся тучи будущих политических бурь действительно могли разорвать Республику. Некоторые отмахнулись от его утверждений, как от домыслов, но, судя по тому, что я видел на Хелен и Басолте, я боюсь, он мог бы рассказать даже больше.

Его показаний оказалось достаточным, чтобы осудить Олдрингтона Эмблина по множеству пунктов обвинения в государственной измене. Биржевые индексы акций корпорации Ринга рухнули немедленно, устроив катастрофу для людей, сделавших в неё инвестиции. Благотворительный фонд Бьянки организовал помощь людям, оказавшимся на мели, которая была профинансирована на пожертвования двух смысленных индивидуумов, скупивших к тому же значительную часть акций Эмблина. На пути в гостиницу из больницы я прикупил миллион акций и посоветовал Квому сделать так же. Он приобрел два миллиона: «Если я получаю настолько хороший совет, я следую ему дважды».

Джек-пот отхватил Джейкоб Бенсон, скупивший владения Эмблина по бросовой цене. Он гарантировал, что рабочие места сохранятся и что он найдет способ оповестить всю Внутреннюю Сферу о том, какой Басолт замечательный курорт. С его стороны это был блестящий и быстрый ход, ведь он не только спас экономику Басолта и проник на ранее закрытый для него сектор рынка, но и на всем Басолте теперь никто о нем ничего кроме самого лучшего не думал. Он за свои деньги прикупил немало человеческой верности и я побаивался того, как он может ею распорядиться.

Моё беспокойство было основано на моей совершеннейшей уверенности, что одним из зачинщиков всех этих событий был именно Бенсон. Данные, найденные у Изабель Сивек показали, что она получила миллион стоунов за переход на сторону Бернарда, а у Бернарда таких деньжищ не водилось. Кто-то купил ему подарок. Я был убежден, что этот кто-то была бесследно исчезнувшая Элли. Она подставила меня под убийство или арест той ночью во время рейда на станцию номер 8: если бы я не погиб там, Цыган решил бы, что сведения полученные

от неё, я передал Бернарду и организовал бы мою ликвидацию. Поскольку я был смягчающим фактором в событиях, то моё устранение должно было резко ускорить процесс, и до меня дошло, что она стравливала обе стороны друг с другом, а хорошо нажился на этом определенно Бенсон.

Мои измышления насчет Бенсона не попали в печать, в основном потому, что местный летописец измен и злодейств придерживался очень высоких стандартов изложения материала. Вооружившись эксклюзивными интервью, полученными у рыцаря Республики, полковника Нимейера, Кима Кнутсона, графини Бьянки Джермейн и таинственного и очень хорошо осведомленного лица, подробно изложившего ему всю подноготную тайной войны за власть над Басолтом, Квом возвысился от жизненных описаний и кулинарных обзоров до тончайшего журналистского расследования. Его истории, хорошо написанные, а потом даже лучше поданные, когда он начал вести документальный сериал на головидении, принесли ему очень уважаемое положение в обществе, которого он никогда не ожидал.

В чем ещё было приятно работать с Квомом, было то, что нам удалось убить и похоронить для истории Сэма Донелли. Доказательства вины Бернарда в измене оставили в тени второстепенный пункт обвинения о предумышленном убийстве Сэма. Когда-нибудь я навещу его и Обсидиановый остров. У него будет много времени. Интересно, захочется ли ему сыграть в карты?

Как говорят, все хорошо, что хорошо кончается, а война для Басолта кончилась хорошо. Количество пострадавших было минимальным, масштаб ущерба тоже. Но оставалось ещё одно незаконченное дело, которым следовало заняться. Хотя я смотрел передачу из бара на Хелен, я усмехнулся, глядя, как новопосвященный странствующий рыцарь Республики Никодим Нимейер и его советник Альба Долехайд – откомандированная в его распоряжение после мобилизации в «Похоронный марш Стоуна» из запаса – арестовали Икабода Рейса.

Когда Цыган запел, в событиях на Хелен многое сильно прояснилось. Рейс нанял Цыгана организовать небольшую террористическую группу, чтобы население передало Рейсу больше власти. В наши беспокойные времена после выхода из строя сети гиперимпульсной связи этот план сработал идеально.

Энди Харнесс повернулся на табуретке у барной стойки и усмехнувшись ткнул пальцем в сторону головизионного экрана.

– Нет, ты можешь в это поверить, Сэм? Он наконец получил, что ему причиталось. Ведь он считал себя неуязвимым, а они его взяли. Видно, во вселенной есть ещё какая-то справедливость.

– Есть-таки. – Я хотел было сказать ему, что следующей задачей Нимейера было отыскать его, Энди, опросить и вручить круглую сумму, равную причитавшейся ему пенсии, которую у него украли, но это было не моё дело. Я бы хотел, чтобы Нимейер сфотографировал его лицо. Я хотел бы посмотреть на выражение лица Энди, но для Сэма Донелли пришло время наконец исчезнуть.

Я послал по столу десятистоуновую монету и показал на кружку Энди.

– Продолжай наполнять на все. – Я соскользнул со стула и хлопнул его по спине. – Бывай, Энди. Живи хорошо.

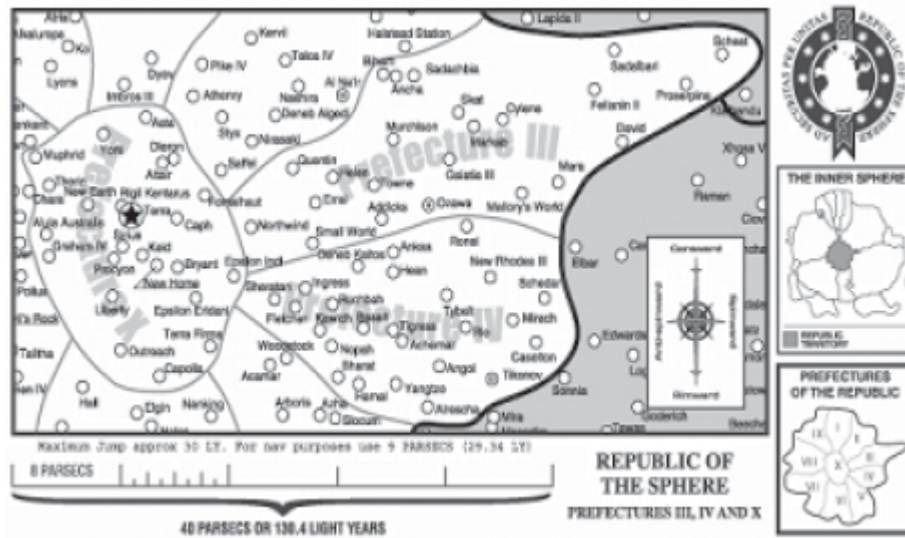
Он посмотрел на меня.

– Не говори так, Сэм. Звучит так, как будто я тебя уже не увижу, будто ты покойник или ещё что.

– Истина в вине, а в пиве – немерянная сила интеллекта. – Я ухмыльнулся и повернулся к двери. – Я – покойник, Энди. Ты меня больше не увидишь.

– Увижу, Сэм. – Мужчина поднял наполненную кружку в салюте. – Ты появишься. Ты же не похож на призрака.

Нет, дружище, не похож, и именно поэтому, я – призрак и есть.



ПЕРСОНАЖИ, УПОМИНАЕМЫЕ В РОМАНЕ

Полковник Нимейер:



Консуэла Дагмар (в молодости, скорее всего):



Катана Тормарк:



МЕХИ И ТЕХНИКА, УПОМИНАЕМЫЕ В КНИГЕ (ВНЕШНИЙ ВИД, ИХ ТТХ НЕИЗВЕСТНЫ)

Mad Cat III



Tundra Wolf



Jupiter



Centurion



Catapult



Black Hawk



Firestarter



Pack Hunter



Hauberk Battle Armor



Ryoken 2



Arbalest



Shandra scout vehicle



Legionnaire



Demon medium tank



Condor tank



Scimitar MKII

